

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

**Международная научно-практическая конференция
(7 ноября 2024 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1633-8

УДК 343.1
ББК 67.410.2
У26

Рецензенты:

главный эксперт 2-го отдела (нормативно-правового обеспечения)
Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите
МВД России кандидат юридических наук **В. В. Шишов**;
старший научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке
комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России кандидат юридических наук **О. Л. Подустова**

Составитель *П. О. Панфилов*

У26 Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : Международная научно-практическая конференция, 7 ноября 2024 г. : сборник научных трудов / [сост. П. О. Панфилов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 469 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1633-8

В сборнике представлены научные труды участников Международной научно-практической конференции, состоявшейся 7 ноября 2024 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На конференции обсуждались следующие вопросы: особенности реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве России и зарубежных государств; формы (источники) уголовно-процессуального права России и зарубежных государств; законность, обоснованность и мотивированность решений уполномоченных органов и должностных лиц; свойства доказательств и требования, предъявляемые к доказательствам; соотношение истины и законности при производстве по уголовным делам; роль и значение судебного контроля и прокурорского надзора в реализации принципа законности; соотношение публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных государств; проблемы обеспечения принципа законности при производстве по уголовному делу в условиях военных конфликтов; реализация принципа законности в условиях цифровой трансформации; особенности международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Сборник может оказаться полезным для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства. Высказанные участниками предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Табунова Е. А.*

Подписано к изданию 10.02.2025
Объем издания: 3766 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.pf>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	12
Раздел I. Актуальные проблемы обеспечения законности в уголовном судопроизводстве	
<i>Гриненко А. В.</i> О действии уголовно-процессуального закона во времени.....	15
<i>Ковтун Н. Н.</i> Правосознание – закон – правоприменение: три источника, три составных части идеи законности.....	19
<i>Мичурина О. В., Мичурин В. С.</i> От соблюдения благочиния до соблюдения закона: взгляд сквозь время на принцип законности в уголовном судопроизводстве	27
<i>Бородинова Т. Г.</i> Законность как свойство приговора	32
<i>Бурмагин С. В.</i> Соотношение требований обоснованности и мотивированности уголовно-процессуальных решений.....	37
<i>Мальшева О. А.</i> Законность разрешения следователем ходатайства обвиняемого о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.....	43
<i>Миронова А. В.</i> Устранение пробелов и иных недостатков в уголовно-процессуальном законодательстве как условие обеспечения законности	49
<i>Есина А. С., Чиковани М. А.</i> Толкование нормы закона как условие, обеспечивающее соблюдение принципа законности в деятельности следователя.....	52
<i>Алонцева Е. Ю.</i> Реализация принципа законности при производстве следственных действий.....	56
<i>Валов С. В.</i> Превентивные меры обеспечения руководителями законности процессуальной деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации.....	58
<i>Заливин А. Н., Рыжаков А. П.</i> Специфика реализации принципа законности по фактам нарушения авторских прав (ст. 146 УК РФ) в условиях цифровой трансформации	66

Сопнева Е. В.

Вопросы понимания и обеспечения законности подозрения:
постановка задачи..... 70

Храмцова В. В.

Проблемы обеспечения принципа законности при производстве
следственных действий в условиях специальной военной операции..... 76

Нуркаева М. К.

Направления по совершенствованию механизма реализации
принципа законности при производстве по уголовному делу 81

Назарова М. Д.

Тезисно о проблемах реализации принципа законности
в уголовном судопроизводстве на примере
наложения ареста на имущество..... 86

Иванова М. И.

К вопросу об особенностях процессуального контроля за законностью
и обоснованностью действий и решений дознавателя
при производстве дознания в органах внутренних дел..... 89

Ильяшевич Т. А., Емельянова Н. Ю.

Реализация принципа законности при производстве дознания
в сокращенной форме 92

Коновалова М. А.

Законность, обоснованность и мотивированность решений,
принимаемых должностными лицами при избрании мер пресечения 96

Нгуен Тхи Минь Тхуи

Отражение норм Конвенции против пыток и других жестоких,
бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения
и наказания Организации Объединенных Наций
в уголовно-процессуальном законодательстве Вьетнама..... 100

Никитин В. И.

Законность и определение обстоятельств, подлежащих доказыванию,
в досудебных стадиях уголовного судопроизводства 104

Раздел II. Актуальные проблемы досудебного и судебного производства по уголовному делу

Тисен О. Н.

Доказывание преступлений диверсионной направленности:
по материалам судебной практики 111

Васяев А. А.

Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве
с использованием цифровых технологий 119

<i>Османова Н. В.</i> О зарождении и развитии научной мысли об уголовном преследовании в российском законодательстве	127
<i>Ермаков С. В.</i> Методика составления процессуальных документов в досудебном производстве	133
<i>Угольников Н. В., Платонова Е. И.</i> Публичные начала как назначение уголовного процесса	138
<i>Камчатов К. В.</i> Пределы и возможности установления истины в процессе доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением	141
<i>Лаврова О. Н., Селедников Н. В.</i> Некоторые практические аспекты реализации правового института иммунитета свидетеля в ходе досудебного производства по уголовным делам	145
<i>Макаренко М. А.</i> Правовые модели уголовно-процессуального управления в правовом пространстве Содружества Независимых Государств	148
<i>Дармаева В. Д.</i> Процессуальный статус потерпевшего в контексте позиции Конституционного Суда Российской Федерации	151
<i>Жамкова О. Е.</i> Малозначительность деяния как законное основание для отказа в возбуждении уголовного дела	157
<i>Павловец Г. А.</i> Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте восемнадцати лет, требует совершенствования	161
<i>Посельская Л. Н.</i> Цифровые доказательства – право на существование	165
<i>Федюкина А. Ю.</i> Соотношение процессуальных полномочий отдельных должностных лиц органов дознания при производстве неотложных следственных действий	169
<i>Шаров Д. В.</i> Полномочия должностных лиц и государственных органов как средство удовлетворения законных интересов	173
<i>Власов П. Е.</i> Актуальные направления имплементации современных технологий в уголовное судопроизводство	179

<i>Ламтева А. В.</i> Смешанный тип уголовного процесса как отражение идеи дифференциации видов уголовного преследования.....	184
<i>Головачук О. С.</i> Проблемы и перспективы производства по уголовным делам частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Казахстан	190
<i>Гольцов А. Т., Соболев А. В.</i> Процессуальное оформление обыска при наличии разрешения суда на его проведение: проблемы теории и практики.....	194
<i>Григорьев Д. А.</i> Какую истину следует установить в уголовном процессе?	204
<i>Муратова Э. Ю.</i> Особенности исследования и оценки доказательств, полученных в рамках взаимной правовой помощи	209
<i>Нгуен Ань Туан</i> Генезис и развитие принципа обеспечения права обвиняемого на защиту в законодательстве Вьетнама.....	215
<i>Панфилов П. О.</i> Борьба с преступностью: международное сотрудничество или соперничество	220
<i>Сейфетдинова Е. И.</i> Уголовно-правовая характеристика преступлений, посягающих на установленный порядок обращения огнестрельным оружием и боеприпасами (предмет доказывания по преступлениям, посягающим на установленный порядок обращения огнестрельным оружием и боеприпасами).....	225
<i>Соколова М. В.</i> Наложение ареста на ценные бумаги в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения.....	230
<i>Соловьев С. А.</i> Соотношение частных и публичных интересов применительно к институту стороны в уголовном судопроизводстве	233
<i>Као Ан Ханг</i> О значении доказательств, собранных защитником в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Вьетнама.....	239
<i>Нгуен Дык Шон</i> Права потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в соответствии с законодательством Вьетнама.....	243
<i>Нгуен Тхи Тхуи</i> Право на молчание и его связь с принципами уголовно-процессуального права Вьетнама.....	247

До Бао Льем

Процессуальный статус обвиняемого в уголовном процессе Вьетнама 251

Чан Тхи Вьет Ха

Меры пресечения в уголовном процессе Вьетнама..... 255

Хо Хоанг Жанг

Правовые особенности задержания лиц
в условиях чрезвычайной ситуации 259

Ендольцева А. А., Карпов А. Р.

Соотношение заключения эксперта с заключением специалиста
в процессе доказывания по уголовному делу..... 264

Зубарев А. А., Вендиктов М. И.

Оценка допустимости доказательств, полученных за рубежом
при исполнении запросов об оказании правовой помощи..... 268

Маламагамедова А. Р.

Некоторые вопросы правопреемства в уголовном процессе..... 273

Яковлева К. Ю.

Специфика собирания доказательств по уголовному делу
из облачного хранилища..... 277

Афанасьева Е. Ю.

Укрепление международного сотрудничества
в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием
информационно-коммуникационных технологий и в сфере
компьютерной информации 282

Большаков К. А.

Свойства электронных доказательств и требования,
предъявляемые к электронным доказательствам, собираемым
при расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях 290

Шутемова Т. В.

О проблемах доказательств,
получаемых в ходе доследственной проверки
сообщения о преступлении 294

Степырева А. М.

Вопросы правового регулирования передачи уголовных дел
при производстве дознания 297

Раздел III. Трибуна молодого ученого

Азанова А. А.

Роль суда при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции 300

Барабанова А. А.

Процессуальный порядок допроса: законодательная регламентация
в эпоху царствования Петра I..... 304

<i>Безруков Г. Е.</i> Домашний арест: зарубежный опыт и перспективы развития в Российской Федерации	309
<i>Беленкова А. А.</i> Реализация принципа законности в условиях цифровой трансформации: вызовы и перспективы	312
<i>Будкин К. А.</i> Уголовно-процессуальный аспект участия иностранного гражданина в качестве потерпевшего или свидетеля	315
<i>Васин И. А.</i> Причины и последствия ненадлежащего информирования участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования	318
<i>Ву Тхи Тхуи</i> Особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних в соответствии с законодательством Вьетнама	322
<i>Волкова Г. А.</i> Реализация положений статьи 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по привлечению к административной ответственности за умышленное невыполнение требований следователя, по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.....	327
<i>Дорофеев И. В.</i> К вопросу о восстановлении утраченных уголовных дел или их материалов	332
<i>Ефимов Е. В.</i> Результаты налогового контроля как средства доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях	337
<i>Звонарева Ю. И.</i> Законность прекращения уголовного преследования по ранее приостановленному предварительному расследованию	342
<i>Исакин В. В.</i> Признание доказательств недопустимыми при производстве дознания в сокращенной форме: оценка рисков и способы их преодоления	348
<i>Калинина О. О.</i> Особенности реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве России	354
<i>Кияева Е. Ю.</i> Доказательственное значение заключения эксперта в уголовном процессе.....	358

<i>Косолапова К. С.</i> Реализация государственной политики в отношении предпринимателей: современное состояние и проблемные вопросы	362
<i>Кривенцов Н. М.</i> Электронные процессуальные документы в досудебном производстве по уголовному делу	366
<i>Крюченкова А. А.</i> Соблюдение принципа законности при использовании искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве	371
<i>Лисова А. В.</i> Перспективы и проблемы внедрения института медиации в уголовное судопроизводство.....	375
<i>Лукашенко П. П.</i> Обеспечение принципа презумпции невиновности в рамках реализации законности уголовного судопроизводства.....	380
<i>Макаров Д. А.</i> Понятие и виды доказательств по уголовным делам	384
<i>Макарова С. А.</i> Реализация принципа законности в уголовном судопроизводстве России.....	388
<i>Максимов Н. Р.</i> Актуальные проблемы международного сотрудничества при собирании доказательств в досудебном уголовном производстве	392
<i>Мулинов Д. А., Филиппова И. И.</i> Цифровая трансформация в процессе расследования преступлений.....	397
<i>Мухамадеев Д. А.</i> Проблемы обеспечения законности при оформлении следователем процессуальных действий и решений по уголовному делу	401
<i>Павлов В. Ю.</i> К вопросу о сроках признания объектов материального мира вещественными доказательствами	406
<i>Платонов В. В.</i> Надлежащая фиксация следователем электронных доказательств по уголовному делу в досудебном производстве	410
<i>Савинкин Ю. А.</i> Проблемы применения правила Миранды в России	414
<i>Сиворакша В. В.</i> Мотивированность постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении	418

<i>Сливинская Н. Ю.</i> Правовое регулирование международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в Республике Уганда.....	421
<i>Сологубов А. Ю.</i> Подача и рассмотрение обращений в досудебном уголовном судопроизводстве: проблемы смешения и подмены производств	427
<i>Старкова Ю. Н.</i> История возникновения следственных действий на основании судебного решения	432
<i>Сучкова Е. А.</i> Проблемы использования доказательств при расследовании неправомерного оборота средств платежей	435
<i>Тимофеева В. Д.</i> Признание вины как основание для производства дознания в сокращенной форме	439
<i>Тютерева Ю. С.</i> Дистанционный порядок производства по уголовному делу: от идеи до законной реализации	443
<i>Федюкина Е. И.</i> Особенности назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы по делам о применении принудительных мер медицинского характера.....	447
<i>Цалковский А. В.</i> Проблемы производства следственных действий на территориях проведения специальной военной операции.....	451
<i>Черкасова Ю. А.</i> Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства в период правления Петра I и в настоящее время.....	454
<i>Чихачева Я. И.</i> Права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и как их не нарушить.....	457
<i>Шепелин И. В.</i> Правовая природа письменных указаний в уголовном процессе России	462
<i>Шолина А. В.</i> Законность как фундаментальный принцип уголовного процесса: концепция и современные дискуссии	466

ПРЕДИСЛОВИЕ

7 ноября 2024 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кафедрой уголовного процесса была организована XIV Международная научно-практическая конференция «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития».

В 2024 г. отмечалось 300-летие возникновения «Зеркала Петра Великого» или «Зеркала закона», которое представляло собой трехгранную призму, выставленную во всех государственных учреждениях Российской империи, на гранях которой были размещены Указ от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских», Указ от 21 января 1724 г. «О соблюдении благочиния во всех судебных местах судьями и подсудимыми, и о наказании за бесчинство», Указ от 22 января 1724 г. «О важности Государственных уставов и о неотговорке судьям неведением Законов, по производимым делам под опасением штрафа». Они гарантировали полный приоритет закона в деятельности государственных органов и должностных лиц, обеспечили формирование нового правового пространства, на котором закон и реализация принципа законности признавались основой государственной власти и правопорядка.

Зерцало с демонстрируемыми на нем указами вплоть до 1917 г. являлось символом государственной власти и законности. В связи с этим Международная конференция была посвящена актуальным проблемам законности в уголовном судопроизводстве. В ней приняли участие видные отечественные исследователи в сфере уголовно-процессуального права, представители различных научных школ России и других государств.

В приветственном слове заместитель Директора Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) от МВД России кандидат социологических наук генерал-майор полиции Эдуард Васильевич Деревянко подчеркнул значимость международного взаимодействия при противодействии преступности, а также отметил роль Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений.

В ходе конференции заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Олегом Александровичем Зайцевым, главным научным сотрудником центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заведующим кафедрой уголовного, уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, вице-президентом Международного союза криминалистов и криминологов, были обозначены актуальные аспекты развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации.

В свою очередь заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник МВД России, доктор

юридических наук, профессор Борис Яковлевич Гаврилов, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, обозначил особую актуальность обеспечения законности, обоснованности и мотивированности решений следователя, дознавателя, органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела.

Роль прокурора в обеспечении законности судебных решений по уголовным делам была обозначена заслуженным юристом Российской Федерации, почетным работником прокуратуры Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Александром Германовичем Халиулиным, заведующим кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации.

Оживленные дискуссии в зале вызвали доклады выступавших по видео-конференц-связи доклады доктора юридических наук, профессора Александра Викторовича Победкина, начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, и доктора юридических наук, профессора Николая Николаевича Ковтуна, профессора кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

С докладом, посвященным актуальным проблемам законодательной терминологии в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений выступила присутствующая очно на конференции доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан Надежда Георгиевна Муратова, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

В своем ярком выступлении доктор юридических наук, профессор Сергей Борисович Россинский, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, поднял актуальные проблемы соотношения законности производства по уголовному делу и правил уголовно-процессуального делопроизводства, чем вызвал оживленную дискуссию, ответил на заданные вопросы от представителей адвокатского сообщества.

Участниками конференции были затронуты и другие проблемы законности в уголовном судопроизводстве: формы (источники) уголовно-процессуального права России и зарубежных государств; свойства доказательств и требования, предъявляемые к доказательствам; роль и значение судебного контроля и прокурорского надзора в реализации принципа законности; соотношение публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных государств; проблемы реализации принципа законности в условиях цифровой трансформации; особенности международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Представляется, что опубликованные материалы конференции имеют научную и прикладную ценность и будут интересны как представителям научно-педагогического сообщества, так и правоприменителям, молодым ученым и исследователям, слушателям, курсантам и студентам юридических вузов.

Организаторы конференции – кафедра уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя признательны участникам за поддержку заявленной тематики и приглашают продолжить обсуждение научных и практических проблем уголовного процесса в ноябре 2025 г. в рамках XV Международной научно-практической конференции.

*Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*

*Панфилов П. О.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

РАЗДЕЛ I.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гриненко А. В.¹,

профессор кафедры уголовного права,

уголовного процесса и криминалистики

Московского государственного института

международных отношений (университета)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

Как известно, действующим законодательством регулируются не все без исключения, а лишь наиболее важные общественные отношения, от нормального протекания которых зависит стабильность общества и государства. Поскольку уголовное судопроизводство регламентирует порядок одного из наиболее важных видов государственной деятельности, оно строго регламентировано соответствующим видом норм, составляющих в своей совокупности уголовно-процессуальное право.

В отличие от уголовного закона (п. 57 ст. 5 УПК РФ), понятие «уголовно-процессуальный закон» в статье, закрепляющей основные категории, не предусмотрено.

Поэтому при определении нормативной правовой базы уголовного судопроизводства следует принимать руководствоваться правилами ст. 1 УПК РФ, где указано, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации, и также определенным образом применяются положения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Правила, касающиеся действия уголовно-процессуального закона во времени, закреплены в ст. 4 УПК РФ. В ней, в частности, указано, что по общему правилу применяется именно тот уголовно-процессуальный закон, который действует во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения. Особенности возникают в определенных случаях, прямо наличествующих в УПК РФ (как правило, они появляются на определенные промежутки времени).

Весьма обстоятельно этот вопрос осветила Е. В. Цветкова. Вместе с тем позволим себе выразить несогласие с ее утверждением о том, что отсутствие обратной силу уголовно-процессуального закона означает, что по одному и тому же уголовному делу нельзя дважды провести некоторые следственные действия (например, обыск, выемка, опознание) [5, с. 105]. С одной стороны, это действительно так, ведь эти действия, как правило, проводятся внезапно, кроме того,

¹ © Гриненко А. В., 2025.

в их ходе изымаются индивидуально-определенные материальные объекты. Однако, с другой стороны, при определении обратной силы уголовно-процессуального закона принимаются во внимание не эти обстоятельства, а то, имеет ли новый закон обратную силу, а это зависит от того, ухудшает или улучшает он положение лица, находящегося в определенных правоотношениях.

В отличие от уголовного закона (УК РФ), который более статичен, в законе уголовно-процессуальном его действие во времени определено более динамично, оно накладывается на производство по конкретному уголовному делу и, более того, на время производства конкретного следственного действия или принятия процессуального решения.

В данном случае то, какое уголовно-процессуальное правило подлежит применению, зависит не столько от продолжительности периода (производства следственного действия или принятия процессуального решения), но и от того, в какую сторону – улучшающую или ухудшающую положение вовлеченного в процесс лица – было принято изменение.

Классическим примером может послужить случай, когда в период действия УПК РСФСР вначале защитник предоставлялся обвиняемому лишь на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, а затем это стало возможным и при наделении лица процессуальным статусом обвиняемого. В данном случае всем лицам, которые уже находились в процессуальном статусе обвиняемого, но досудебное производство в отношении которых еще продолжалось, должно было быть разъяснено право пользоваться помощью защитника и при наличии ходатайства он должен был предоставляться.

Еще один интересный пример связан с подсудностью уголовных дел. Поскольку предполагалось, что суд в составе председательствующего и трех народных заседателей более справедливо рассматривает уголовное дело, чем федеральный судья единолично, уже в период действия УПК РФ в России в определенных местностях проводился дополнительный набор народных заседателей.

Определенный случай стал предметом обсуждения Конституционного Суда Российской Федерации. Так, по уголовному делу, которое вначале расследовалось в соответствии с УПК РСФСР, а затем рассматривалось в порядке, установленном УПК РФ, гражданин К., находившийся в статусе осужденного, в 2007 г. обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой, в которой в числе прочего было оспорено применение судом положений УПК РФ, а не УПК РСФСР в части, касающейся правил признания доказательств допустимыми, если изначально они были получены в соответствии с УПК РСФСР.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации справедливо не принял данную жалобу к рассмотрению, указав, что ст. 4 УПК РФ закрепляет лишь общие правила действия уголовно-процессуального закона во времени и не устанавливает каких-либо предписаний, непосредственно определяющих возможность использования при постановлении приговора тех или иных доказательств и тем более позволяющих основываться при принятии процессуальных решений по уголовному делу на доказательствах, полученных с нарушением закона [1]. Таким образом, если общее правило о допустимости доказательств со-

блюдено, то само по себе различие в использовании конкретных правовых инструментов не свидетельствует о невозможности их использования в процессе доказывания.

Сходные правила применяются и при производстве в судах общей юрисдикции.

Так, 28 июня 2002 г. на этапе предварительного слушания обвиняемые К. А., М., а также В. подтвердили свои ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных, но судья назначил дело к рассмотрению в составе судьи и двух народных заседателей на 10 июля 2002 г.

Однако судьей не было учтено, что с 1 июля 2002 г. в соответствии со ст.ст. 217, 325 УПК РФ дело надлежало рассматривать судом присяжных, и, назначая его к слушанию в период действия нового закона, следовало руководствоваться положениями УПК РФ.

У обвиняемых по настоящему делу К. А., М. и В. возможность реализации этого права появилась с 1 июля 2002 г. и в судебном заседании, назначенном на 10 июля 2002 г., дело надлежало рассматривать с участием присяжных заседателей [3].

В настоящее время при производстве в суде с участием присяжных заседателей возникла аналогичная ситуация.

Так, в производстве Верховного Суда Республики Марий Эл находилось уголовное дело по обвинению гр-на Х. в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии), дело рассматривалось судом с участием присяжных заседателей.

На основании оправдательного вердикта присяжных заседателей председательствующим был постановлен оправдательный приговор, однако по представлению прокурора он был отменен судом апелляционной инстанции по формальным основаниям.

Когда уголовное дело было возвращено в суд первой инстанции, прокурор обратился в этот суд с представлением и дело было возвращено ему в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения недостатков, а затем материалы были переданы следователю.

После устранения недостатков при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ лицу не было разъяснено об имеющемся у него праве на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей. Сторона обвинения аргументировала данный отказ тем, что в период нахождения уголовного дела в суде после отмены первоначального приговора был принят закон, которым обвинение по ст. 210.1 УК РФ было выведено из-под подсудности присяжных заседателей [4].

По нашему мнению, при установлении данного порядка органами прокуратуры было допущено нарушение ст. 4 УПК РФ, поскольку на момент введения данного правила, ограничивающего право подсудимого на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, дело находилось в суде. При возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ вид подсудности, ранее заявленный подсудимым, изменяться не должен.

Дополнительным подтверждением нашему тезису служит позиция, выработанная Верховным Судом Российской Федерации касательно установления порядка уголовного судопроизводства при его изменении, если к этому времени уголовное дело находится в суде.

Так, со ссылкой на ст. 4 УПК РФ указано, что вопрос о форме судопроизводства не связан с моментом совершения преступления и зависит исключительно от того, принято ли судьей процессуальное решение о назначении судебного заседания на момент вступления соответствующего федерального закона (об изменении формы судопроизводства) в законную силу [2].

Следовательно, если на момент вступления в силу федерального закона, изменившего форму судопроизводства, уголовное дело находилось в суде с назначенным судебным заседанием, то уголовно-процессуальный закон, изменяющий первоначальную форму (суд с участием присяжных заседателей) на форму с меньшим объемом прав подсудимого (суд в составе трех профессиональных судей) не применяется.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 г. № 481-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карачакова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 4, частью третьей статьи 376, пунктами 1 и 2 части второй статьи 386, частью третьей статьи 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

2. Ответ на вопрос о порядке рассмотрения уголовных дел о тяжких преступлениях после вступления в законную силу Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 июня 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 9. С. 31.

3. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2003 г. № 273п03пр // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

4. Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 25. Ст. 4405.

5. Цветкова Е. В. К вопросу о действии уголовно-процессуального закона во времени // Современное право. 2018. № 10. С. 105–108.

Ковтун Н. Н.¹,
*профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВОСОЗНАНИЕ – ЗАКОН – ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТРИ ИСТОЧНИКА, ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ ИДЕИ ЗАКОННОСТИ

Предмет и ограниченные рамки работы однозначно исключают любые «порывы» к детальному обсуждению всего круга проблем, связанных с точным теоретическим осмыслением, оптимальным нормативным закреплением и рациональным практическим воплощением идеи законности в текущей судебно-следственной практике. Да, скорее всего, в этом не будет потребности, ибо, как представляется, и в научных дискуссиях, и в итоговых докладах участников конференции неоднократно и акцентировано будет обоснован тезис о том, что только строгое, точное, неуклонное следование букве закона в состоянии обеспечить искомое состояние законности и оптимальное функционирование правового государства и общества. Изначально отказываясь от подобного рода «фантазий», сразу выскажем несколько крамольную мысль: в ряде случаев, опираясь на наличное правосознание, точно и неуклонно следовать букве закона однозначно не надо. Поясним, на отдельных примерах:

– часть 1 ст. 2 УПК РФ: производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом...;

– часть 2 ст. 7 УПК РФ: суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с Кодексом;

– часть 3 ст. 16 УПК РФ: в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, обязательное участие защитника и законного представителя подозреваемого, обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

В каждом из указанных случаев закон апеллирует исключительно к производству по уголовному делу. Отсюда, по букве приведенных велений в рамках доследственной проверки, реализуемой по правилам ст. 144 УПК РФ, ни одно из указанных предписаний «не действует», и от указанных правил, по идее, можно вполне отступить; причем без особых негативных последствий.

По букве п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор в рамках производства по делу вправе: «проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях». Речь, вновь отметим, о производстве по уголовному делу (которого в наличии еще нет). Как нет в правовой системе России и федерального закона в части детальной регламентации выше указанных требований. В итоге, строго по букве закона и идеи законности

¹ © Ковтун Н. Н., 2025.

прокурору можно и должно отказывать, как в предмете подобной проверки, так и в части, связанных с ней указаний.

По ч. 1 ст. 100 УПК РФ в исключительных случаях мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. При этом обвинение должно быть предъявлено данному лицу не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется. Однако напомним, по бесчисленному количеству дел, приостановленных производством в отношении подозреваемых по пп. 2 или 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, обвинение реально не предъявляется годами. Кому-либо известны искомые факты отмены, избранных в заочном порядке мер пресечения? В итоге, «букву» закона практика однозначно поправила.

Данный перечень, безусловно, можно продолжить; но лучше признать, что в каждом подобном случае настаивать на неуклонном соблюдении буквы закона – минимум неразумно. И должное правосознание субъектов правовых отношений нивелирует, как «догмы» доктрины, так и несуразности норм.

В названии темы статьи на первом месте в триаде составных частей идеи законности (субъективно) указано «правосознание», и лишь затем: закон и его применение. Сторонники известной «советской» законности, однозначно, укажут нам на «ошибку», ибо примат закона для них изначально исходная и сакральная ценность; сама суть идеи законности. Тем не менее, мы продолжим «упорствовать», насколько это возможно в пределах оговоренных в регламенте средств. И коль скоро в контексте авторских доводов заявлена «триада» элементов-источников столь знаковой и столь всесторонне изученной доктриной идеи, мы скромно поставим на обсуждение три ключевые проблемы искомого торжества этой самой «калужско-рязанской законности».

1. *Определенность системы источников (форм) российского уголовно-процессуального права* – суть основа, на которой зиждется принцип-идея законности. Казалось бы, в настоящее время, с учетом весомых достижений доктрины, практически нет оснований для обсуждения этой системы. Тем не менее, кратко напомним, что структурно (в той или иной вариации) она, как правило, представлена в виде трех самостоятельных источников-групп:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- 2) национальная (внутренняя) система законов;
- 3) подзаконные нормативные правовые акты.

На этом определенность одномоментно заканчивается, ибо реальное место той или иной формы права в иерархической управленческой вертикали – предмет непримиримых дискуссий и коллизий правоприменительной практики.

Применительно к первой (наднациональной) подгруппе мы имеем, как полное отрицание значения указанных норм или принципов для системы российского права, так и признание их юридической силы либо на уровне федеральных законов [1, с. 119], либо как формы, которая должна быть непременно оформлена в форме международного договора [2]. Сомнения доктрины разделяет законодатель, так как, к примеру, в ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», определяющей основные начала, обеспечивающие единство судебной системы России, эта форма права поставлена на четвертое место – явно ниже федеральных законов.

Еще больше коллизий применительно к внутренней системе форм российского права. Как правило, ее представляют в виде следующей иерархической вертикали:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) федеральные конституционные законы (ФКЗ);
- 3) международные договоры межгосударственного характера;
- 4) кодифицированные формы права;
- 5) акты Конституционного Суда Российской Федерации;
- 6) система федеральных законов.

На самом деле все оказалось куда интереснее.

Прежде всего, генезис известного противостояния с Европейским судом потребовал определенности в вопросе о том: Конституция РФ возглавляет внутреннюю систему форм российского права или это акт надсистемного уровня. Суть проблемы акцентировали нормы ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.). Согласно последним, страна-участник договора не вправе ссылаться на положения своего внутреннего законодательства как на основание невыполнения условий и обязательств международного договора (*acta sunt servanda*). Однако отдельные из решений Европейского суда по правам человека, как известно, оказались в принципе неприемлемыми для Российской Федерации в силу их противоречия национальным интересам, национальному суверенитету, национальной безопасности. Выход был найден, посредством следующих интересных констант: Конституция Российской Федерации более не может быть охарактеризована в качестве Основного закона нашего государства – этот акт, в силу изначально присущего ему верховенства, источник надсистемного уровня, который не возглавляет систему национальных законов-источников, а находится над ней [3, с. 4]. В итоге, национальная система права, безусловно, примет к сведению и исполнению акт международного правового характера; но только в том случае, если он не противоречит собственно конституции. Предмет проверки данного соответствия – прерогатива высшего органа конституционного правосудия России. Казалось бы, проблема исчерпана, если бы в выступлениях и актах высших должностных лиц государства, раз за разом, не повторялись акценты о Конституции Российской Федерации – как Основном законе страны; что явно иначе расставляет акценты.

Проблемой оказалось и место в системе такой формы как федеральный конституционный закон. В суждениях, к примеру, А. В. Малько и Я. В. Гайворонской эти законы – суть органическое продолжение норм Конституции Российской Федерации, ее логическое продолжение [4, с. 26]. В итоге, это уже не разновидность федерального законодательства, а также надсистемные конституционные нормы, и иерархическое «место» наравне с конституцией (над системой).

Вакантное место доминанты в системе источников, по идее, вправе занять нормы международного договора. Но правосознание и доктрина по иному расставляют акценты, ибо одновременно акцентируются суждения, во-первых, юридической силе указанных норм, как предписаний непосредственно конституционных, составной части конституции [5, с. 109]; или норм, которые имеют

приоритет над предписаниями этого акта [6, с. 12]. Во-вторых, о «месте» указанных норм на одной ступени с законами федерального уровня, ибо данная форма-источник ратифицируется Российской Федерацией посредством федерального закона. Отсюда, юридическая сила международного договора равна юридической силе акте, его ратифицирующего [7, с. 62–63].

Однозначно проблема акты конституционного правосудия. Генезис этой формы выражения права являет суждения: о прецедентном или преюдициальном значении указанных актов; что это правовые презумпции или правовые констатации; или, напротив, что это – суть правовые обыкновения или, скорее, непосредственно нормы [8, с. 91]. Наконец, возобладали суждения, что это «живое и развивающееся конституционное право» [9, с. 132]. При этом юридическая сила этих актов «...превышает юридическую силу любого закона и, по факту, равна юридической силе самой конституции», если не значительно выше [10, с. 55]. В итоге, закономерен и вывод о том, что надлежащее место указанной формы в исследуемой иерархии, безусловно, как акта надсистемного уровня; имеющего приоритет над внутренней системой источников.

Не «сложилось» с иерархией и в конкуренции таких форм, как УПК РФ и федеральный закон. Несмотря, на акцентуации идеи законности в ч. 2 ст. 7 УПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что приоритет кодифицированного нормативного правового акта не является безусловным, и в практическом правоприменении зависит от ряда условий [11]. В итоге, в одних ситуациях приоритет в правовом регулировании однозначно за кодексом; в других, доминирует федеральный закон. Как следствие, и в этом случае правосознанию и нужной «законности» – есть из чего и как выбирать. По ситуации!

2. Проблему *правовой определенности («законности»)* непосредственно норм мы, отчасти, уже обсуждали. Обсуждали и то, как именно практика, в соответствии с правосознанием, нивелирует «огрехи» закона. Достаточно давно эти проблемы обсуждаются и на уровне уголовно-процессуальной доктрины. Как следствие, обратимся к анализу непосредственно диалектики взаимодействия: буквы норм, их оценки правосознанием публичных субъектов правовых отношений и закономерностей собственно правоприменительной практики – реального бытия и истинности законности и закона.

3. *Практика – критерий истины* в понимании вектора, сути и содержания идеи законности. Среди общепризнанных идей международного правового характера нет особых посылов к идее «законности», и, напротив, весьма акцентированы идеи «верховенства права» и «правовой определенности». Доктриной российского права эти же правовые явления в целом охарактеризованы как элементы содержания собственно исследуемой институциональной идеи. В итоге, в контексте именно этих подходов рассмотрим закономерности российской судебно-следственной практики.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ впервые определена юридическая сила объяснений, получаемых в стадии возбуждения уголовного дела. Закон однозначен: если эти акты получены при соблюдении требований ст.ст. 75, 89 УПК РФ, они могут быть использованы в качестве доказательств в уголовно-

процессуальном доказывании (ч. 1.2 ст. 144 УПК). Практически в том же контексте воля закона изложена в гл. 32.1 УПК РФ, ибо объяснения (сведения), полученные в стадии возбуждения уголовного дела, могут не дублироваться посредством допросов в ходе осуществления дознания в сокращенной форме, и положены в основание обвинительного постановления, при условии, что эти доказательства не оспариваются сторонами. Практика правосудия модифицировала волю закона: объяснения получены не в порядке, предусмотренном УПК РФ, отсюда, они не могут быть признаны ни «иными документами» (ст. 84 УПК РФ), ни в целом доказательствами по делу [12]. Объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, как следствие, легитимными средствами доказывания они не являются [13]. При получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц, от которых они получены. В силу указанного эти акты не могут быть признаны в качестве доказательств по делу [14].

По ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение специалиста – источник доказательств. В постановлении от 27 марта 2014 г. «Матыцина против России» (жалоба № 58428/10) Европейский Суд итожит: в контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания; в том числе путем представления альтернативных заключений. Аналогичны позиции Конституционного Суда Российской Федерации (определение от 17 июня 2013 г. № 1003-О): обвиняемый, защитник имеют законное право привлекать к участию в деле специалиста; получить от него заключение; представить его суду как доказательство защиты (ч. 3 ст. 80, чч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ). Эти позиции разделяет и пленум: «заключение и показание специалиста даются на основе использования специальных знаний и так же, как заключение и показания эксперта в суде являются доказательствами по уголовному делу (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28) [15, с. 5]. Практика отправления правосудия уверено формирует иные подходы: «суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключения специалиста, как полученного вне рамок уголовно-процессуального закона» [16]. «Из дела видно, что судом, ...приобщено к материалам дела заключение специалистов, ...однако оно не исследовалось, поскольку получено адвокатом в рамках осуществления защиты» [17]. «Суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключений, сделанных специалистами, ...эти заключения добыты вне рамок уголовного дела и не отвечают требованиям УПК РФ к основаниям и процедуре их получения» [18, с. 30–36].

Не менее интересна законность и в деле сбережения «казны государевой». К примеру: «невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т. е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды» [19]. И, напротив: «упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства» [20].

Суд законно акцентирует: «вопреки доводам жалобы (адвоката – Н.К.) о плохом качестве аудиопротокола, ч. 5 ст. 257 УПК РФ не содержит запрета сторонам осуществлять запись судебного разбирательства самостоятельно» [21]. Но этот же суд формирует и иные позиции: «Аудиозаписи судебных заседаний, приложенные осужденным О.О.В. к дополнительной апелляционной жалобе, не подлежали исследованию и проверке судом, ...поскольку они изготовлены участниками судебного разбирательства без соблюдения установленного процессуального порядка» [22]. Право предоставлено, но воспользоваться им нельзя!

Или еще о подобной «законности»: «нарушений судом положений ст. 259, 260 УПК РФ судебной коллегией не установлено. Копия аудиозаписи судебного заседания З. была предоставлена, отсутствие у осужденной (под стражей – Н.К.) технической возможности для ознакомления с аудиозаписью не свидетельствует о нарушении закона, влекущем отмену судебного решения» [23]. И напротив: вручение осужденному, содержащемуся под стражей, диска с аудиозаписью без предоставления ему реальной возможности ее прослушать не свидетельствует об обеспечении его права на ознакомление с ней [24].

В заключение мы, естественно, не будем задаваться риторическим, по сути, вопросом о том, какой именно из элементов нашей «триады» объективирует подобное бытие российского закона и практики. И, тем не менее, позволим себе публично озвучить мысль о том, что именно в сложившемся и публично «одобряемом» понимании подобного «правосознания – закона – практики» следует искать причины и следствия, как реально наличной, так и страстно искомой российской «законности».

Список литературы

1. Даниленко Г. М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. № 11. С. 116–125.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М. : Юристъ, 2003.
3. Безруков А. В. Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 2–5.
4. Малько А. В., Гайворонская Я. В. О роли Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // Государство и право. 2015. № 11. С. 24–32.
5. Лукашук И. И. Международное право в судах государств. СПб., 1993.
6. Зимненко Б. Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 10–13.
7. Барциц И. Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 62–63.

8. Ковтун Н. Н. Вечно живая и развивающаяся идея конституционализма в контексте основ и сути деятельности высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 2 (19). С. 89–97.

9. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008.

10. Поленина С. В. Законодательная техника и судебный прецедент // Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 53–66.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

12. Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 августа 2013 г. № 10-7214/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/>.

14. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 6 марта 2014 г. № 22-224/2-14. URL: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2. С. 3–6.

16. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2005 г. по делу № 32-о05-26сп // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/>.

17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2007 г. по делу № 5-д07-105 «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 г.» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/>.

18. Землянкина М. А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 30–36.

19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № КАС04-203 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

20. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2010 г. № 67-О10-57 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

21. Кассационное определение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2021 г. № 77-2533/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

22. Кассационное определение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2020 г. по делу № 77-3046/2020 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

23. Кассационное определение Третьего Кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2021 г. по делу № 77-1593/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

24. Кассационное определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2021 г. по делу № 77-3093/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

Мичурина О. В.¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Мичурин В. С.²,
доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТ СОБЛЮДЕНИЯ БЛАГОЧИНИЯ ДО СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ НА ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Никем давно не оспаривается тот факт, что принцип законности универсален в силу своего общеправового характера. Он реализуется в правовом регулировании всех социальных процессов, общественных отношений и отраслей права. Важным условием для надлежащего осуществления законности является не только наличие закона, но и неуклонное исполнение его предписаний участниками общественных отношений, соответствие требованиям закона деятельности государственных органов и должностных лиц, а также поведения граждан. Тем самым закон и законность являются понятиями неразделимыми в своем смысловом аспекте.

Формирование принципа законности в России на протяжении ее многовекового государственно-правового развития оставалось, да и остается сейчас, одной из главных тенденций в деятельности верховной государственной власти [1, с. 436]. Если рассматривать с позиции исторического анализа, то особо показателен в этом отношении указ Петра I от 17 апреля 1722 г., изданный в связи с казнью за злоупотребления и хищения казенного имущества сибирского губернатора князя Гагарина и направленный на «хранение прав гражданских» [2]. В нем законность определена в качестве незыблемого принципа деятельности государственного аппарата и обращено внимание на то, что законы нельзя не хранить и «играть как в карты» ими. Несмотря на то, что главным законом в стране был определен закон государственный, он не всегда отождествлялся с привычными для современного понимания социальными процессами. К примеру, в русском языке XVIII столетия закон представлен весьма многозначно, имея отношение не только к социальной, но религиозной и духовной сферам жизни. Для понимания внутреннего мира человека того времени особое внимание следует обратить на соотнесение в его мышлении закона государственного

¹ © Мичурина О. В., 2025.

² © Мичурин В. С., 2025.

и закона божественного. Христианские догматы в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов [3, с. 67–69]. Не случайно в нормативных актах того периода упоминалась категория «благочиние», означавшая благопристойное поведение. В дореволюционной России «благочиние» было вполне юридическим термином, часто используемым в нормативно-правовых документах, тесно взаимосвязанным с законом и мерами, обеспечивающими безопасность. К примеру, следующими двумя указами Петра I от 21 января 1724 г. [4] и от 22 января 1724 г. [5] устанавливалось, что в судах надо вести себя благочинно, а судьи должны знать законы, по которым судят. Любое бесчинство наказывалось штрафом, частичным отчуждением имущества, заключением в тюрьму, вплоть до того, как это тогда называлось, «до политической смерти». Незнание законов судьями также влекло аналогичные наказания. Тем самым соблюдение закона и обеспечение законности имело и до сих пор имеет важное значение в государстве.

В современной России законность продолжает являться главным принципом, принципом всех принципов. Нарушение любого принципа уголовного судопроизводства автоматически влечет нарушение законности. Для уголовно-процессуального права принципы – важнейший уголовно-процессуальный институт, носящий концептуальный характер и формирующий основы, прежде всего, правового статуса участников уголовного процесса [6, с. 625, 626]. Все правовые предписания принципа законности полностью отвечают данным критериям.

Роль принципа законности сложно переоценить. На соблюдении закона строится деятельность всех государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, других участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями и процессуальными решениями. Тем самым принцип законности имеет распространение на участников уголовного судопроизводства как с определенным, так и с неопределенным процессуальным статусом), а также лиц, никак не именуемых в законе, поэтому и не имеющих статуса участника уголовного судопроизводства, но вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу. Согласимся с О. В. Гладышевой, верно обратившей внимание на то, что в ст. 7 УПК РФ почему-то речь идет исключительно о действиях и решениях должностных лиц и государственных органов, что не согласуется с общепринятым пониманием действия принципа законности [7, с. 23].

Неправильно считать, что требования соблюдения закона должны быть направлены только на государственные органы и должностных лиц, а не на всех участников уголовно-процессуальных отношений. В уголовном судопроизводстве законность предполагает правомерное поведение и соответствующую деятельность всех лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, что находит выражение в установленных законом обязанностях, которые являются неизменным приложением к правам. В какой-то степени принцип законности даже выступает ориентиром для надлежащего поведения и надлежащей деятельности. Государственные органы и должностные лица обязаны охранять права и законные интересы участников, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, но имеют также право обращаться к ним с законными

требованиями. Лица, к которым обращены данные требования, в свою очередь, обязаны их выполнить. В случае неисполнения таких требований к ним может применяться весь арсенал уголовно-процессуального принуждения, включающий не только меры процессуального принуждения, но и принудительное производство следственных, а также иных процессуальных действий. Это обусловлено целью принуждения и его социальной обусловленностью. При этом нами учитывается, что такое принуждение совсем не безгранично и имеет разную степень воздействия, обусловленную процессуальным статусом конкретного участника уголовного судопроизводства. К примеру, подозреваемый (обвиняемый) в силу требований ст. 51 Конституции Российской Федерации, имеют право отказаться от дачи показаний, поэтому его молчание никак не отражается на принципе законности, а вот обратная ситуация в виде его принуждения к даче показаний со стороны следователя, дознавателя, пусть даже выраженная в соответствующих словесных требованиях, напротив, имеет самые негативные последствия для законности и полученных таким путем доказательств.

Публичный характер уголовного судопроизводства и необходимость создания условий для надлежащего осуществления уголовно-процессуальной деятельности вынуждают участников уголовно-процессуальных отношений строго следовать требованиям закона. Проявляясь в такой взаимосвязи, принцип законности выполняет свою главную регулятивную роль в уголовном судопроизводстве. Поэтому в ст. 7 УПК РФ должны быть отражены требования соблюдения закона всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами вовлеченными в производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений.

Кроме того, принцип законности заполняет собой всю сферу уголовного судопроизводства, включающую как досудебное, так и судебное производство. В связи с этим не совсем понятно, почему в наименовании ст. 7 УПК РФ законодатель сделал акцент именно на производстве по уголовному делу, исключив тем самым стадию возбуждения уголовного дела. Нам представляется, что подобная законодательная техника вносит определенные разногласия в толкование данной нормы. Было бы абсурдным соблюдать принцип законности при производстве по уголовному делу и при этом чинить беззаконие на этапе, ему предшествующем. Кроме того, если проследить формулировки других принципов, включенных в гл. 2 УПК РФ, в том числе само название этой главы, то в них ведется речь именно об уголовном судопроизводстве в целом. Согласуясь со всеми уголовно-процессуальными принципами, проявляя себя во всех нормах уголовно-процессуального права, принцип законности должен иметь распространение на все уголовное судопроизводство, а не отдельные его части, именно на всю уголовно-процессуальную деятельность, которая начинается с момента появления повода для возбуждения уголовного дела. Иначе, как тогда можно будет обосновать требования ст. 144 УПК РФ об обязательности приема, проверки сообщения о преступлении и принятия по нему решения в установленном законом порядке и в установленный законом срок? По этой причине правильнее вести речь о принципе законности в уголовном судопроизводстве, о чем законодателю уже давно следовало бы внести соответствующие коррективы в ст. 7 УПК РФ.

К слову сказать в Модельном УПК для государств – участников Содружества Независимых Государств дана более лаконичная формулировка данного принципа, в ст. 12 он назван просто законностью [8], что тоже имеет место быть. Поэтому в наименовании ст. 7 УПК РФ можно было бы ограничиться словом «законность», убрав совершенно некорректное пояснение «при производстве по уголовному делу». Кроме того, в содержании ст. 12 Модельного УПК для государств – участников Содружества Независимых Государств установлено распространение принципа законности на всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, что регламентирует уже упомянутую нами его всеобщность. Не напрасно же в УПК РФ установлены права и обязанности не только государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, но и всех других участников (подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя и пр.). Кроме того, в УПК РФ подробно регламентирован порядок производства следственных, судебных и иных процессуальных действий. Тщательная регламентация в законе уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в досудебном и судебном производствах, создают прочную основу для неукоснительного соблюдения принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, соблюдение уголовно-процессуального закона гражданами находит выражение в исполнении ими своих обязанностей, т. е. надлежащем поведении. Следование закону государственными органами и должностными лицами, проявляется также в реализации ими своих обязанностей и полномочий, т. е. надлежащей деятельности. Так, уголовно-процессуальные нормы подробно регламентируют порядок возбуждения уголовного дела, производства предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела по существу в суде. Они устанавливают такой порядок уголовного судопроизводства, который призван обеспечить активную и целенаправленную деятельность государственных органов и должностных лиц, направленную на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Кроме того, в УПК РФ предусмотрены средства процессуального контроля и прокурорского надзора, которые не только обеспечивают соблюдение закона, но и выявляют, а также исправляют уже допущенные нарушения уголовно-процессуальных норм.

Само понятие нарушений уголовно-процессуальных норм и формы их проявления в УПК РФ не сформулированы, но о нарушениях в различных аспектах их проявления упоминается не только в ст. 7. В уголовно-процессуальном законе речь идет о нарушениях прав и свобод граждан, нарушениях прав и законных интересов, других нарушениях закона, существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, нарушениях уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, нарушениях порядка производства и пр. Следует исходить из того, что во многом все перечисленные явления близки нарушениям уголовно-процессуальных норм. Обусловлено это тем, что при нарушениях уголовно-процессуальных норм совершается деяние, противоречащее установленному законом порядку уголовного судопроизводства, т. е. происходит отклонение от правил, содержащихся в конкретной правовой норме. Таким образом, нарушения норм и нарушения закона совпадают и являются тождественными понятиями. Права,

свободы законные интересы, порядок производства тоже регламентируются нормами уголовно-процессуального закона, то есть уголовно-процессуальными нормами. Поэтому тут тоже можно вести речь о тождественности таких нарушений с нарушениями уголовно-процессуальных норм.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что под соблюдением закона в уголовном судопроизводстве следует понимать как совершение действий, дозволенных либо предписанных законом, так и воздержание от совершения действий, запрещенных им. Данное требование составляет основу принципа законности в уголовном судопроизводстве. При этом основополагающие, руководящие начала уголовного судопроизводства, коими и являются принципы, а конкретно – принцип законности, должно иметь более однозначное нормативное оформление: начиная от его наименования и заканчивая всеобщим характером, который должен найти отражение в содержании. Поэтому ст. 7 УПК РФ нуждается в соответствующих нормативных коррективах.

Список литературы

1. Кодан С. В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 436–451.
2. Именной указ от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских» // Полное собрание законов Российской империи. Том 6 (1720–1722). URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=26.
3. Марасинова Е. Н. «Монаршее слово» и «Непременные законы» в России второй половины XVIII века // Исторические записки : ежегодник. Том 21 (139). М. : Российская академия наук, 2022. С. 49–74.
4. Именной указ от 21 января 1724 г. «О соблюдении благочиния во всех судебных местах судьями и подсудимыми, и о наказании за бесчинство» // Полное собрание законов Российской империи. Том 7 (1723–1727). URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=30.
5. Именной указ от 22 января 1724 г. «О важности Государственных уставов и о неотговорке судьям неведением Законов, по производимым делам под опасением штрафа» // Полное собрание законов Российской империи. Том 7 (1723–1727). URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=30.
6. Химичева О. В., Химичева Г. П. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 625–630.
7. Гладышева О. В. Принципы законности или как теория разошлась с правом (взгляд представителя отраслевой науки) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 1 (30). С. 17–23.
8. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : принят на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ постановлением от 17 февраля 1996 г. № 7-6 (ред. от 29.11.2013) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840>.

Бородинова Т. Г.¹,
*заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент*

ЗАКОННОСТЬ КАК СВОЙСТВО ПРИГОВОРА

Видится обоснованным рассмотрение вопроса о понятии законности, как свойства приговора, начать с напоминания о сущности общетеоретической категории «законность». Известный теоретик права С. С. Алексеев ее определил следующим образом: «Законность – это требование строжайшего, неукоснительного соблюдения и исполнения всех юридических норм, всех правовых предписаний всеми субъектами, т. е. гражданами, их объединениями, должностными лицами, государственными органами» [1, с. 38].

В приведенном определении (ставшем уже академическим) подчеркивается непоколебимая императивность любых императивных норм, вне зависимости от их местоположения в законодательной иерархии, имеющая значение для неограниченного круга субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Данная императивность порождает и подлежащую обязательному исполнению соответствующую обязанность «властных» субъектов.

В теории современного уголовного процесса России концепт законности не меняет ранее сложившейся сущности и расценивается как «... точное и неуклонное применение закона компетентными органами государства... соблюдение и исполнение всеми участниками уголовного судопроизводства... предписаний Конституции Российской Федерации, законов и соответствующих им иных нормативных актов» [2, с. 35].

Если перейти в поле уголовно-процессуального законодательства, то здесь категория «законность» обретает смысл и значение принципа законности по уголовному делу, внешне выраженном в ст. 7 УПК РФ.

Сущность данной дефиниции состоит в строжайшем запрете субъектам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность на всех этапах производства по уголовному делу, руководствоваться законами или иными нормативными правовыми актами, вступающими в противоречие с нормами УПК РФ.

Из самого названия и содержания ст. 7 УПК РФ видно, что принцип законности уголовно-процессуальной деятельности, прежде всего, адресуется субъектам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, в соответствии со своими властными полномочиями. Обязанность обеспечения принципа законности производства по уголовному делу возлагается на того «властного» участника уголовного процесса, в производстве которого непосредственно находится уголовное дело. Что не исключает и существования соответствующего ведомственного контроля за соблюдением законности уголовно-процессуальной деятельности в виде прокурорского надзора или судебного контроля. Сказанное по отношению к должностным лицам касается обязанности как исполнения, так

¹ © Бородинова Т. Г., 2025.

и обязанности обеспечения принципа законности. Относительно же иных «невластных» участников уголовного судопроизводства, следует говорить о том, что на них распространяется обязанность неукоснительного соблюдения принципа законности в ходе осуществления ими уголовно-процессуальной деятельности.

Отдельным пунктом (п. 4) в ст. 7 УПК РФ выделено указание о требовании соответствия процессуальных решений, за исключением приговора, свойствам законности, обоснованности и справедливости. Отсутствие приговора в перечне называемых законодателем процессуальных актов в рассматриваемой норме, зачастую учеными-процессуалистами расценивается как «законодательный дефект уголовно-процессуального закона» [3, с. 38].

Однако, смеем предположить, что не так все однозначно: нет – значит пропустил. Полагаем, что законодатель намеренно в данном случае не называет приговор в череде иных процессуальных актов, тем самым подчеркивая его исключительность, акцентируя внимание на особом воплощении, особом «звучании» законности именно в приговоре, на основании чего отводит законности приговора, как его свойству, самостоятельное место в законе, в совокупности с другими его свойствами в ст. 297 УПК РФ.

В рассматриваемой плоскости соотношения принципа законности к приговору, уместно вспомнить позицию классика процессуальной науки М. С. Строговича, написавшего еще в советский период развития науки уголовного процесса, относительно вступившего в законную силу приговора, следующее: «...закон обязателен для всех предусматриваемых им отношений, приговор же – закон лишь для конкретного дела, окончательно разрешающий лишь те отношения (уголовно-правовые), которые были содержанием этого дела» [4, с. 324].

Эта точка зрения получает свою рецепцию в исследованиях современных ученых-процессуалистов, подчеркивающих, что приговор – это «индивидуальный акт поднормативного регулирования, переводящий веление закона из плоскости абстрактного в плоскость конкретного, т. е. к конкретному уголовно-процессуальному спору» [5, с. 22].

Закон, проходя через процедуру индивидуального правоприменения, обусловленную конкретными обстоятельствами уголовного дела, в процессе постановления приговора судом, в итоге выражается в виде такой характеристики приговора как законность.

Мы не найдем в УПК РФ раскрытия термина «законность», в содержании ст. 297 УПК РФ законодатель ограничился лишь указанием его в качестве основного свойства приговора, при чем не единственного, а во взаимосвязанной совокупности с обоснованностью и справедливостью.

В академическом учебнике уголовного процесса следующим образом толкуется «законность приговора»: «соблюдение судом при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора уголовно-процессуального законодательства... и необходимых уголовно-процессуальных форм, так и надлежащее применение им в приговоре материального уголовного закона» [6, с. 958].

Иными словами, качество законности приговора должно обеспечиваться в двух основных направлениях: процессуальном (процессуально-технологическом) и материально-правовом.

По главной сути, толкование законности приговора с советских времен не изменилось, как тогда, так и сегодня остается аксиоматичным следующее утверждение: «...приговор должен быть законен, т. е. он должен быть вынесен на точном основании законов и в соответствии с ними, без допущения малейшего отступления от закона, нарушения закона» [7, с. 24].

Специфика требования законности приговора на уровне науки и практики советского уголовного процесса, по нашему мнению, состоит в акцентуализации его тесной связи с требованием «истинности» приговора, поскольку на тот период «признавалось бесспорным требование о том, что основанием для любого приговора ... должна быть объективная истина» [8, с. 9].

В настоящем уголовно-процессуальном законодательстве «истина» не непосредственно не декларируется, и, соответственно, приговор не должен обладать свойством «истинности». Хотя стоит согласиться с тем, что устранение из числа современных принципиальных требования об установлении истины «нанесло и продолжает наносить удар по соблюдению законности (ст. 7 УПК РФ) при производстве по уголовным делам на всех стадиях уголовного производства» [9, с. 90–91].

Требование законности, предъявляемое к приговору наряду с обоснованностью и справедливостью (ст. 297 УПК РФ), находится в прямой, непосредственной зависимости от буквального соответствия двум кодифицированным актам – УПК РФ и УК РФ, при этом о необходимости его соответствия нормам иных законов прямо не упоминается.

Эта ситуация находит отклик в науке уголовного процесса, где, в частности, отмечается: «...формулировка ст. 297 УПК РФ представляется неполной, так как не предопределяет, что при рассмотрении уголовного дела суд должен полагаться на нормы иных отраслей права, которые необходимы для принятия законного решения по уголовному делу с учетом его специфики...» [10, с. 66–67].

По мнению М. А. Чайковской, в ходе надления приговора свойством законности суду следует опираться не только на правильное применение уголовного закона, но и правильно применять «относящиеся к данному делу нормы гражданского, трудового и иных отраслей» [11, с. 33].

Это бесспорно, что полностью подтверждает судебная практика постановления приговоров, которая идет именно по пути неуклонного учета норм не только УПК РФ и УК РФ, но и всех иных кодифицированных актов, если это требуется при разрешении вопросов, связанных с обстоятельствами конкретного уголовного дела (достаточно вспомнить обращение суда к нормам ГК РФ и ГПК РФ при разрешении гражданских исков в уголовном деле).

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект в позиционировании законности как свойства приговора – а именно на его «особую» взаимосвязь и взаимозависимость от свойства «справедливость».

Если мы обратимся к позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной им по отношению к порядку постановления приговора, то увидим, что

требование к справедливости приговора оговаривается отдельно: приговор «может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства» [12, с. 23].

С определённой долей условности можно сказать, что «справедливость», по отношению к «законности», находится в более «привилегированном» положении по сравнению с иными требуемыми свойствами приговора.

Косвенное подтверждение данной позиции мы увидим и в другом постановлении Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по вопросам практики применения норм, регламентирующих производство в суде кассационной инстанции. В частности, в нем говорится о том, что в предмет кассационного обжалования и рассмотрения могут входить вопросы, связанные с несправедливостью наказания вследствие его «чрезмерной мягкости либо чрезмерной суровости» (часть 2 статьи 389.18 УПК РФ) ... в случае, если такое решение суда явилось следствием неправильного применения норм уголовного закона» [13, с. 21].

Что касается определения критериев законности приговора, то механизм проверки законности дополнительно заложен на уровне оснований отмены/изменений приговора в вышестоящих судах и в настоящее время он действует достаточно эффективно.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
2. Громов Н. А., Францифоров Ю. В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования прокуратуры и судов. Основные начала : учебное пособие. М. : Приор, 2000.
3. Литвинцева Н. Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 31–39.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II: Порядок судопроизводства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970.
5. Аширбекова М. Т., Зайцева Е. А. О существенных свойствах приговора // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 39. С. 21–32.
6. Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян и др.] ; под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.
7. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М. : Академия наук СССР : Институт права имени А.Я. Вышинского, 1956. - 319 с. - Текст: непосредственный.
8. Азаров В. А., Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном производстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
9. Кузнецов М. Н. О некоторых аспектах применения статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 89–92.

10. Букаева И. Н. К вопросу о законности приговора // XVI Царскосельские чтения. Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство. Т. 1 : сборник научных трудов / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2012.

11. Чайковская М. А. Свойства приговор : монография. М. : Проспект, 2013.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 23–31.

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9. С. 17–23.

Бурмагин С. В.¹,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОБОСНОВАННОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В отечественном уголовном судопроизводстве требование обоснованности и мотивированности процессуальных решений (наравне с требованием законности) впервые нашло свое прямое законодательное закрепление в ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и в ст. 301 УПК РСФСР 1960 г., но только применительно к судебному приговору. Обязательность придания приговору свойств обоснованности и мотивированности дополнялось четко обозначенным правилом о том, что в судах вышестоящих инстанций наравне с законностью подлежит проверке и обоснованность приговора (ст. 45 Основ, ст. 332, ч. 1 ст. 376, чч. 1–2 ст. 487 УПК РСФСР).

УПК РФ 2001 г., переняв без существенных изменений положения УПК РСФСР, регулирующие вопросы обоснованности и мотивированности приговора (ст.ст. 297, 305, 307 УПК РФ), дополнительно распространил эти требования на все уголовно-процессуальные решения, принимаемые как судом, так и иными властными субъектами уголовного процесса: прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). При этом закон не формулирует и не раскрывает данные требования, а только указывает их в качестве таковых.

В то же время требования обоснованности и мотивированности уголовно-процессуальных решений достаточно подробно и всесторонне проработаны в российской процессуальной доктрине, хотя при этом трактуются в научной среде неоднозначно, вариативно и зачастую ограничено либо чрезмерно широко [1, с. 572–584, 592–606, 616–617].

Обращаясь к содержанию данных свойств-требований, отметим, что главным компонентом, на котором чаще всего строятся дефиниции обоснованности приговора и иных процессуальных решений, признается соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и их доказанность [2, с. 1210; 3, с. 114; 4, с. 218; 5, с. 259; 6, с. 108]. В этой формуле учитывается объективная связь таких задействованных в механизме принятия решений явлений, как факты, доказательства, выводы. Любое процессуальное решение основывается на юридически значимых фактических обстоятельствах, опосредованных доказательствами – специальными процессуальными средствами познания этих обстоятельств, поэтому связка «доказательства – факты – выводы» в структуре обоснованности

¹ © Бурмагин С. В., 2025.

уголовно-процессуального решения выступает ключевым, неотъемлемым элементом. Аналогичным образом обоснованность трактуется применительно к судебным решениям в гражданском и арбитражном судопроизводствах [7, с. 24].

На основе проведенного нами исследования содержательной стороны нормативного требования обоснованности судебного решения [1, с. 590–591] полагаем, что обоснованность как необходимое и неотъемлемое внутреннее свойство любого процессуального решения и одновременно как правовое требование к его качественному состоянию означает соответствие вынесенного решения наличным фактическим основаниям его принятия, которое подразумевает:

1) содержащиеся в решении властные предписания согласуются с выводами, на которых эти предписания основаны;

2) выводы и резолюции суда или иного властного субъекта по всем разрешаемым вопросам соответствуют установленным фактическим обстоятельствам дела и закономерно вытекают из них;

3) фактические обстоятельства дела установлены достоверно и в объеме, необходимом для принятия решения;

4) в принятом процессуальном акте между различными суждениями и выводами автора решения отсутствуют противоречия.

Тесная взаимосвязь свойства обоснованности и свойства мотивированности процессуальных решений усложняет разграничение входящих в их содержание требований, что приводит к частому, как в теории [1, с. 592–593], так и на практике [8, с. 16], смешению или отождествлению таких близких, но все же различных по смыслу и объему понятий, что в значительной степени обусловлено и семантической близостью терминов «обосновывать» и «мотивировать», «обоснование» и «мотивировка», «обоснованный» и мотивированный», которые в словарях русского языка нередко представлены как взаимно определяющие [9, стб. 691] и даже синонимичные [10, с. 213, 277], что и отражается на содержании научных понятий и дефиниций, построенных с использованием этих слов.

Тем не менее, в законе обоснованность и мотивированность фигурируют как самостоятельные правовые требования, поэтому нуждаются в четком смысловом разграничении хотя бы из практических соображений – в целях предоставления правоприменителю ясных критериев-ориентиров, руководствуясь которыми он мог бы обеспечить мотивированность принимаемых им процессуальных решений.

В доктрине уголовного процесса наиболее распространено понимание мотивировки (мотивированности) процессуального решения как внешнего выражения его обоснованности [11, с. 327; 12, с. 127; 13, с. 54]. С этим можно согласиться, если исходить из того, что обоснование принимаемого решения заключается в интеллектуальной, логико-мыслительной деятельности субъекта по установлению и проверке связи принимаемого решения (и выводов о наличии к тому фактических и юридических оснований) с достоверно установленными по делу фактическими обстоятельствами и доказательствами, на основе которых эти обстоятельства установлены.

Такое установление объективно существующей связи есть обоснование «для себя», оно направлено на формирование собственного убеждения в правильно-

сти, законности и обоснованности, принимаемого решения. Тогда как обоснование «для внешнего адресата» и есть мотивирование решения, когда сложившиеся в сознании должностного лица в стройную систему аргументы, доводы и выводы, обуславливающие принятие конкретного решения, излагаются в письменном процессуальном акте.

Полагаем, что при размежевании столь тесно взаимосвязанных свойств-требований необходимо исходить из того, что обоснование и мотивирование – две стороны одного процесса, единого этапа принятия судебного решения. Если обоснование – сугубо мыслительный процесс, то мотивирование – объективирование этого процесса, его внешнее выражение в процессуальных формах.

Показать и раскрыть в процессуальном решении необходимую для его обоснованности взаимосвязь между доказательствами, фактами и выводами, а также продемонстрировать объективный характер этой взаимосвязи невозможно без приведения в решении самих объектов этой связи и раскрытия их правового значения, поэтому мотивирование предполагает и требует описание установленных фактов (фабулы дела), указание доказательств или иных средств доказывания, на основе которых эти факты установлены, а также изложение сделанных в процессе обоснования промежуточных и завершающих выводов.

Данные объекты обоснования и мотивирования связываются, соотносятся друг с другом посредством суждений, логических умозаключений, доводов и аргументов. Последние в совокупности образуют мотивировку судебного решения, но уже не в значении действия – процесса обоснования (мотивирования), а в смысле конечного сочетания продуктов логико-мыслительной, аналитической работы по обоснованию процессуального решения.

В свете сказанного представляются вполне научно обоснованными толкование мотивированности решения как требования, обязывающего должностное лицо подтвердить в письменном изложении свои выводы и предписания фактическими, логическими и юридическими доводами и аргументами, а также ссылками на соответствующие доказательства и установленные обстоятельства [14] и раскрыть мотивы своих заключений.

В то же время требованию мотивированности процессуального решения не следует отводить вспомогательную, служебную по отношению к требованиям законности и обоснованности роль. Со времен УПК РСФСР 1960 г. мотивированность в отечественном уголовном судопроизводстве постепенно обрела самостоятельное правовое значение, которое за период действия на территории Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и юрисдикции ЕСПЧ (с 1998 по 2022 г.) еще более расширилось и наполнилось новыми смыслами и содержанием.

В частности, мотивировку судебного решения перестали воспринимать только как форму отражения его обоснованности, хотя в целом она продолжает трактоваться как важнейший элемент формы судебного решения [4, с. 222–231]. В современной доктрине уголовного процесса упор все чаще делается не на формально-констатирующей функции мотивирования, а на ее объяснительно-разъясняющей сущности. В понимании смысла мотивировки акценты сместились от статичной фиксации выводов о доказанности или недоказанности того или иного

факта к более полному раскрытию внутреннего убеждения судьи (судей) в необходимости и правильности выбранного процессуального решения, сформировавшегося по результатам оценки доказательств, анализа и толкования подлежащих применению норм права. Именно убеждение лица, принимающего решение, в установлении законом определенных для конкретного решения оснований и должно служить мотивом, побуждающим к принятию данного решения [4, с. 225].

Кроме того, концепция мотивированности судебных решений, сформированная в практике Европейского Суда по правам человека, и воспринятая российской доктриной и судебной практикой, помимо прочего, включает положение о том, что суды не должны игнорировать, а обязаны надлежащим образом рассматривать замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, не предвзято решая вопрос об их относимости к делу, соответственно, при мотивировании выносимых решений отражать свою оценку приведенных сторонами доводов и доказательств в мотивировочной части решения.

Таким образом, сущность мотивирования процессуального решения заключается в подтверждении наличия фактических и юридических оснований его принятия и объяснении выбора варианта принимаемого решения. Как правовое требование, предъявляемое к процессуальным решениям, мотивированность означает обязательность мотивировки решения, т. е. его «внешнего» обоснования, которое в общем и самом полном виде должно содержать:

- 1) изложение фактических обстоятельств;
- 2) приведение доказательств, на основе которых эти обстоятельства установлены;
- 3) оценку доказательств, анализ обстоятельств и построенные на них фактологические выводы;
- 4) ссылки на подлежащие применению правовые нормы и их толкование;
- 5) приведение существенных и значимых для принимаемого решения доводов сторон и их оценку;
- 6) указание мотивов промежуточных выводов и выбора принимаемых решений по существу разрешаемых вопросов;
- 7) формулировку заключительных (окончательных) выводов.

Необходимо отметить, что вышеуказанные критерии сформировались, главным образом, применительно к судебным решениям и не ко всем, а лишь к тем, вынесение которых требует (в силу прямого указания закона) или предполагает письменную форму. Ввиду огромного многообразия уголовно-процессуальных решений и их значительной дифференциации по целевому назначению, характеру и значимости разрешаемых правовых вопросов, субъекту и другим параметрам, УПК РФ не предъявляет к ним единых требований мотивированности. Более того, закон не указывает, за исключением, пожалуй, судебного приговора и итоговых решений судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (ст.ст. 305 и 307, п. 7 ч. 3 ст. 389.28, п. 3 ч. 2 ст. 389.29, п. 3 ч. 2 ст. 389.11, п. 5 ч. 1 и п. 6 ч. 2 ст. 401.11 УПК РФ), что конкретно должно быть замотивировано в том или ином решении.

Вследствие этого на практике степень и глубина мотивирования разных процессуальных решений различны не только по причине их объективных особенностей, но и ввиду широкого усмотрения властных субъектов уголовного судопроизводства и сложившейся правоприменительной традиции.

Так, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, согласно ст. 171 УПК РФ, не предполагает полноценную мотивировку, а единственным обоснованием данного решения выступает описание установленных фактических обстоятельств преступления и ссылка на соответствующий уголовный закон. Отсутствие развернутой и достаточной мотивировки наблюдается зачастую в таких решениях следователей, дознавателей как постановления о возбуждении уголовного дела, о применении меры пресечения в виде подписки о невыезде, о возбуждении перед судом ходатайств о применении меры пресечения, о производстве того или иного следственного действия и др. Судьи, принимая процедурные решения по ходу судебного разбирательства, как правило, не утруждают себя мотивированием (обоснованием перед сторонами) таких решений.

Между тем, многие из процессуальных актов, принимаемых органами уголовного преследования и судом, напрямую затрагивают процессуальные права и интересы, а нередко и конституционные свободы участников производства по уголовному делу, могут инициироваться последними. Представляется, что в этих случаях, исходя их общего конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации), назначения и принципов уголовного судопроизводства, других положений УПК РФ, в частности, требований гл. 15 и 16 УПК РФ, должностные лица, ведущие производство по делу и отвечающие за его законность и качественное состояние, обязаны тщательно мотивировать (объяснять) в процессуальном акте принимаемое решение, и не только излагать причины, по которым то или иное ходатайство или жалоба заинтересованного участника судопроизводства отклоняется, но и подтвердить законность и обоснованность такого решения аргументами и доводами, основанными как на установленных фактах, так и правовых предписаниях. В противном случае требование мотивированности перестает «работать», выполнять свою функцию и предназначение, заложенное в него законодателем, что может повлечь нарушение режима законности при производстве по уголовному делу, ущемление прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография. М. : Юрлитинформ, 2021.
2. Бажанов М. И. Понятие обоснованности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве // Избранные труды / отв. ред. В. Я. Таций. Харьков, 2012.
3. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1960.
4. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

5. Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 256–262.
6. Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
7. Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
8. Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М. : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940. 1040 стб.
10. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 2001.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2-х т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970.
12. Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2011.
13. Попова И. П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1. С. 50–56.
14. Вандышев В. В. Постановление и провозглашение приговора // Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник. М., 2010.

*Малышева О. А.¹,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

ЗАКОННОСТЬ РАЗРЕШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ХОДАТАЙСТВА ОБВИНЯЕМОГО О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

В ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, подследственных органам предварительного следствия, обвиняемый (подозреваемый) достаточно часто, как показывает анализ следственной практики, заявляет ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон. Причин этому несколько. Первая причина. Лицо признает факт совершения им уголовно наказуемого деяния, но желает на более ранних этапах уголовного судопроизводства прекращения уголовного преследования, предотвращения наступления негативных последствий судимости. Второй причиной выступает осознание обвиняемым противности совершенного деяния, его раскаяние в этом и стремление к позитивному посткриминальному поведению.

Разрешение такого ходатайства является полномочием следователя, которое он осуществляет после согласования с руководителем следственного органа. Но обозначенному согласованию предшествует формирование внутреннего убеждения следователя о целесообразности принятия решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Предписания ч. 4 ст. 7 УПК РФ закрепляют требование, предъявляемое к решению следователя, – законность. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации принятие необоснованного решения властным субъектом публично-правовых отношений означает, что такое решение не отвечает критерию законности. Таким образом, любое необоснованное процессуальное решение следователя следует расценивать как незаконное. С учетом изложенного перед следователем часто возникает непростая задача – обоснованное, а следовательно законное разрешение ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию. Это обуславливается рядом факторов.

Первый фактор – необходимость правильной оценки всех нормативно определенных условий применения уголовно-процессуального института – прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Формально определенные условия в уголовно-процессуальной практике не вызывают трудности при их анализе – категория преступления, совершение преступления впервые. Сложность в обеспечении законности прекращения следователем уголовного дела за примирением сторон возникает при установлении полноты возмещения обвиняемым вреда потерпевшему, которая объективно, а не субъективно с позиции

¹ © Малышева О. А., 2025.

потерпевшего, позволяет утверждать, что такое условие выполнено в соответствии с требованиями закона.

Существование проблемы в рассматриваемом вопросе подтверждается правовыми позициями высших судов Российской Федерации и примерами судебной практики. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации соответственно в определении от 4 июня 2007 г. № 519-О-О и постановлении Пленума № 19 от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» уточнили, что при принятии решения о прекращении уголовного дела за примирением сторон суд должен давать оценку соразмерности действий обвиняемого, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела.

Один из многочисленных примеров судебной практики дополнительно подтверждает сложность установления соразмерности возмещения вреда обвиняемым. Так, Т.Д., состоявшему в должности начальника участка ООО «МОНОЛИТ СИТИ» и отвечавшему за безопасную организацию и проведение работ на высоте, было вменено совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ. Рабочий участка Ш.К. погиб при падении с высоты. Г.Д. в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате гибели Ш.К., Т.Д. выплатил его брату Ш.И., признанного следователем потерпевшим, 50 тыс. руб. Приморский районный суд г. Санкт-Петербурга прекратил уголовное дело за примирением сторон. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решения нижестоящих судебных инстанций с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство, удовлетворив кассационное представление прокурора. Прокурор поставил под сомнение близкое родство погибшего Ш.К. и Ш.И., достоверность расписки о получении Ш.И. 50 тыс. руб., добровольность изъясления Ш.И. желания примириться с Т.Д. Кроме того, прокурор исключил возможность примирения потерпевшего Ш.И. с Т.Д., поскольку физический вред был причинен не ему, а погибшему Ш.К. По мнению прокурора, потерпевшим по уголовному делу следует признавать жену Х., гражданский иск которой о компенсации морального вреда, причиненного ей и трем малолетним детям гибелью Ш.К., рассматривается Приморским районным судом Санкт-Петербурга. В кассационном представлении также указывалось, что прекращение уголовного дела необоснованно исключило возможность рассмотрения вопроса о назначении Т.Д. наряду с основным, и дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что могло быть расценено как один из способов заглаживания вреда, причиненного основному объекту данного преступления [2]. Указанное обязывает следователя более тщательно оценивать соблюдение обвиняемым (подозреваемым) условий, предусмотренных ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ.

Сложность в принятии законного решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон побуждает следователя при выполнении обвиняе-

мым похожих условий, предусмотренных ст.ст. 25 и 28 УПК РФ, применять институт прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. Как отмечает С. А. Синенко, в схожих процессуальных ситуациях допускается применение как первого, учитывающего мнение потерпевшего, так и второго, не требующего учета мнения указанного субъекта, основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) [10, с. 256–257]. «Этим нередко пользуются правоприменители. В тех случаях, когда есть формальные условия для использования любого из рассматриваемых оснований, но потерпевший по каким-либо причинам не желает примириться с обвиняемым, следователи (дознаватели) беспрепятственно применяют положения ст. 28 УПК РФ». 85,2 % респондентов из числа следователей и дознавателей указали на принятие ими решения, не требующего выяснения мнения потерпевшего в случаях коллизии их интересов с интересами потерпевших [10, с. 256–257].

Однако насколько такое решение допустимо признавать законным с позиции обеспечения прав потерпевшего – доступ к справедливому правосудию, возмещение вреда, причиненного преступлением, в разумный срок? По справедливому мнению М. Н. Таршевой, Е. Ю. Семенова, основанном на их собственном опыте следственной практики, для потерпевшего приоритетом выступает вопрос возмещения вреда, а не дальнейшая судьба подозреваемого, обвиняемого [13, с. 543].

Согласно уголовно-процессуального закона, правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной им в постановлении Пленума от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», способы возмещения вреда определяются потерпевшим. В развитие указанного сложно согласиться с С. А. Синенко, Ю. Н. Савенковым в том, что дача обвиняемым обещания потерпевшему возместить причиненный вред является законным условием прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон [11, с. 141–142]. Наличие согласия в таком случае потерпевшего не способствует достижению целей применения указанного уголовно-процессуального института, в частности – восстановление нарушенных преступлением прав, законных интересов потерпевшего, поскольку отсутствуют гарантии выполнения обвиняемым данного обещания. В качестве такой гарантии можно было бы предложить механизм отмены решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при невыполнении обвиняемым обещания о возмещении вреда и возобновление предварительного расследования. Однако его применение приведет к увеличению процессуальной нагрузки должностных лиц органов предварительного расследования, затягиванию доступа к правосудию. Если же потерпевшему не важен факт возмещения ущерба, его размер, то достаточным представляется получения следователем ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела ввиду отсутствия претензий к обвиняемому, причинившему ему вред преступным деянием.

Второй фактор, препятствующий более частому удовлетворению следователем ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, выступают действующие ведомственные нормативные акты, регламентирующие систему оценки деятельности органов предва-

рительного расследования. Главным показателем эффективности процессуальной деятельности следователя и дознавателя выступает количество направленных в суд уголовных дел с перспективой постановления по ним обвинительного приговора. Этот показатель существенно влияет на ранжирование органа предварительного расследования, и как следствие – соответствующего территориального органа МВД России. При таком подходе к оцениванию процессуальной деятельности следователя, как и дознавателя, нивелируется показатель, характеризующий количество уголовных дел о преступлениях, прекращенных следователем в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ [8, с. 226]. В следственной практике это находит выражение в том, что, как указали А. А. Давлетов и В. В. Дидык, девять из 10 опрошенных следователей, дознавателей не прекращают уголовные дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе за примирением сторон, ввиду ориентирования их процессуальными руководителями на направление уголовных дел в суд соответственно с обвинительным заключением или обвинительным актом, «усматривая в этом показатель более эффективной работы органа предварительного расследования» [1, с. 13]. По данным других исследователей, в 2020 г. следователи и дознаватели УМВД России по Орловской области прекращали уголовные дела за примирением сторон в единичных случаях, которые составляли менее 1 % от привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам [11, с. 145–146]. Схожая ситуация отмечается и в других субъектах Российской Федерации. Приведенные статистические данные свидетельствуют о сохранении актуальности утверждения Л. М. Карнеевой о том, что введение обоснованных с точки зрения науки и практики показателей деятельности следователей является одним из тех рычагов, которыми можно решительно повернуть положение к лучшему [3, с. 52].

Обеспечению законности принимаемого следователем решения по ходатайству обвиняемого о прекращении уголовного дела в связи с примирением потерпевшего способствовало бы и расширение пределов применения правовых норм о примирении сторон в уголовном процессе, целесообразность чего ранее обозначала Н. Ф. Кузнецова [6, с. 14–15]. По мнению ученого, невластным участникам уголовного судопроизводства необходимо предоставлять больше возможности распоряжаться своими процессуальными правами. Обеспечить указанное возможно конкретизацией процессуальных прав потерпевшего посредством указания в УПК РФ его права ходатайствовать о примирении сторон. Поскольку следователь несет персональную ответственность за исход уголовного дела, то критически следует оценить предложение Р. М. Минулина о необходимости в УПК РФ закрепить процессуальную обязанность следователя об информировании потерпевшего о наличии у него права на примирение и возможности прекращения уголовного дела за примирением сторон [9, с. 96]. Представляется, что предлагаемая юридическая конструкция влечет необоснованное усложнение деятельности следователя, порождая при этом процессуальную пассивность потерпевшего.

По обозначенной выше причине ошибочной является позиция Р. М. Минулина о необходимости возложить на следователя процессуальную обязанность прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон ввиду наличия права

у потерпевшего на примирение. В каждом случае расследования уголовного дела требуется установление баланса публичного и частного интереса, на что обращает внимание в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации. Автор содержание публичного интереса фактически игнорирует. Схожую позицию ранее высказывал и Б. Т. Безлепкин – следователь решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон мотивирует «любым соображением публичного свойства» [4, с. 42].

Следует отметить, что не все ученые-процессуалисты допускали возможным прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон следователем. Такое решение следователя расценивалось А. М. Лариным, Л. Д. Кокоревым как нарушение принципа презумпции невиновности, поскольку органы предварительного расследования выполняли деятельность, свойственную суду. Только суд, по их мнению, имеет право освободить обвиняемого от уголовной ответственности за вменяемое ему преступление [7, с. 152; 5, с. 78].

Анализ современной уголовно-процессуальной практики показывает, что в 80 % случаях уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, впервые совершенных обвиняемыми, прекращаются судом в связи с примирением сторон. Полного, всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела судом не проводится. Однако рассматриваемое процессуальное решение им принимается, что не позволяет утверждать о соблюдении судом в полной мере предписаний принципа презумпции невиновности в таком случае. Вместе с тем существенно возрастает нагрузка на органы предварительного расследования и суды в случае непринятия решения о прекращении уголовного дела при наличии для этого основания и необходимых условий на более раннем этапе уголовного судопроизводства. Поэтому сложно разделить выше приведенную позицию известных ученых-процессуалистов. На данный факт обращает внимание и В. М. Степашин [12, с. 122–124].

На основании изложенного следует заключить, что отсутствие оптимального регулирования условий и порядка прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон осложняет принятие следователем законного решения при поступлении соответствующего ходатайства обвиняемого (подозреваемого). Требуют нормативного уточнения не только условия и основание применения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, но и допустимые формы заглаживания вреда и правовой механизм их реализации. Не менее значимым является изменение подхода государства к оцениванию процессуальной деятельности следователя – обеспечение публичного интереса в уголовном судопроизводстве во взаимосвязи с частным интересом обвиняемого, потерпевшего. В этом случае достижение назначения уголовного судопроизводства станет более эффективным.

Список литературы

1. Давлетов А. А., Дидык В. В. Проблема прекращения уголовного дела по реабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2.

2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2024 г. № 78-УД24-7-КЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

3. Карнеева Л. М. Оценивать работу по конечным результатам // Социалистическая законность. 1987. № 6.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд. М., 2006.

5. Кокорев Л. Д. Судебная этика. Воронеж, 1993.

6. Кузнецова Н. Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5.

7. Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982.

8. Малышева О. А. Досудебное производство в уголовном процессе: состояние и перспективы развития : учебник для магистратуры. М., 2023.

9. Минулин Р. М. Право потерпевшего и частного обвинителя на примирение с лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Виктимология. 2024. Т. 11. № 1.

10. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

11. Синенко С. А., Савенков Ю. Н. К вопросу о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1 (3). Т. 2.

12. Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. 2017. № 1.

13. Таршева М. Н., Семенов Е. Ю. Примирительные процедуры в отечественном уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34. Вып. 3.

*Миронова А. В.¹,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

УСТРАНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ И ИНЫХ НЕДОСТАТКОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации является динамичным, подверженным систематическому внесению изменений и дополнений в действующие нормы. Между тем, в нем продолжает оставаться значительное количество пробелов, если понимать под ними упущения, недостатки уголовно-процессуального регулирования. Мнение о пробелах неоднократно высказывалось как учеными, так и должностными лицами правоохранительных органов в контексте их влияния на возникновение проблем понимания норм уголовно-процессуального законодательства и их применения. Все высказывания по этому поводу обычно сопровождаются предложениями о необходимости устранения существующих пробелов, восполнением недостатков путем принятия соответствующих правовых положений (норм или их частей) [1, с. 137], либо о преодолении пробелов разрешением применения аналогии закона, хотя такой способ вызывает много противников и противоречивых позиций [2, с. 9–10].

Согласимся, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве положений, определяющих конкретный порядок процессуальных действий, которые вне зависимости от недостатков их правовой регламентации, подлежат выполнению, влечет свободное понимание реализации полномочий должностным лицом, либо применение правил, установленных для схожих процессуальных действий. Примером таких пробелов является отсутствие урегулированного порядка получения объяснения, проведения исследования специалистом, назначения и проведения проверки и некоторые другие. Отсутствие регламентации в уголовно-процессуальном законе получения объяснения не препятствует этому процессуальному действию, без которого невозможно представить проверку сообщения о преступлении. Проведение и фиксация результатов получения объяснения зависит от сложившейся следственной и судебной практики, которая чаще всего склоняется к возможности применения некоторых правил, установленных для допроса, а также от требований должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Но на наш взгляд нормы ст.ст. 187–190 УПК РФ недостаточны и не всегда применимы для регулирования порядка получения объяснения. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 188 УПК РФ к лицу, без уважительной причины не явившемуся на допрос, могут быть применены меры уголовно-процессуального принуждения, но к участнику проверки сообщения о преступлении это

¹ © Миронова А. В., 2025.

правило не применимо. Порядок допроса разных участников уголовного судопроизводства имеет особенности, определенные дополнительными правилами (ст.ст. 173, 191, 205, 275, 278, 280 УПК РФ). Какой должен быть законный порядок получения объяснения правоприменителю остается домысливать самому.

Пробел в правовой регламентации уголовно-процессуальных институтов исследования и заключения специалиста по результатам его проведения обсуждается в научных трудах длительное время [3, с. 205–206], но до сих пор не был восполнен, порождая мнения и домыслы о применении правил, действующих для назначения судебной экспертизы и получения заключения эксперта. Такого рода пробел в следственной практике приводит к тому, что, не понимая, как законно провести исследование, без правовой основы, оно не проводится. Правоприменитель часто заменяет исследование назначением судебной экспертизы, что усложняет процесс получения доказательства, снижая его эффективность.

Аналогичным образом складывается ситуация по применению нормы ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой до возбуждения уголовного дела уполномоченному лицу (органу) проводящему проверку сообщения о преступлении разрешается проводить освидетельствование при не определенном процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства, изъятие предметов и документов без регламентации этого действия. Без применения правовой нормы, из-за отсутствия установленного законодательного механизма, теряется заложенный в ней смысл.

Кроме того, отсутствие законодательной регламентации правил проведения процессуального действия, не способствует решению вопроса является ли полученное доказательство допустимым (ч. 1 ст. 75 УПК РФ), может ли оно исключить обязанность проведения допроса при производстве дознания в сокращенной форме (пп. 2, 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ), не противоречит ли такое положение принципу законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ).

Проблема наличия пробелов в правовой основе досудебного производства состоит не только в снижении эффективности и результативности предварительного расследования, но и в возникновении угрозы наступления ответственности в связи с нарушением порядка проведения следственного действия. Неполнота правового регулирования следственных действий, которые могут быть произведены в жилище, может привести к нарушению принципов законности (ст. 7 УПК РФ) и неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ). В соответствии с нормами ст. 29 УПК РФ суд дает разрешение на проведении в жилище таких следственных действий, как осмотр в жилище, без согласия лиц, проживающих в нем, обыск и выемка в жилище, оставляя за пределами судебного порядка проведение в жилище проверки показаний на месте, следственного эксперимента. Возникает вопрос о том достаточно ли предлагать и реализовывать изменения в порядок проведения отдельных следственных действий, при наличии конституционной гарантии для каждого на неприкосновенность его жилища (ст. 25 Конституции Российской Федерации)? Отсутствие общего правила закрепленного в уголовно-процессуальном законе порядка проведения не отдельных, а всех возможных следственных действий в жилище по судебному решению, может привести

к нарушению права на неприкосновенность жилища с решением вопроса об уголовной ответственности по ст. 139 УК РФ.

Несомненно, наличие пробелов и неопределенностей уголовно-процессуальных норм затрудняет их применение и оценку законности процессуальных действий и решений. Результатом мониторинга правоприменения, проведения научных исследований являются предложения о восполнении пробелов и недостатков уголовно-процессуального законодательства, некоторые из которых реализуются законодателем. Однако, довольно часто внесение точечных изменений в уголовно-процессуальный закон приводит к несогласованности отдельных положений, противоречивости правовых норм. Примером тому можно назвать закрепление в первоначальной редакции уголовно-процессуального закона в п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ полномочия следователя давать поручение органу дознания об исполнении постановления об аресте. Многие исследователи задавались вопросом, что понимать под арестом в данном случае, поскольку такой меры принуждения в указанной законодателем формулировке нет [4, с. 95]. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ ст. 41 УПК РФ дополнена в ч. 3 полномочиями дознавателя, в точности повторяющими формулировку п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, кроме положения об аресте, который вполне оправданно заменен на «заключение под стражу». При этом норма о полномочии следователя поручать «арест» не претерпела изменений, что подтверждает выше сформулированный вывод о точечном характере вносимых изменений.

Обобщив вышеизложенное, отметим, что наличие законодательных пробелов в процессуальном порядке проведения следственных и иных процессуальных действий влияет на оценку законности действий должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, понимание содержания законных прав участников уголовного судопроизводства. Наличие установленного законом механизма реализации норм, определяющих полномочия должностных лиц и прав участников уголовного судопроизводства является необходимым условием обеспечения законности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Ткачев В. В. Пробелы российского уголовно-процессуального законодательства // Проблемы экономической и юридической практики. 2007. № 4. С. 135–137.
2. Зайцева Е. С., Козловский П. В. Аналогия права как способ преодоления пробелов в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63). С. 7–12.
3. Шапиро Л. Г. Проблемы правового регулирования института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 204–209.
4. Ендольцева А. В. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 91–96.

Есина А. С.¹,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Чиковани М. А.²,
старший преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТОЛКОВАНИЕ НОРМЫ ЗАКОНА КАК УСЛОВИЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Деяствия следователя во время производства по уголовному делу должны быть законными, т. е. соответствовать нормам закона. Это бесспорное утверждение предполагает, что следователь должен строго следовать тем законодательным предписаниям и положениям, которые закреплены в нормах как Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), так и в нормах иных нормативных актов, которые затрагивают регулирование правоотношений в обозначенной сфере (ч. 1 ст. 7 УПК РФ).

По мнению авторов статьи, деятельность по соблюдению законности представляет собой целый комплекс действий, которые должен последовательно выполнять следователь каждый раз, совершая процессуальное действия или принимая процессуальное решение: следует определить норму, подлежащую применению; истолковать ее содержание; применить; оценить выполненное действие или принятие процессуального решения на предмет его обоснованности, мотивированности и соответствия закону.

Наиболее ключевым этапом в этом механизме следует признать действия по уяснению смысла и содержания законодательного положения, которое предполагается применить. Для деятельности следователя толкование закона приобретает особенную значимость, поскольку от того, как он понимает смысл, заложенный законодателем в текст нормы УПК РФ, зависит применение той или иной нормы закона, а следовательно, и состояние законности его действий.

Профессор Л. В. Головки под толкованием уголовно-процессуальной нормы права предлагал понимать деятельность, направленную на установление содержания уголовно-процессуальных норм [1, с. 259]. Этот процесс не так прост, как может показаться. В большинстве случаев смысл, заложенный в процессуальную норму, соответствует ее языковому выражению, что позволяет понимать норму буквально. Однако изучение правоприменительной практики позволяет сделать

¹ © Есина А. С., 2025.

² © Чиковани М. А., 2025.

вывод о том, что далеко не во всех случаях содержание законодательного положения очевидно, а потому смысл трактуется не единообразно правоприменителями. Не случайно мы имеем доктринальное (научное) толкование, когда ученые-процессуалисты, комментируют нормы уголовно-процессуального закона, предлагая свое усмотрение относительно содержания и смысла той или иной нормы, судебное, высказанное в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, прокурорское, выраженное в приказах Генерального прокурора Российской Федерации, адвокатское, отраженное в различных научных публикациях и др.

Почему такое явление как разночтение смыслового содержания нормы закона вообще имеет место в правовой сфере? Позволим себе выделить несколько причин: нестабильность правовых норм, возникающая из-за частых изменений законодательства, изобилие различного рода толкований текста закона, несовершенство законодательной техники, поспешности в принятии некоторых правовых предписаний, наличие бланкетных норм, специфика юридических терминов и понятий, интерпретация которых требует специальных познаний, высокой квалификации и другие. В уголовно-процессуальном законе используется много формулировок, которые могут привести к разночтению в правоприменении, поскольку позволяют должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, толковать содержание нормы по своему оценочному суждению и внутреннему убеждению. Например, такие формулировки как: «иные сведения», «другие данные», «по усмотрению», «при необходимости», «при наличии достаточных данных полагать», «руководствуясь совестью» и др. Где гарантия того, что оценочные суждения относительно содержания используемых понятий совпадут при их толковании у разных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Практика показывает, что никакой гарантии этому нет. Можно привести множество примеров, свидетельствующих о том, как разночтение законодательных положений при толковании их содержания приводят к отсутствию единообразной практики и фактически подрывают законность правоприменения [3, с. 49, 133].

В этой связи уместно вспомнить высказывание известного российского цивилиста Г. Ф. Шершеневича, который писал: «Применение норм права по точному их смыслу, невзирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях, есть тот принцип законности, который составляет необходимое условие правового порядка» [4, с. 411]. Верно заметил и другой известный процессуалист И. Я. Фойницкий, который отмечал, что как бы ни был предусмотрителен законодатель, он все равно не может полностью объять все разнообразие жизни [2, с. 182].

Полагаем, что любое неофициальное толкование может обернуться против законности. При этом деятельность следователя (как и любого правоприменителя) при уяснении смысла законодательного положения не является чем-то механическим. Понятное дело, что во многом имеет значение опыт следователя (как жизненный, так и профессиональный), практика применения той или иной нормы закона в конкретном регионе, правовая позиция надзирающего прокурора, а порой даже человеческие качества должностного лица могут повлиять на уяснение смысла некоторых положений закона.

Что могло бы стать верным ориентиром в вопросах толкования смысла законодательных положений для субъекта правоприменения?

Полагаем, что способствовать разрешению рассматриваемой проблемы мог бы некий единый стандарт, разъясняющий понятия и категории, которые используются в тексте закона. Уверены, что правоприменителям порой остро не хватает официального публичного толкования отдельных положений уголовно-процессуального закона, которое не требовало бы дополнительных разъяснений, не позволяло бы переосмысливать содержания текста закона со стороны прокурора, суда, руководителей следственных подразделений, адвокатов, а принимался бы всеми участниками процесса безоговорочно. Главное, когда автор подобного стандарта не вызывает сомнений с точки зрения его компетентности.

В этом смысле, определенный интерес представляют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации на уровне Пленума. Высший судебный орган в своих постановлениях разъясняет судьям каким образом им следует поступать и на что ориентироваться в тех или иных правовых ситуациях. Практика показывает, что во многих случаях руководствуются подобными разъяснениями и должностные лица, осуществляющее досудебное производство. Однако, практика показывает, что и подобные решения не всегда безупречны с точки зрения точного соответствия замыслу закона. Например, в 2016 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 29 марта 2016 г. № 11, дал разъяснение уголовно-процессуальной категории «уголовное преследование». Под данным термином предложено понимать момент, когда в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его избрание в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым (п. 18). Однако в п. 55 ст. 5 УПК РФ законодатель иначе определяет данную категорию – как деятельность, которая осуществляется стороной обвинения только в отношении подозреваемого и обвиняемого. Возникает вопрос: является ли мнение высшего судебного органа обязательным для следователей, учитывая, что толкование, данное Верховным Судом Российской Федерации, шире, чем определил пределы рассматриваемого понятия законодатель? Признавая полезность и востребованность разъяснений высшего судебного органа, следует тем не менее отметить, что судебное толкование лишено значения нормативного акта, силы закона и не может быть воспринято как обязательное для всех участников процесса.

В этой связи следует согласиться с теми авторами, которые исследуя проблемы в рассматриваемой теме высказываются за целесообразность и необходимость толкования, которое исходит от самого законодателя (аутентического толкования), который в законодательном порядке дает разъяснение, как и что именно следует понимать под тем или иным термином [4, с. 628].

Справедливости ради отметим, что Российский законодатель использовал данный прием в ст. 5 УПК РФ, однако, как показывает практика одной нормы в законе явно недостаточно, чтобы разъяснить все необходимые термины. Для того чтобы не превращать уголовно-процессуальный закон в большой словарь

терминов и вместе с тем, в поиске путей для обеспечения законности и единообразия при применении норм уголовно-процессуального закона, авторы статьи предлагают законодателю использовать при написании норм УПК РФ прием, который уже успешно использован им и опробирован в тексте уголовного закона, а именно: сопровождать некоторые нормы УПК РФ (в особенности новеллы закона) примечаниями. Примечание к статье кодекса рассматривается как структурный элемент нормы закона, обязательный к применению, поскольку он присоединен к конкретной статье закона и содержит определенное правило или разъяснения конкретного понятия, подлежащего применению в этой норме или в иных, в которых используется. Возможно, что предлагаемый путь решения рассматриваемой проблемы мог бы стать тем условием, которое отчасти будет способствовать обеспечению соблюдения принципа законности в уголовно-процессуальной сфере.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1912 (переизд.: СПб., 1996).
3. Чиковани М. А. Реализация принципа законности следователем органов внутренних дел на отдельных этапах досудебного производства : монография / под ред. А. С. Есиной. М. : Юнити-Дана, 2023.
4. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016.

*Алонцева Е. Ю.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В правовом государстве законность является основополагающим принципом и составляет основу всех правовых институтов. Определяет уровень развития государства и степень уважения прав и свобод личности. Законность является общеправовым и государственным принципом в Российской Федерации. Уголовное судопроизводство это сфера правоотношений, которые наиболее существенно ограничивают права, свободы и законные интересы лиц в процессе расследования уголовного дела и судебного разбирательства. Для обеспечения надлежащей гарантии законности вмешательства и вторжения в частную жизнь, соблюдения и уважения прав и свобод личности, в уголовно-процессуальном законодательстве закреплены принципы уголовного судопроизводства. Принципы имеют императивный характер и являются основой всего уголовного процесса, определяют правила и общие условия судопроизводства. Полагаем, что их значение нельзя преуменьшить и правильное применение норм закона, содержащих основные правовые предписания должны быть реализованы во всех институтах уголовного судопроизводства.

Требование законности служит важнейшей основой всех принципов правосудия и уголовного судопроизводства. Среди всей совокупности принципов уголовного судопроизводства - законность неоспоримый и наиважнейший принцип уголовного процесса (ст. 7 УПК РФ). Его особое центральное место определено общеправовым характером и основой всей процессуальной деятельности. Статья 7 УПК РФ содержит требование о необходимости точного неуклонного соблюдения закона и его применении при принятии всех процессуальных решений по уголовному делу. При этом принципы распространяют свое действие на все этапы производства по уголовному делу. Одним из центральных этапов уголовного судопроизводства является предварительное расследование. В ходе осуществления предварительного расследования с помощью производства следственных действий следователь производит доказывание, направленное на установление всех обстоятельств дела, установление лица и его причастности к совершению преступления, установление его виновности в совершении конкретного преступления, определяет квалификацию преступления, установление иных обстоятельств дела, имеющих значение. При производстве следственных действий принципы также имеют свое прямое и непосредственное действие. Принцип законности определяет правомерность, правильность и процессуальную форму следственного действия и влияют на характер доказывания и признания доказательств допустимыми. При нарушении положений ст. 7 УПК РФ

¹ © Алонцева Е. Ю., 2025.

и других требований закона, установленных для производства следственных действий, нивелируются все полученные результаты, в том числе доказательства, полученные в ходе следственного действия.

Дискуссионность вопроса о требовании законности в уголовном процессе связана с пониманием и содержанием данного принципа.

В. Т. Томин, говоря о содержании принципа законности, выражал мнение о том, что законность заключается в наличии оптимального количества норм и их скрупулезном соблюдении [1, с. 23].

Другие авторы придерживаются точки зрения о том, что законность – это правомерность деятельности государственных органов, и своеобразный политико-правовой режим общественной жизни, и строгое требование соблюдения законов [2, с. 252]. Справедливо определяя его как правомерная деятельность деятельностью субъектов уголовного процесса. Однако анализ ст. 7 УПК РФ позволяет утверждать, что одной из составляющих принципа законности является соблюдение процессуальных норм. В этой связи полагаем, что обе точки зрения авторов в совокупности составляют понимание содержания принципа законности.

Для следователя реализация принципа законности при производстве следственных действий, по нашему мнению, связана прежде всего с полным всесторонним и объективным расследованием по уголовному делу. Именно эта обязанность следователя, вытекающая из назначения уголовного судопроизводства, лежит в основе применения принципа законности. Все нормы закона направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать основные критерии реализации указанного принципа при производстве следственных действий:

1) достаточная совокупность норм закона предполагает достаточное основание для осуществление процессуальной деятельности, детальную регламентацию производства следственных действий для правоприменителей;

2) обязанность следователя, суда и других должностных лиц уголовного судопроизводства соблюдать действующее законодательство при принятии решений о производстве следственных действий и непосредственно при производстве следственных действий;

3) обязанность соблюдения как уголовно-процессуального, так и уголовного законодательства;

4) правоотношения между участниками при производстве следственных действий складываются только в рамках закона;

5) оценка доказательства, полученных в ходе производства следственных действий по правилам оценки доказательств, с оценкой соблюдения процессуальной формы, руководствуясь законом и совестью.

Список литературы

1. Томин В. Т. Принципы советского уголовного процесса // Практикум по советскому уголовному процессу. Вып. 1. Горький : ГВШ МВД СССР, 1988.

2. Лазарев В. В. Законность и правопорядок // Общая теория права : учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. М. : Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, 1996.

Валов С. В.¹,

старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ЗАКОННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одна из задач руководителя следственного органа – не допустить нарушения законности подчиненными сотрудниками [5, п. 4 ч. 4 ст. 1]. Данная целевая установка определяет значение и содержательное наполнение группы превентивных мер в системе обеспечения законности процессуальной деятельности следователей [1].

Превентивный (лат. *praevenio, praeventum*; франц. *préventif* – опережающий, предшествующий, профилактический) характер системно реализуемых руководителем следственного органа (далее – РСО) мер означает принятие управленческих решений и выполнение действий, опережающих наступление причин нарушений законности, снижают негативное влияние способствующих им факторов и условий, формируют и закрепляют положительные тенденции в работе возглавляемого органа (подразделения), препятствуя нигилистическим, деструктивным проявлениям, создают условия для надлежащего выполнения следователями возложенных на них обязанностей и применения предоставленных им прав в строгом соответствии с требованиями закона.

РСО обязаны разработать и применять систему контроля, исключаящую нарушения УПК и незаконные процессуальные решения [6, п. 1.15]. На практике РСО ограничиваются выработкой и реализацией упреждающего процессуального контроля за соблюдением закона при проверке сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел [7; 8]. Сбой в системе реализации превентивных мер может привести к тому, что руководитель сам станет субъектом, в отношении которого будут проводить служебную проверку.

Зачастую РСО видят свое функциональное предназначение только в осуществлении контроля, при чем исключительно в процессуальной форме. Такое восприятие своего назначения в итоге деформирует систему мер, наполняя ее преимущественно формами, методами и средствами осуществления одной из управленческих функций, принижая значение других в формировании, оформлении и реализации управляющих воздействий на подчиненных в целях обеспечения соответствия их деятельности нормативным моделям, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве.

Учитывая взаимосвязи между процессуальными и служебными полномочиями РСО и комплексный характер деятельности подчиненных им должностных

¹ © Валов С. В., 2025.

лиц, группа превентивных мер включает в себя не только меры, содержательно относящиеся к выполнению функции контроля, реализуемой исключительно в процессуальной форме. Группа превентивных мер основана на процессуальных и служебных полномочиях РСО.

К превентивным мерам процессуального воздействия отнесены следующие:

1. Проверка РСО материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовных дел, принимаемых решений по ним (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Проверка есть форма предшествующего процессуального контроля, выполняемого до того, как будут выполнены действия или приняты решения объектом управления. Поскольку частота, срок и периодичность осуществления проверок уголовно-процессуальным законодательством не установлены, то в целях упорядочения проверок данные вопросы решены межведомственными и ведомственными нормативными правовыми актами, управленческими решениями на региональном уровне. Так, РСО должен изучить материалы проверки сообщений о преступлениях до истечения сроков, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, и принятия по ним процессуальных решений [9, п. 2.1]. РСО обязаны организовать изучение материалов уголовного дела не позднее чем за пять суток до направления следователем участникам уголовного судопроизводства уведомления в соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК РФ [6, п. 1.24]. Решения, принятые на региональном уровне, требуют от РСО изучения уголовных дел на ранних этапах предварительного расследования [10, п. 1.1].

Своевременность и систематичность изучения уголовных дел, находящихся в производстве следователей, достигают посредством разработки ежемесячного графика проверки, который доводят до подчиненных. В помощь РСО разработаны и внедрены алгоритмы проверки уголовных дел [2; 3] и унифицированные формы систематизации информации, получаемой в ходе их изучения [4].

2. Вручение следователю письменных указаний о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК). Представление указания в письменном виде есть соблюдение процессуальной формы и одновременно гарантия процессуальной самостоятельности следователя. Письменная форма указания позволяет зафиксировать правовую позицию РСО в уголовно-процессуальных отношениях со следователем, придать им свойства определенности, конкретности и четкости. Обязательность письменных указаний означает их безусловную выполнимость, за исключением оснований, указанных в законе, и наступления форс-мажорных обстоятельств (например, смерть лица, которого предписывалось допросить). По ряду вопросов, которые РСО разрешает указанием, его правовые позиции могут не совпадать с мнением следователя. Но только выражение этого мнения в установленной законом письменной форме и доведение его до соответствующего должностного лица – руководителя вышестоящего следственного органа – образуют совокупность юридических оснований для приостановления исполнения следователем указаний РСО. К сожалению, современная законодательная мо-

дель рассмотрения возражений следователя на данные ему РСО письменные указания не отличается завершенностью своей конструкции в отличии от норм, определявших порядок рассмотрения возражений на указания прокурора (ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР).

Целевая направленность письменных указаний, основанных на п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, отличает их от указаний, изложенных в форме постановления (ч. 21 ст. 124 УПК РФ), которые отнесены к мерам реагирования на нарушения законности, выявленные при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи права и свободы затронуты производством по уголовному делу.

3. Производство РСО допроса подозреваемого (обвиняемого) без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение ходатайства об избрании, продлении, об отмене или изменении меры пресечения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Личное общение РСО с лицом, в отношении которого запланировано применение меры пресечения или решение вопроса о длительности введения связанных с ней ограничений конституционных прав и свобод человека, направлено на непосредственное восприятие субъектом управления фактической информации, которой может быть обосновано ходатайство следователя, выдвигаемое перед судом. По своей сути данное процессуальное действие является формой включенного наблюдения за деятельностью подчиненного. Порожденное практикой прокурорского надзора [11, п. 1.6; 12, п. 1.10; 13, п. 6.1], данное действие по предупреждению применения чрезмерно строгой меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в настоящее время предусмотрено не административным актом (приказом), а уголовно-процессуальным законом.

4. Личное участие РСО в проверке сообщения о преступлении и производстве предварительного расследования по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 39, ч. 2 ст. 39, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Помимо задач включенного наблюдения за действиями и решениями подчиненных РСО своим личным примером демонстрирует им образцы процессуальной деятельности, в полной мере соответствующей требованиям закона. Необходимость личного выполнения РСО ряда процессуальных действий при проверке сообщений о преступлениях предусмотрена межведомственными и ведомственными нормативными правовыми актами. Так, в необходимых случаях РСО обязан лично получать объяснения от заинтересованных лиц и специалистов, а равно заявителей, изменивших свою первоначальную позицию, с приобщением результатов опросов к материалам проверок [9, п. 2.3]. Возглавляя следственную группу, РСО лично принимает процессуальные решения по вопросам, перечисленным в чч. 4 и 5 ст. 163 УПК РФ.

5. Рассмотрение РСО вопроса о даче согласия на действия и решения следователя. По нашим подсчетам следователь должен согласовывать с РСО более сорока видов процессуальных решений и действий, предусмотренных УПК. Количественные характеристики подтверждают тезис о том, что РСО располагает достаточно широкими полномочиями для обеспечения законности действий и решений, затрагивающих конституционные права и свободы человека и гражд-

данина. Включенность РСО в механизм принятия важных процессуальных решений меняет с персональной на солидарную вид ответственности за реализацию принципа законности.

6. Рассмотрение ходатайств следователя о продлении срока проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 144 УПК РФ) или срока предварительного следствия по уголовному делу (ч. 4 ст. 162 УПК РФ) и обосновывающих их материалов предшествует принятию РСО решения о продлении процессуального срока. Данное решение есть разрешение следователю продолжить процессуальную деятельность в определенной процессуальной форме в течение временного промежутка, длительность которого определяет РСО в пределах, установленных законом. До принятия решения РСО устанавливает наличие фактических оснований для поставленного перед ним следователем вопроса о необходимости продолжения процессуальной деятельности, сопоставляет данные, имеющиеся в материале проверки или уголовном деле, с юридическими основаниями.

Группу мер превентивного воздействия, основанного на приказах, распоряжениях и указаниях Следственного комитета Российской Федерации, образуют следующие:

1) распределение нагрузки по материалам проверки и уголовным делам, находящимся в производстве подчиненных следователей, с учетом уровня их профессиональной подготовки и опыта работы, общего числа материалов и дел в целом в органе и у каждого сотрудника, категории расследуемых ими преступлений, количества обвиняемых по уголовным делам и инкриминируемых им эпизодов преступной деятельности [14, п. 1.3];

2) организация и проведение теоретических и практических занятий в системе профессионально-должностной подготовки с обязательным контролем сформированных знаний, умений и навыков подчиненных. При этом анализ результатов обучения проводят с учетом показателей деятельности следственного органа, в числе которых соблюдение законности занимает ведущее место [15]. Совершенствование умений и навыков осуществляют в ходе повседневной деятельности, например, при подготовке следователя к выступлению в судебном заседании;

3) организация направления следователей для повышения квалификации или переподготовки в образовательные организации Следственного комитета Российской Федерации и иных ведомств [16] с учетом сложившейся обстановки (изменения форм и методов совершения преступлений в регионе, увольнение или перевод по службе следователей, специализирующихся на расследовании определенного вида преступлений; формирование резерва кадров в рамках организационного обеспечения специализации по расследованию определенной категории дел) [5, ст. 34];

4) обеспечение своевременного изучения подчиненными сотрудниками новых нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность следственных органов, а также постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоров следственной и судебной практик. Обратим внимание на систематически подготавливаемые

с 2018 г. Верховным Судом Российской Федерации Обзоры практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека [17; 18]. В них систематизированы правовые позиции по вопросам защиты прав и свобод человека в сфере осуществления уголовного судопроизводства, подлежащие учету при рассмотрении уголовных дел.

Целенаправленное акцентирование внимания следователей на совершенствовании правовых основ их повседневной деятельности позволяет не только проинформировать, но и разобрать возможные правовые последствия принятых законодателем решений, обратить внимание на срок вступления в силу правовых актов, довести до подчиненных алгоритм действий в той или иной ситуации. Особое внимание следует обратить на постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которыми отдельные нормы УПК РФ и иных законов, регулирующих деятельность следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, могут быть признаны неконституционными, а следовательно, не подлежащими применению;

5) своевременное доведение экспресс-информаций, аналитических справок, приказов о наказании следователей и руководителей за допущенные нарушения законности. Помимо решения задач общей превенции такие источники информации служат руководством к действию. Поступление информации о наказании коллег в ином следственном органе обязывает руководителя проверить наличие аналогичных уголовных дел в производстве подчиненных следователей, выявить условия и факторы, которые могут способствовать наступлению по таким делам подобных негативных последствий, и предпринять упреждающие действия;

б) внедрение положительного опыта расследования преступлений, использования технических средств и научных методов расследования. Источниками информации выступают методические материалы, подготовленные подразделениями центрального аппарата и региональными следственными управлениями Следственного комитета Российской Федерации; научные и учебные издания образовательных организаций Следственного комитета Российской Федерации [19]; информационные базы данных методической литературы [20];

7) пресечение фактов вмешательства в процессуальную деятельность следователей лиц, не уполномоченных на то законом;

8) формирование благоприятного морально-психологического климата в служебных коллективах [21, п. 18], организация и проведение профилактических мероприятий в ходе информационно-воспитательной и психологической работы с сотрудниками [22, пп. 7.3, 7.5]. Стандарты организации работы подчеркивают, что РСО всех уровней несут персональную ответственность за организацию и состояние воспитательной работы на всех этапах службы сотрудников, повышение уровня общей культуры, мобилизацию их на неуклонное соблюдение требований закона [22, п. 3];

9) организация и осуществление наставничества [23];

10) организация взаимодействия с органами прокуратуры [24; 6, п. 1.14] и судом в целях выработки единых стандартов правоприменения. Независимый организационно-правовой статус каждой из трех взаимодействующих сторон

не исключает инициативную постановку проблемных вопросов правоприменения, внесения предложений о вариантах их разрешения, совместной выработки решения, представления консолидированной позиции перед субъектами законотворческой инициативы;

11) обеспечение соблюдения подчиненными сотрудниками требований законодательства о службе в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и антикоррупционного законодательства [25];

12) выявление сотрудников с признаками социально-психологической дезадаптации, находящихся в кризисных жизненных ситуациях, принятие совместно с иными подразделениями и специалистами мер по оказанию им социальной, психологической, правовой и иной необходимой помощи;

13) тщательное изучение моральных, деловых, психологических и иных профессионально значимых качеств личности сотрудников, оценка их способности и готовности переносить повышенные психоэмоциональные нагрузки;

14) анализ причин и условий, способствовавших совершению нарушений законности в возглавляемом следственном органе или иных следственных органах, и разработка на этой основе комплекса упреждающих мероприятий [26];

15) совершенствование собственных знаний, умений и навыков организации и осуществления управленческой деятельности.

Результаты выполнения РСО возложенных на него обязанностей отражают в предусмотренных ведомственными нормативными правовыми актами заключениях о законности тех процессуальных решений, которые были проверены, а в случаях, определенных законом, и согласованы им.

Таким образом, в результате реализации превентивных мер обеспечения законности РСО создает условия для надлежащего выполнения подчиненными сотрудниками возложенных на них обязанностей и применения предоставленных им прав; снижает в пределах своих возможностей негативное влияние деструктивных факторов социальной среды; устраняет условия, способствующие девиантному поведению подчиненных; предупреждает зарождение причин нарушений законности в процессуальной и служебной деятельности возглавляемых служебных коллективов. Реализация превентивных мер направлена на исключение принятия следователями незаконных решений и производство процессуальных действий в досудебном производстве.

Список литературы

1. Валов С. В. Организация руководителями органов расследования преступлений обеспечения законности в деятельности подчиненных подразделений // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 4 (16). С. 26–29.

2. Гармаев Ю., Хориноев А. Алгоритм проверки материалов уголовного дела // Законность. 2009. № 2. С. 16–21.

3. Трощанович А. В., Соломатина Е. А. Алгоритм проверки уголовного дела руководителем следственного отдела. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2015.

4. Справка об изучении уголовного дела перед его направлением прокурору для утверждения обвинительного заключения. Ставрополь : Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю, 2018.

5. Федерального закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

6. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

7. Указание Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области от 13 мая 2020 г. № 34/216 «О порядке рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» // Вестник Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области. 2020. № 5. С. 200.

8. Решение коллегии Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике от 15 мая 2020 г. № 8решк // Вестник Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике. 2020. № 5. С. 47.

9. Приказа генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, Следственного комитета Российской Федерации, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, Минобороны России, ФССП России, МЧС России от 26 марта 2014 г. № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

10. Решение коллегии Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области от 24 мая 2019 г. № 52 «О результатах анализа состояния законности при продлении сроков предварительного следствия по уголовным делам».

11. Приказ Генпрокуратуры РФ от 21 февраля 1995 г. № 10 «Об организации прокурорского надзора за расследованием и раскрытием преступлений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

12. Приказ Генпрокуратуры РФ от 18 июня 1997 г. № 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

13. Приказ Генпрокуратуры РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

14. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 3 «Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрания и продления

срока меры пресечения в виде заключения под стражу» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

15. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 86 «Об утверждении Порядка организации и осуществления профессионально-должностной подготовки сотрудников следственных органов (учреждений) Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

16. Соглашение между МВД России и Следственным комитетом Российской Федерации о сотрудничестве в сфере подготовки кадров от 14 сентября 2020 г. (документ не был опубликован).

17. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека : подготовлен Верховным Судом Российской Федерации № 1 (2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

18. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека : подготовлен Верховным Судом Российской Федерации № 6 (2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

19. Каталог-рубрикатор научных и учебных изданий, подготовленных Московской академией Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева. URL: <http://academy-skrf.ru/izdat/>.

20. Портал научно-методической поддержки следственной и судебно-экспертной деятельности. URL: <http://sovetsnik.sledcom.ru>.

21. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации : утвержден Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным 11 апреля 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

22. Концепция воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации : утверждена Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным 26 июня 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

23. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 42 «Об утверждении Положения об организации наставничества в системе Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

24. Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

25. Комплексный план мероприятий Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции на 2021–2024 годы : утвержден Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

26. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24 мая 2021 г. № 77 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

Заливин А. Н.¹,

*доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Рыжаков А. П.²,

кандидат юридических наук, профессор

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПО ФАКТАМ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ (ст. 146 УК РФ) В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В результате внесения изменения в ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» декриминализован большой круг деяний за счет того, что крупный размер теперь составляет не 100 000 руб., а 500 000 руб. Существенная часть тяжких преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ, стали преступлениями небольшой тяжести. Речь идет о предусмотренных ч. 2 ст. 146 УК РФ деяниях, когда стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышает 1 000 000 руб., но меньше 2 000 000 руб. В настоящее время это преступления, наказание за которые не может превышать двух лет лишения свободы.

С одной стороны, думается, это должно было привести к «оживлению» ст. 146 УК РФ, по которой в ряде случаев не возбуждаются уголовные дела, если они не являются результатом специальной работы оперативных служб правоохранительных органов. С другой стороны, по такого рода заявлениям о преступлении следователи зачастую в течение нескольких лет (неоднократно) принимали незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Например, в следственном отделе по г. Каспийск СУ СК России по Республике Дагестан по материалу проверки № 104 пр-21 от 08.04.2021 г. вынесено 9 признанных незаконными и необоснованными постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела от: 17.04.2021, 10.06.2021, 10.07.2021, 23.07.2021, 09.10.2021, 04.11.2023, 08.11.2023, 11.11.2023, 16.05.2024 г. [1]; в следственном отделе по Нахимовскому району г. Севастополь ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополю по материалу проверки № 361 пр-22 от 01.08.2022 г. вынесено 11 признанных незаконными и необоснованными постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела от: 31.08.2022, 19.10.2022, 31.10.2022, 10.12.2022, 27.03.2023, 14.05.2023, 30.08.2023, 27.10.2023, 09.12.2023, 26.04.2024, 14.08.2024 г. [2].

Происходит это, в том числе из-за недостаточных знаний самих следователей и их руководителей (надзирающих прокуроров) в части специфики квалификации и методики расследования такого рода преступлений. Именно поэтому в Постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела нарушается логический

¹ © Заливин А. Н., 2025.

² © Рыжаков А. П., 2025.

закон тождества, а именно, характеризуя один предусмотренный ст. 146 УК РФ состав преступления, следователь порой оперирует признаками другого состава преступления, заявления о совершении которого в следственный орган не поступало.

Правовой анализ вышеуказанных материалов позволил констатировать, что следователи не видят существенной разницы между тремя предусмотренными ст. 146 УК РФ составами преступлений:

1) присвоением авторства (плагиатом) (ч. 1 ст. 146 УК РФ) – материальный состав, обязательно должен быть ущерб, дело частного-публичного обвинения;

2) приобретением, хранением, перевозкой контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта (чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ) – формальный состав, ущерб не обязателен, обязателен крупный или особо крупный размер совершенного преступления, который согласно примечанию к ст. 146 УК РФ, определяется исходя из стоимости экземпляров произведений или фонограмм; когда эта стоимость превышает пятьсот тысяч рублей – крупный размер, два миллиона рублей – особо крупный размер; дело публичного обвинения;

3) незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав (чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ) – формальный состав, ущерб также не обязателен, обязателен крупный или особо крупный размер совершенного преступления, который согласно примечанию к ст. 146 УК РФ, определяется исходя из стоимости прав на использование объектов авторского права и смежных прав; когда эта стоимость превышает пятьсот тысяч рублей – крупный размер, два миллиона рублей – особо крупный размер; дело публичного обвинения.

Принимая решение по заявлению о третьем виде состава преступления – о незаконном использовании неустановленным лицом объектов авторского права, следователи ссылаются на незначительный ущерб и стоимость доказанно использованных определенным человеком контрафактных экземпляров произведений. Хотя данные обстоятельства не имеют никакого отношения к квалификации деяния, о котором было заявлено в следственный орган.

Следователи к тому же считают, что изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3, с. 2–47] разъяснения не могут быть применимы для определения стоимости права использования произведения, путем установления которой доказывается крупный и особо крупный размер предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ состава преступления [1].

Хотя согласно абз. 4 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» «разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 и 180 УК РФ, суды должны учитывать положения гражданского законодательства» [4, с. 4].

Полагаем, что нарушение принципа законности при осуществлении уголовно-процессуального производства по рассматриваемой категории дел – имеет

место также из-за отсутствия единой судебной практики по гражданским спорам, инициированным подобными правонарушениями.

Так, Суд по интеллектуальным правам считает, что изготовление частей чужих Произведений, осуществленные с контрафактного экземпляра, а тем более при неправомерном доведении их в сети Интернет до всеобщего сведения, является нарушением исключительного права на Произведения, как и аналогичные действия по использованию полных текстов тех же Произведений [5].

Свои решения они основывают на разъяснениях, изложенных в информационном письме Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора) от 14 декабря 2017 г. В последнем отмечено, что «наличие на интернет-сайте сетевого издания гиперссылки на материал (текст, видео-, аудио-, изображение и т. д.) с противоправным контентом расценивается Роскомнадзором как способ распространения данного контента в том случае, если такая гиперссылка является неотъемлемой частью контекста; размещая гиперссылку на какой-либо материал стороннего ресурса, редакция СМИ знает о содержании материала, доступного по данной гиперссылке, следовательно, способствует ее распространению» [6].

Противоположного мнения придерживаются суды общей юрисдикции [7; 8]. Такая же обстановка с толкованием понятия «распространение» произведения, что, безусловно, не способствует единству судебной практики и реализации принципа законности в условиях цифровой трансформации.

Как следствие вышесказанному и менее значимое, но все же важное обстоятельство – должностными лицами, которыми принимаются решения по жалобам, на незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, совершенно игнорируются разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым у заявителя имеется право «получить на» его «обращение адекватный ответ». Положения ст.ст. 7, 123, 124, 125, 388 и 408 УПК РФ «в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из настоящего Определения, не допускают отказ дознавателя, следователя, прокурора, а также суда при рассмотрении заявления, ходатайства или жалобы участника уголовного судопроизводства от исследования и оценки всех приводимых в них доводов, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом» [9].

Обозначенных проблем могло бы не быть, если при подготовке следователей больше внимания было уделено изучению вопросов правильной правовой квалификации нарушения авторских и смежных прав, как в части уголовного, так и гражданского права. Несомненно, в настоящее время важно дополнительное изучение также методики расследования такого рода преступлений в условиях цифровой трансформации. Изложенное позволяет констатировать, что одной из форм реализации принципа законности, а именно, положения, закрепленного в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, не только по рассматриваемой категории дел, могла бы способствовать практика привлечения, по меньшей мере, к дисциплинарной ответственности тех следователей, которые неоднократно в течение нескольких лет

незаконно принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же факту.

Список литературы

1. Материал проверки от 8 апреля 2021 г. № 104 пр-21 следственного отдела по г. Каспийск Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан.

2. Материал проверки от 1 августа 2022 г. № 361 пр-22 следственного отдела по Нахимовскому району г. Севастополь Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7. С. 2–47.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 3–10.

5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 февраля 2023 г. № С01-2290/2022 по делу № А40-267527/2021 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

6. Разъяснения Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 14 декабря 2017 г. «Разъяснения в связи с публикациями СМИ об ограничении доступа к интернет-ресурсам с материалами организаций, признанных в России нежелательными» // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru>.

7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции по делу от 15 апреля 2024 г. № 88-3106/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

8. Определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 августа 2024 г. № 20-КФ24-200-К5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 42-О «По жалобам Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

*Сопнева Е. В.*¹,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Законность – это принципиальная ценность всего уголовного судопроизводства и каждого его решения, действия, бездействия. Ее можно рассматривать как фундамент разработки теоретических представлений о формировании и реализации процедур и правил, гарантию соблюдения прав, свобод и интересов лиц, показатель правомерности практики, цель обжалования и контрольно-надзорной деятельности. Подозрение – это императивная, востребованная, разновидная и многомодельная категория уголовного процесса. Его можно рассматривать как официально выдвинутые предположения о преступлении, о лице, о причастности конкретного лица к конкретному преступлению. В свою очередь, такие допущения позволяют инициировать разные последствия, например, подозреваемого, задержание, допрос. На этом фоне сосуществование законности и подозрения – необходимое и естественное состояние, а возможность его обеспечения – вполне актуальная и уместная задача.

Такой взгляд обуславливает рассмотрение вопроса о создании единого и преемственного понимания и выполнения законности подозрения. Тогда все субъекты работы с подозрением (следователь и дознаватель, которые его формируют и реализуют, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, суд, которые сопровождают эти процессы согласно своему функционалу и стадийным границам, определяют наличие или отсутствие такого положения) будут снабжены необходимыми параметрами. Причем на всех этапах производства (проверки сообщения о преступлении, расследования, надзора, контроля), и во всех сферах применения (возбуждения уголовного дела, мер принуждения, следственных действий, оспаривания, завершения производства).

Основы осмысления законности подозрения имеются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), теории, практике. В них заложены черты и предписания, объединение которых помогает создать полноценное представление этого состояния, определить элементы его формирования, факторы ограждения. При этом закон является отправным носителем ориентиров для выработки определений, порядка, предписаний, гарантирующих правомерность деятельности и результата. Теория имеет значение как площадка открытия смысла исследуемого словосочетания, разработки содержания и охранительных условий. Практика призвана показать успешность симбиоза науки и нормы, проявляя преимущества и недостатки используемых установок, выдвигая запрос на необходимые обстоятельства.

Обратимся к исследованию названных источников, и, прежде всего, судебных актов. На наш взгляд, именно суды внесли большой вклад в толкование и сохранение законности подозрения. Отметим, что толчок их размышлениям

¹ © Сопнева Е. В., 2025.

и выводам дали обращения граждан с вопросами о требованиях, которым должно соответствовать подозрение, в том числе его законности. Это произошло на фоне имеющихся пробелов и восполнения их судом. Такую компенсацию можно признать полезной, но недостаточной. Предлагаемое осмысление имеет субъектные и стадийные ограничения, а соблюдение норм может наступить с задержкой, лишь на этапах контроля, обжалования и, соответственно, возможного нарушения прав граждан.

Совокупный анализ документов высших судебных органов Российской Федерации, позволил выделить ряд правовых позиций. Так, суд признает, что подозрение должно быть законным, однако акцент делает на законности актов, содержащих объявленное в отношении лица подозрение в преступлении. Он указывает на взаимообусловленность законности и обоснованности этого явления, предлагая удостовериться в их наличии, и полагает, что когда нет обоснованности, то отсутствует и законность, а также выделяет законность подозрения как обстоятельство принятия решения.

В частности, Конституционный Суд Российской Федерации пишет, что суд правомочен проверить и оценить законность принятых по делу процессуальных решений, фиксирующих выдвинутое в отношении лица подозрение в преступлении, при использовании гражданами права на обжалование в суд решений органов предварительного расследования [1].

Верховный Суд Российской Федерации обозначает, что подозрение можно признать обоснованным, когда оно будет соответствовать закону, и, наоборот, законность обеспечивается обоснованностью. Он призывает не оставлять без проверки и оценки обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Ее отсутствие должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), и влечь отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [2]. Такая позиция реализуется иными органами. Так, Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, рассматривая вопрос о заключении под стражу В., указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения. Однако суд не пояснил, какие сведения позволили прийти к такому выводу. В связи с чем, Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке решил его отменить, указав, что согласно протоколу судебного заседания в нем какие-либо материалы не исследовались [3].

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на документы органа конституционного контроля, рассматривает законность подозрения как условие прекращения в отношении лица уголовного преследования в связи с истечением срока давности. Такое решение необходимо мотивировать нормами материального и процессуального права, доказательствами, подтверждающими событие, правильность квалификации деяния, срок давности уголовного преследования за которое истек, совершение деяния (подозрения в совершении) конкретным лицом, наличие в нем всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела [4, с. 108–110].

Вместе с тем, суд также задается вопросом об определении законности. Разрешая обращение адвоката на законность решения следователя об отказе в удовлетворении его ходатайства, он использовал свое видение этого качества, сопоставил приведенные критерии с имеющимися доводами, и пришел к выводу, что следователь нарушил требования закона и не указал достаточных обоснований. При этом определил, что законность – это соблюдение норм УПК РФ, регламентирующих порядок принятия решения или совершения соответствующего действия дознавателем, следователем, прокурором [5].

Обращение к уголовно-процессуальному источнику показывает, что подозрение легализуется как вторичное сопутствующее явление в рамках иных первичных действий и решений. Полагаем, что одновременная инициация нескольких актов в одном процессуальном документе – это вполне допустимый, правомерный и экономный вариант. Однако законодатель пишет о законности основных актов и, естественно, что правоприменитель делает акцент на обеспечении их соответствия УПК РФ. Рассуждая о соотношении законности решений о подозрении и законности подозрения, полагаем нужным отметить, что это близкие, но не одинаковые положения. Подозрение можно считать самостоятельной категорией, наделенной специфическими чертами. Среди таких характеристик – использование предположений, вероятного знания, разного уровня обоснования, ограниченных, сокращенных, упрощенных ресурсов, создание личных последствий. Признание индивидуальности подозрения, естественно влечет понимание наличия особенностей формирования его законности. Тогда уместно поразмышлять об индивидуализации законности подозрения, как с точки зрения понимания, так и обеспечения.

Развивая приведенные тезисы, заметим, что подозрение реализуется в уголовном процессе посредством разных мероприятий. Например, персональное подозрение, как адресованное конкретному субъекту предположение о его причастности к конкретному преступлению, проявляется в рамках возбуждения уголовного дела в отношении лица, задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Можно назвать и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое выносится «...по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретным лицом или лицами...» (ч. 2 ст. 148 УПК РФ). Или же – протокол допроса, как закрепитель объяснений и показаний по поводу имеющегося в отношении лица подозрения (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Применительно к названным и иным документам, установлены предписания о необходимости обеспечения их законности, и последствия соблюдения или отступления от такого требования. Например, незаконность постановления о возбуждении уголовного дела – это основание отмены его прокурором (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), законное задержание – это основание продления его срока (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Кроме того, постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обжалуется в апелляционном порядке (ч. 11 ст. 108 УПК РФ). В целом суд может признать решения, действия (бездействие) незаконными (п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ) и предложить устранить допущенное

нарушение. Такой подход может быть распространен на акты, легализующие подозрение в уголовном процессе.

Вместе с тем, уместно заметить, что действующие механизмы инициации подозрения содержат изъяны в деле обеспечения его законности. Назовем лишь несколько обстоятельств, приводящих к негативным последствиям.

Согласно пп. 1, 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения. Полагаем, что такая установка не находит подтверждения и развития в последующих действиях и решениях.

В частности, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46, гл. 20 УПК РФ), имеется сбой в процедурах допуска к подозрению, его разъяснения, защиты. Действующий закон содержит следующий механизм: уполномоченные субъекты незамедлительно уведомляют лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). В данном тезисе не усматриваются мероприятия, свидетельствующие об объяснении подозрения. Анализ содержания и структуры бланка этого решения также показывает отсутствие в нем соответствующих параметров. Нормативная конструкция задержания по подозрению в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 46, гл. 12 УПК РФ) такова, что лицо фактически не узнает о подозрении, ему не предоставляется возможность дать пояснения и соответственно защититься от него. В протоколе не указываются данные о подозрении, а приводятся основания и мотивы задержания подозреваемого, что и является предметом пояснения, объектом контроля и надзора. При употреблении мер пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 46, гл. 13 УПК РФ), например, заключении под стражу, имеются ограничения возможностей законной легализации подозрения. Так, ее избрание возможно при применении наказания в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Такого обстоятельства недостаточно для формирования этой категории. Подозревать лицо допустимо вне связи со сроком наказания. Недостатки уведомления о подозрении в совершении преступления (п. 4 ч. 1 ст. 46, ст. 223.1 УПК РФ) проявляются в том, что задействуется только один элемент процедуры осуществления подозрения – информирование о нем посредством вручения копии документа. Обобщение статей, посвященных допросу (ст.ст. 46, 76, 187–190 УПК РФ), обнаруживает отсутствие в них механизма доступа к подозрению и защиты от него.

Обзор теоретических основ понимания законности, законности решений о подозрении, законности подозрения, показывает, что эти категории входят в сферу рассуждений ученых. Можно говорить о наличии, как совпадающих, так и отличительных представлений, об узком и широком содержании законности. В частности, исследователи пишут об использовании только законов, о необходимости отражения в них правового замысла, последовательного формирования законности на этапах подготовки, принятия, оформления решения. Также имеются высказывания о признании и индивидуализации законности подозрения, факторов ее обеспечения, в том числе посредством публичных сомнений, наличия надлежащего субъекта совершения акта, удостоверения данными в документах.

В подтверждение таких выводов приведем несколько высказываний. Сущность законности составляет соблюдение и исполнение именно законов [6, с. 111].

Законность означает идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства, в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве [7, с. 523], соблюдение нормативных предписаний, относящихся к содержанию и форме решения, а также требований закона в деятельности, предшествовавшей вынесению решения [8, с. 94]. Оспаривание законности подозрения необходимо включить в уголовно-процессуальную функцию защиты [9, с. 30–34]. Решение о привлечении лица в качестве подозреваемого должно быть законным, в нем необходимо привести соответствующие условия, например, наличие в действиях лица признаков, указывающих на преступление, компетентное лицо [10, с. 18, 40, 44]. Фактические данные о законности подозрения, выдвинутого против лица, важно указать в постановлении судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [11, с. 308].

Итак, законность подозрения как индивидуальная категория нуждается в самостоятельном понимании, формировании, реализации, обеспечении. Такая задача может быть решена посредством использования взаимосвязанных законодательных, теоретических, практических предложений. Это разработка определения подозрения, как базового явления, дающего правоприменителю основные характеристики; осмысление факторов создания и выполнения законности, как гарантий; их распределение в теории и законе, как комплексных и взаимодополняющих площадок; употребление всеми субъектами работы с подозрением, как последовательный и преемственный процесс. Тогда будут созданы условия устранения сбоев в отечественных процедурах организации и осуществления законности подозрения, защиты прав, свобод, интересов лиц в этой области, решения поставленных задач, достижения функционального согласия.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 г. № 24-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой С.В. на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 УПК РФ» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 г. № 1309-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

4. Определение № 222-УД23-28-К10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

5. Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 25 февраля 2014 г. № 22К-298/2014 по делу № 22К-298/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

6. Строгович М. С. Проблемы общей теории права // Избранные труды. Т. 1. М., 1990.

7. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

9. Берова Д. М. Реализация функции защиты в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2009. № 7. С. 30–34.

10. Церковный Ю. В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2011.

11. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2004.

Храмцова В. В.¹,

старший инспектор управления

научно-исследовательской деятельности

(научно-исследовательского института криминалистики)

Главного управления криминалистики

(Криминалистического центра)

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Реализация принципа законности является базовой задачей, стоящей перед всей правоохранительной системой страны.

Сложная обстановка, в которой осуществляется предварительное расследование, конечно, не может оправдать нарушение установленных требований законодательства в ходе производства следственных и процессуальных действий. Однако устанавливаемые законодателем процедурные рамки осуществления следственных действий не могут не учитывать общественно-политические, экономические, нравственные реалии и должны быть реализуемы в складывающихся условиях. На сегодняшний день порядок осуществления следственных действий, установленный уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, полностью ориентирован на мирное время. Однако жизнь в особых условиях вносит свои коррективы.

С 20 октября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» на территориях новых субъектов Российской Федерации было введено военное положение.

С этого времени в условиях продолжающейся специальной военной операции (СВО) происходит постепенное приспособление органов государственной власти, в том числе правоохранительной системы, к ее условиям. Также это касается и области уголовного судопроизводства.

Однако указанные изменения происходят довольно неповоротливо, что влечет необходимость со стороны следственных органов в условиях боевых действий решать имеющиеся проблемы, которые затрудняют по объективным причинам реализацию требований законодательства и приводят к затягиванию в связи с этим сроков следствия.

Среди таких проблем при производстве предварительного расследования на территории боевых действий точно можно обозначить следующие:

1. Отсутствие возможности приглашения адвокатов, законных представителей, педагогов, психологов и иных специалистов, участие которых в следственных действиях предусмотрено законом [1, с. 15–17].

¹ © Храмцова В. В., 2025.

Местонахождение законных представителей потерпевших зачастую бывает неустановлено, они могут находиться на территории, контролируемой противником.

Приглашение адвокатов в соответствии со ст. 51 УПК РФ также бывает затруднительно. Это связано с крайне ограниченным числом адвокатских образований на территориях новых субъектов Российской Федерации. По данным Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, в декабре 2022 г. экзаменационная комиссия приняла экзамены у лиц, имевших статус адвокатов Украины, ДНР и ЛНР (130 адвокатов ЛНР, 274 адвокатов ДНР, 36 адвокатов Запорожской области, 21 адвоката Херсонской области) [2]. Кроме того, перемещение указанных лиц по территории боевых действий или прилегающей к ней зоны крайне затруднительно.

2. Сложность установления личности и (или) местонахождения потерпевших, данные о совершении преступлений в отношении которых получены в результате осмотров электронных носителей информации (мобильных устройств, ноутбуков, системных блоков, внешних USB-накопителей, и пр.), принадлежащих солдатам Вооруженных Сил Украины (ВСУ) или иностранным наемникам. Может пройти значительное время с момента обнаружения факта совершения преступления до момента установления потерпевшего. В ряде случаев потерпевший может быть убит или тяжело ранен, что делает невозможным проведение с ним дальнейших следственных действий.

3. Зачастую отсутствие возможности производства дополнительных следственных действий с потерпевшим после его первоначального опроса или допроса, а также невозможность на всем протяжении предварительного расследования обеспечения полноценной реализации потерпевшим своих прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ на представление доказательств, заявление ходатайств и отводов, ознакомление с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов, участия в завершении предварительного следствия или дознания в соответствии со ст.ст. 215–216 УПК РФ. Следователь может потерять связь с потерпевшими, эвакуированными вглубь Российской Федерации, или наоборот – оказавшимися на территории противника, а также захваченными в плен. В этих ситуациях потерпевшие могут целенаправленно скрывать свое местонахождение для обеспечения своей безопасности и не иметь возможности связаться со следователем. Указанные обстоятельства делают по меньшей мере затруднительным дальнейшее полноценное участие потерпевшего в следственных и процессуальных действиях.

4. В силу ограниченного количества экспертных учреждений и судебных органов назначение судебных экспертиз и избрание судом мер пресечения требуют выезда в соседние регионы. В данном случае речь идет об обеспечении безопасности подозреваемых (обвиняемых), которых приходится перемещать в условиях боевых действий в суд с целью рассмотрения ходатайства следователя об избрании или продлении меры пресечения, избираемой судом (конечно, чаще всего это мера пресечения в виде заключения под стражу).

5. Необходимость обеспечения допрашиваемых, не владеющих или недостаточно владеющих русским языком, помощью переводчика. С учетом специфики

рассматриваемого вида преступлений переводчик должен владеть в достаточной степени специальной военной терминологией, знать армейский разговорный жаргон, принятые в военной среде условные обозначения и сокращения, осмысленно переводить поставленные вопросы и ответы военнопленного, не допуская искажений и сокращений [3, с. 287].

6. Сложность получения разрешения суда на производство следственного действия, которая связана с необходимостью перемещения следователя в суд в условиях боевой обстановки. Вследствие этого следователи зачастую вынуждены осуществлять такие следственные действия в неотложном порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

7. Невозможность своевременно назначать судебные экспертизы, например судебно-медицинские, когда нет возможности в кратчайшие сроки эвакуировать труп погибшего с территории ведения боевых действий в экспертное учреждение, в том числе за пределы соответствующего региона.

8. В условиях военного положения имеются определенные нюансы производства осмотра места происшествия. Зачастую невозможно обеспечить полноценную безопасность участников следственного действия. Подходы к объектам осмотра могут быть затруднены вследствие разрушений или повреждений конструкций зданий и сооружений, а также критической инфраструктуры. Предметы и трупы, находящиеся на месте происшествия, нередко умышленно минированы противником. Нередки случаи повторного нанесения ударов со стороны ВСУ, предполагая уничтожение следственно-оперативной группы, приезжающей на место происшествия. Осмотр места происшествия разрешен только после проведения инженерной разведки, в условиях СВО это не всегда реализуемо. Если инженерная разведка не проведена, а объект подлежит обследованию в ограниченное время, осмотр места происшествия в боевых условиях зачастую производится с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) дистанционно. Все вышеизложенное делает невозможным участие понятых в ходе осмотра места происшествия в условиях боевой обстановки. Поэтому практика вынуждает учитывать складывающуюся специфику, что привело к полному отказу от участия понятых в производстве следственных действий в соответствии со ст. 170 УПК РФ. Для фиксации хода и результатов следственного действия используются технические средства. Фактический осмотр места происшествия на опасной территории сначала производится следователями удаленно с использованием БПЛА, оснащенных видео- или фотоаппаратурой, а затем на безопасной территории составляется протокол осмотра места происшествия в бумажном виде.

Изложенное иллюстрирует, что условия мирного времени и военного положения значительно отличаются друг от друга. Соответственно, процедурные рамки и условия работы уголовного судопроизводства не могут не учитывать реальное положение вещей. В противном случае невыполнимые требования законодательства приведут к вынужденному нарушению предоставленных законом прав участников уголовного судопроизводства.

В данном вопросе законодатель встал на позицию точечного решения этой проблемы и пошел по пути предоставления следователю дополнительного времени для преодоления возникающих в условиях военного положения сложностей и в конечном итоге – выполнения всех требований процессуального законодательства.

Так, Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ предусмотрено в условиях военного положения значительное увеличение срока задержания подозреваемого до 30 суток и предъявления обвинения подозреваемому до 45 суток. Однако такая особенность касается только подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. На подозреваемых в совершении преступлений средней и небольшой тяжести, которые в большом количестве совершаются в условиях военного положения, указанное увеличение сроков не распространяется. Это касается, например, таких опасных противоправных деяний, которые предусмотрены чч. 1 и 2 ст. 158 «Кража»; ч. 1 ст. 161 «Грабеж»; ч. 1 ст. 126 «Похищение человека»; чч. 1 и 2 ст. 127 «Незаконное лишение свободы», ч. 1 ст. 127.2 «Использование рабского труда» УК РФ и т. п. Эти преступления не меньше дестабилизируют и без того сложную обстановку в условиях СВО. Поэтому такое решение законодателя представляется достаточно спорным и в значительной мере препятствует полноценной работе следователя обстановке военного положения.

Также постепенно решаются вопросы подсудности, касающиеся получения разрешения суда на производство следственных действий и рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения. На откуп руководителя следственного органа и прокурора законодателем от дано право обращения за рассмотрением таких ходатайств в суд, расположенный на территории другого субъекта Российской Федерации [4], т. е. фактически предоставив возможность организационно-распорядительными актами принимать решение по вопросам подсудности. Позже Президиум Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» определил территориальную подсудность уголовных дел на территории новых субъектов Российской Федерации. В свою очередь в системе Следственного комитета Российской Федерации вопросы разграничения полномочий между военными следственными органами и созданными на новых территориях следственными органами по субъектам Российской Федерации регулируются приказами Председателя Следственного комитета Российской Федерации.

Представляется, что предпринятых на сегодня законодателем мер по решению проблем, возникающих на новых территориях Российской Федерации, недостаточно. Необходимо пошагово определить правила осуществления предварительного расследования в особых условиях военного положения.

Список литературы

1. Терещенко В. С. Вопросы адаптации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации к условиям военного положения или боевых действий // Следственная практика. 2023. Вып. 4. С. 12–30.

2. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL:<https://fparf.ru/news/fpa/fp>.

3. Винокуров А. Ю. Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения : монография. М. : Спутник+, 2011.

4. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

Нуркаева М. К.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Уфимского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

НАПРАВЛЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Реализация принципа законности при производстве по уголовному делу достигается за счет применения различных процессуальных механизмов, которые позволяют выявлять и устранять нарушения права, допущенные органами правоприменения.

Один из основных механизмов обеспечения принципа законности – это гарантии права на защиту обвиняемого. Обвиняемый имеет право на квалифицированную юридическую помощь, на ознакомление с материалами дела и обжалование незаконных действий правоохранительных органов.

Другой механизм – это контроль за соблюдением правил судопроизводства со стороны надзорных органов. Прокуроры и судьи, а также иные контролирующие органы имеют право проводить проверку законности действий правоохранительных органов и оспаривать незаконные решения в суде.

Также важным механизмом реализации принципа законности является соблюдение принципа презумпции невиновности. Обвиняемый считается невиновным, пока не будет доказана его вина в суде. Это означает, что пока не вступит в законную силу решение суда к лицу не могут быть применены меры уголовно-правового характера. Но это не означает, что не могут применяться меры уголовно-процессуального принуждения, которые обеспечивают эффективное уголовное судопроизводство. В целом, обеспечение принципа законности при производстве по уголовному делу является сложным и многоступенчатым процессом, требующим соблюдения многих юридических, процессуальных и этических норм. Однако только такой подход гарантирует, что решение правоприменителя будет являться справедливым и соответствующим действующему законодательству.

Реализация принципа законности может оказаться более сложной задачей, чем простое соблюдение норм уголовного, уголовно-процессуального законов, то есть мы не можем ставить знак равенства между законностью и соблюдением законов. Важно учитывать содержание закона, которое «надо увязывать с интересами единственного источника государственной власти и носителя народного суверенитета, с интересами многонационального народа» [1, с. 372].

Учитывая, что уголовная ответственность возможна только на основе опубликованного уголовного закона, о котором знают граждане, и только за деяние, которое было преступлением в момент его совершения согласно уголовному закону, мы обращаем внимание на то, что законы не должны противоречить пра-

¹ © Нуркаева М. К., 2025.

вам и свободам человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации), поэтому важно для правильного понимания принципа законности то, что невозможно принимать законы, которые могут ущемлять права граждан на самовыражение.

Согласно принципу законности, уголовные законы должны быть социально обусловлены и соответствовать реальным социально-политическим и экономическим условиям жизни общества в России. Интересное определение принципов представляет А. И. Бойко: «Принципы – суть вершины юридической мысли. Здесь определяются социально-экономические условия и политические заказы, запросы правоприменителей и давление правозащитника. Принципы – свидетельство общественного компромисса и стадии роста человечества одновременно» [2, с. 10]. Реализация данного положения несомненно должна способствовать укреплению законности. Вследствие этого принцип законности в уголовном праве подразумевает, что: закон должен быть ясным, точным, конкретным и предсказуемым; законность уголовной ответственности должна опираться на наличие доказательств и установленных фактов противоправного деяния и вины лица, подлежащего уголовной ответственности; никто не должен быть подвергнут уголовному преследованию без достаточных оснований; уголовные наказания должны соответствовать сути и тяжести совершенного преступления; законность должна соблюдаться на всех этапах уголовного судопроизводства, от начала расследования до исполнения приговора.

Поэтому принцип законности является универсальным правовым принципом, который является одним из основных элементов демократического правового государства.

По мнению А. С. Александрова, принципы уголовного процесса понимаются как правовые аксиомы, истинность которых не нуждается в доказывании. Согласно его позиции, основополагающие принципы уголовного процесса являются универсальными мировоззренческими концепциями, связанными с тем, что считается должным и реальным в ходе уголовного судопроизводства [3, с. 58].

Исследуемый принцип законности содержится в ст. 7 УПК РФ и выражается в том, что: суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе использовать федеральный закон, противоречащий УПК РФ; суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта УПК РФ, принимает решение в соответствии с последним; нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств; определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Согласно принципам уголовного процесса все действия участников уголовного процесса должны соответствовать закону, а также должны соблюдаться процессуальные нормы. Все доказательства, представленные в суде, должны быть законными и получены в соответствии с установленными правилами. Кроме того, принцип законности предполагает равенство всех перед законом

и необходимость строго соблюдать права обвиняемых и потерпевших. Нарушение принципа законности может привести к отмене правоприменительных решений и возмещению ущерба.

Он гарантирует правомерность уголовного судопроизводства и поэтому может быть назван «принципом принципов». Остальные принципы уголовного процесса служат тому, чтобы обеспечить реализацию принципа законности в правоприменительной деятельности.

Реализация принципа законности может быть достигнута путем правильного интерпретирования содержания уголовного закона и его достоверного применения. В настоящее время связь между законностью и правопорядком неотъемлема. Благодаря законности утверждается правопорядок, а при ее отсутствии возникают беззаконие и произвол. Для того, чтобы государство было правовым, необходима прочная законность и стабильный порядок, основанный на праве и законности. Не существует отдельно взятой законности или правопорядка, так как они зависят от конкретно-исторического, классового общества. Также следует отметить, что законность всегда направлена на защиту.

Таким образом, принцип законности является одним из ключевых принципов уголовного судопроизводства, который обязывает все органы уголовного преследования действовать строго в рамках закона. При этом процессуальная форма реализации принципа законности заключается в соблюдении всех норм и требований уголовно-процессуального законодательства при проведении досудебного и судебного производства. Следовательно, реализация принципа законности является необходимым условием для обеспечения свободы, безопасности и прав граждан, которые должны быть защищены на всех этапах уголовного судопроизводства.

Но при этом, она является не менее важной, так как на принципах основывается вся система правовых отношений. Самые значимые моменты, связанные с выполнением уголовно-правовых норм, были подчеркнуты Б. Т. Разгильдиевым «во-первых, реализация обеспечивается поведенческим аспектом правоисполнителей и правоприменителей. Во-вторых, имеет свои границы. В-третьих, каждая форма реализации обладает своими, только ей присущими особенностями, а потому самостоятельна. В-четвертых, все формы реализации, будучи самостоятельными, в совокупности создают единую систему реализации уголовного права в целом. И, в-пятых, каждая форма в отдельности и все вместе реализуются для осуществления задач уголовного права по охране общественных отношений от преступных посягательств» [4, с. 88–89].

Расширение полномочий следователя является первым шагом на пути совершенствования механизма реализации принципа законности при производстве по уголовному делу, что позволит повысить эффективность борьбы с преступностью и защитить права и свободы граждан.

Есть два вида полномочий следователя: до и после возбуждения уголовного дела. Действия, доступные следователю перед возбуждением дела, отличаются от тех, что он может совершать уже после.

Следователь или руководитель следственного органа имеет право требовать объяснения, запрашивать документы и предметы, изымать их, проводить доку-

ментальные проверки, ревизии и исследования, а также приглашать специалистов для участия в перечисленных действиях. Он также может давать письменные поручения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, и они обязательны для исполнения.

Указанный фактор – необходимость доказывать преступную намеренность. Сложности возникают при решении задач работы следователей на стадии предварительного расследования. Как правило, законодательство предъявляет требование умысла или неосторожности при совершении преступления, что в свою очередь означает, что следователи должны доказать не только факт совершения преступления, но и наличие у него специальной волевой составляющей, которая определяется как умысел, при котором лицо понимает социальную опасность своих действий и желает достичь преступного результата либо события, наступление которого оно не желает, но предвидит. Это требует дополнительных усилий и отслеживания доказательств, что может затруднить расследование.

Полномочия следователя определены законом и зависят от стадии уголовно-процессуальной деятельности. Так, «в процессе следствия следователь имеет право на задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, временное изоляционное содержание их в следственном изоляторе, на обыск и изъятие вещей и документов, на назначение и проведение экспертиз, на оказание помощи и прочие действия, необходимые для полноценного и объективного расследования уголовного дела. Следователь не имеет права превышать своих полномочий или нарушать законодательство при проведении следствия» [5, с. 39–41]. В случае выявления таких нарушений, действия следователя могут быть оспорены в судебном порядке. Однако следует отметить, что все действия следователя должны соответствовать требованиям закона и он должен соблюдать права и свободы граждан.

Еще одной немаловажной проблемой является задержка в проверке сообщения о преступлении, которая может привести к тому, что преступник останется на свободе и продолжит совершать преступления, что негативно сказывается на общественной безопасности. Поэтому такие вопросы требуют внимательного рассмотрения и поиска эффективных решений.

В рамках проверки сообщений о преступлениях, следователи могут проводить проверочные действия в соответствии с установленными законом полномочиями, такие как: опрос очевидцев происшествия; проведение экспертизы документов, предметов, материалов, связанных с преступлением; сбор информации о предыдущих уголовных и административных делах, связанных с проверяемым сообщением; задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, для пресечения правонарушения, если имеются достаточные основания для предположения, что оно причастно к его совершению и есть необходимость в применении меры пресечения заключения под стражу; проведение оперативно-розыскных мероприятий, если необходимо собрать дополнительную информацию о преступлении или установить личность подозреваемого; получение справок у различных государственных органов, связанных с данным преступлением (например, у налоговой инспекции, банка, медицинской организации и т. д.)» [6, с. 58].

Соблюдение принципа законности в уголовном процессе является основополагающим и обязательным. Этот принцип обеспечивает выполнение установленных законом требований и общих правовых норм в процессе рассмотрения уголовных дел. Нарушения законодательных требований в ходе рассмотрения уголовного дела могут привести к тому, что собранные доказательства могут быть признаны недопустимыми, и решение по делу может быть отменено.

В гл. 2 УПК РФ закреплена система принципов, которая включает в себя связанные, взаимодействующие и обязательные правовые нормы, необходимые для эффективной организации уголовного судопроизводства.

Хотя мнения ученых отличаются по поводу системы принципов уголовного процесса, их насыщенности и возможности введения новых принципов, следует помнить, что правоприменительная деятельность руководствуется только принципами, закрепленными в действующем законе об уголовно-процессуальном порядке. Каждый принцип значим для правильной интерпретации законов в уголовном процессе, поэтому важно не различать их на главные и второстепенные.

В результате исследования проблем, возникающих при реализации правоприменителем принципа законности на отдельных этапах уголовного судопроизводства, сделан следующий обоснованный вывод: под механизмом реализации принципа законности предлагается понимать взаимосвязанный и последовательный комплекс действий, состоящий из следующих этапов:

- 1) выбор предполагаемой к применению нормы нормативного правового акта и уяснение ее содержания путем толкования нормы;
- 2) реализация закрепленных в норме закона положений в ходе правоприменительной деятельности при соблюдении процессуальной формы;
- 3) оценка деятельности на предмет соответствия принятого решения (или производимого действия) предписанию закона, выраженного в нормативном правовом акте.

Список литературы

1. Нуркаева М. К. Влияние интересов многонационального народа на понимание законности // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 371–374.
2. Бойко А. И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Том 2: Системная среда уголовного права. Ростов н/Д. : Издательство Южного федерального университета, 2007. С. 9–11.
3. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : монография. Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 1997.
4. Российское уголовное право. Особенная часть : учебно-методическое пособие / [Б. Т. Разгильдиев и др.] ; под. ред. А. Г. Блинова. Саратов : Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2023.
5. Куприянов А. А. Реализация принципа законности в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2016.
6. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56–60.

Назарова М. Д.¹,
*преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук*

ТЕЗИСНО О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Нормы УПК РФ, закрепляя основополагающие правовые идеи регулирования уголовно-процессуальных отношений, нацеливают должностных лиц (судей, прокуроров, следователей и т. д.) на вынесение законных, обоснованных и мотивированных решений, т. е. соблюдать принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Принцип законности можно рассматривать как общеправовой принцип, ввиду того, что Конституция Российской Федерации в ст. 15 предписывает для органов государственной власти и должностных лиц неуклонное соблюдение непосредственно Конституции Российской Федерации, а также иных законов.

Рассматривая принцип законности в уголовном судопроизводстве нельзя оставить без внимания мнение, высказанное О. В. Логуновым, Э. К. Кутуевым и М. А. Шуваловой: «с принципом законности согласуются все иные основополагающие начала уголовно-процессуальной деятельности, чем этот принцип ставится в особое положение и обуславливается его значимость как базового принципа уголовного процесса» [1, с. 115].

Говоря об условиях эффективности принципа законности справедливо отмечает В. Т. Томин: «условием эффективного действия этого принципа, является наличие в уголовно-процессуальном праве оптимального количества норм, их непротиворечивость и легитимность, их системность и систематизированность, а также их доступность участникам уголовного процесса» [2, с. 215].

Ввиду того, что наш научный интерес представляет мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, то рассмотрим реализацию и эффективность рассматриваемого принципа на примере упомянутой меры процессуального принуждения.

Итак, наложение ареста на имущество имеет широкое распространение в правоприменительной деятельности. Об этом свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым в 2022 г. было удовлетворено 39 543 ходатайства о наложении ареста на имущество из 46 619 заявленных, что составило 84,22 %, в 2023 г. рассматриваемые позиции сложились таким образом: удовлетворено 62 061 из 71 867, что составило 86,36 % [3].

Как уже было отмечено ранее ст. 7 УПК РФ, а именно ч. 4 устанавливает, что постановления всех субъектов правоприменения должны быть законными, обос-

¹ © Назарова М. Д., 2025.

нованными и мотивированными. В юридической литературе справедливо отмечается, что рассматриваемая норма, является нормой общего действия, распространяя свое содержание на все без каких-либо исключений, решения субъектов правоприменения [1, с. 115].

Интерпретируя предписания ст. 7 УПК РФ на рассматриваемую меру процессуального принуждения, можно сделать вывод, о том, что при осуществлении процессуальной деятельности по наложению ареста на имущество принцип законности должен быть соблюден с момента подготовки следователем (дознавателем) ходатайства в суд о необходимости наложения ареста на имущество в рамках производства по уголовному делу, и до момента снятия наложенных ограничений либо же возмещения причиненного вреда, наступившего вследствие применения рассматриваемой меры принуждения. Следует отметить, что рассматриваемая норма может считаться еще и своего рода гарантом обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество, при точном соответствии выносимых постановлений содержанию рассматриваемого принципа.

В юридической науке высказано мнение, согласно которому: «наибольшую значимость принцип законности приобретает при реализации процедуры применения мер пресечения, в том числе на этапе принятия решения об их избрании следователем, дознавателем, судом в строгом соответствии с законом» [1, с. 118]. Ввиду того, что наложение ареста на имущество наряду с мерами пресечения ограничивает конституционные права граждан, то мы солидарны с высказанной точкой зрения о значимости принципа законности на этапе принятия решения о необходимости избрания наложения ареста на имущество.

Возвращаясь к условиям эффективности принципа законности, которые были выделены В. Т. Томиным, напрашивается вывод о невозможности эффективной реализации принципа законности при применении наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. Ввиду того, что действующее законодательное регулирование наложения ареста на имущество в Российском уголовном судопроизводстве в настоящее время не является оптимальным и систематизированным. Обусловлено это наличием оценочных, абстрактных формулировок при регламентации отдельных положений, а именно:

– при регламентации оснований наложения ареста на имущество, а именно: «конкретные фактические обстоятельства» (ч. 1 ст. 115 УПК РФ); «если есть достаточные основания полагать» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ);

– регламентации оснований отмены наложенного ареста на имущество, либо отдельных ограничений, которым оно подвергнуто – «отпадение необходимости в применении этой меры».

Помимо того, что законодатель при формулировке положений ст. 115 УПК РФ использует абстрактные формулировки, так и до настоящего времени в комментариях к УПК РФ нет однозначности по рассматриваемым позициям. Такое положение норм УПК РФ позволяет правоприменителю при толковании вышеупомянутых норм опираться на свои личностные предпочтения, которые в свою очередь не всегда нацелены на защиту прав и законных интересов граждан.

Несмотря на то, что проблематика использования оценочных понятий в уголовно – процессуальном законодательстве становилась предметом рассмотрения значительного количества ученых, в различные периоды времени, законодателем до настоящего времени не предприняты попытки решения заявленной проблемы.

Говоря об оценочных понятиях в уголовно-процессуальном законодательстве, С. С. Безруков подчеркивает: «значение данных предписаний не может быть однозначно определено всеми участниками уголовного процесса, применяющими закон» [4, с. 4], что собственно еще раз подтверждает ранее высказанную нами позицию.

По нашему мнению, такое положение дел недопустимо, ввиду того, что наложение ареста на имущество, является мерой процессуального принуждения затрагивающей, а в ряде случаев ограничивающей конституционные права граждан, в связи с чем ее применение должно осуществляться в строгом соответствии с законом. На что собственно и нацеливают нормы УПК РФ при формулировке принципа «законности». Однако при имеющейся законодательной конструкции норм УПК РФ, регулирующих наложение ареста на имущество обеспечить его применение в строгом соответствии с законом не представляется возможным, в виду наличия обозначенных ранее причин.

Решение рассмотренных проблем видится путем внесения изменений в нормы УПК РФ, регулирующие наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве, в части касающейся оснований применения, а также отмены данной меры процессуального принуждения. Следует также отметить, что учеными-процессуалистами, такими как Б. Б.Булатов, А. С.Дежнев, М. В. Соколова, Т. Б. Гараева и др. были уже высказаны предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования оснований избрания и отмены ареста имущество. Однако высказанные предложения законодателем не были реализованы, что в свою очередь препятствует надлежащей реализации принципа законности при применении рассматриваемой меры процессуального принуждения.

Список литературы

1. Логунов О. В., Кутуев Э. К., Шувалова М. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения : монография. СПб., 2024.
2. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013.
3. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>.
4. Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России : монография. Омск, 2003.

Иванова М. И.¹,

начальник 5-го отдела (правового контроля)

Правового управления ГУ МВД России по г. Москве

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ И ОБОСНОВАННОСТЬЮ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЗНАВАТЕЛЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Совокупность действий и решений дознавателя, отвечающих требованиям законности, обоснованности, защиты и соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является предметом процессуального контроля при производстве дознания.

Ученые-процессуалисты справедливо отмечают, что принцип законности является обязательным для всех должностных лиц, на которых возложено осуществление уголовного судопроизводства, выступает как регулируемое правом необходимое требование, определяющее верховенство закона в сфере уголовного судопроизводства и обязательность соблюдения законодательных положений участниками правоотношений в данной области [1, с. 11–18; 2, с. 20, 32], законность определена как принцип, находящий свое выражение во всех нормах процессуального права, определяет все действия правоприменителя, распространяется на все стадии уголовного процесса и включает в себе требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения законов, регламентирующих уголовное судопроизводство, всеми его участниками [3, с. 81].

Наряду с законностью, исходя из содержания части четвертой ст. 7 УПК РФ к постановлениям органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя предъявляются требования обоснованности и мотивированности.

УПК РФ не конкретизирует понятия обоснованности и мотивированности, тем не менее мы полагаем, что они, наряду с законностью, наделены самостоятельным содержанием, создавая необходимые условия для успешной реализации принципа законности в ходе уголовного судопроизводства. Показательно, что в части четвертой ст. 7 УПК РФ требование о том, что решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными, изложены последовательно через запятую.

Законность осуществляемых действий наряду с обоснованностью и мотивированностью принимаемых дознавателем решений зависят от того, насколько правильно он реализовал свои полномочия по установлению и доказыванию обстоятельств, значимых для расследования преступления, что необходимо учитывать при осуществлении процессуального контроля за производством дознания.

Каждый субъект процессуального контроля, контролирующий решения и действия дознавателя, в рамках своего правового статуса наделен конкретными полномочиями, и обязан принимать правовые меры в пределах своей компетенции.

¹ © Иванова М. И., 2025.

Проблемы процессуального контроля, нуждающиеся в разрешении, наиболее рельефно проявляются при принятии решения о продлении процессуальных сроков (ч. 3 ст. 144 УПК РФ, чч. 3–5 ст. 223 УПК РФ).

Процессуальный контроль за соблюдением сроков дознания осуществляется начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, прокурором и судом (в случае избрания меры пресечения подозреваемому (обвиняемому)). На суд, в том числе, возложена обязанность проверки обоснованности ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и эффективности расследования [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении составляет трое суток. Указанный срок подлежит продлению до 10 суток начальником органа дознания по мотивированному ходатайству дознавателя. Изучение ходатайств дознавателей (в ходе исследования изучено 410 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе содержащих ходатайство о продлении срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток, вынесенных должностными лицами органов дознания) свидетельствует о формальном подходе к изложению обстоятельств, подтверждающих необходимость продления срока проверки, что, в свою очередь, приводит к нарушению положения ч. 4 ст. 7 УПК РФ, фактически допуская согласие лица, призванного осуществлять процессуальный контроль, с необоснованным и немотивированным решением.

Мы полагаем, что необходимость обязательно указывать на конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для вынесения ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении, должны распространяться на ходатайство о продлении срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток.

Осуществление процессуального контроля за сроками дознания возложено на прокурора (ст.ст. 223, 226 УПК РФ). Как показывают результаты исследования, одной из проблем является необоснованное продление срока дознания, что в ряде случаев, в связи с истечением предельного срока дознания, приводит к необходимости передачи уголовных дел в следственные подразделения для производства предварительного следствия.

Согласно ст. 223 УПК РФ срок дознания в необходимых случаях, в том числе связанных с производством судебной экспертизы, может быть продлен прокурором до шести месяцев, в исключительных случаях до 12 месяцев. По истечении предельного срока дознания по решению прокурора уголовное дело передается для производства предварительного следствия (п. 11 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ).

Изучение уголовных дел (в ходе исследования изучены 195 уголовных дел, сроки дознания по которым неоднократно продлевались, находившиеся в производстве дознавателей подразделений дознания) показало, что в 85 % случаях вынесенные постановления о продлении срока дознания (продление срока дознания до шести месяцев предполагает неоднократное вынесение мотивированных постановлений о возбуждении ходатайств о продлении срока дознания (чч. 3–5 ст. 223 УПК РФ) содержали одни и те же основания продления без указания причин невыполнения следственных и процессуальных действий, необходимость производства которых являлась основанием для продления в ранее вынесенных

постановлениях о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания (кроме того, производство судебных экспертиз требовалось не по всем уголовным делам).

Изложенное, по нашему мнению, свидетельствует о том, что при продлении прокурором срока дознания фактически не подвергалось надлежащему анализу содержание описательно-мотивировочной части постановлений о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания, не выявлялись причины невыполнения следственных и процессуальных действий, на каждом из этапов продления срока дознания.

Описанные обстоятельства приводят к выводу о целесообразности внесения в нормы УПК РФ положений, закрепляющих обязанности начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в части осуществления процессуального контроля за законностью и обоснованностью решений дознавателя о продлении срока дознания, в связи с этим предлагаем ч. 1 ст. 401 УПК РФ дополнить п. 5 следующего содержания: «осуществлять контроль за законностью и обоснованностью постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания»; ч. 1 ст. 402 УПК РФ дополнить п. 31 следующего содержания: «осуществлять контроль за законностью и обоснованностью постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания».

Список литературы

1. Безруков С. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3.
2. Чиковани М. А. Реализация принципа законности следователем органов внутренних дел на отдельных этапах досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
3. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2023.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2019 г. № 51-УД18-16 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

Ильяшевич Т. А.¹,
*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

Емельянова Н. Ю.²,
*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Дознание в сокращенной форме является упрощенной процессуальной формой расследования уголовного дела, поскольку в соответствии с гл. 32.1 УПК РФ предусматривает более «облегченную» конструкцию: сокращенные сроки, упрощенные способы и средства собирания доказательств.

Дознание в сокращенной форме – принципиально новая категория в российском уголовном процессе, определение которого не раскрыто ни в ст. 5 УПК РФ (основные понятия, используемые в УПК РФ), ни в других статьях УПК РФ. В этой связи вполне объяснимым является факт отсутствия единого понимания сущности и содержания дознания в сокращенной форме, что в конечном итоге значительно влияет на правоприменительную практику [2, с. 105].

И. Я. Фойницкий, описывая дознание отмечал: «Успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия» [4, с. 385]. В связи с этим возникает закономерное желание упростить досудебные процедуры в уголовном судопроизводстве.

Как и предполагалось, в процессе расследования незначительных преступлений необходимо проводить проверку поступивших сообщений о преступлении, фиксировать собранные материалы в одном протоколе и передавать его непосредственно в суд. В остальных случаях собранные сведения передаются следователю. Существующее в действующем законодательстве дознание в общем порядке – это не дознание в его истинном значении, а результат неверного подхода к развитию досудебного производства в России [7, с. 132].

Можно отметить, что возникновение дознания в сокращенной форме является закономерным результатом сохраняющейся длительное время на практике потребности упрощения процедуры расследования.

Дифференциация уголовного судопроизводства способствует не только экономии сил и средств, которые требуются на его осуществление, но и при правильно выстроенной модели упрощения досудебной стадии уголовного судопроизводства содействует оперативности и правильности расследования.

¹ © Ильяшевич Т. А., 2025.

² © Емельянова Н. Ю., 2025.

Отсутствие системного механизма, позволяющего ускорить производство, приводит к тому, что на практике снижается эффективность уже введенных отдельных элементов за счет пробельности и конкуренции норм, регулирующих рассматриваемый правовой институт.

В то же время следует заметить, что проведение дознания в сокращенной форме не должно означать для дознавателя возможность формального отношения к выполняемым процедурам, что нередко встречается на практике.

Кроме того, возникают вопросы относительно признания подозреваемым своей вины как акта его свободного волеизъявления. С одной стороны, если взять за основу, что «признание своей вины содержит элемент раскаяния в содеянном, стремление примириться с обществом, потерпевшим, желание загладить вред, причинённый преступлением, характеризует личность обвиняемого, а также служит обстоятельством, смягчающим ответственность» [6, с. 266–267], то налицо соответствие воли и волеизъявления. Однако проведение дознания в сокращенной форме предполагает не только сокращение самого срока дознания, но и его доказательственной стороны. В соответствии с ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ предусмотрен ряд изъятий процесса доказывания.

Сокращенная форма предусматривает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, дознавателю не требуется исчерпывающе устанавливать весь перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, как это предусмотрено ст. 73 УПК РФ.

Следует отметить, что особенности сбора и оценки доказательств в рамках уголовных дел, расследуемых в сокращенной форме дознания, не могут в полной мере повлиять на вынесение судом обоснованного и законного приговора, поскольку суд опирается на доказательства, собранные в ходе расследования.

В ходе исследования вопросов, сопряжённых с современным упрощённым досудебным производством, следует акцентировать внимание на том, что следователь не обладает абсолютной процессуальной самостоятельностью в процессе сбора, проверки и оценки доказательств. Это обусловлено правами отдельных участников уголовного процесса, закрепленными в УПК РФ.

В частности, дознаватель обязан проверять только те доказательства, которые вызывают сомнения у сторон процесса. Это означает, что допрос лица, давшего объяснение при проверке сообщения о преступлении, невозможен, если ни одна из сторон не выражает сомнений в достоверности этого объяснения.

Такие правовые нормы противоречат некоторым принципам уголовного судопроизводства.

Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении можно рассматривать, как иные документы, т. е. как самостоятельный вид доказательств [3].

Подозреваемый соглашается на подобные ограничения доказательственной стороны в обмен на назначение наказания, которое не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания,

предусмотренного за совершенное преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ), т. е., по сути, соглашается на «сделку» под угрозой назначения более строгого вида наказания. В этой связи его волеизъявление в понимании применимом для института сделки опорочено.

Производство дознания в сокращенной форме от дознания в общем порядке отличаются более простой и ускоренный порядок рассмотрения материалов уголовного дела. Сокращенная форма дознания, несмотря на свои короткие сроки расследования, призвана обеспечить полное соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства, при этом должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, обязано получить объективный результат в рамках рассмотренных материалов по данному уголовному делу. Отправной точкой в рассмотрении уголовного дела в сокращенной форме дознания после его возбуждения служит подача подозреваемым соответствующего ходатайства о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме. Однако возникает вопрос: в связи с наличием каких оснований у подозреваемого имеются такие расширенные права и более широкий процессуальный статус, по сравнению с процессуальным статусом подозреваемого, в отношении которого производство по уголовному делу ведется в общем порядке.

По нашему мнению, это связано с тем, чтобы замотивировать подозреваемого на подачу такого ходатайства.

С. И. Гирько считает, что «данное процессуальное действие не должно быть связано с мнением лица, совершившего преступления и изобличенного в нем [1, с. 68]. Мы полностью разделяем точку зрения учёного, поскольку решение о проведении дознания в сокращенной форме должно исходить от должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, с учётом всех обстоятельств дела.

Именно дознаватель имеет право возбудить уголовное дело на основании, предусмотренном УПК РФ, приостановить или прекратить уголовное дело, вынести обвинительный акт или постановление, а также, по нашему мнению, должен иметь исключительное право провести расследование уголовного дела в сокращенной форме дознания, о чем будет вынесено соответствующее постановление.

К тому же, дискуссионным является вопрос: подозреваемый, получивший процессуальный статус обвиняемого после вынесения обвинительного постановления, имеет полное право ходатайствовать о производстве дознания в общем порядке. Однако данное право является возмутительным и противоречивым, поскольку все следственные действия выполнены в законном порядке, решение дознавателя вынесено, сроки производства дознания в сокращенной форме окончены. Подозреваемый с целью удовлетворить собственные желания и цели может злоупотребить своими правами может необъективно заявить ходатайство о производстве дознания в общем порядке, чтобы затянуть сроки рассмотрения дела. В таком случае, вопрос о расследовании уголовного дела в сокращенные сроки дознания теряет свое процессуальное значение и смысл.

Также стоит отметить позицию О. В. Химичевой и Г. П. Химичевой, которые высказывают мнение о том, что любое внедрение новых форм производства

несет в себе большое количество недостатков, прежде всего в сфере правовой регламентации, что, безусловно, мешает его эффективному применению и почти повсеместно влечет нарушение прав участников уголовного судопроизводства [5, с. 34].

В связи с этим можно отметить ряд проблем, препятствующих реализации принципа законности при производстве дознания в сокращенной форме.

Во-первых, недостатки в правовом регулировании, которые проявляются, прежде всего, в момент применения отдельных положений гл. 32.1 УПК РФ на практике субъектами доказывания. В силу чего даже можно говорить о несовершенстве отдельных правовых предписаний.

Во-вторых, ряд процессуалистов приходят к единому мнению о том, что существующий порядок производства в рамках сокращенной формы дознания не отличается логической последовательностью и сложен для правоприменения.

Отсутствие единого понимания сущности и содержания сокращенного дознания, а также нерешенность некоторых фундаментальных вопросов приводят к нестабильности законодательно установленной конструкции сокращенного дознания. Это, в свою очередь, существенно влияет на правоприменительную практику, которая характеризуется возникновением спорных ситуаций на различных этапах процесса, а также намеренным или бессознательным отказом участников уголовного судопроизводства от своих прав и обязанностей.

Список литературы

1. Гирько С. И. Унифицированное досудебное производство в России – дознание в сокращенной форме: научный и практический аспекты // Научный портал МВД России. 2019. № 2. С. 66–72.

2. Ильяшевич Т. А. Сущность дознания в сокращенной форме // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 3 (21). С. 105–107.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/70397858/?ysclid=18x6xcaff7482189213>.

4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996.

5. Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

6. Щербина Е. В. Основания для рассмотрения уголовного дела в особом порядке // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 4 (42). С. 266–268.

7. Ярыгина Л. А. Исторический анализ развития дознания в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. № 2. С. 128–133.

*Коновалова М. А.¹,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Российской таможенной академии*

ЗАКОННОСТЬ, ОБОСНОВАННОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Правовое развитие нашего общества, начиная с первобытных времен, постепенно доказывало, что наивысшей ценностью государства являются права человека. На сегодняшний день наше демократическое государство выделяет в качестве центрального ядра, находящегося под охраной, права человека. Статья 2 Основного закона государства напрямую указывает на ценность человека и ценность его прав и свобод, а также на обязанность государства по защите, соблюдению и признанию таких прав и свобод.

Первостепенными чертами современного демократического государства являются законность и наличие продуктивных средств защиты прав и свобод человека и гражданина. Но, вместе с тем, нельзя не согласиться с Д. Т. Караманукян: «Идеал свободной личности не означает, что поведение человека ничем не ограничивается и что он освобожден от любой ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку реализация прав и свобод в общественной жизни сталкивается с индивидуальными и публичными интересами других субъектов правоотношений» [1, с. 88]. Каждый человек должен понимать, что за свое противоправное поведение он должен и может понести ответственность, в том числе уголовную, поскольку государством охраняются не только его права и свободы, но и того человека, чьи он нарушил.

На современном этапе жизнедеятельности во всех сферах можно встретить такие дефиниции, как охрана прав и свобод человека и гражданина, законность, мотивированность, обоснованность, и сфера реализации уголовно-процессуальных отношений не является исключением. Безоговорочно можно говорить, что в Российской Федерации наличествуют обоснованные, мотивированные и законные решения, принимаемые должностными лицами правоохранительных органов или суда, лишь в контексте полной увязки конституционно-правовых основ с принципами, реализуемыми участниками уголовного судопроизводства. Значение решений, принимаемых должностными лицами при производстве по уголовному делу чрезвычайно велико, такие решения, безапелляционно, должны отвечать принципам законности, обоснованности и мотивированности, поскольку только в этом случае можно говорить о правильно принятых решениях и о должном выполнении своих процессуальных функций со стороны должностных лиц.

В процессе производства по уголовному делу следователю, дознавателю или суду часто приходится сталкиваться с избранием мер пресечения обвиняемому или подозреваемому, для соблюдения последними установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка расследования уголовного дела. Ввиду

¹ © Коновалова М. А., 2025.

того, что УПК РФ содержит в себе меры пресечения, как наименее, так и наиболее ограничивающие права и свободы человека и гражданина, при избрании любой из восьми мер пресечения, указанных в ст. 98 УПК РФ, следователь, дознаватель или суд должны руководствоваться принципами законности, обоснованности и мотивированности. Более того, сами нормы УПК РФ прямо диктуют должностным лицам принимать решения в соответствии с действующим законом.

Принцип законности служит не только гарантом соблюдения прав и свобод подозреваемого или обвиняемого при избрании в отношении них мер пресечения. Можно сказать, что законность в данном случае указывает нам на соблюдение всеми субъектами уголовно-процессуальных отношений требований закона. Так, действия следователя, дознавателя или суда, будут указывать на реальное соблюдение ими основ законодательства при избрании мер пресечения, которое реализуется в процессе их процессуальной деятельности, только при строгом соблюдении принципа законности. Можно сделать вывод, что несоблюдение принципа законности при принятии решений об избрании мер пресечения, дознавателями, следователями или судом указывает на нарушение конституционных прав обвиняемого или подозреваемого. Поэтому законодатель в нормах УПК РФ закрепил за следователем, дознавателем, судом, прокурором, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания обязанность принимать процессуальные решения и осуществлять процессуальные действия в рамках действующего законодательства, подтверждением того является, например, ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу».

Говоря про признак обоснованности, представляется интересным обратиться к толкованию данного термина. Толковый словарь С.И. Ожегова под термином «обоснование» понимает довод [2]. В свою очередь, толковый словарь Д. Н. Ушакова дает следующее определение слову «обоснование»: это положение, подкрепленное доказательствами [3].

Понятие «процессуальное решение» дано в п. 33 ст. 5 УПК РФ, под которым понимается решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому при избрании мер пресечения, должностные лица правоохранительных органов и суд, должны руководствоваться не только совестью и законом, но и такие решения должны быть четко взвешенные и подкрепленные доводами. Вместе с тем, должностные лица правоохранительных органов и суд при принятии решений об избрании мер пресечений, должны учитывать в обязательном порядке и основания для избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ) и обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения (ст. 99 УПК РФ). Только при соблюдении таких условий процессуальные решения, связанные с избранием мер пресечения, будут отвечать требованиям обоснованности.

Под обоснованностью применения мер процессуального принуждения, и мер пресечения, например, С. Н. Воробей предлагает понимать наличие у компетентного лица веских доводов, свидетельствующих о безусловной необходимости ограничить права личности для достижения целей уголовного судопроизводства [4, с. 26]. Можно согласиться с В. С. Хоршевой, которая полагает, что «обосно-

ванность тесно связана с относимостью, достоверностью и достаточностью доказательств, которые имеются в уголовном деле [5, с. 162]. На основании этого можно предположить, что при принятии решения об избрании той или иной меры пресечения, дознаватель, следователь или суд должны «доказать», т. е. обосновать свое решение, которое должно быть подкреплено доводами, выводами, правовыми основаниями. Поэтому можно в некотором роде отождествить такие понятия, как обоснованность и доказательность. Видится, что такую взаимосвязь надлежит отразить в п. 33 ст. 5 УПК РФ.

Определяя понятие мотивированности применения мер пресечения, отметим, что внешне законные решения об избрании меры пресечения могут быть обоснованным, но не мотивированными, в связи с чем стороной защиты может ставиться вопрос о незаконности в целом принятого решения об избрании меры пресечения [6, с. 137]. Е. А. Малина считает, что «мотивированность применения меры пресечения в виде заключения под стражу как внешнее, объективированное выражение законности и обоснованности акта состоит в приведении в его содержании соответствующих доводов (мотивов)» [7, с. 20–21]. Исходя из толкования ч. 4 ст. 7 УПК РФ, можно заключить, что при выборе той или иной меры пресечения, следователь, дознаватель и суд должны аргументировать, а равно мотивировать, почему при равном выборе из восьми мер пресечения данные лица отдали предпочтение в избрании определенной мере. Данная мотивировка должна иметь под собой обоснованность: только на основе имеющихся в уголовном деле данных и при соблюдении оснований и обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения, должны приходиться к умозаключению дознаватель, следователь и суд, выбирая ту или иную меру.

Как указано в ч. 1 ст. 101 УПК РФ, при избрании меры пресечения, должностные лица органов предварительного расследования или судья выносят постановление, а суд – определение, которые, как видится, должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Говоря про такие постановления и определения М. В. Парфенова указывает, что «мотивировочная часть должна содержать следующие данные: факты, которые обосновывают применение той или иной меры, сама формулировка обвинения, а также ссылка на соответствующую статью УПК РФ, основания необходимые, чтобы избрать именно эту меру» [8, с. 31–34]. С М. В. Парфеновой нельзя не согласиться, поскольку термин «мотивировка» можно отождествить с термином «обоснованность», что означает совокупность мотивов, доводов для обоснования чего-нибудь.

Согласно действующему законодательству решения должностных лиц органов предварительного расследования и суда, избравших меру пресечения можно признать незаконными и необоснованными. Но, исходя из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, все решения должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными, если решения не соответствуют таким признакам, то они могут быть отменены. Далее возникает вопрос, на который нет законодательно четкого ответа: при отсутствии сразу всех трех указанных признаков решение об избрании меры пресечения может быть отменено или достаточно отсутствие одного признака? Обращаясь к некоторым нормам УПК РФ, решения должностных лиц правоохранительных органов могут быть признаны незаконными или необоснованными, про критерий мотивированности при этом не указано. Например, п. 2.1

ч. 1 ст. 39 УПК РФ нам прямо указывает, что руководитель следственного органа уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (дознателя), при этом там не говорится, что можно отменить и немотивированное постановление. В связи с этим с точки зрения юридической техники, можно предположить, что, например, решение должностного лица правоохранительных органов об избрании меры пресечения, можно признать или незаконным или необоснованным. Исходя из вышеизложенного, говоря про мотивированность при избрании мер пресечения, нужно понимать, что такое решение должно исходить из обоснования, выраженного в выводах и имеющего соответствующие ссылки на нормы закона и материалы уголовного дела.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что материальное выражение содержания принципа законности складывается из обоснованности и мотивированности. Несомненно, на протяжении становления государства одним из самых актуальных остается вопрос об ограничении прав и свобод человека со стороны государственных органов. Поэтому, говоря про избрание мер пресечений, любое принятое решение, должно основываться на «трех китах»: законность, обоснованность и мотивированность. Именно эти критерии определяют абсолютную правильность принятого следователем, дознавателем или судом решения. Представляется, что процессуальный порядок избрания мер пресечения должен отвечать основополагающим критериям законности, обоснованности и мотивированности. Поэтому, если процессуальный порядок избрания мер пресечения отвечает данным критериям, то можно констатировать об обеспечении прав, свобод и законных интересов обвиняемого или подозреваемого.

Список литературы

1. Права человека в России: история, теория и практика : учебное пособие / [Д. Т. Караманукян и др.] ; отв. ред. Д. Т. Караманукян. Омск : Омская юридическая академия, 2015.
2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17750>.
3. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38107>.
4. Воробей С. Н. Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. Хоршева В. С. Исполнение принципа законности в деятельности следователя // Форум. 2023. № 1 (30). С. 161–164.
6. Логунов О. В., Кутуев Э. К., Шувалова М. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения : монография. СПб. : ИПЦ Измайловский, 2024.
7. Малина Е. А. Заключение под стражу в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
8. Парфенова М. В. Выбор меры пресечения как фактор, влияющий на обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 31–34.

*Нгуен Тхи Минь Тхуй¹,
доцент Факультета основных тактик
Полицейской народной академии
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам*

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЬЕТНАМА

Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (УПК СРВ) содержит основные принципы, на которых строятся основы производства следственных и процессуальных действий и не допускающих применения пыток, такие как: принцип уважения и защиты права человека, принцип неприкосновенности личности, принцип охраны прав и свобод человека, принцип уважения чести и достоинства личности и деловой репутации организации.

Таким образом, в ходе уголовного судопроизводства не допускается применять пытки, иным образом посягать на жизнь, здоровье, честь и достоинство лица, в отношении которых ведется производство по делу, иных лиц, участвующих в процессе. Кроме того, УПК СРВ также содержит иные принципы, которые косвенно гарантируют неприкосновенность личности, например, презумпция невиновности, принцип обеспечения права обвиняемого на защиту, принцип защиты прав и законных интересов потерпевших и иных лиц.

Вышеуказанные принципы создали основу для разработки правил, касающихся допроса обвиняемых, а также других процедур по предотвращению пыток, а именно: предупреждение пыток посредством регулирования прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий, уведомление лица о существе обвинения, получение копий документов, содержащих процессуальные решения, возможность представления доказательств, возможность отказаться от дачи показаний против самого себя или близких родственников.

УПК СРВ признает право участников судопроизводства не подвергаться пыткам, в том числе и посредством положений о присутствии защитника в ходе допроса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Обвиняемый имеет право защищать себя самостоятельно или ходатайствовать о представлении ему защитника. Органы и лица, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны реализовать указанное право на защиту. В ходе осуществления такой защиты защитник имеет право встречаться с доверителем, опрашивать его, задавать вопросы в ходе производства следственных действий с согласия лица, в производстве которого находится уголовное дело. Кроме того,

¹ © Нгуен Тхи Минь Тхуй, 2025.

согласно ст. 10 Совместного Циркуляра Министерства общественной безопасности, Министерства национальной обороны, Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры Вьетнама от 23 января 2018 г. № 01/2018/TTLT предусмотрено: «При необходимости производства следственных действий орган, в производстве которого находится уголовное дело, направляет уведомление защитнику задержанного для обеспечения его явки для производства следственного действия по месту содержания под стражей». Таким образом, сторона защиты заблаговременно уведомляется о производстве следственных действий с целью обеспечения участия защитника и недопущения применения пыток в отношении подозреваемого (обвиняемого), что соответствует международным стандартам о праве на защиту.

Стоит отметить, что одной из гарантий противодействия применению пыток является признание недопустимыми доказательств, которые даны в отсутствие защитника, их несогласованность с иными доказательствами по делу. В отношении лица, задержанного в случаях, не терпящих отлагательства, должностное лицо органа, в производстве которого находится уголовное дело, обязано в течение 12 часов принять решение о задержании или освобождении. Принятию этого решения предшествует допрос, который по общим правилам не должен производиться в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, обоснованных в процессуальных документах. Кроме того, УПК СРВ предусматривает, что допрос лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в местах содержания под стражей должен осуществляться с применением средств звуко- и видеофиксации.

УПК СРВ предусматривает, что перед началом допроса необходимо уведомить лицо о характере проводимого следственного действия, разъяснить порядок его проведения, а также права и обязанности, которые имеет допрашиваемое лицо. В протоколе допроса необходимо отразить время производства допроса, время начала и время окончания. Протокол должен быть подписан лицами, которые принимали участие при его проведении. Исправления, дополнения, удаления, подчистки в протоколе должны быть подтверждены подписями участвующих лиц. В случае каких-либо ограничений по здоровью, лицо, составившее протокол, должно прочитать его содержание вслух, а окончательная запись должна иметь отпечатки пальцев и подписи участвующих лиц.

В случаях, когда компетентный орган принимает решение о задержании лица после получения показаний, он должен немедленно уведомить об этом семью задержанного, а также власти коммуны, округа или города, где проживает задержанное лицо, организацию, в которой оно работает или учится. При задержании иностранного гражданина уведомлению подлежит дипломатическое представительство государства, гражданином которого является задержанный.

Особенностью допроса лиц в возрасте до 18 лет является обязательное участие защитника, обеспечить благоприятную психологическую среду, соответствующую возрасту задержанного. В целях осуществления допроса указанных лиц помимо соблюдения общих правил предусмотрено ограничение во времени производства следственных действий (не более четырех часов в день, при этом не более двух часов подряд).

Общее время допроса в течение двух часов может быть увеличено в случае производства допроса по делу, где имеются основания полагать о совершении преступления в составе организованной преступной группы, соучастники преступления скрылись от органов расследования, и они могут скрыть орудия, средства совершения преступления, иным образом воспрепятствовать производству по делу. Это новое положение УПК СРВ, которое появилось сравнительно недавно.

УПК СРВ предусматривает и требования, предъявляемые к лицам, производящим допрос: они должны пройти подготовку или иметь опыт расследования подобных уголовных дел, обладать необходимыми психологическими и педагогическими знаниями о работе с несовершеннолетними. При допросе несовершеннолетнего обвиняемого лицо, производящее следственное действие, должно использовать понятный для несовершеннолетнего язык, соответствующий его возрасту и когнитивным способностям. В то же время следует предпринимать меры по минимизации времени и количества допросов подозреваемого.

Допрос несовершеннолетнего должен быть немедленно прекращен, если у него появляются признаки усталости, влияющие на способность давать точные и полные показания. В этом прослеживается имплементация норм Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) против пыток в законодательство Вьетнама.

Гарантией противодействия пыткам в правоохранительной среде является и функционирование специального органа – Агентства по расследованиям Верховной народной прокуратуры, который занимается проверкой информации о применении пыток должностными лицами.

Противодействие пыткам обеспечивается и контролем за сроками расследования уголовного дела. Так, общий срок расследования составляет два месяца по преступлениям небольшой тяжести, три – по преступлениям средней тяжести, четыре по тяжким и особо тяжким преступлениям. Вместе с тем предусмотрена возможность и продления данных сроков. В таких случаях вышестоящие контролирующие органы устанавливают, насколько беспристрастно, объективно осуществляется расследование по уголовному делу. Данное положение также основано на нормах Конвенции ООН против пыток.

УПК СРВ предусматривает, что участники судопроизводства имеют право обжаловать решения и процессуальные действия органов и лиц, в производстве которых находится уголовное дело путем подачи жалоб, в том числе в ходе производства процессуальных действий. УПК СРВ предусматривает специальную главу, где предусмотрены субъекты, имеющие право подавать жалобы; процессуальные решения могут быть обжалованы; срок исковой давности по жалобам; права и обязанности заявителя. Однако в настоящее время этот вопрос урегулирован для всех жалоб, связанных с решениями и действиями компетентных лиц, на всех стадиях производства. Порядок обжалования действий и решений должностных лиц также является положением Конвенции ООН против пыток.

Компенсация вреда, причиненного преступлением, подробно не регулируется в УПК СРВ, однако существует Закон о государственной компенсационной

ответственности 2017 г. и ряд подзаконных актов, которые раскрываются данную деятельность. Вместе с тем в соответствии с УПК СВР государство несет ответственность за реабилитацию лиц незаконно задержанных, заключенных под стражу, в отношении которых установлена непричастность к совершению преступления. Реабилитация в вьетнамском уголовном судопроизводстве заключается в выплате компенсации лицу, которому причинен вред. В случае, если вред компенсировать в общем порядке невозможно, решение о его возмещении рассматривается в рамках гражданского судопроизводства.

УПК СВР не содержит обязательства «не использовать показания, полученные в результате пыток, в качестве доказательства вины», предусмотренного Конвенцией ООН против пыток. Вместе с тем данное положение отражено в отдельных предписаниях, в частности, не разрешается применять принуждение при допросе обвиняемого; строго запрещается применять телесные воздействия в ходе следственных действий; признание обвиняемым вины может считаться доказательством только в том случае, если оно согласуется с другими доказательствами по делу. Признание ни в коем случае не должно использоваться в качестве единственного доказательства для его осуждения.

Кроме того, для обеспечения объективности и законности расследования и судебного разбирательства УПК СВР предусматривает правила собирания доказательств, а сведения, полученные в нарушение указанных правил, не могут быть учтены при принятии процессуальных решений по делу. Все доказательства в совокупности подлежат оценке на предмет определения их законности и достоверности.

Никитин В. И.¹,

*старший следователь следственного отдела
по Центральному району г. Симферополя
ГСУ Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Крым и г. Севастополю*

ЗАКОННОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ, В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Трактовка понятия «законность» до настоящего времени находится в поле активной научной дискуссии. Имеются многочисленные позиции, которые формируют отдельные, иногда своеобразные, признаки этого понятия [1–4]. Но общим для всех современных подходов к определению законности выступает его общетеоретическая сущность, как признание, соблюдение и правильное применение положений уголовно-процессуального закона, что и выступает основным условием для констатации законности соответствующей (в нашем случае – уголовно-процессуальной) деятельности.

Значение законности многообразно, как и определение ее признаков. В литературе отмечается значимость законности для квалификации преступлений [5], для обеспечения комплексного правоприменения в уголовно-процессуальном и смежных отраслях права [6], для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства [7, с. 14–15] и др.

В сфере уголовного судопроизводства важное место занимает доказывание или доказательственная деятельность. Ее результаты становятся основанием для принятия процессуальных решений, включая и те, что направлены на ограничение конституционных и иных прав, свобод участников уголовного судопроизводства, а также их законных интересов. Несоблюдение закона в указанной сфере неизбежно приводит к незаконному и необоснованному ограничению указанных ценностей, либо к их нарушению. Любой вариант негативно характеризует уголовно-процессуальные действия и решения уполномоченных должностных лиц и государственных органов.

Рассматривая строгое соответствие между законом и его применением в практической плоскости уголовно-процессуальной деятельности как условие законности нельзя не отметить, что такое соответствие возможно только в тех случаях, когда закон четко и полно предусматривает правила поведения субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, а его содержание дает возможность однозначно интерпретировать общую норму к конкретной процессуальной ситуации. Так, при производстве следственных действий закон предусматривает множество правил, как общего, так и частного порядка. Законодатель даже установил продолжительность допроса, а также предусмотрел право участников на отдых. Следователи и дознаватели обязаны выполнять эти и другие требования неукоснительно и в полном объеме.

¹ © Никитин В. И., 2025.

Ученые считают, что «необходимость закрепления полномочий субъекта рассмотрения сообщения о преступлении, производства проверочных действий и принятия решений продиктована соблюдением принципа законности в уголовном судопроизводстве» [8, с. 25]. С этим тезисом сложно спорить. И мы полностью согласны с тем, что такого рода закрепление позволит достичь положительного с позиции законности результата.

Однако проблемы для правоприменителя начинаются в тех ситуациях, когда законодателем правила предусматриваются частично, без детального раскрытия всего необходимого алгоритма процессуального действия или позволяют давать неоднозначное толкование. О наличии такого рода проблемы пишут многие ученые. Так, в частности, М. В. Белов отмечает: «в настоящее время уголовно-процессуальный закон ... не предусматривает единого порядка утверждения (согласования) и предъявления итоговых процессуальных документов участникам уголовного процесса, что отрицательно сказывается на обеспечении законности уголовного судопроизводства» [9].

Наличие однозначного уголовно-процессуального регулирования оценивается как с позитивной, так и с негативной [10] позиции. Причем, отсутствие однозначности в законе оценивается отрицательно [11]. В результате имеем определенный парадокс: законность обеспечивается четкостью выполнения предписаний закона. При этом однозначность, ведущая к четкости исполнения закона, равно как и ее (однозначности) отсутствие, рассматриваются как негативный фактор.

В таких противоречивых условиях обратимся к проблеме определения предмета доказывания и его реализации в досудебном производстве. Этой категории посвящено множество научных исследований. Задачей данной работы является раскрытие лишь одного аспекта – определение совокупности обстоятельств подлежащих доказыванию в свете законности уголовного судопроизводства. Этот вопрос составляет существенную проблему правоприменения, поскольку его разрешение происходит в различных вариантах.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ и в свете формальной законности следователь, дознаватель обязаны доказать только обстоятельства входящие в перечень, содержащейся в указанной статье уголовно-процессуального закона.

Совокупность обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, в целом в науке определяют как общий [12] предмет доказывания. В формулировку «общий» вкладывается смысл о том, что этот перечень имеет универсальный характер и может применяться по любой категории уголовного дела.

Наряду с общим учеными выделяется видовой предмет доказывания. В числе признаков видového предмета доказывания указываются: конкретность – юридически значимые элементы, характеризующие отдельный вид преступления, а внутри него также и конкретный состав преступления [13, с. 43]. В связи с этим в совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, включается уголовно-правовая характеристика всех элементов определенного состава преступления и признаков соответствующих понятий Общей части УК РФ. А по уголовным делам о преступлениях с бланкетными диспозициями видовой предмет доказы-

вания также испытывает влияние административного, гражданского и других отраслей права [14, с. 283]. О видовом предмете доказывания, также пишут, что это «постоянный (предмет. – Н.В.) по форме для преступлений одного вида» [12].

Обоснованием существования видового предмета доказывания выступает, как считает, например, В. А. Лазарева, отсутствие необходимости перечислять все факты в уголовно-процессуальном законе поскольку такие факты индивидуальные и не имеют свойства тождественности, т. е. не могут быть применимы в рамках любого уголовного дела [15, с. 103].

Получается следующая ситуация: доказывание – деятельность, имеющая строгую законодательную регламентацию формы. В то же самое время такого рода регламентация отсутствует в отношении совокупности доказываемых фактов. При наличии общей формулировки предмета доказывания оказывается, что перечисленные в его содержании обстоятельства не только не исчерпывают всех необходимых для доказывания по уголовному делу, но еще и подлежат видоизменению, в результате чего появляется видовой предмет доказывания, который никаким образом не предусматривается в уголовно-процессуальном законодательстве. Отмеченная ранее совокупность фактов, основанная на уголовно-правовой характеристике – действенный и важный признак в определении предметности доказательственной деятельности. Но он также не способен определить всех возможных фактов, которые могут и должны быть доказаны.

Показательны в этом отношении научные позиции о достаточно свободном включении в число подлежащих доказыванию самых разных обстоятельств. Например, С.А. Закарян пишет: «для разрешения входящих в него вопросов подлежат доказыванию обстоятельства, не связанные с теми, что перечислены в ст.ст. 73, 421 и 434 УПК РФ как подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу. ... предмет доказывания вопросов, входящих в предмет постановлений по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, отличающийся от других видов судебных решений» [16]. И. В. Хоменко, Ю. В. Деришев считают, что «важно осознавать критерии сходства и различия профилактической и предупредительной деятельности, поскольку правоприменительная практика чаще всего, принимая данные виды деятельности за тождественные, ограничиваются лишь выявлением обстоятельств, способствующих совершению преступления (ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 158 УПК РФ)» [17, с. 111].

Такие примеры фактов и обстоятельств, которые учеными рассматриваются как подлежащие доказыванию, можно продолжать. Однако полагаем, что закономерен следующий вывод: отсутствие четко определенного законодателем вектора в отношении совокупности фактов, подлежащих доказыванию, существенно снижает общий уровень законности доказательственной деятельности, несмотря на принимаемые меры по усилению ее формализации.

В качестве иллюстрации к этому выводу приведем достаточно типичный пример из судебной практики: «с учетом всех установленных по делу обстоятельств, отсутствия подтвержденных доказательствами сведений (иными словами – доказанных: В.Н.) ..., суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что ходатайство следователя о продлении в отношении обвиняемого К. срока меры пресечения в виде заключения под стражу не подлежит удовлетворению» [22].

Данный случай показателен тем, что следователь не доказал факты, которые суд считает обязательным именно доказать. Но для следователя, равно как и для суда эти обстоятельства находятся за пределами законодательного регулирования. И суд не может сослаться на закон как на объективное подтверждение своих требований. Соответственно разница позиций между ними обусловлена субъективными представлениями о значимости исследуемых фактов. Проблема законности в таких условиях приобретает остроактуальное значение. Ведь разница в подходах суда и следователя отражается на интересах участников уголовного дела, затрудняет доступ к правосудию для потерпевшего, и защиту от обвинения для обвиняемого.

В этой части для нас важным выступает то обстоятельство, что включенные в предмет доказывания факты подлежат именно доказыванию, т. е. их выявление и установление может происходить только на основании источников, обладающих статусом доказательств. Отсутствие же законодательно установленного ориентира применительно к тому, какие это должны быть обстоятельства, вызывает закономерную проблему на практике: следователь должен самостоятельно решить вопрос о том, какие именно обстоятельства должен доказать, а какие может установить, используя иные средства (например, результаты оперативно-разыскной деятельности).

И решение данной проблемы является одной из насущных в теории уголовного процесса. Приведем некоторые предложения на этот счет. По мнению И. В. Макеева, перечень из ст. 73 УПК РФ необходимо рассматривать как обязательный, но не закрытый, а для «разрешения дела следует доказывать не только указанные в Кодексе обстоятельства, но и те, что имеют иное юридическое значение», которые «лежат за рамками состава преступления» [12].

Как считает М. Ф. Мингалимова, в предмет доказывания по ст.ст. 264.1–264.3 УК РФ следует включать факт «принадлежности обвиняемому орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, транспортного средства, использованного обвиняемым при совершении преступления» [18], а Е. Е. Шатайлюк предлагается рассматривать в качестве подлежащего доказыванию обстоятельства выявления признаков нового преступления [19].

Думается, что решить эту проблему с позиции следственной (судебной) дискреции не удастся. В гражданском, арбитражном процессе обстоятельства, подлежащие доказыванию, определяются судом в судебном заседании. Но такое построение обусловлено возложением обязанности доказывания на стороны – истца и ответчика. Другим значимым фактором выступает отсутствие в гражданско-правовых формах судопроизводства досудебного этапа, направленного на выявление и установление существенных для дела обстоятельств.

Соответственно в уголовном судопроизводстве суд лишается возможности самостоятельно определять совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств и обязан придерживаться требований закона, равно как и следователь.

Проведя сопоставление между содержанием ст. 73 УПК РФ и статьями особенной части УК РФ, можно констатировать, что фактически в ст. 73 УПК РФ в общей формуле выражены элементы состава преступления [20, с. 32–38]. Также очевидно следующее:

1) ряд элементов претерпевают определенное изменение, например, вместо вины присутствует виновность;

2) не все указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства присутствуют во всех составах преступления, зафиксированных в особенной части УК РФ, что вызывает логичное заключение: при расследовании уголовного дела, доказыванию подлежат только те обстоятельства из перечня ст. 73 УПК РФ, которые имеются в составе преступления. И в этом случае объективное отсутствие отдельных обстоятельств не вызывает сомнений и различий в подходах к определению этой совокупности (например, по ст. 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии) отсутствует ущерб, а время совершения преступления имеет уголовно-правовое значение лишь при включении его законодателем в перечень обязательных конструктивных признаков составов отдельных преступлений. В основном это воинские преступления – ст.ст. 334, 336, 337 УК РФ и др.) [21, с. 120].

Может иметь место и так называемое отрицательное доказывание, когда устанавливается отсутствие определенных обстоятельств, например, обстоятельств, смягчающих или отягчающих вину обвиняемого. При этом решающим фактором в оценке законности установления этих обстоятельств является сам факт проведения доказывания в поиске и установлении указанных обстоятельств. Не менее значимо в определении совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию в стадиях досудебного производства, наличие перечня вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора (ст.ст. 299, 300 УПК РФ), которые также отличаются от перечня обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Подчеркнем, что в практической деятельности следователя или дознавателя отсутствуют абстрактные подходы к определению совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию. Всегда имеется только конкретный состав и соответственно следователю и дознавателю приходится формировать видовой предмет доказывания, причем самостоятельно и без законодательно определенного вектора.

Получается, что общий предмет доказывания, зафиксированный законодателем, в правоприменении нужен только как некий ориентир, но как показало данное исследование общий предмет доказывания не справляется со своим предназначением.

Наше предложение заключается в том, чтобы установить следующее законодательное правило: следователь и дознаватель обязаны выявлять и устанавливать, используя средства доказывания, все обстоятельства, необходимые для подтверждения или опровержения наличия состава преступления в исследуемом событии, а также доказывать наличие или отсутствие фактов, способных повлечь ограничение конституционных прав, свобод граждан, законных интересов иных, в том числе юридических, лиц.

Полагаем, что такое правило позволит избежать субъективных противоречий в определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, и позволит повысить уровень законности как в досудебных стадиях, так и рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Список литературы

1. Куцова Э. Ф. О законности в уголовном процессе России // Законодательство. 2012. № 2. С. 65–77.
2. Химичева О. В., Химичева Г. П. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41). С. 625–630.
3. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 564–593.
4. Чиковани М. А. Законность в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации // Вопросы права. 2023. № 2. С. 140–149.
5. Бокова А. О. Роль принципа законности при квалификации преступлений // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник научных трудов. Симферополь : Ариал, 2024. С. 401–407.
6. Панченко П. Н. Линия законности как реальная сила, формирующая правильное применение уголовного и смежного с ним законодательства // Реформирование судебной системы в России: история и современность : сборник научных трудов. В 2-х ч. Ч. II. / под ред. А. В. Бондара, В. В. Ершова, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Нижний Новгород : Автор, 2018. С. 159–164.
7. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
8. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учебное пособие / [Т. Ю. Вилкова и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. М. : Норма, Инфра-М, 2022.
9. Белов М. В. О системности процессуальных гарантий на этапе окончания различных видов предварительного расследования // Российский следователь. 2024. № 7. С. 13–17.
10. Фильченко А. П. Потерпевший на стороне защиты: уголовно-правовая реальность процессуального нонсенса // Адвокатская практика. 2016. № 4. С. 40–44.
11. Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации : доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Адвокатская практика. 2009. № 3.
12. Макеева И. В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 60–67.
13. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе : монография. М. : Проспект, 2008.
14. Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном процессе: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. № 11. С. 281–285.
15. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. – 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.

16. Закарян С.А. Постановления, вынесенные по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, как иные судебные решения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2024. № 1. С. 124–135.

17. Хоменко И. В., Деришев Ю. В. Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 107–120.

18. Мингалимова М. Ф. Конфискация транспортных средств, являющихся частью наследственного имущества // Российский судья. 2024. № 4. С. 19–23.

19. Шатайлюк Е. Е. Проблема предмета доказывания в контексте высококодородных преступлений: сравнительно-правовой аспект и историческая ретроспектива // Мировой судья. 2024. № 5. С. 9–15.

20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практическое пособие / [А. В. Бриллиантов и др.]. М. : РАП, 2019.

21. Попова О. А., Ключков А. В. Допустимая неопределенность в установлении времени совершения преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 119–124.

22. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 15 ноября 2021 г. по делу № 22-7911/2021 «О продлении меры пресечения» // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/>.

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Тисен О. Н.¹,

*начальник Юридического управления Росфинмониторинга,
доктор юридических наук*

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

После начала специальной военной операции существенно возросло число поджогов и иных действий, направленных на умышленное повреждение и разрушение объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, топливно-энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры. Самыми распространенными из них стали поджог военкоматов и релейных шкафов на железной дороге молодыми людьми, а также представителями неблагополучных слоев населения, завербованными иностранными гражданами в мессенджерах и социальных сетях.

Как правило, несовершеннолетние, а иногда и малолетние диверсанты подыскивались вербовщиками путем изучения комментариев к новостным лентам и группам в мессенджере «Телеграмм». Иногда потенциальные исполнители диверсий вербовались в каналах радикальной тематики. После изучения профиля молодого человека, вербовщик вступал с ними в переписку, предлагая «подзаработать» путем поджога, выдавая эту «акцию» за простое хулиганство и веселое времяпрепровождение. При этом потенциальный преступник убеждался в собственной безнаказанности, невозможности разоблачения. За небольшое вознаграждение человеку предлагается поджечь двери военкомата, релейный шкаф на ЖД или иной важный объект, снять это на видео и прислать заказчиком. Абсолютное большинство задержанных диверсантов указывали, что оплату за свои преступления они так и не получили.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ [3] в ст. 281 УК РФ «Диверсия» внесены существенные изменения. Кроме того, УК РФ дополнен новыми статьями, криминализовавшими содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2 УК РФ), а также организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3 УК РФ). Частью 1 ст. 281.1 УК РФ предусмотрена ответственность, в том числе, за финансирование диверсионной деятельности, которая также может осуществляться с использованием криптовалют.

После внесения изменений в УК РФ количество зарегистрированных преступлений диверсионной направленности в России существенно возросло. Так, если в 2018–2021 гг. по ст. 281 УК РФ в России регистрировалось по одному преступлению в год, то в 2022 г. уже 23, а в 2023 – 154 преступления. Активно

¹ © Тисен О. Н., 2025.

применяются на практике и новые составы преступлений. Так, в 2023 г. зарегистрировано 24 деяния по ст. 281.1 УК РФ, три преступления по ст. 281.2 и семь – по ст. 281.3 УК РФ. Только за шесть месяцев 2024 г. по ст. 281 УК РФ зарегистрировано 86 преступлений, по ст. 281.1 УК РФ – 14, по ст. 281.2 УК РФ – три (по сведениям ГИАЦ МВД России).

В 2023–2024 гг. выявлены факты привлечения украинскими организаторами к совершению диверсий пожилых людей, пострадавших от телефонного мошенничества. Сначала преступники похищали их средства с помощью социальной инженерии и введения в заблуждение. После того как жертва осознавала, что ее обманули и все сбережения потеряны, ей, например, предлагалось «поджечь здание, где располагается мошенник», чтобы вернуть похищенное.

В ряде случаев обвиняемые в диверсиях заявляли, что совершали преступления под давлением иностранной разведки, выразившемся, например, в угрозах членам семьи [4].

Согласно прим. 1 к ст. 281.1 УК РФ под финансированием диверсии понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Понятие «финансирования диверсии» схоже с понятием «дефиниция», указанной в прим. 1 к ст. 205.1 УК РФ и отличается только целью предоставления, сбора средств либо оказания финансовых услуг.

Уголовной ответственности за финансирование диверсии подлежат лица, осуществляющие предоставление, сбор средств, оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены:

1. Для подготовки или совершения любых преступлений диверсионной направленности: взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, совершенных в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации;

2. Организованной группе, незаконному вооруженному формированию, преступному сообществу (организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из преступлений, указанных в ст. 281 УК РФ либо диверсионному сообществу.

3. Лицу, заведомо для предоставляющего средства/услуги участвующему в организованной группе, незаконном вооруженном формировании, преступном сообществе (организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из преступлений, указанных в ст. 281 УК РФ, либо в диверсионном сообществе.

4. Лицу, заведомо для предоставляющего средства/услуги причастному к диверсиям, но не являющемуся участником диверсионного сообщества, организованной группы, НВФ, преступного сообщества (организации) созданных или создаваемых для совершения диверсий.

5. Для оплаты транспортных расходов на проезд к месту совершения диверсии.

Под диверсионным сообществом согласно ч. 1 ст. 281.3 УК РФ понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки одного или нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Под поддержкой диверсии в соответствии с п. 2 прим. к ст. 281.3 УК РФ понимается оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению диверсионной деятельности. Исходя из буквального толкования этой нормы, сам факт объединения лиц в целях финансирования диверсионной деятельности должен быть квалифицирован по ст. 281.3 УК РФ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем», а каждое преступление, связанное с финансированием диверсий по совокупности преступлений – по соответствующей части ст. 281.1 УК РФ.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, являются предприятия (производственные комплексы), сооружения (мосты, плотины и др.), объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объекты жизнеобеспечения населения (водохранилища, линии электропередач и др.), а также здоровье людей и (или) компоненты природной среды [4].

Основное отличие диверсии от теракта – различные объекты преступного посягательства. Объектом диверсии являются общественные отношения, которые складываются в связи с осуществлением деятельности Российской Федерации по обеспечению экономической безопасности и обороноспособности, характеризующейся состоянием защищенности важнейших экономических интересов страны [1].

Согласно п. 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, экономическая безопасность и оборона страны являются одними из стратегических национальных приоритетов наряду со сбережением народа России и развитием человеческого потенциала; государственной, общественной, экологической и информационной безопасностью, научно-технологическим развитием; защитой традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, стратегической стабильностью и взаимовыгодным международным сотрудничеством [5].

В результате анализа судебной практики установлено, что к ответственности по ст. 281 УК РФ чаще всего привлекаются лица, совершившие поджог военкоматов [6], релейных шкафов, взрыв газопроводов [7], железнодорожных и автомобильных мостов. В ходе судебных заседаний исследуются доказательства, подтверждающие важное стратегическое значение или принадлежность объекта посягательства к системе обороноспособности страны.

Так, приговором Верховного Суда Республики Крым от 30 марта 2023 г. гражданин России и Украины К. осужден за совершение диверсии и приготовление к диверсии, а также за совершение дважды незаконного хранения взрывных устройств к наказанию в виде 10 лет лишения свободы со штрафом, с отбыванием первых трех лет в тюрьме, оставшейся части срока в исправительной колонии строгого режима. Судом установлено, что осужденный совершил приготовление к диверсии путем взрыва железнодорожного моста. В ходе судебного заседания, исследованы доказательства, подтверждающие стратегическое назначение железнодорожного моста, являвшегося объектом преступного посягательства. Также К. признан судом виновным в поджоге военкомата [6].

В приговорах по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 281 УК РФ, связанных с поджогами военкоматов, суды описывают следующую формулировку, в которой содержится указание на отнесение их к объектам обеспечения обороноспособности страны:

«...преступление совершено в целях создания препятствий для своевременной подготовки мобилизационных процессов и мобилизационной готовности граждан путем повреждения объекта, ведущего учет граждан, желавших заключить контракт с Вооруженными Силами Российской Федерации, учет военнослужащих, принимавших участие в СВО, тем самым создать дополнительные трудности для обороноспособности страны в целом, нарушить устойчивый уровень оборонного развития страны, что привело бы к необходимости перераспределения финансовых ресурсов для устранения возможных негативных последствий, восстановления повреждений, а также к нарушению сроков выполнения поставленных мобилизационных задач, связанных с проведением СВО, что неминуемо привело бы к подрыву экономической безопасности и обороноспособности страны» [6].

Описывая принадлежность железнодорожных мостов к объектам обеспечения экономической безопасности и обороноспособности страны, суды указывают, например, следующее: «...железнодорожный мост относится к объектам жизнеобеспечения населения, по указанному объекту транспортной инфраструктуры осуществляется поставка товаров для населения, а также осуществляется подвоз техники, предназначенной для обороноспособности страны. Повреждение данного объекта транспортной инфраструктуры повлекло бы подрыв экономической безопасности, поскольку была бы прервана доставка товаров, в том числе продовольствия для населения, товаров первой необходимости, а также привело бы к существенным затруднениям в доставке военной техники и военнослужащих, нарушению сроков выполнения мобилизационных задач по защите интересов государства, негативно отразилось бы на обороноспособности страны. Судом верно установлено, что эти действия К. совершил с прямым умыслом, был нацелен на воспрепятствование проведению СВО, подрыв обороноспособности страны, экономической безопасности региона и страны в целом» [6].

Диспозиция ст. 281 УК РФ предусматривает, в том числе, совершение взрыва, направленного на разрушение или повреждение объектов жизнеобеспечения населения. При квалификации диверсии необходимо учитывать, что разрушение

объекта – это приведение его в состояние, при котором он не может использоваться по целевому назначению или исчезает как предмет физического мира, а повреждение объекта - это частичная утрата им своих свойств, требующая ремонта.

В практике осужденные и их защитники довольно часто не соглашались с квалификации их действий по ст. 281 УК РФ, оспаривая обоснованность версии правоохранительных органов об объекте преступного посягательства и наличии у них специальной цели совершения преступления.

Так, выражая несогласие с привлечением к уголовной ответственности по ст. 281 УК РФ, осужденные за диверсию указывали в апелляционных жалобах на недоказанность наличия у них умысла на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако в ходе судебного заседания было установлено, что осужденные совершили диверсию путем взрыва газопровода на территории Республики Крым. Согласно приговору суда, осужденные были завербованы украинскими диверсантами, после чего получили взрывное устройство, спрятанное в головке сыра, и заложили его в указанном организаторами преступления месте под газопровод. В ходе допросов обвиняемые указали, что были завербованы для «проведения различного рода акций с целью мести за присоединение Крыма к Российской Федерации». В ходе встречи с организаторами взрыва газопровода они заполнили анкеты, содержащие сведения о личных данных, составе семьи, образовании, работы, дохода, взглядов на жизнь, контактные телефоны, биографические данные, используемые автотранспортные средства. За совершение преступления вербовщики обещали им вознаграждение в размере 1 800 \$, однако обманули их и не передали денежные средства. По совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний за совершение преступлений, предусмотренных пп. «а, б» 281, ч. 4 ст. 222.1, ч. 2 ст. 226.1 УК РФ осужденным назначено наказание на срок от 13 до 17 лет лишения свободы со штрафом в размере от 500 000 руб. и с ограничением свободы сроком от одного года [7].

Значительная часть осужденных по ст. 281 УК РФ являются одновременно гражданами России и Украины [6]. Часть 2 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает возможность лишения приобретенного гражданства лица, в отношении которого вступил в законную силу приговор, которым он признан виновным в совершении преступлений террористической направленности, в том числе предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, а также диверсии [8].

Практика привлечения к ответственности за финансирование диверсии пока только формируется. Однако за полтора года, прошедших с момента внесения изменений в ст. 281 УК РФ [3], в России накоплен значительный опыт привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ.

В ряде случаев диверсии удалось предотвратить. Так, приговором Верховного Суда Республики Крым от 18 января 2024 г. Г. Г. осужден по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 281, по ч. 1 ст. 281.1, п. «в» ч. 3 ст. 222.1 УК РФ Г. признан виновным за приготовление к диверсии и за склонение лица к ее совершению, а также

за незаконные приобретение, хранение и перевозку взрывного устройства, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет [4].

Доказательствами причастности обвиняемых в совершении диверсии суды, помимо иных, признавали:

- показания самого осужденного, свидетелей;
- справки о результатах оперативно-розыскных мероприятий;
- протоколы оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в том числе осмотра предметов и получения образцов для сравнительного исследования;
- заключения специалистов и экспертиз (прежде всего взрывотехнической, фонографической, фоноскопической, автороведческой и др.), заключения судебной экспертизы тканей и выделений человека, животных;
- результаты осмотра переписки обвиняемого с вербовщиками и соучастниками преступления;
- результаты осмотра и прослушивания фонограмм;
- видеозаписи подготовки и совершения преступления;
- изъятые в ходе ОРМ и следственных действий карты и схемы места совершения диверсии, фотографии с отметками, описание путей подхода к объектам, сделанные обвиняемым;
- изъятые правоохранительными органами у обвиняемого инструкции совершения диверсии, предоставленные ему вербовщиками и иностранной разведкой [9];
- изъятые у обвиняемого беспилотники, взрывчатые вещества, компоненты взрывных устройств, оружие и боеприпасы [4];
- иные доказательства, исследованные в судебном заседании.

За совершение даже простого, неквалифицированного состава диверсии УК РФ предусматривает наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

Диверсия по праву относится к наиболее общественно опасным деяниям, за которое всегда в российском уголовном законодательстве предусматривалось самое суровое наказание. Например, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. за совершение диверсии грозила смертная казнь.

Согласно ч. 2.1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных в том числе ст.ст. 281–281.2 УК РФ, отбывание части срока наказания назначается в тюрьме. При этом период отбывания наказания в тюрьме после зачета времени содержания под стражей до вступления в законную силу обвинительного приговора суда должен составлять не менее одного года. Определение вида исправительного учреждения для отбывания срока наказания, оставшегося после отбытия части срока наказания в тюрьме, осуществляется по общим правилам.

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 281–281.3 УК РФ, подсудны Верховному Суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного

округа, окружному (флотскому) военному суду (п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ) и не могут быть рассмотрены с участием присяжных заседателей. Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» из числа уголовных дел, которые по ходатайству обвиняемого могут рассматриваться судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из присяжных заседателей, исключены, в том числе деяния, предусмотренные ст. 281 УК РФ «Диверсия» [2].

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 595-ФЗ к числу оснований для включения в Перечень лиц и организаций, причастных к экстремистской деятельности или терроризму, отнесены вступивший в законную силу приговор суда о признании лица виновным, процессуальное решение о признании лица подозреваемым, а также постановление следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 281 «Диверсия», 281.1 «Содействие диверсионной деятельности», 281.2 «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности» и 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем».

Список использованной литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) (том 4) / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1. Ст. 33.

4. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 22 мая 2024 г. по делу № 55-199/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

6. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. по делу № 55-408/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

7. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 28 июля 2023 г. по делу № 55-382/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 г. № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

9. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2024 г. по делу № 55-158/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

Васяев А. А.¹,

*профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

22 сентября 2024 г. на Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) принят «Пакт во имя будущего», где в п. 51 провозглашается, что: «Цифровые и новейшие технологии, включая искусственный интеллект, играют значительную роль в качестве обеспечения устойчивого развития и кардинальным образом меняют наш мир. Они открывают огромный потенциал для прогресса на благо людей и планеты сегодня и в будущем. Мы намерены реализовать этот потенциал и управлять рисками путем расширения международного сотрудничества, взаимодействия с соответствующими заинтересованными сторонами и содействия построению инклюзивного, ответственного и устойчивого будущего» [1].

Цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности современного общества стала повсеместной и изменила наш образ жизни. Мы уже не можем представить свое существование без технологий, которые меняют наше восприятие мира, способы общения и работы. Один из важнейших аспектов этой трансформации – переход к информационному обществу. Сегодня доступ к большим данным и в целом к знаниям стал ключевым фактором успеха в любой сфере деятельности. Работа с информацией, ее анализ и использование – это основа современных профессий. Социальные сети и интернет-сервисы расширили возможности для общения, самообразования и профессионального развития, предоставив каждому человеку возможность быть активным участником глобального информационного пространства.

Однако наряду с огромными возможностями цифровые технологии открывают путь и к злоупотреблению, так количество преступных деяний, совершенных с применением информационных технологий, растет год от года и приобретает трансграничный характер [2, с. 175–178]. Вооруженные новыми технологиями, отдельные лица и организованные преступные группы находят новые способы для совершения противоправных деяний. Эпоха цифровизации кардинально изменила характер преступлений, появились новые разновидности финансового мошенничества, гибридный криминал, преступления в сфере финансовых и банковских услуг, дистанционно контролируемая торговля наркотиками через зашифрованные каналы связи, мошенничество с использованием фальшивых электронных писем, преступления сексуального характера посредством социальных сетей, кибератаки, фейки, военные преступления, хищение цифровых активов и другие угрозы.

¹ © Васяев А. А., 2025.

Так, одной из задач провозглашенной в Приложении I «Глобальный цифровой договор» к Пакту во имя будущего, принятого Генеральной Ассамблеей ООН, является: «Сформировать инклюзивное, открытое безопасное и защищенное цифровое пространство, в котором соблюдаются, защищаются и поощряются права человека» [1].

Новые формы и виды преступлений ставят перед правоохранительными органами задачу создания системы надежной правовой охраны с международной координацией совместных действий по борьбе с неорганизованной и организованной преступностью. Именно поэтому международные связи приобретают особое значение, поскольку преступники, находясь в одной стране и используя сеть Интернет, совершают преступления против физических и юридических лиц другой страны, при этом не покидая своего места нахождения. Примером могут служить хакерские атаки на государственные и негосударственные информационные системы, требующие координации правоохранительной и судебной деятельности между несколькими государствами для установления виновных лиц в цепочке противозаконных действий.

Новые задачи определяют необходимость внедрения в практику работы современных правоохранителей всех стран новых цифровых методов расследования и рассмотрения уголовных дел. Во многом эта необходимость обусловлена еще и тем, что деятельность дознавателей, следователей, прокуроров и судей сегодня все больше зависит от цифровых компетенций, основанных на знаниях инновационных технологий. Современные методы сбора доказательственной информации – анализ данных с мобильных устройств, электронная переписка, данные камер видеонаблюдения, системы блокчейна и другие, более сложные виды цифровых улик – могут сыграть определяющую роль в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Одним из важнейших факторов эффективности цифровых технологий в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства является скорость передачи информации и ее доступность. Если в предыдущие десятилетия решение того или иного вопроса по обмену доказательствами или иной необходимой информацией в рамках межгосударственного взаимодействия часто занимало месяцы, что существенно замедляло процесс расследования и рассмотрения уголовных дел, то современные технологии позволяют правоохранительным и судебным органам получать доступ к информации намного раньше.

Традиционные методы расследования уголовных дел по-прежнему значимы, но сегодня они дополняются новыми технологиями, которые помогают следствию и дознанию собрать более точные и детализированные сведения. Например, следователи и дознаватели активно используют в доказывание сведения, полученные из смартфонов и компьютеров подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелей. Геолокация, история браузера, закодированные сообщения в международных системах обмена информацией, система блокчейна и прочие сведения дают возможность восстановить полную картину устанавливаемых событий, что часто невозможно сделать только с помощью традиционных способов расследования. Программы извлечения и анализа данных, такие,

как Cellebrite и другие инструменты для анализа мобильных устройств, позволяют следователям (дознателям) получить доступ к ключевым уликам.

Помимо этого, технологии машинного обучения и искусственного интеллекта (ИИ) дают правоохранителям возможность анализировать большие объемы данных в короткие сроки при возможности доступа к ним. Автоматизированные системы могут искать связи между данными, находить закономерности и аномалии, что позволяет расследовать уголовные дела, связанные с кибербезопасностью и финансовыми преступлениями, по свежим следам и более эффективно.

Иными словами, в расследовании современных уголовных дел начинает прослеживаться устойчивое использование цифровых доказательств и способов их сбора, в связи с чем развиваются цифровые компетенции сотрудников правоохранных и судебных органов. Несмотря на значимость специальных знаний в уголовном процессе, их цифровой формат порождает множество проблем, например, сложности с правовой регламентацией тех или иных следственных и судебных действий. Вопросы о допустимости цифровых доказательств, их подлинности и методах получения становятся всё более актуальными для правоохранителей во всех странах мира. Современное законодательство уже не успевает за стремительным развитием технологий, что создает пробелы в правоприменительной практике и противоречия в межгосударственном взаимодействии.

Эти и другие проблемы обуславливают наличие общих задач и оснований для сотрудничества по уголовным делам между странами и для преодоления разрыва в собирании, проверке, исследовании и оценке тех или иных доказательств. По совокупности вопросов это приводит к необходимости принятия совместных упреждающих мер правоохранных органов для выявления все более усложняющихся преступных тактик [3, с. 14].

Современные технологии позволяют ускорить обмен информацией между государствами, упростить процесс передачи данных и обеспечить безопасность их хранения и обработки. Традиционные методы обмена информацией уступают место общим цифровым платформам и электронным базам данных.

Цифровизация позволяет создавать международные базы данных – базы отпечатков пальцев, ДНК, а также данных о преступниках и совершенных ими преступлениях, доступные в реальном времени для всех участников процесса. Это значительно ускоряет процессы идентификации подозреваемых (обвиняемых) и обмен важной оперативной информацией между правоохранителями разных стран, что особенно критично в случаях, когда требуется быстрое реагирование [4, с. 36–51].

Большинство основных международных правовых актов были разработаны и приняты до того времени, как возник Интернет. С тех пор произошел резкий скачок технологического развития. Замена коммутаторов на домашний широкополосный беспроводной Интернет, коммерческий запуск 3G и внедрение камерофонов – все это произошло всего за несколько лет до появления Google, YouTube и Facebook¹. Затем тенденция к технократизации продолжилась. Передовые технологии изменили способы, которыми общества создают информацию

¹ Запрещена в России: принадлежит корпорации Meta, которая признана в России экстремистской.

и делятся ею, генерируя постоянно растущий объем данных. Наличие и доступность новых источников информации открывают новые возможности для следователей, дознавателей, прокуроров и судей, а также для повышения эффективности их деятельности.

Активное развитие технологий и совершаемые с их помощью трансграничные преступления свидетельствуют о том, что цифровые доказательства будут играть все более важную роль в расследованиях и рассмотрении таких преступлений [5, с. 163–188]. В национальных юрисдикциях цифровые доказательства теперь вводятся в большинство уголовных дел, законодательства многих стран подверглись серьезным реформам в части правил доказывания и процессуальных норм.

Актуальным вопросом международного взаимодействия при расследовании уголовных дел является вопрос сохранения доказательств. Срок хранения сведений на электронных ресурсах бывает разным: от нескольких дней до нескольких месяцев. Поэтому важной является скорость реагирования национальных правоохранительных органов с просьбой сохранить доказательства до получения соответствующего судебного решения на выемку данных сведений и его легализации в иностранном государстве через соответствующие подразделения национальных правоохранительных органов.

Проблема нормативности доказывания, связанные с этим процедуры, а также их допустимость остается открытой для решения в условиях цифровизации. Вопросы, связанные со сбором, хранением, проверкой, исследованием и оценкой цифровых доказательств, требуют унификации норм и правил в рамках международного сотрудничества, поскольку цифровизация становится неотъемлемым элементом современного уголовного процесса, способствуя координации правоохранительных и судебных органов правовых систем разных стран [6, с. 1–7].

Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве охватывает несколько ключевых направлений, которые стали особенно актуальны с развитием цифровых технологий. Его можно дифференцировать по нескольким видам, обусловленным правовыми критериями способов взаимодействия правоохранительных и судебных органов.

Во-первых, это международное сотрудничество, регламентированное ч. 3 ст. 453 УПК РФ: по вопросам судебной деятельности Верховного Суда Российской Федерации международное взаимодействие осуществляется через Верховный Суд Российской Федерации; по вопросам, связанным с судебной деятельностью всех судов, за исключением Верховного Суда Российской Федерации, международное взаимодействие осуществляется через Министерство юстиции Российской Федерации; по уголовным делам, находящимся в их производстве, международное взаимодействие осуществляется через Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральную службу безопасности Российской Федерации.

Прежде всего, в рамках данного вида взаимодействия осуществляется обмен оперативной информацией через международные правоохранительные институты (межведомственное взаимодействие правоохранительных органов), такие

как Интерпол или Европол. Эти платформы позволяют правоохранительным органам разных стран получать доступ к общей базе данных, включающей информацию о подозреваемых (обвиняемых), совершенных ими преступлениях и связанных с этим оперативных мероприятиях в рамках межведомственного взаимодействия.

Во-вторых, это международное взаимодействие, осуществляемое по большинству уголовных дел Главным управлением международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (п. 4 ч. 3 ст. 453 УПК РФ), с использованием в том числе цифровых коммуникационных инструментов для координации действий в режиме реального времени, что позволяет в ходе судопроизводства быстрее реагировать на угрозы и обмениваться информацией, не дожидаясь проведения традиционных административных процедур.

Важным элементом такого международного сотрудничества является, собирания и исследования доказательств с использованием цифровых технологий в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел, а также обмен доказательствами, включающий в себя использование видеоконференцсвязи для допроса свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших в других странах. Однако данный вид международного взаимодействия пока формируется, ввиду чего отсутствуют четкие правовые гарантии процедуры их назначения и проведения, что порождает существенные риски в обеспечении прав, свобод и законных интересов участников данных процессуальных процедур. Так, среди основных проблем, связанных с использованием видеоконференцсвязи для допроса свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших, являются отличия используемой сторонами связи в ее технических характеристиках (ее совместимость), что, в том числе, влияет на качество изображения и (в отдельных случаях) – на задержку передачи информации. В-третьих, видеоконференцсвязь не предусматривает использования и предъявления письменных материалов дела допрашиваемому лицу, что ограничивает возможности такого допроса. В-четвертых, часто встречаются случаи, когда протоколы следственных и судебных действий, оформляемые сторонами такого взаимодействия по результатам проведенной видеоконференцсвязи, отличаются друг от друга, то есть одна сторона допроса указывает одни данные, а другая сторона – другие (в общем или в частности), что создает неустранимые противоречия при проверке, оценке и исследовании данных доказательств.

Такие виды сотрудничества требуют от стран-участниц высокого уровня технической оснащенности, обеспечения безопасности передаваемых данных. При этом для законности получения того или иного доказательства надлежит обеспечивать совместимые каналы связи, технические характеристики которых подтверждены взаимодействующими органами государств и позволяют реализовать обеспечение и защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц при производстве подобных процессуальных действий.

Использование отдельных элементов состязательного сбора и исследования доказательств на международном уровне уже способствовал значительным изменениям в практике международного сотрудничества при расследовании и рас-

смотреии уголовных дел. Прежде всего, внедрение цифровых технологий позволило значительно сократить время, необходимое для выполнения межгосударственных запросов о правовой помощи. Теперь вместо длительных процедурных обменов бумажной корреспонденцией правоохранительные органы могут использовать безопасные цифровые каналы для оперативного обмена информацией и доказательствами совершения преступлений. Информация, полученная с помощью новых технологий, имеет большой потенциал для обеспечения процесса всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовного дела. Любая цифровая информация, такая как сведения о скором пересечении государственной границы подозреваемым (обвиняемым) той или иной страны, данные связи, пользовательский контент, видео и фотографии становятся важнейшими инструментами для международного взаимодействия в сфере расследования и рассмотрения уголовных дел [7, с. 965–988].

За последние годы возникли новые форматы взаимодействия через цифровые платформы, способствующие более тесной интеграции правоохранительных и судебных органов разных стран, результатом которых стала разработка общих стандартов защиты данных и кибербезопасности, а также регулярный обмен информацией. При этом особого внимания в контексте использования цифровых технологий требует вопрос о защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Эта проблема обуславливает необходимость адаптации существующих норм права разных стран к реальной ситуации в мировой политике и разработки новых правовых механизмов, регулирующих взаимодействие между правоохранительными и судебными органами.

Помимо этого, цифровые технологии открыли новые возможности для сбора, хранения, оценки, проверки и исследования доказательств в уголовном судопроизводстве.

Электронные базы данных, доступные для стран-участниц международных соглашений, позволяют предотвращать фальсификацию доказательственной информации. Это особенно важно для достижения эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел.

Однако важнейшей проблемой при использовании цифровых платформ для уголовного судопроизводства по-прежнему остается увеличение рисков в сфере защиты персональных данных и обеспечение права на справедливое разбирательство [8, с. 3–17].

В этой связи остро встает вопрос о возможном размывании границ (вызванном процессом цифровизации) между предупреждением преступлений и репрессивными мерами. Решение этой проблемы требует новой системы передачи информации: от отделов безопасности и разведки – правоохранительным органам. Кроме того, тот факт, что уголовное судопроизводство становится все более транснациональным, а Интернет с его виртуальным пространством не имеет территориальных границ, обуславливает необходимость поиска методов для регулирования межгосударственного взаимодействия стран и трансграничных уголовных расследований. И, наконец, в то время как национальное уголовное судопроизводство по-прежнему основано на внутренних правилах, «транснаци-

онализация» преступной деятельности и преступных активов требует переосмысления роли уголовного права в обеспечении безопасности страны в киберпространстве из-за внутренних ограничений нормативной базы международного уголовного судопроизводства. В связи с этим представляется актуальной более детальная разработка международных соглашений взаимодействия в уголовном судопроизводстве, прежде всего, в рамках стран СНГ и участников стран БРИКС.

При использовании цифровых платформ для уголовного судопроизводства страны-участницы должны разработать эффективные механизмы по защите данных и минимизации рисков в признании подобных доказательств недопустимыми. В дальнейшем важно решить не только проблему создания будущей международной структуры уголовного судопроизводства и определить ее роль в цифровом правовом поле, но и обозначить границы юрисдикций при расследовании определенного рода преступлений.

Цифровые технологии уже становятся неотъемлемой частью международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, ускоряя процесс обмена информацией, повышая эффективность и прозрачность деятельности правоохранительных органов. Переход к отдельным способам реализации состязательного собирания и исследования доказательств требует детальной проработки юридических и технических аспектов для защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц и с целью предотвращения злоупотреблений этими возможностями. В будущем можно ожидать дальнейшего расширения использования цифровых технологий в этой сфере, что станет важнейшим фактором создания реально работающей международной системы правосудия.

Таким образом, цифровизация каналов международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве открывает новые возможности для борьбы с преступностью на глобальном уровне. Однако реализация этого сценария требует от международного юридического сообщества решения задачи по гармонизации правовых систем разных стран, формального закрепления принципов защиты данных физических и юридических лиц и налаживания непрерывного диалога между странами для координации общих усилий в расследовании и рассмотрении уголовных дел. Успешное решение этих задач будет способствовать не только эффективности правосудия, но и укреплению общих демократических ценностей.

Список литературы

1. Пакт во имя будущего : принят Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций от 22 сентября 2024 г. №79/1. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf>.
2. Хижняк Д. С. Криминалистическая классификация транснациональных преступлений // Юристъ-правоведь. 2020. № 2 (93). С. 175–178.
3. Casino F. Cross-border criminal investigations and digital evidence // Journal of Cybersecurity. 2022. Т. 8. № 1. Р. 14.

4. Клевцов К. К., Васюков В. Ф. Получение электронной информации по уголовным делам в рамках международного сотрудничества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 1. С. 36–51.

5. Freeman L., Vazquez Llorente R. Finding the signal in the noise: International criminal evidence and procedure in the digital age // Journal of International Criminal Justice. 2021. Т. 19. № 1. P. 163–188.

6. Koenig A. New technologies and the investigation of international crimes: An introduction // Journal of International Criminal Justice. 2021. Т. 19. №. 1. P. 1–7.

7. Hellwig K. The potential and the challenges of digital evidence in international criminal proceedings // International Criminal Law Review. 2021. Т. 22. № 5–6. P. 965–988.

8. Bachmaier Winter L. Criminal Investigation, Technological Development, and Digital Tools: Where Are We Heading? // Investigating and Preventing Crime in the Digital Era: New Safeguards, New Rights. Cham : Springer International Publishing, 2022. P. 3–17.

Османо́ва Н. В.¹,

*декан факультета подготовки
научно-педагогических кадров и организации
научно-исследовательской работы
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент*

О ЗАРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУЧНОЙ МЫСЛИ ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Исследование любого правового явления, его сущности и содержания невозможно без изучения исторических аспектов его зарождения. Различные исторические вехи становления, обусловленные кругом субъектов и их направлением процессуальной деятельности, а также содержанием такой деятельности, имеет и институт уголовного преследования.

Изучение научной мысли об уголовном преследовании и начала ее зарождения в российском законодательстве позволяет оценить трансформацию правового явления, сравнить с действующей моделью уголовно-процессуального закона и оценить исследуемый институт с позиции его развития.

Впервые категория «преследование» или точнее «судебное преследование» находит отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст.ст. 1, 2, 5, 16, 17, 18, 356 и др.) – источнике изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий, впоследствии перешедших в первые нормативные акты советского государства.

В дореволюционном уголовно-процессуальном праве категории «уголовное преследование», «судебное преследование», «обвинение», «уголовный иск», «публичный иск», «публичное преследование» не разграничивались и в целом связывались с привлечением лица к уголовной ответственности и определением перспективы судебного разбирательства, обличением лица перед судом и неотвратимостью наказания за совершение преступления.

Первое комплексное исследование института уголовного преследования в России принадлежит А. А. Квачевскому, изучение трудов которого позволяет утверждать о том, что предъявление уголовного иска и обвинение лица в совершении преступления рассматривались ведущими правоведом XIX в. как составные элементы уголовного преследования и не отделялись друг от друга [3, с. 14].

Вместе с тем, значительное внимание уделялось не уголовному преследованию как функции или процессуальной деятельности, а правилам производства по уголовному делу и обвинению. Так, профессором И. Я. Фойницким в Курсе уголовного судопроизводства 1896 г. выделяются и анализируются частное, народное и должностное обвинение, их сходства и различия [8, с. 78–80]. В последующей своей работе выдающимся российским правоведом исследуются понятие, свойства, субъекты обвинения, различия обвинения и гражданского иска,

¹ © Османова Н. В., 2025.

определение начала обвинения, условия обвинения и его последствия, при этом термин «уголовное преследование» используется наряду с обвинением и уголовным судопроизводством [9, с. 59].

Существенное значение имеют положения ст. 4 Устава уголовного судопроизводства, обеспечившие переход от инквизиционного к состязательному процессу: впервые на законодательном уровне был закреплен принцип разделения функции обвинения и осуществления правосудия. Кроме того, регламентировано частное обвинение и его порядок, разделивший, по сути, уголовное преследование на два вида: публичное и частное.

Как отмечал А. А. Квачевский, выделение частного уголовного преследования, зависящего от волеизъявления потерпевшего от преступления лица, явилось следствием и свидетельством расширения влияния частных интересов на уголовное судопроизводство [3, с. 81].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал основополагающим актом, указавшим направление для движения российского законодателя на десятилетия и даже столетия вперед по вопросу регламентации осуществления уголовного преследования.

Изменения режима власти, необходимость избавления от имперского прошлого повлияло на принятие нового уголовно-процессуального закона и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (УПК РСФСР) 1922 г. (ст.ст. 4, 9, 31, 98, 251) на смену термину «судебное преследование» приходит «уголовное преследование», нашедшее отражение и в УПК РСФСР 1923 г. (ст.ст. 4, 9, 29, 93, 116, 233, 247).

В вышедшей в 1934 г. известной работе М. С. Строговича «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде» сквозь призму анализа положений УПК РСФСР 1923 г. определение обвинению давалось через функцию органов прокуратуры и следствия, направленную на преследование и изобличение лиц, по своим действиям являющихся (или предполагающихся) опасными для государства <...> [6, с. 7]. Позднее, полагая, что «уголовно-процессуальная деятельность возникает и ведется по поводу совершенного преступления и направлена на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо, доказать его виновность, обеспечить его осуждение и наказание, это и есть обвинение (уголовное преследование)» М. С. Строгович [7, с. 15], по сути, также как и современный законодатель, поставил знак равенства между категориями «обвинение» и «уголовное преследование».

Неоднократное изменение отношения законодателя к термину «уголовное преследование» породило появление в научном сообществе дискуссии о правовой природе исследуемой категории. К сожалению, изучение «правовых корней» уголовного преследования XIX – начала XX в. не позволяет в полной мере сделать какие-либо аргументированные выводы о действительной сущности изучаемого явления в указанный период. Позиции ученых-процессуалистов (И. Я. Фойницкого, В. К. Случевского, С. В. Познышева, Н. Н. Розина, Д. Г. Тальберга и др.) в основном едины относительно природы уголовного преследования и свидетельствуют об отсутствии в теории уголовно-процессуального права разделения функций обвинения и уголовного преследования. Лишь начиная с 60-х гг.

XX в. уголовно-процессуальному праву становится присущ новый подход к определению уголовно-процессуальных функций, их множественности и выделению уголовного преследования в качестве самостоятельной, отдельной от обвинения функции.

С принятием Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г. (далее – Основы уголовно-процессуального законодательства 1958 г.), УПК РСФСР 1960 г. категория «уголовное преследование» и вовсе была исключена из уголовно-процессуального законодательства, вместо нее законодатель определял порядок возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения, прекращения уголовного дела. Несмотря на отсутствие в законе не только определения «уголовное преследование», но и любого упоминания о нем (а возможно и в связи с этим) ученик М. С. Строговича – профессор В. М. Савицкий – также рассматривал обвинение и уголовное преследование как синонимичные понятия [5, с. 194].

Современное законодательное закрепление определения в п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, не разрешило имеющихся в науке уголовно-процессуального права вопросов относительно сущности и содержания данной процессуальной деятельности. По мнению А. Р. Белкина, с которым нельзя не согласиться, «<...> понятие уголовного преследования в УПК определено недостаточно четко, что порождает возможность различных его толкований» [1, с. 80].

Положения п. 45 ст. 5 УПК РФ еще более запутали как правоприменителя, так и ученых в области уголовно-процессуального права, определив, что к сторонам относятся «участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения» и позволив считать функцию «обвинения» синонимом категории «уголовное преследование». Одновременно в п. 22 ст. 5 УПК РФ законодатель установил, обвинение ни как деятельность, направление деятельности либо функцию, а как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Указанное в определенной мере обусловило отсутствие единой позиции среди ученых-процессуалистов о том, что следует понимать под указанными категориями, каково их соотношение, если обвинение – это функция, то является ли функцией уголовное преследование; при выделении в отдельную функцию уголовного преследования, возможно ли выделение и функции обвинения; является ли уголовное преследование аналогом судебного преследования и др.

В теории уголовного процесса под функциями принято понимать направления деятельности участников уголовного процесса. В контексте направлений деятельности, наиболее характерных для состязательного уголовного процесса, уголовно-процессуальный закон выделяет и признает триаду функций: обвинение, защиту и разрешение уголовного дела. Представленная конструкция в первую очередь характерна для состязательного процесса, заложенного еще

в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., имеет общий вид и служит основой для дальнейших научных разработок и получения новых знаний о системе функций в уголовно-процессуальном праве. В уголовно-процессуальном законе конституционное предписание ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации нашло отражение в положениях ч. 2 ст. 15 УПК РФ, устанавливающих, что «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга». Законодательное закрепление триады уголовно-процессуальных функций сформировали устойчивое мнение в науке уголовного процесса о системе уголовно-процессуальных функций, определившее формирование двух противоположных подходов к их пониманию и определению.

Одни ученые-процессуалисты консервативно признают лишь три функции, связанные с основными направлениями деятельности стороны защиты, стороны обвинения и суда. Другие – дополняют этот перечень иными функциями, по-разному обосновывая систему построения предлагаемой им функциональной модели уголовного судопроизводства. Сегодня количество выделяемых в уголовно-процессуальном праве функций исчисляется несколькими десятками.

По мнению Ф. М. Ягофарова определяющими при характеристике направленной процессуальной деятельности должны быть именно те задачи, которые закреплены в ст. 6 УПК РФ, и именно эти задачи лежат в основе распределения уголовно-процессуальных функций. При этом отмечается ошибочность позиции ученых, рассматривающих в основе выделения уголовно-процессуальных функций цели деятельности или задачи каждого участника уголовного судопроизводства. Если существование уголовно-процессуальных функций будет зависеть от цели деятельности каждого участника судопроизводства, то вполне возможна ситуация, когда каждому участнику будет «выделена» только ему свойственная функция, – полагает Ф. М. Ягофаров, отмечая необоснованное увеличение количества уголовно-процессуальных функций, устремленное к количеству участников уголовного процесса [10, с. 11–23].

По мнению Е. А. Зайцевой, исходя из идейных основ, заложенных в содержании ст. 15 УПК РФ, под функциями в уголовном судопроизводстве следует понимать «отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности, в которых участники уголовного процесса реализуют свое назначение согласно их правовому статусу, закрепленному в законе» [2, с. 254].

Обосновываясь на научных достижениях теории государства и права представляется обоснованным определить уголовное преследование как одну из функций уголовно-процессуального права, определяющую направление деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, включающую в себя иные функции. По мнению А. М. Ларина, «функция – это не отдельное действие, а деятельность, т. е. совокупность действий и решений, объединенных единством цели» [4, с. 5].

Так, следователь выполняет функцию предварительного расследования, прокурор – функцию прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, руководитель следственного органа, начальник органа дознания – функцию процессуального контроля, частный обвинитель – функцию обвинения, гражданский истец – функцию поддержания

гражданского иска и т. д. Указанные субъекты относятся к стороне обвинения, и каждый из них выполняет определенную функцию или несколько функций. Помимо предварительного расследования следователь осуществляет проверку сообщения о преступлении, а в целом его деятельность на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования нацелена на установление обстоятельств совершенного преступления, посредством собирания, проверки и оценки доказательств. В свою очередь, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (в случае их достаточности), позволяют сделать предварительный вывод о факте совершения преступления и причастности конкретного лица к его совершению, а в дальнейшем оформить соответствующее решение составлением процессуального документа (протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение и др.). Все вышеперечисленные функции участников стороны обвинения, объединенные единством цели, а именно изобличением лица в совершении преступления, в совокупности составляют одну общую функцию – функцию уголовного преследования.

Таким образом, научное знание и понимание уголовного преследования, являющегося центральным элементом уголовного судопроизводства и определяющего характер деятельности частного обвинителя, органов предварительного расследования, прокуратуры и их полномочия, несмотря на длительный период существования и теоретическое исследование его основ, окончательно не сформировалось. Разрешение поставленных вопросов требует дальнейшего глубокого изучения уголовного преследования, его теоретических и практических аспектов.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе // Публичное и частное право. 2011. № 3 (11). С. 78–87.
2. Зайцева Е. А. Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2005. № 3. С. 249–258.
3. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Типография Ф.С. Сущинского, 1866.
4. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М. : Юридическая литература, 1986.
5. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : Бек, 1997.
6. Строгович М. С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде // Публичное и частное право. 2011. № 2 (10). С. 7–43.

7. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Издательство Академии наук СССР, 1951.

8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 2-е издание. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1896.

9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 2-е издание. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899.

10. Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003.

Ермаков С. В.¹,
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Следователь и дознаватель как участники уголовного судопроизводства значительную часть служебного времени тратят на работу по составлению документов. В процессуальном документе закрепляются принимаемые решения и совершаемые действия. Законность, обоснованность и мотивированность принимаемых решений и также совершаемых следственных и иных процессуальных действий подлежат проверке в процессе ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора. Грамотное письменное документирование процесса расследования преступления и его фиксирование в уголовном деле весьма важный и необходимый навык следователя и дознавателя.

Теоретические знания положений материального и процессуального права не всегда могут сопровождаться умением их применить при составлении юридического документа. В процессе обучения будущих следователей в ведомственных образовательных организациях МВД России достаточное время отводится на непосредственное составление процессуальных документов, что обеспечивает высокую готовность выпускника к самостоятельной работе в должности следователя или дознавателя. При составлении уголовного-процессуальных документов проявляются способности курсантов и слушателей к юридическому анализу практической ситуации, применению норм материального и процессуального права. Задачей преподавателя является обучение практическим навыкам составления процессуальных документов.

В теории и на практике разработаны рекомендации по методике составления процессуальных документов [4]. В необходимом количестве сформированы образцы отдельных процессуальных документов [2] и макеты уголовных дел [3]. В подразделениях следствия и дознания имеются электронные версии документов из ранее расследованных уголовных дел, применимые для типового преступления, совершаемого на территории обслуживания (например, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, причинением вреда здоровью, хищением и т. д.). Все это обеспечивает передачу следственного опыта, преемственность, традиции, стандарты процессуального оформления следственных действий и процессуальных решений.

Однако, широкие возможности использования данных образцов обуславливают формальное переписывание (копирование) содержания ранее составленных документов к новым обстоятельствам уголовного дела, что влечет неверное

¹ © Ермаков С. В., 2025.

представление отдельных обучающихся о юридической деятельности следователя и дознавателя.

Следует обратить внимание на отдельные особенности методики составления документов следователем и дознавателем, относящиеся как к внешней форме, так и к содержанию процессуальных документов.

1. Соблюдение общих требований к оформлению документов, содержащихся в ГОСТ Р 7.0.97–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. В частности, к таковым относятся размеры шрифтов 12, 13, 14, абзацный отступ – 1,25 см, интервал 1 или 1,5, расположение заголовков – названия документа, грифов утверждения, согласования и подписи документа должностным лицом и другие. Стандарт распространяется на организационно-распорядительные документы: уставы, положения, правила, инструкции, регламенты, постановления, распоряжения, приказы, решения, протоколы и т. д., что вполне применимо к уголовно-процессуальной деятельности.

2. Соблюдение ведомственных требований к служебному документообороту. Для следователей и дознавателей органов внутренних дел таким подзаконным актом является приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации», который содержит образцы писем, шаблоны решений о утверждении и т. д.

3. Соблюдение требований уголовного и уголовно-процессуального закона к содержанию процессуальных документов. Так, общие требования к протоколу следственного действия содержатся в ст. 166 УПК РФ, а специальные требования – в соответствующей норме, регламентирующей порядок производства конкретного следственного действия.

Например, в ч. 5 ст. 177 УПК РФ содержится требование о получении согласия проживающих лиц на осмотр жилища. Отсутствие в протоколе осмотра жилища письменного согласия, хотя во время осмотра лицо фактически и не возражало против него, может повлечь признание недопустимыми доказательств, полученных в результате такого следственного действия. Так, было произведено изъятие наркотических средств в ходе осмотра квартиры без отражения в протоколе согласия проживающего лица. Как результат – по уголовному делу был вынесен оправдательный приговор.

Бланки процессуальных документов, расположенные в открытом доступе или полученные от коллег по службе могут устаревать и не соответствовать действующему законодательству. Например, в находящемся в открытом доступе бланке осмотра места происшествия содержится указание на ч. 1 ст. 177 УПК РФ, которая утратила силу с 2013 г. [6]. Аналогичные ошибки могут присутствовать в бланках допроса подозреваемого, содержащие разъяснение прав участника уголовного судопроизводства в неактуальной редакции.

Постановление оформляет процессуальное решение следователя, дознавателя, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Общих требований к структуре постановления следователя или

дознателя УПК РФ не содержит. Есть предложения специалистов о нормативном закреплении структуры постановления в УПК РФ [1, с. 81].

Существуют нормативные требования к отдельным решениям по уголовному делу. Так, в ст. 171 УПК РФ закреплены требования к постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого. Требования, предъявляемые к обвинительному заключению и акту, как итоговым документам, содержатся в ч. 1 ст. 220 и ч. 1 ст. 225 УПК РФ. В данных нормах содержатся минимальные требования к содержанию процессуальных документов.

Например, ст. 146 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения» содержит ряд требований к содержанию постановления, а именно дата, время и место; кем вынесено; повод и основание для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которых возбуждается уголовное дело. Очевидно, если руководствоваться только данными требованиями, то составленное постановление о возбуждении уголовного дела не будет содержать других немаловажных сведений. Например, без описания события совершенного преступления подозреваемому будет непонятно, в чем конкретно он подозревается. Отсутствие номера регистрации сообщения в КУСП (Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях) затрудняет связь зарегистрированного заявления с принятым по нему решением.

По аналогии с установленной законом структурой приговора суда постановление следователя и дознавателя должно содержать вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. В конце описательно-мотивировочной части постановлений содержится перечисление статей УПК РФ, которыми следователь и дознаватель руководствуются при принятии процессуального решения. Текст, расположенный в данной части бланков процессуальных документов («...руководствуясь ст. 140, 145, 146 (147) УПК РФ»), зачастую воспринимается обучающимися и даже отдельными правоприменителями как некое «закливание», копируемое из одного документа в другой, не требующее особого внимания. Правоприменителю необходимо указывать лишь относящиеся к принятию процессуального решения правовые основания, а лишние статьи (пункты, части статей) следует исключить.

Одним из сложных в подготовке процессуальных документов является постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В ст. 101 УПК РФ «Постановление и определение об избрании меры пресечения» лишь констатируется общее положение о том, что об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения. Нормативные требования к содержанию постановления вытекают из положений ст.ст. 97, 98, 108 и др. УПК РФ. Обоснование принятия такого решения описанием в постановлении совершенного преступления, принятых по уголовному делу процессуальных решений, перечислением оснований и условий будет недостаточным.

4. Учет положений, содержащихся в актах толкования норм материального и процессуального права. Так, указанные выше процессуальные нормы об избрании меры пресечения конкретизируются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (ред. от 11.06.2020). Указано, что основания для избрания меры пресечения не просто перечисляются в постановлении следователя, а подтверждаются фактическими обстоятельствами дела (п. 5 постановления). Здесь следователь и дознаватель должны приводить конкретные сведения, подтвержденные материалами уголовного дела, а в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации приводятся примеры раскрытия таких оснований.

5. Соблюдение общих правил логики, делового стиля письма, точность ясность, доступность текста для восприятия. Описание события преступления, формулировки обвинения, описание хода расследования, принятых решений, полученных доказательств, возникших обстоятельств и т.д. требует навыков юридического письма. Текст документа следует излагать структурировано, от общего к частному, с учетом хронологии описываемых действий и событий.

Из содержания описательно-мотивировочной части должно логично вытекать принимаемое решение. Указываются основания и мотивировка принимаемого решения. Лишняя, не относящаяся к делу или принимаемому решению, информация перегружает и без того объемные уголовные дела. Если без описания несущественного признака, обстоятельства, то не имеющего юридического значения для расследования уголовного дела, можно обойтись для принимаемого решения, то оно не должно включаться в текст процессуального документа.

1. Вычитка текста процессуальных документов с целью исключения технических ошибок. Рекомендуются самостоятельно проверять составленные документы на наличие опечаток и иных технических ошибок. При больших нагрузках на следователей и дознавателей объективно возникают технические ошибки в датах и времени производства следственных и иных процессуальных действий (временные накладки недопустимы), во времени, месте, способе совершения преступления, в написании фамилий, имен, отчеств подозреваемых и обвиняемых. Встречаются документы без подписей следователя, дознавателя. Все это может повлечь возвращение уголовного дела судом прокурору, либо прокурором следователю для устранения допущенных нарушений.

В завершении краткого изложения методических рекомендаций по составлению процессуальных документов следователем и дознавателем обратим внимание на то, что именно ошибки в процессуальных документах зачастую являются предметом пристального внимания со стороны защитников и выступают основанием для обжалования, влекут отмену принятых решений, признание полученных доказательств недопустимыми. В связи с этим формирование и совершенствование навыков составления уголовно-процессуальных документов, овладение методикой их составления является важной составляющей процесса обучения и профессиональной деятельности следователей и дознавателей.

Список литературы

1. Абрамова Л. Л. Требования, предъявляемые к постановлениям органов предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 76–81.
2. Досудебное производство по уголовным делам: образцы процессуальных документов : учебное пособие / [О. В. Химичева, Н. В. Григорьева, О. Е. Жамкова и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.
3. Есина А. С., Макеева Н. В. Макет уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» : учебно-практическое пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.
4. Загорский Г. И., Качалов В. И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе : учебное пособие. М. : РАП, 2014.
5. Образцы процессуальных документов. Досудебное производство : практическое пособие / [Ю. П. Боруленков и др.] ; под ред. В. А. Давыдова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020.
6. URL: <https://rusdocs.ru/documents/protokol-osmotra-mesta-proisshestiya-obrazets-blank>.

Угольникова Н. В.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Платонова Е. И.²,

*слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПУБЛИЧНЫЕ НАЧАЛА КАК НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Назначение уголовного судопроизводства, как гласит ч. 1 ст. 6 УПК РФ, заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, что непосредственно связано с публичными началами уголовного процесса [2].

Уголовный процесс представляет собой форму уголовно-правовых отношений, которые возникают при расследовании и осуществлении правосудия, что обуславливает рассмотрение назначения уголовного судопроизводства через призму задач уголовного права. Так, в ст. 2 УК РФ указано, что задачами являются: «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [3]. Анализируя, указанное положение, становится ясно, что публичные интересы являются составной важной частью, что нельзя сказать о положениях ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Встает вопрос об обусловленности назначения уголовного процесса как формы реализации уголовно-правовых отношений. Для более глубокого анализа возникшей коллизии обратимся к истории.

Тенденцию развития публичных начал можно наблюдать в УПК РСФСР. Так, в ст. 2 было указано, что «уголовное судопроизводство должно способствовать...охране общественных интересов...». Указывает ли это на ограничение прав и свобод личности, необоснованное обвинение? Несомненно нет, в данном случае имеет смысл вести речь лишь об обязанности определенного круга должностных лиц возбудить уголовное дело и обеспечить неотвратимость ответственности за совершенное преступление [6, с. 10]. Иными словами, публичные начала уголовного процесса отражают тот факт, что уголовное судопроизводство не является делом только потерпевшего и обвиняемого в связи с тем, что

¹ © Угольникова Н. В., 2025.

² © Платонова Е. И., 2025.

затрагивает интересы всего общества, тем самым обуславливая его публичный характер и государственную функцию уголовного преследования.

Обязанность определенного круга должностных лиц возбудить уголовное дело регламентирована ст. 21 действующего УПК РФ, а порядок возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к публичному обвинению регламентирован в ст. 146 УПК РФ. Следователь или дознаватель, в зависимости от того, к чьей подследственности относится уголовное дело, выносит постановление о возбуждении уголовного дела по итогам проведенной проверки сообщения о преступлении, после чего направляет материалы прокурору для проверки законности и обоснованности принятого решения.

Важно заметить, что публичность есть именно начало уголовного процесса, а не его принцип. Под принципом стоит понимать требование, реализация которого в уголовно-процессуальной деятельности гарантирует достижение её целей. А публичность отражает правило, которое связано не только с формальными аспектами судопроизводства, но и с социальной средой и общественными отношениями, которые влияют на его реализацию. Публичность отражает требования общества и государства к системе правосудия, выступая как механизмы, способствующие реализации принципа законности.

Вот как это единое начало всего уголовного процесса сформулировано и закреплено в ч. 2 ст. 6 УПК РФ: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от уголовного наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Отсюда следует, что уголовное преследование есть средство достижения целей уголовного процесса, а не сама цель.

Говоря о назначении публичных начал уголовного процесса, стоит обозначить, что термин «назначение» являлся новым на этапе принятия УПК РФ. Введение термина «назначение» в уголовно-процессуальное законодательство побудило правоведов обратиться к выяснению его содержания. Ряд ученых считали необходимым отождествлять понятия «назначение», «цели» и «задачи», однако разграничение этих понятий имеет важное значение как для теории, так и практики уголовного процесса. Если «цели» могут обозначать конечные результаты, которых стремится достичь уголовный процесс (например, восстановление справедливости, защита прав человека), то «задачи» отражают конкретные действия, которые должны быть выполнены для достижения этих целей (например, расследование преступлений, обеспечение прав участников процесса) [5, с. 44]. «Назначение» же как новый термин, возможно, раскрывает более широкие социальные и государственные контексты, в которых уголовный процесс функционирует и обращается к общественным интересам и реализации тех, ожиданий, которые связываются в обществе с реализацией его норм.

Уголовный процесс должен служить общему благу, защищать не только материальные права участников, но и гарантировать соблюдение прав человека и правопорядка в целом, что подтверждается и преамбулой Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...возрождая суверенную государственность России...» [1]. Однако

анализ ст. 6 УПК РФ показывает, что законодатель монофункционально подошел к формулированию назначения уголовного процесса, выделив защиту прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности и не уделив внимания общественным интересам. На наш взгляд, необходима доработка законодательных положений указанной нормы в целях обеспечения реализации назначения уголовного процесса как формы реализации норм уголовного закона в том числе.

Положения в ст. 6 УПК РФ можно сформулировать следующим образом:

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) обеспечение защиты общественной безопасности и общественного порядка, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации, и мира и безопасности человечества;
- 2) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 3) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В заключении работы отметим, что публичные начала в уголовном процессе Российской Федерации должны занимать преобладающую позицию, что связано с назначением уголовного права и уголовного процесса как неразделимой системы. Защита прав потерпевшего является частью защиты общества и в большинстве преступлений не может быть разделена.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. Александров А. А. Некоторые особенности соотношения публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве России на современном этапе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 5. С. 33–36.
5. Барабаш А. С. Публичное начало Российского уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Красноярск, 2006.
6. Бойков А. Д. О новом уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Государство и право: издание Союза юристов республики Армения. 2002. № 1/15. С. 8–12.
7. Угольников Н. В. Уголовный процесс : полный курс лекций со схемами, таблицами, определениями. М. : Эксмо, 2023.

Камчатов К. В.¹,

*заведующий отделом научного обеспечения
прокурорского надзора за исполнением законов
при осуществлении оперативно-розыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ХАРАКТЕРА И РАЗМЕРА ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Отказ УПК РФ от быстрого и полного расследования преступления, установлении истины по делу [1], по мнению ряда исследователей, породило условия воспрепятствования законному, обоснованному и справедливому разрешению дела судом. При этом, суть авторских позиций о феномене истинности получаемых в процессе уголовного процесса знаний принципиально не изменилась.

Сегодняшние и вчерашние современники, как и ранее, рассматривали данный термина с позиции абсолютной правды. Так, А. Д. Бойков, И. Л. Петрухин связывали возможностью ее достижения при условии полноты и всесторонности расследования и судебного разбирательства [2, с. 330–331]. З. Д. Еникеев считает, что истина выступает единственно неизблемой основой справедливости уголовного правосудия. Без истины, справедливости нет правосудия [3, с. 6].

Другие указывают на ее гадательный характер, а ее «объективный» характер может использоваться исключительно для определения достоверности полученной информации и не более того [4, с. 159], склоняясь к ее материальной сущности: восприятие судебного решения как истинного с позиции познаваемости, возможность ее установления ее материальной природы посредством устности, гласности и непосредственности процесса.

Истине противопоставляли состязательность [5, с. 5], склоняясь к юридической истине [6, с. 136], той, что существует в юридической действительности и ее отражает в сознании людей в процессе познания юридической реальности. По мнению А. Г. Халиулина, в процессе континентального типа состязательность – инструмент для выяснения истины [7, с. 13]. Механизм установления истины реализуется при соблюдении публичных и частных интересов, состязательности и равноправия сторон [8, с. 72]. Целью всякого процесса является достижение материальной истины, т.е. соответствие решение норме права (правомерность) и действительным обстоятельствам дела (материальная правда в узком смысле), что достигается положением суда и правам личности [9, с. 31].

Таким образом, тема истины неисчерпаема. Как представляется, именно в контексте анализа механизмов реализации предмета доказывания следует говорить о реальных, потенциальных и гипотетических возможностях получения

¹ © Камчатов К. В., 2025.

знаний, наиболее приближенных к истинности и позволяющих реально гарантировать потерпевшему доступ к правосудию: отражения всех сторон состава преступления и граней доказывания [10, с. 11], создание возможности для подготовки к состязанию потерпевшего [11, с. 36], установление полноты выяснения характера и размера преступного вреда [12, с. 24].

Как представляется, с позиции достижений отечественной правовой науки функционирования уголовно-процессуальных механизмов наиболее перспективным представляется рассмотреть динамическую составляющую процесса достижения истинности знаний.

Следует согласиться с С. С. Алексеевым, что для процессуальной формы в целях установления истины и охраны прав заинтересованных лиц характерны сложные процедуры, детальная и тщательная регламентация юридических действий [13, с. 123]. Процедура – интеллигентный и законный путь к истине [14, с. 8].

Исходя из редакции положений ст. 73 УПК РФ, они являются стержнем уголовного преследования, в частности, п. 4 ч. 1 – при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Обобщение результатов надзорной деятельности прокуроров в уголовном судопроизводстве позволяет говорить о тенденциях правонарушений в рассматриваемой сфере, характеризующейся их повторяемостью и распространенностью, некоторые из которых отмечаются на протяжении многих лет [15, с. 307–310]. Практически на всех досудебных и судебных стадиях процесса отмечаются нарушения, связанные с юридически и фактически верным определением размера и характера преступного вреда, мотивированности связи между деянием и последствием, отражением требуемых сведений в процессуальных материалах, влекущих неверную квалификацию преступных деяний. Следует отметить, что неправильное применение норм уголовного закона в виде неустановления (ненадлежащего установления) причиненного противоправными действиями вреда является одним из распространенных недостатков, влекущих необоснованность отказа в возбуждении уголовного дела, отмены решений о прекращении уголовных дел.

Нередки случаи неверного определения конкретных видов вреда, например, установления его крупного характера, степени тяжести физического вреда и др. Отмечаются сложности определения малозначительности преступных последствий, разграничение уголовно и гражданско-правовых отношений.

Многочисленными являются нарушения, допущенных при учете преступлений и заполнение сведений в первичных учетных документах о сумме причиненного и возмещенного материального вреда. Нельзя не отметить имеющие место в практике прокурорского надзора многочисленные факты искажения сведений о причиненном преступлением и возмещенном в рамках предварительного расследования ущербе. В некоторых случаях речь идет о десятках миллионов рублей.

В качестве причин отмены постановлений о приостановлении и прекращении предварительного расследования прокурорами неоднократно указывалось на факты неправильного установления размера вреда, причиненного преступлением, необоснованного применения положений УК РФ о смягчающих ответственность обстоятельств, связанных с его возмещением.

В качестве оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю отмечаются отсутствие конкретизации в редакции обвинения на конкретное описание механизма преступного поведения и установление причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и причиненным вредом.

Одним их повторяющихся фактов для возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, отмечены нарушения органами предварительного расследования требований ст. 220 УПК РФ при составлении обвинительного заключения, в котором отсутствуют указания на причиненный вред, а также лицо, которому этот вред причинен.

В рамках сокращенных уголовно-процессуальных процедур в расчет берется условие возмещение вреда, то есть формальные показатели, но не реальные (например, часто на практике отсутствуют сведения о реальном возмещении вреда). Отмечаются случаи перерасчета причиненного преступлением вреда уже в ходе судебного разбирательства.

Как видно из представленных нарушений требований закона говорить о более глубоком исследовании конкретного факта в рамках установления истинной картины преступления, как минимум, преждевременно. При формальном обязательном условии установления объективной истины нужно будет расширять понятие потерпевшего от уголовно-процессуального до его общего понятия, используя термин «жертва».

Полагаем, что истина абсолютна и недостижима, особенно с учетом сегодняшнего качества процессуальной деятельности. Законодатель исходил из разумной доступности, например, ее характере в суде присяжных. В свою очередь полагаем, что истина видится пропорциональна знаниям, что предполагает универсальный доступный механизм постижения, диалектики познания. Поэтому нам больше импонирует позиция учения об истине в рамках допустимых общих и специализированных для потерпевшего процедур, составляющий механизм доступа к правосудию – то, что и как установлено в законе, и должно определять доступность и возможность ее достижения.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / [Р. С. Белкин и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1973.
3. Еникеев З. Д. Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью : сборник научных трудов. Часть 1. Уфа, 2004.
4. Соловьев А. Б. Избранные труды / [сост. Е.В. Быкова, В.С. Выскуб, Е.А. Фонарева; вступит. ст. А.Г. Волеводза] : сборник научных трудов. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021.

5. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе : монография. М. : Юрист, 2009.
6. Lupinskaya P. A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.
7. Прокурорская деятельность и правосудие (Сухаревские чтения) : сборник научных трудов / под общ. ред. О. С. Капинус. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019.
8. Galkin A. I. Принцип состязательности и установления истины в судебном следствии // Проблемы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации органами прокуратуры : сборник статей / под общ. ред. А. Г. Халиулина. М. : Экспертное бюро, 2005.
9. Ryzanovskiy V. A. Единство процесса. М. : Городец, 1996.
10. Burdanova V. S. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
11. Romanov S. V. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 1. С. 18–37.
12. Efimichyev P. S., Efimichyev S. P. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности : монография. М. : Юстицинформ, 2009.
13. Alekseyev S. S. Социальная ценность права в советском обществе. М., Юридическая литература, 1971.
14. Petrukhin I. L. О препятствиях на пути судебной реформы // Проблема обеспечения прав участников уголовного процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : сборник научных трудов / под ред. С. А. Шейфера. Самара: Самарский университет, 2003.
15. Проблемы в деятельности прокурора в обеспечении возмещения ущерба от преступлений, совершенных в сфере безопасности на транспорте. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности на транспорте : монография / [Л. И. Александрова и др.]. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019.

Лаврова О. Н.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент*

Селедников Н. В.²,

*научный сотрудник
Научного центра безопасности
дорожного движения МВД России*

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИММУНИТЕТА СВИДЕТЕЛЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем по уголовному делу является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 указанной статьи, в которой перечислены лица, обладающие свидетельским иммунитетом.

В понимании свидетельского иммунитета в целом огромную роль играют положения ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом», а также положения УПК РФ.

Проанализировав юридическую литературу, можно сделать вывод о том, что среди ученых нет единого устоявшегося мнения по поводу понятия свидетельского иммунитета в уголовном процессе.

Так, Н. Ю. Волосова полагает, что в понятие свидетельского иммунитета следует включать две составляющие: ограничения, связанные с запретом допроса некоторых лиц, имеющих специальный статус, а также самостоятельное право отказаться от допроса [1, с. 16].

По мнению М. М. Шейфера, свидетельский иммунитет, прежде всего, включает в себя право отказаться от дачи показаний по делу. При этом нет категорического запрета на дачу показаний свидетелем [2, с. 114–126].

В указанной связи перед нами встает закономерный вопрос о реализации свидетельского иммунитета в ходе досудебного производства по уголовным делам, поскольку правоприменительная практика может быть противоречивой.

¹ © Лаврова О. Н., 2025.

² © Селедников Н. В., 2025.

Так, при вынесении кассационного постановления от 9 апреля 2024 г. по делу № 77-873/2024 Четвертый кассационный суд общей юрисдикции руководствовался общими принципами уголовного процесса и законодательством Российской Федерации [3]. По приговору суда Ф. И. О. 1 был признан виновным в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

В кассационной жалобе, аналогичной по своему содержанию доводам апелляционной жалобы, защитник в интересах осужденного выразил несогласие с состоявшимися судебными решениями в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. В обоснование доводов своей жалобы он указал, что допрошенная в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля по делу супруга подозреваемого обладает свидетельским иммунитетом, однако следователем, в нарушение требований закона, она была предупреждена об уголовной ответственности не только за дачу заведомо ложных показаний, но и за отказ от дачи показаний.

Суд кассационной инстанции установил, что суд первой инстанции обоснованно положил в основу обвинительного приговора показания указанного свидетеля, данные ею при производстве предварительного расследования, поскольку они были получены с соблюдением требований уголовно-процессуального закона: перед началом следственного действия следователь ей разъяснил права и обязанности, предусмотренные ст. 56 УПК РФ и ст. 51 Конституции Российской Федерации, в том числе конституционное право не свидетельствовать против своего супруга, а затем, выяснив ее желание давать показания по уголовному делу, предупредил об уголовной ответственности по ст.ст. 307, 308 УК РФ, что не противоречит вышеуказанным требованиям закона и положениям ч. 5 ст. 164 УПК РФ. В связи с вышеизложенным, как правильно указано в обжалуемых судебных решениях, оснований для признания показаний свидетеля – супруги осужденного Ф. И. О. 1 – в ходе досудебного производства по уголовному делу недопустимыми доказательствами не имеется.

Таким образом, практическое применение правового института свидетельского иммунитета требует соблюдения процессуальных норм, включая надлежащее разъяснение прав свидетелям и корректное предупреждение их об уголовной ответственности. В данном случае, несмотря на наличие с иммунитета, показания свидетеля были признаны допустимыми, поскольку следователь выполнил все необходимые процессуальные требования. Указанное обстоятельство подтверждает тот факт, что иммунитет свидетеля может быть соблюден при одновременном обеспечении его прав в стадии предварительного расследования.

Стоит также обратить внимание на обстоятельства, установленные приговором Саткинского городского суда Челябинской области от 8 ноября 2022 г. по делу № 1-387/2022 [4].

Так, в период времени с 04 часов 00 минут по 05 часов 30 минут ДД.ММ.ГГГГ. осужденный В., незаконно проник в помещение магазина «Книжный мир», откуда тайно похитил денежные средства, впоследствии распорядившись ими по своему усмотрению.

Суд установил, что показания свидетеля Ф. И. О. 8, данные ею в ходе предварительного расследования и оглашенные в судебном заседании в порядке ч. 1

ст. 281 УПК РФ являются недопустимым доказательством, поскольку из протокола допроса указанного лица, являющегося матерью подсудимого и обладающей в силу этого свидетельским иммунитетом, следует, что Ф. И. О. 8 перед дачей показаний предупреждалась следователем об уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний, что в силу закона недопустимо.

Из анализа приведенного судебного акта следует, что правоприменительная практика разьяснения ответственности за отказ от дачи показаний лицу, обладающему свидетельским иммунитетом, нарушает права и законные интересы такого свидетеля. В данном случае показания свидетеля Ф. И. О. 8, являющейся матерью подсудимого и обладающей иммунитетом свидетеля, были признаны недопустимыми в связи с тем, что ей была разьяснена уголовная ответственность за отказ от дачи показаний.

Разьяснение ответственности за отказ от показаний в случае свидетельского иммунитета может восприниматься как угроза, что создает неблагоприятные условия для свидетеля. Это может привести к принуждению к предоставлению показаний, что нарушает основные принципы добровольности и защиты прав свидетеля.

Таким образом, разьяснение ст. 308 УК РФ лицу, обладающему свидетельским иммунитетом, по нашему мнению, не только нарушает его права, но и создает угрозу оказания психологического давления на свидетеля со стороны следователя, дознавателя.

Свидетельский иммунитет предназначен для защиты граждан от принуждения к даче показаний против себя или своих близких родственников. Крайне важно, чтобы права свидетелей, обладающих иммунитетом, соблюдались в ходе всего производства по уголовному делу. Любые действия, ограничивающие эти права, такие, как принуждение к даче показаний или разьяснение уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, по нашему мнению, противоречат принципу охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) и принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Список литературы

1. Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015.

2. Шейфер М. М. Право свидетеля на иммунитет: история возникновения и проблемы реализации в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Вып. 2 : сборник научных статей / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2007.

3. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2024 г. по делу № 77-873/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

4. Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 8 ноября 2022 г. по делу № 1-387/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

Макаренко М. А.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

С распадом союзного государства и образование Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество) на основе советского законодательства и нарабатанной многими десятилетиями практики бывшие республики, став независимыми странами, пошли по разным направлениям дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Некоторые из них, основываясь на имеющемся опыте, пошли по пути эволюционного развития. Другие же, напротив, стали внедрять новые правовые институты. Так, Казахстан и Кыргызстан сформировали нормативную базу и реализовали применения цифрового формата в ведении досудебного расследования. В России и Беларуси были образованы специализированные следственные органы – следственные комитеты.

Приведенные примеры отражают довольно существенные преобразования, которые непосредственно коснулись уголовно-процессуального управления. Прежде чем перейти к характеристике его правовых моделей, обратим внимание на то, что оно, собственно, собой представляет. Дело в том, что данное понятие является новым, не получившим распространения науке. Оно не упоминается в трудах как российских ученых, так и учёных других государств Содружества. Однако оно представляет собой разновидность государственного управления, его подсистему, неотъемлемую часть, ранее существовавшую неразрывно с ним. В связи с усложнением системы государственного управления в нем постепенно формировались отдельные специфические сферы, требующие особых подходов в нормативном регулировании и практическом осуществлении. Одной из таких сфер и явилось уголовное судопроизводство, досудебная часть которого состоит в производстве предварительного расследования теми или иными органами следствия и дознания, а судебная – еще более специфичная, состоящая в рассмотрении уголовных дел независимым судом в условиях состязательности.

Вместе с тем, именно в досудебном производстве основными субъектами, его осуществляющими, являются органы исполнительной власти, либо не относящиеся к ним, но функционирующие аналогичным образом органы. Имеются ввиду органы прокуратуры, а в некоторых странах СНГ, как уже упоминалось выше, были созданы следственные комитеты. В каждом из таких государственных органов существует определенный механизм управления, который расщепляется на административную и процессуальную составляющую. В рамках последней ведётся процессуальный контроль и руководство соответствующими руководителями, на которых возлагаются эти функциональные обязанности [5, с. 122–124].

¹ © Макаренко М. А., 2025.

Но в предлагаемом ключе мы имеем дело с уголовно-процессуальным управлением в узком смысле. Если подойти к широкому пониманию, то придется включить в него всю совокупность процессуальных отношений управленческого характера, складывающихся в рамках досудебного уголовного судопроизводства. Так, непременно сюда включаются правовые отношения, связанные с руководством следственными группами и группами дознавателей, работа следователя при производстве определенных следственных действий, направлением им различных поручений и других обязательных для исполнения актов управления.

Впервые понятие уголовно-процессуального управления было сформулировано в диссертации В. В. Нечаева и рассчитано на сферу взаимодействия органов следствия и дознания [4]. Полагаем, что его выделение обусловлено ничем иным, как облечением части деятельности органа предварительного расследования в процессуальную форму. При этом другая ее часть остается за этими пределами, и носит внепроцессуальный характер. В данной работе нас интересует понимание уголовно-процессуального управления в узком смысле, когда в его рамках происходит реализация совокупности организационно-процессуальных полномочий, а также полномочий по осуществлению процессуального руководства и контроля руководителем органа предварительного расследования.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов стран Содружества позволил прийти к выводу, что в них существует несколько типовых правовых моделей уголовно-процессуального управления. В качестве основного критерия их выделения может рассматриваться принадлежность соответствующих правовых средств, а именно – по руководству и по контролю процессуальной деятельности лиц, осуществляющих досудебное производство. В большинстве государств СНГ они принадлежат прокурору, но это не означает, что им выполняется функция уголовно-процессуального управления. Как известно, основная его функция состоит в осуществлении особого вида деятельности – прокурорского надзора, который, как мы полагаем, является таковым ввиду его внешнего надведомственного характера. В состав его процессуальных средств вполне могут включаться и полномочия, позволяющие осуществлять процессуальное руководство.

Однако в подавляющем большинстве постсоветских государств в прокуратурах состоят следственные аппараты и, соответственно, в их рамках не может идти речь о реализации прокурором надзорной функций. В данном случае мы имеем дело ни с чем иным как с уголовно-процессуальным управлением. То же самое можно сказать и об органах дознания, которые состоят при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан [3]. В отношении же уголовно-процессуальной деятельности «непрокурорских» органов предварительного расследования прокуроры в этих же странах реализуют также и функцию прокурорского надзора за её законностью, соблюдением прав личности при ее осуществлении.

В Российской Федерации были проведены реформы, которые привели к исключению из правосубъектности прокурора правовых средств процессуального руководства, а также минимизацию его сугубо надзорных полномочий. За счет этого произошло существенное расширение процессуально-контрольных полномочий руководителя следственного органа, а также обеспечена его монополия на

процессуальное руководство подчиненными ему по службе следователями. Однако в надзоре за органами дознания аналогичных преобразований сделано не было, и в отношении них по-прежнему сохраняется полнота надзорных полномочий, включая право на процессуальное руководство. Соответственно, сложилось два разных механизма прокурорского надзора, один – в отношении следователей, другой – в отношении дознавателей.

В Беларуси также была проведена реформа и прокурора также лишили возможности руководить процессуальной деятельностью следователей Следственного комитета Республики, но в системе прокуратуры сохранился следственный аппарат, чего нельзя сказать о российской прокуратуре. Но процессуальное руководство прокурора распространяется на органы дознания, но на них не возлагается обязанность расследования преступлений, их прерогативой остаётся лишь проведение доследственных проверок [1].

Таким образом, дифференциация функции уголовно-процессуального управления и определение ее принадлежности позволяют говорить о четырех правовых моделях. Первая из может считаться консервативной или прокурорской, которая функционирует в тех странах Содружества, где в органах прокуратуры сохранился следственный аппарат (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) или при них состоят органы дознания (Узбекистан). Вторую мы склонны рассматривать как инновационную, и она имеет место в следственных органах, где процессуальными руководителями выступают не прокурор, а руководитель следственного органа (Россия). Третья же правовая модель может быть условно выделена для тех случаев, когда в государстве одновременно функционируют и консервативная и инновационная модели уголовно-процессуального управления (Беларусь). Четвертая модель, функционирующая в Молдове, характеризуется спецификой полномочий прокурора и его правовых связей с руководителями органов уголовного преследования и офицерами по уголовному преследованию [2].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. URL: <https://lex.uz/docs/111463>.
4. Нечаев В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.
5. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / под ред. д.ю.н., профессора Э. К. Кутуева. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020.

*Дармаева В. Д.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО В КОНТЕКСТЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежегодно миллионы граждан, юридических лиц становятся жертвами преступлений, ущерб от преступлений составил в 2022 г. – 91 млрд руб., в 2023 г. – 156 млрд руб., на текущий период 2024 г. это более 140 млрд руб. [1]. Государство обязано обеспечивать безопасность граждан, создавать условия для нормального функционирования всех социальных институтов, ведения хозяйственной, предпринимательской деятельности и иных сфер жизнедеятельности общества.

Конституция Российской Федерации установила, что права потерпевших от преступлений и злоупотребления властью охраняется законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). В соответствии с УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является в первую очередь, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6). В уголовном судопроизводстве потерпевшему по уголовному делу определена функция стороны защиты, в рамках которой он может защищать свои интересы.

В целях защиты конституционных прав физических и юридических лиц в рамках уголовно-правовой системы совершенствуются правовые и процессуальные механизмы, определяются приоритеты, среди которых возмещение вреда потерпевшим от преступлений, компенсация морального и материального вреда. Процессуальные гарантии защиты прав потерпевших, такие как, меры по обеспечению возмещения вреда были рассмотрены в статье, представленной на аналогичную конференцию год назад. И обращение к данной теме определено как актуальностью данной темы, а также для осмысления правовых позиций, высказанных в решениях высших судебных инстанций по вопросам процессуального статуса потерпевшего.

Определяющим в наделении лица процессуальным статусом потерпевшего является вопрос о фактических основаниях признания его таковым. УПК РФ предусматривает, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42). Соответственно для признания лица потерпевшим по уголовному делу необходимо установить только факт причинения вреда, так как решение о признании потерпевшим в силу закона должно быть принято незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, обоснованием решения

¹ © Дармаева В. Д., 2025.

о признании потерпевшим могут быть данные, которые были получены в ходе процессуальной проверки на стадии возбуждения уголовного дела. К ним относятся заявление, объяснение лица, в отношении которого совершено преступление, заключение судебной экспертизы, протокол освидетельствования и другие материалы проверки. Допрос потерпевшего в силу требований закона производится после вынесения постановления о признании его таковым, разъяснения ему процессуальных прав, обязанностей, ответственности. В дальнейшем, в ходе производства по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Мы уже отмечали недостаточность система процессуальных гарантий защиты прав потерпевших от преступлений на стадии возбуждения уголовного дела. Указанные лица наделены только общими правами: правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействия) и решения уполномоченных должностных лиц.

Кроме того, проверка на данной стадии уголовного судопроизводства возможна, если заявление о преступлении было зарегистрировано как повод для возбуждения уголовного дела. В случае предварительной оценки его как иного обращения, оно может быть рассмотрено в рамках процедуры, установленной Федеральным законом № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В данной ситуации пострадавшему от преступления значительно сложнее получить доступ к уголовному производству.

Такая правовая конструкция, в силу того, что не по всем материалам проверки может быть проведен комплекс процессуальных и следственных действий, допускает и отсутствие объективных, подтвержденных данных о причинении вреда. В следствии этого появляется неопределенность в установлении оснований признания потерпевшим по отдельным составам преступлений.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно за последнее время обращался в своих решениях к вопросам правового положения потерпевшего по уголовным делам. В постановлении от 12 мая 2022 г. № 18-П Конституционный Суд Российской Федерации дал оценку конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. О. Никитина, которому всеми судебными инстанциями было отказано в признании потерпевшим по уголовному делу в отношении следователя и дознавателя за фальсификацию доказательств [2]. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что нормы права по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают возможность признать потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении следователя (дознавателя) в связи с фальсификацией доказательств по расследованному им уголовному делу, лицо, осужденное по этому уголовному делу, в том числе в случае, когда постановленный в отношении осужденного обвинительный приговор не отменен (не изменен).

В определенной степени знаковым является недавно принятое постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 42-п по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. С.Тка-

ченко [3]. По делам о взяточничестве и другим преступлениям, где объектом посягательства выступают интересы публичной власти, по вопросам привлечения к участию в производстве по делу складывалась различная практика: расследование и рассмотрение без участия потерпевших или с привлечением представителей государственных учреждений. Хотя ранее в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что в случаях причинения ущерба преступлением государству, либо муниципальному образованию ущерб причиняется именно публично-правовому субъекту, поэтому ни Российская Федерация, ни ее субъекты, ни муниципальные образования не могут быть признаны потерпевшими по уголовным делам, в том числе через представителя в лице Минфина России или его территориального органа, хотя бы и выступающих в качестве юридических лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации не согласился с позицией судов, которые отказали гражданину в признании его потерпевшим по уголовному делу, предусмотренному ст. 290 УК РФ, который добровольно заявил в правоохранительные органы и добровольно содействовал изобличению виновных посредством участия в производстве оперативно-розыскного мероприятия. Конституционный Суд Российской Федерации счел, что такое лицо оказывается в ситуации выбора между преступным (в случае согласия передать незаконное вознаграждение) и правомерным (пассивным - в форме отказа, несогласия дать взятку или активным - в форме участия в изобличении взяткополучателя) поведением и его отказ свидетельствует о правомерности и общественной полезности поведения такого лица: «Поэтому лицо, участвовавшее в изобличении потенциального взяткополучателя, имеет явно выраженный процессуальный интерес и необходимость активного участия в уголовном судопроизводстве, в том числе в процедурах уголовного преследования, особенно в случаях, когда оно намерено отстаивать в суде свою позицию, полагая, что преступлением ему причинен физический, имущественный или моральный вред».

Из этого следует, что разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации по наделению статусом потерпевшего по тем делам, по которым органам предварительного расследования сложно определить конкретное лицо, заключаются в расширительном толковании правовых норм: включение вреда определенного вида в качестве обязательного признака состава преступления не означает, что данное деяние не способно повлечь иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления.

В постановлении от 25 мая 2023 г. № 26-п по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 150 УК РФ и ряда положений ст.ст. 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ в связи с жалобой граждан М. В.Золотаревой и В. В. Фроловой, Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию о возможности признания потерпевшим по уголовным делам, предусмотренным ст. 150 УК РФ. Даже в случае, когда несовершеннолетний совершил уголовно наказуемое деяние, в отношении него действуют гарантии государственной защиты прав несовершеннолетних: защита достоинства личности, права на жизнь, права на свободу

и личную неприкосновенность, что предполагает принятие законодательных мер с целью обезопасить каждого ребенка как в целом от неблагоприятного воздействия на его психику, которое может существенно повлиять на его развитие, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях, так и тем более от преступных посягательств [4].

Решения Конституционного Суда Российской Федерации требуют осмысления правоприменительной практикой, изменения формального подхода к определению оснований принятия процессуальных решений о признании потерпевшим. Даже если лицо привлекается к уголовной ответственности, то по связанному с обстоятельствами другого преступления в отношении иного лица, он может быть признан потерпевшим.

Следующие аспект, который хотелось бы затронуть, это критерии определения оснований для принятия процессуального решения о признании потерпевшим. Здесь также имеется неопределенность в законодательстве, в частности, в регулировании вопросов правовых категорий: ущерб, вред и его виды. Как подчеркивают авторы Курса уголовного судопроизводства: не имеющая установленной в законе значения материально-правовая категория «вред» (за исключением морального вреда) толкуется в основном доктриной и вызывает споры о содержании понятия и необходимости его расширения [5, с. 333]. Они указывают, что не охватываются понятием вреда нарушения трудовых, политических и некоторых других прав, что осложняет задачу правоприменителя по принятию своевременного и обоснованного решения о признании конкретного лица потерпевшим [5, с. 334]. Подобные предложения встречаются в литературе часто, приведем еще одно: «...так как перечисленные разновидности вреда не охватывают преступных последствий в виде психической травмы (например, причиненной потерпевшей от изнасилования), предлагается пользоваться понятием "вред, причиненный здоровью", которое уже применяется в нормативных актах, связанных с уголовным правом» [6].

Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), может формально выходить за пределы законодательной конструкции состава преступления, который включает определённый вид в качестве обязательного признака состава преступления. Так, обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении лицу физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные нематериальные блага [7]. Поэтому представляется разумным поддержать предложение о замене понятия «вред» с перечислением его видов на более широкое «нарушение прав и законных интересов» [5, с. 335].

Судебная практика идет по пути расширительного толкования оснований признания лица потерпевшим по уголовному делу. Так, в судебном решении указано, что предложенная органом предварительного расследования квалификация действий О. не исключает возможности причинения потерпевшим, в том числе,

и морального вреда в результате совершения преступления [8]. При этом, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения.

Также одним из ключевых вопросов обеспечения пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы, является определение начала их реализации.

Основания наделения процессуальным статусом потерпевшего от преступления, содержание прав, процессуальных условий, определение момента такого признания подвергаются существенной трансформации в связи с позицией Конституционного Суда Российской Федерации. Он указал, что, вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу и оно, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его таковым [9; 10]. Такая позиция расширяет возможности лица, потерпевшего от преступления отстаивать свой интерес и требовать защиты его прав. Органы расследования обязаны обеспечить реализацию прав и интересов вовлеченных в судопроизводство лиц, в том числе активное участие потерпевшего от преступлений и принимать решение о признании потерпевшим, исходя из фактического его положения.

Список литературы

1. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22212661>.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2022 г. № 18-п по делу о проверке конституционности части первой статьи 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. О.Никитина // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 42-п по делу о проверке конституционности части первой статьи 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. С.Ткаченко // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2023 г. № 26-п по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 УК РФ и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ в связи с жалобой граждан М. В.Золотаревой и В. В. Фроловой // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
5. Курс уголовного судопроизводства : учебное издание / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред Б. Т. Безлепкина. 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

8. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июня 2024 г. по делу № 10-7013/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 года № 28-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

10. Определения от 18 января 2005 г. № 131-О, от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О, от 25 апреля 2019 г. № 655-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

*Жамкова О. Е.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК ЗАКОННОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Возбуждение уголовного дела является обязательным этапом уголовного судопроизводства. Одним из итоговых решений первой стадии уголовного процесса является отказ в возбуждении уголовного дела. Законодатель установил достаточно обширный перечень оснований для принятия данного решения (ст. 24 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается в случае, когда отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Иными словами, законодатель ориентирует правоприменителей на то, что деяние приобретает характер преступного в случае, если оно будет обладать признаками преступления: общественной опасностью, наказуемостью, противоправностью. Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Данное законодательное положение при толковании вызывает разночтения. Скорее всего законодателя следует понимать таким образом, что наличие такого признака преступления как общественная опасность не во всех случаях характеризует деяние как преступное, поскольку степень этой общественной опасности может быть низкой, малозначительной. При этом возникает вопрос: каков предел, разграничивающий деяние как преступное от деяния малозначительного?

Существуют две основные научные точки зрения на малозначительность правонарушений. Первая предполагает, что малозначительность возникает только тогда, когда действие формально содержит все элементы состава преступления, но становится малозначительным не из-за количественных показателей, а из-за особых обстоятельств. Так, по мнению Д. Ю. Краева, при определении малозначительности учитывают качественные и количественные характеристика похищенного, степень реализации преступного намерения, продолжительность фактического правонарушения и др. [1, с. 308]. Эти обстоятельства и придают общественной опасности малозначительность. Другая точка зрения такова: «Малозначительность следует определять на основе количественных критериев. Если совершенное деяние не достигает количественного порога, установленного уголовным законом для соответствующего состава преступления, то оно считается малозначительным» [2, с. 80]. Надо полагать, что порог, о котором упоми-

¹ © Жамкова О. Е., 2025.

нает автор, напрямую зависит от размера причиненного ущерба, который и определяет деяние как преступное в силу общественной опасности. Не случайно, например, уголовная ответственность за хищения наступает с 2500 тыс. руб.

Не вдаваясь в глубокое исследование категории «малозначительность деяния» с точки зрения ее уголовно-правовой характеристики, следует отметить, что данное понятие является оценочным для должностного лица, принимающего решение. Именно следователь, дознаватель чаще всего сталкиваются с проблемой определения порога малозначительности, поскольку эти лица в каждом конкретном случае определяют совокупность фактических условий, связанных с деянием, и на основании своего правового мнения уже затем классифицируют поведение как малозначительное или преступное. При этом, разрешение этого вопроса для правоприменителей порой бывает принципиальным, поскольку речь идет о привлечении или непривлечении лица к уголовной ответственности, о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

С учетом того обстоятельства, что сам законодатель не установил четких критериев порога малозначительности, можно предположить, что размер ущерба, мотив, цель совершенного деяния, способ его совершения, роль лица и многие другие обстоятельства оказывают влияние на признание деяния малозначительным. Учитывая, что законом не определены категории преступлений, которые могут быть признаны малозначительными, действие нормы ч. 2 ст. 14 УК РФ может распространяться на преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

В разрешении рассматриваемого вопроса следует ориентироваться на рекомендации, сформулированные высшим судебным органом России. Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях определяет некоторые критерии малозначительности для различных преступлений, которые могут учитываться правоприменителями. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3] судам при определении малозначительности необходимо учитывать степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [4] установлено, что малозначительными могут быть характер совершенного деяния, роль лица в его совершении, тяжесть наступивших последствий, содержание мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности.

Несомненно, попытка судебного органа скорректировать правоприменительную практику не может не вызывать одобрения. Однако практика определения порога малозначительности должностными лицами на основе субъективной оценки не может быть применима в отношении отдельных категорий преступлений, например, преступлений против личности, военных преступлений. Слишком велика цена ошибки такого субъективного мнения.

Следует признать, что законодатель в уголовно-процессуальном законе наделяет должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу,

определенными полномочиями, которые строятся на основе субъективного мнения. Например, оценка доказательств (ст.ст. 17, 88 УПК РФ), определение достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) и другие нормы закона, где усмотрение должностного лица основывается на его субъективном мнении. Однако в данном случае, отсутствие единого подхода к определению критериев малозначительности деяния отрицательно влияет на правоприменение и приводит к разнообразию практики при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела по малозначительности деяния.

Изучение правоприменительной практики позволяет выделить несколько оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, которые принимаются в случае признания деяния малозначительным:

- решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствие конструктивного признака объективной стороны состава преступления;
- решение об отказе принимается на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ как отсутствие факта события преступления;
- решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ без ссылки на норму уголовно-процессуального закона.

С юридической точки зрения, все три решения имеют одинаковые правовые последствия: лицо освобождается от уголовной ответственности. Однако, законность принятия третьего решения сомнительна, поскольку такого основания для отказа в возбуждении уголовного дела в законе не существует.

Необходимо, чтобы законодатель четко определил разницу между такими понятиями, как: малозначительность деяния, отсутствие объективной стороны преступления, отсутствие события преступления. Предоставлять правоприменителям свободу при принятии решения о признании деяния малозначительным нецелесообразно и даже вредно. Каждое должностное лицо имеет разный служебный и жизненный опыт, разный уровень теоретических и практических знаний, а такие понятия как «внутреннее убеждение» и «совесть», используемые законодателем для некоторых объективных критериев, определяющих законность деятельности должностных лиц (ст. 17 УПК РФ), не могут быть фундаментом правовых решений, от которых зависят правовые последствия, судьба человека.

Ввиду неоднозначности толкования положения, сформулированного в ч. 2 ст. 14 УК РФ, предлагается изменить ее редакцию, заменив следующим положением: «Не является преступлением действие (бездействие), которое в силу малозначительности не представляет общественной опасности». Также следует внести примечание к данной статье уголовного закона с разъяснением того, что следует учитывать при определении деяния малозначительным. Логичность данного положения очевидна, поскольку в случае, если деяние не обладает каким-либо признаком преступления (в данном случае общественной опасностью), то и признаваться преступным такое деяние не может. Процессуальным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела в этом случае следует считать п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Список литературы

1. Краев Д. Ю. Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 3. С. 294–309.

2. Гамидов Р. Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 13. № 1. С. 79–83.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. № 9. 18 янв.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. 2023. № 120. 2 июня.

Павловец Г. А.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ В ВОЗРАСТЕ ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ, ТРЕБУЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В Республике Беларусь, в Российской Федерации в различных сферах общественных отношений создаются дополнительные гарантии по защите прав и свобод несовершеннолетних. Соответствующие положения имеют место быть и в уголовном процессе. На страницах данной работы акцент будет делаться на уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, с учетом сравнительного анализа отдельных положений уголовного процесса России. Так, прежде всего, следует обозначить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК РБ) имеется отдельная гл. 45 «Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет», аналогичное особое производство имеет место и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Кроме того, помимо особого производства, в УПК БР имеется ряд правовых норм, которые учитывают права и законные интересы, как несовершеннолетнего потерпевшего, так и других участников: несовершеннолетнего свидетеля, гражданского истца, свидетеля (например, ч. 6 ст. 50, ч. 6 ст. 53, ч. 1 ст. 62 и др.). Анализ уголовно-процессуальной литературы показывает, что в теории преобладают исследования, затрагивающие различные вопросы, связанные, прежде всего, с производством по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Из числа ученых, предметом исследования которых были проблемы обозначенного производства можно назвать К. А. Авалиани, А. С. Автономову, О. Ю. Андриянову, И. А. Даниленко, Н. В. Жогина, Э. Б. Мельникову, О. В. Петрову, Р. С. Хисматуллину и др. Указанными авторами были затронуты вопросы как досудебного, так и судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, рассмотрены различные частные вопросы, такие, как освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела в связи применением принудительных мер воспитательного воздействия, получение информации от несовершеннолетних и др., а также вопросы, касающиеся ювенальной юстиции.

Актуальность поднятой темы, несмотря на достаточное количество научных исследований, до настоящего времени остается очевидной. В подтверждение данного тезиса представляется целесообразным отметить выступление председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина, который отметил, что за восемь месяцев 2024 г. правоохранительными органами расследованы уголовные дела против 13,5 тыс. подростков, глава ведомства подчеркнул, что на 22 % увеличилось число особо тяжких преступлений, которые

¹ © Павловец Г. А., 2025.

совершены несовершеннолетними. Рассматривая вопросы производства в уголовном процессе, связанные в целом с участием несовершеннолетних, безусловно, нужно начать с анализа гл. 45 УПК РБ, которая определяет особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и устанавливает дополнительные процессуальные гарантии несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) в целях компенсации их возрастной незащищенности. Данный подход законодателя, закрепляющий особый порядок производства по рассматриваемой категории уголовных дел, не подвергается критике со стороны ученых и практиков. В то же время следует обратить внимание на буквальное толкование названия данной главы, исходя из которого, законодатель предусмотрел дополнительные гарантии исключительно при расследовании уголовных дел. Однако, безусловно, несовершеннолетний подозреваемый на стадии возбуждения уголовного дела или несовершеннолетнее лицо, в отношении которого проводится проверка, также должны быть наделены определенными правами, создающими для такой категории лиц дополнительные гарантии. В этой связи видится целесообразным внести изменения в гл. 45 УПК РБ, касающиеся, прежде всего, ее названия, а далее, с учетом последующего исследования, – ее содержания. Аналогичное предложение может быть распространено и на гл. 50 УПК РФ.

Вместе с тем, прежде чем предлагать новую редакцию гл. 45 УПК РБ нужно обратить внимание еще на один существенный момент, который также требует своего научно-теоретического осмысления. Так, буквальное понимание действующей редакции гл. 45 УПК РБ свидетельствует о том, что ее положения распространяются исключительно на расследование преступлений, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. Такой подход законодателя предопределяет однозначный вывод, что действие анализируемой главы не затрагивает категорию лиц, которые совершили общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболели после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, если эти лица по характеру совершенного ими деяния и своему психическому состоянию представляют опасность для общества, но, не достигшие восемнадцатилетнего возраста. В этой связи вполне закономерен вопрос, положения какой гл. 45 или 46 УПК РБ должны применяться? (гл. 50 или 51 УПК РФ) Для того чтобы дать однозначный ответ, который бы в полной мере бы отвечал как теоретическим началам так и практическим интересам необходимо проводить достаточно глубокий анализ теории и правоприменительной практики. На страницах данной работы в контексте поднятой проблемы не ставилась задача однозначного ее решения, представлялось целесообразным лишь обозначить некие направления устранения имеющей место быть правовой коллизионной неопределенности и дальнейших предложений относительно названия гл. 45 УПК РБ.

Так, одним из наиболее очевидных путей решения рассматриваемой ситуации, является интеграция положений гл. 45 и 46 УПК РБ. Однако встает вопрос, в каких пределах используются положения той или иной главы, например, вопрос о предмете доказывания, вопрос об окончании предварительного следствия,

вопрос о решениях суда и др. Кроме того, предложенный вариант не позволяет решить вопрос, касающийся названия гл. 45 УПК РБ, в контексте категории «преступление».

С другой стороны как вариант видится допустимым внести изменения в содержание гл. 45 УПК РБ и предусмотреть в ней определенные нормы, которые будут регламентировать порядок производства в отношении несовершеннолетних, которые либо были невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния, либо заболели после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Такой подход представляется более оптимальным, однако, еще раз повторяясь, нужно отметить, что его реализация требует глубокого теоретического осмысления.

В определенной степени обосновывая именно данную позицию хотелось бы обратить внимание на ч. 1 ст. 539 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, согласно которой по делам о преступлениях несовершеннолетних обязательно проведение психолого-психиатрической экспертизы для определения способности подозреваемого, обвиняемого отдавать отчет своим действиям и руководить ими в ситуациях, установленных по делу, его вменяемости, наличия (отсутствия) у него психического расстройства, не исключающего вменяемости. Как видно из приведенной нормы в уголовном процессе Республики Казахстан в рамках особого производства по делам о несовершеннолетних затрагиваются вопросы, об их вменяемости либо наличия психического расстройства после совершения преступления. В то же время, справедливости ради, нужно отметить, что законодателем как некая особенность обозначена только указанная выше норма, в целом же остается на правовом уровне нерешенным вопрос о том, положения какого особого производства применять.

Анализ литературных источников относительно рассматриваемого вопроса показывает, что отечественными авторами поднимается, по сути, схожая проблема только в контексте иного особого производства: производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения [1, с. 29]. Предложенный Н. Ю. Скрипченко подход совершенствования производства по применению принудительных мер медицинского характера (прим. от автора – аналог отечественного производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения) можно экстраполировать на производства по уголовным делам в рамках гл. 45 УПК РБ которую дополнить ст. 4391 «Вопросы, решаемые судом при принятии решения по уголовному делу», в содержание которой предусмотреть отсылочную норму к ст. 447 УПК РБ.

Третий вариант решения в целом поднятой проблемы – это наличие в УПК РБ самостоятельного особого производства, которое будет определенным симбиозом положений гл. 45 и 46 УПК РБ и касаться анализируемой категории лиц. Конечно, с одной стороны, можно говорить о нецелесообразности внесения подобных изменений в УПК РБ, поскольку в правоприменительной практике достаточно мала доля ситуаций, когда одновременно лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, является несовершеннолетним и невменяемым, либо заболевшим психическим расстройством после совершения преступления. С другой

стороны, видится вполне обоснованным на законодательном уровне охватить все возможные общественные отношения для упреждения возможных правовых пробелов. Для сравнения в отдельных странах на момент 2006 г. были в уголовном процессе особые производства по уголовным делам, регулирующие достаточно нечасто встречающиеся общественные отношения, например, производства по уголовным делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну или производства на территории дипломатических представительств государства вне его пределов.

Таким образом, подводя итог вышеизложенным рассуждениям, которые, прежде всего, касаются названия гл. 45 УПК РБ, с учетом обозначенных рассуждений о том, на кого должны распространяться положения данной главы, видится целесообразным предложить следующую ее редакцию: «Досудебное производство по уголовно наказуемым деяниям, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет».

Список литературы

1. Скрипченко Н. Ю. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним: реалии и перспективы совершенствования // Бизнес в законе. 2014. № 4. С.26–29.

*Посельская Л. Н.¹,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА – ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Современное развитие социотехнической среды обусловило использование новых технологий исключительно в целях перехода к цифровизации различных сфер деятельности. Вместе с тем, переход к информационно-цифровым технологиям обусловил появление и совершение большинства новых видов преступлений. Информационные технологии позволили изменить представления о предмете посягательства. Категория преступлений, связанных с использованием информационных технологий, характеризуется особой сложностью реализации преступных намерений, что позволяет им достаточно легко скрывать следы преступления, осложняет поиск, выявление и фиксацию доказательств.

Кроме всего прочего новизна представлений о предмете преступного посягательства, неопределенность правового определения доказательств в виде нового вида следовой информации, осложняют формирование достоверной доказательственной базы по уголовным делам. Не следует в этом смысле заблуждаться в том, что отдельные виды уголовно-наказуемых деяний не затрагивает сфера цифровизации и использования информационно-телекоммуникационных технологий. В этом смысле мы согласны с выводами А. В. Аносова о том, что развитие информационного общества достигло того уровня, что при совершении практически любого преступления возможно использование как сети Интернет, так и телефонов [1, с. 208].

Актуальной становится задача поиска и закрепления цифровых доказательств в виде следовой информации. Неоднозначно формируются в теории и практике понятие и требования к формирующемуся новому виду доказательств. На этапе появления представлений о формировании нового вида следовой информации при массовом использовании информационно-телекоммуникационных технологий, вначале цифровые доказательства воспринимались В. А. Мещеряковым, Е. П. Ищенко и другими как виртуальные следы [2, с. 30–32]. В дальнейшем представления о данном виде доказательств с точки зрения ученых-криминалистов В. Б. Вехова, Е. П. Ищенко, В. В. Полякова трансформировались в понятие «электронно-цифровые следы» [3, с. 124]. Однако, исследуя данный новый вид доказательств, ученые пришли к пониманию цифровых следов как информационных следов [4, с. 37–40]. В последующем Ю. В. Гаврилин, Н. Н. Лыткин отнесли данный вид доказательств к компьютерно-техническим следам [5, с. 50–52]. Специалисты в сфере информационных технологий вообще отнесли цифровые следы, исходя из их программно-технической характеристики, к бинарным следам [6, с. 11, 18].

¹ © Посельская Л. Н., 2025.

Такое разнообразие подходов к пониманию актуального и важного вида доказательств, с одной стороны, обуславливает значительный исследовательский интерес к определению и формированию доказательственной базы в условиях перехода всех сфер деятельности, в том числе и правоохранительной, к цифровизации.

Однако, вместе с тем, разнообразие представлений о таком важном виде доказательств как цифровые следы, на практике порождает не только разнообразие описания и оценки таких доказательств, но и противоречия в их оценке, способе получения и закрепления. В этом смысле мы полагаем необходимым правовое законодательное закрепление понятия и характеристики цифровых следов и других видов цифровых доказательств.

Кроме цифровых следов в практике расследования изучается компьютерная информация, информация, формируемая в сфере информационно-телекоммуникационных технологий при использовании различных цифровых устройств. Чтобы оценить цифровые доказательства необходимо иметь представления о формировании такой информации при совершении преступлений и иных противоправных действий.

Так, технологию обнаружения и закрепления цифровых доказательств можно представить в следующей логической последовательности: подготовка и идентификация, определение уровня информационной безопасности и сбор информации, обработка информации и оценка результатов, анализ и представление результатов.

Для практического подхода получения и оценки доказательств имеет значение, в каком формате удастся получить цифровые доказательства. Наиболее распространенными при изучении практики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, нам представляются следующие форматы. Чаще других используется так называемый простой бумажный формат. Его суть в преобразовании электронных цифровых доказательств в печатные файлы разного формата. При всей простоте получения доказательств, есть одна проблема – это преобразованная информация, которая отличается от исходной информации и требует подтверждения достоверности ее происхождения другими доступными доказательствами. Такую же проблему в оценке достоверности происхождения приобретает и следующий формат получения цифровых доказательств, так называемый подобный, при котором файлы преобразуются в другой формат для извлечения, но максимально сходный с исходным файлом, а еще сложнее выглядит оценка этого доказательства при извлечении его на другой носитель информации. Самым сложным, но и самым эффективным является нативный формат получения файлов, когда они извлекаются в том виде, в котором были созданы изначально. В этом случае, не требуется дополнительного подтверждения достоверности происхождения доказательств, их относимость к исследуемому событию.

Кроме этого, следует отметить особенности получения цифровой информации с электронных носителей при совершении преступлений с использованием опосредованного доступа в сети Интернет и телефоне. Данный способ отличается тем, что физического воздействия на технику, принадлежащую к жертве

нет. Все воздействие происходит исключительно на технические средства, которые принадлежат преступнику либо третьему лицу, которое позволило пользоваться временно. В этом случае достаточно трудно обнаружить традиционные следы, свойственные при совершении большинства видов преступлений. Дистанционное совершение преступления предполагает необходимость определить доступ к конкретному компьютеру, его местонахождение, использованные технические средства, то есть все те данные, которые позволят определить техническое средство, с которого совершались преступные действия (например, IP-адреса и MAC-адреса). Из традиционных видов доказательств, как отмечает Е. Ю. Фролова, можно рассмотреть следовую информацию, оставленную при использовании дополнительного оборудования для получения информации (камеры, диктофона, транслятор сигналов и т. д.) [7, с. 272–274].

Удаленный доступ предполагает также проникновение, но уже непосредственно в компьютерную систему дистанционно. Для этого используются средства дистанционного считывания информации: вредоносные программы, подключение к глобальной или локальной сети, перехват информации и т. п. Удаленный доступ предполагает более тщательную подготовку к сокрытию следов. Воздействие осуществляется на то компьютерное средство или телефон, с помощью которого совершено преступление. В таком случае устанавливается компьютер или иное электронное техническое средство, его место нахождения, связь с конкретным лицом, совершившим преступление дистанционно, доказываемая посредством получения традиционных доказательств, цифровые доказательства прямо на конкретную личность не указывают.

В настоящее время разрабатываются и активно используются различные технические средства для выявления цифровых следов при использовании преступниками компьютерной техники и информационно-телекоммуникационных технологий. С практической точки зрения наиболее результативной показала себя система «Мобильный криминалист».

Вместе с тем, сбор и фиксация электронно-цифровых следов не дает полного представления о доказанности преступного действия. Кроме сбора, осмотра и фиксации электронно-цифровых следов, необходимо производство специальных исследований посредством назначения и производства экспертиз. На основании изучения судебно-следственной практики, можем сделать вывод о том, что в зависимости от задачи поиска электронно-цифровых следов, и оценки доказательств по критериям относимости, достоверности и допустимости назначаются разные по задачам исследования экспертизы. Специальные исследования формируют правовую основу существования цифровых доказательств в судебно-следственной практике.

Список литературы

1. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие. В 2 ч. Ч. 1 / [А. В. Аносов и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2019.

2. Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1.

3. Поляков В. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11 (1).

4. Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальные основания и порядок применения средств криминалистической техники, используемой для исследования информационно-коммуникационных устройств // Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования экономических преступлений : сборник научных трудов / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Кучина. М. : Издательство Московского университета, 2017.

5. Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Понятие, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 4 (16).

6. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2004.

7. Фролова Е. Ю., Шовин Н. С. Современные возможности раскрытия и расследования преступлений по электронным следам // Молодой ученый. 2021. № 15 (357).

Федюкина А. Ю.¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Многообразный состав органов дознания, всегда вызывало вопросы, связанные с процессуальными полномочиями должностных лиц, входящих в эти органы. Согласно ч. 2 ст. 40 УПК РФ правовой статус органов дознания определяется двумя основными функциями:

1) расследованием преступлений в форме дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, – в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ;

2) выполнением неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно – в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ.

В рамках настоящей статьи, для нас представляет интерес вторая функция, в связи с чем, еще раз обратимся к вопросу соотношения объема процессуальных полномочий отдельных должностных лиц органов дознания по производству неотложных следственных действий.

Главная особенность процессуального понятия «орган дознания», изложенного в п. 24 ст. 5 УПК РФ, заключается в том, что в него входят как «государственные органы», так и «должностные лица», в результате этого, трудно понять, кого из субъектов органа дознания следует подразумевать под «органом», а кого под «должностным лицом», сколько их, что собой представляют, в каком соотношении находятся друг с другом, и, в конечном итоге, кто несет ответственность за качество произведенных неотложных следственных действий.

Процессуальный порядок производства неотложных следственных действий, а равно и перечень органов и должностных лиц, уполномоченных на соответствующую деятельность, содержится в ст. 157 УПК РФ. Вместе с тем, п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК отсылает правоприменителя к положениям ст. 40 УПК РФ, дополняющей перечень субъектов неотложных следственных действий, органами дознания в целом, усложняя тем самым определение границ их процессуальных полномочий.

Не вызывает сомнений, что компетенция должностных лиц и органов уместенных в ст. 40 УПК РФ и в ст. 157 УПК РФ, будет различаться и зависеть от следующих факторов: общая процессуальная (правовая) подготовка должностных лиц, наличие специального приказа начальника органа дознания о деле-

¹ © Федюкина А. Ю., 2025.

гировании соответствующих полномочий, самостоятельность выявления признаков преступления, совершение преступления на территории конкретного органа дознания и др.

В структуру органов дознания могут быть включены как «штатные дознаватели», так и «иные должностные лица», в прямые обязанности которых не входит производство дознания и осуществление иных уголовно-процессуальных полномочий, за исключением случаев делегирования указанных полномочий начальником органа дознания, либо, когда возникает необходимость в производстве неотложных следственных действий, в соответствии со ст. 157 УПК РФ. Заметим, что такого рода процесс в УПК РФ не предусмотрен, однако, содержится в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих процессуальную деятельность отдельных органов дознания.

На примере Вооруженных Сил Российской Федерации, можно рассмотреть процедуру передачи (делегирования) процессуальных полномочий дознавателя, от руководителя подчиненным. В частности, когда командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, действующие от имени начальника органа дознания, своим письменным приказом назначают дознавателями наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных им офицеров. В данном случае, приказ командира будет являться правовым основанием возникновения процессуального статуса дознавателя у военного офицера. Количество дознавателей, согласно ведомственной Инструкции, рассчитывается следующим образом [1]:

- а) на бригаду – семь-восемь дознавателей;
- б) полк – пять-шесть дознавателей;
- в) отдельный батальон – три-четыре дознавателя;
- г) отдельную роту – один-два дознавателя;
- д) орган военного управления от полка и выше, военное учреждение – два-пять дознавателей.

Соответственно, такие «назначенные дознаватели», должны обладать полномочиями как по производству дознания, так и по осуществлению неотложных следственных действий. Несмотря на всю очевидность процедуры делегирования, в этом порядке кроется существенная проблема отсутствия в ч. 3 ст. 151 УПК РФ, на которую ссылается п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, дознавателей Вооруженных Сил Российской Федерации, что может поставить под сомнение правомерность производства ими не только дознания, но и неотложных следственных действий. Еще раз напомним, что в п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ речь идет только о командирах воинских подразделений. Единственное, что проясняет приведенную ситуацию, это полномочие начальника органа дознания, которым будет являться командир воинской части, на дачу поручений в порядке п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ. В качестве таких поручений могут выступать и неотложные следственные действия.

Отметим, что положения п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ применимы далеко не ко всем субъектам, указанным в ст. 157 УПК РФ. Так, несмотря на предоставление начальникам учреждений и органов исправительных учреждений полномочий на производство неотложных следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ),

они не включены в перечень органов дознания ст. 40 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 40 УПК РФ, только оперативные подразделения ФСИН, перечисленные в п. 8 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут быть отнесены к таковым [2].

Примечательно, что должностные лица органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации и руководители органов уголовно-исполнительной системы, перечисленные в пп. 4–5 ст. 157 УПК РФ, производят неотложные следственные действия в двух случаях:

– когда преступление совершено непосредственно военнослужащими, сотрудниками ФСИН, либо иными лицами имеющими отношение к службе в данных органах;

– когда преступление, совершено на подведомственной им территории (например, в расположении воинской части или колонии).

В случае с остальными должностными лицами, рассматриваемой статьи, ограничения установлены только по признаку предметной подследственности, что вызывает противоречия с понятием и сущностью неотложных следственных действий, излагаемых в п. 19 ст. 5 УПК РФ.

Нельзя оставить без внимания субъектов, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, их также объединяет одно важное обстоятельство – процессуальные полномочия органа дознания у них появляются только в случае совершения преступления на подконтрольной им территории. Так, согласно ст. 69 Кодекса торгового мореплавания, на судне, находящемся в плавании, капитан возбуждает уголовное дело публичного обвинения и осуществляет неотложные следственные действия в соответствии с УПК РФ [3]. Указание на необходимость производства проверочных действий по поступившему сообщению о преступлении содержится уже в другом нормативном правовом акте Минтранса России, согласно которому, при поступлении сообщения о преступлении капитан судна, в той же степени, обязан руководствоваться положениями УПК РФ [4].

Вместе с тем, многие авторы достаточно скептически относятся к полноте предоставленных полномочий капитанам кораблей и иным лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Например, совершенно справедливо ставится вопрос о законности задержания преступников данными субъектами. «Применение мер процессуального принуждения, в том числе задержания по подозрению в совершении преступления, уголовно-процессуальный закон в прямой нормативной формулировке к их полномочиям не относит», отмечает О. В. Десятова [5, с. 82].

Другие авторы, вовсе не относят должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ к органам дознания, одновременно полагая, что предоставленные им уголовно-процессуальные полномочия по производству следственных действий носят временный характер [6, с. 26].

Действительно, одной из особенностью процессуального статуса указанных субъектов заключается в том, что они наделены полномочиями органов дознания, только в исключительных случаях, в связи с совершенном преступлении на определенной территории объектов (судна, станции, зимовки и др.), находящихся под их управлением. При этом, стоит отметить, что неотложное расследование, проводимое должностными лицами, указанными в ч. 3 ст. 40 УПК РФ,

правилами предметной подследственности не ограничено, что не согласуется с положением п. 19 ст. 5 УПК РФ. В силу приведенного положения закона получается, что эти лица не обладают правом на производство неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия является необязательным, что противоречит целям незамедлительного сбора и закрепления доказательств до появления физической связи с территориальными органами расследования.

Таким образом, процессуальный статус рассмотренных нами должностных лиц должным образом не урегулирован в уголовно-процессуальном законе. Разница в объеме предоставленным им процессуальных полномочий, содержащихся в нормах УПК РФ и ведомственном законодательстве, добавляет неопределенность и сопутствует разночтениям в определении сущности неотложных следственных действий, а также ставит под сомнение легитимность полученных, в результате их производства, доказательств.

Список литературы

1. Приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» (ред. от 20.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

4. Приказ Минтранса России от 23 ноября 2012 г. № 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения» : зарегистрирован в Минюсте России 29 декабря 2012 г. № 26455 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

5. Десятова О. В. Уголовно-процессуальное задержание: характеристика субъектов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4 (66).

6. Жамкова О. Е., Михеева О. С. Капитан судна как субъект производства процессуальных и следственных действий // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

Шаров Д. В.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КАК СРЕДСТВО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Вопрос взаимосвязи интереса и права длительное время занимает внимание ученых как в теории права, так и отраслевых науках. При этом большинство из них придерживается позиции, согласно которой право является средством удовлетворения интереса. Такое понимание взаимосвязи интереса и права можно встретить в работах Ю. С. Гамбарова Г. Ф. Шершеневича, С. Н. Братуся, В. П. Грибанова, Д. М., Чечота, С. Н. Сабикенова, Н. И. Матузова, С. С. Алексеева, А. В. Малько, Н. А. Шайкенова, С. В. Михайлова, В. В. Субочева и др.

Интерес, средством удовлетворения которого является право, представляет собой законный интерес.

Все многообразие правового обеспечения законных интересов, в конечном счете, можно свести к трем основным способам, а именно:

1. Удовлетворение законных интересов непосредственно нормами объективного права.
2. Удовлетворение законных интересов посредством субъективных прав и юридических обязанностей частных лиц, возникших на основе норм объективного права.
3. Удовлетворение законных интересов посредством полномочий должностных лиц и государственных органов, возникших на основе норм объективного права.

Рассмотрим более подробно последний из названных способов правового обеспечения законных интересов, а именно удовлетворение законных интересов посредством полномочий должностных лиц и государственных органов.

В отличие от частноправовой сферы, где властвует принцип диспозитивности, область публичного права, в целом, и уголовное судопроизводство, в частности, подчинены принципу публичности.

Принцип публичности является системообразующим принципом уголовного судопроизводства, в соответствии с которым «субъекты, ведущие производство по уголовному делу, обязаны совершать процессуальные действия и принимать процессуальные решения в силу возложенных на них должностных полномочий, независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций, самостоятельно обеспечивая возникновение уголовного дела, его развитие и разрешение по существу, действуя от имени государства и общества в публичных интересах достижения юридико-технических задач и социального предназначения уголовного судопроизводства, определенных уголовно-процессуальным законодательством» [4, с. 13].

¹ © Шаров Д. В., 2025.

Публично-правовая природа находит отражение в деятельности всех участвующих в уголовном процессе должностных лиц и государственных органов, включая суд. Данные лица и органы всегда действуют по долгу службы и исходя из государственных интересов. Никакой личной заинтересованности в деле у них нет и быть не может [7].

Дознаватель, следователь, прокурор, суд являются основными субъектами, ведущими уголовный процесс и определяющими сам ход уголовно-процессуальной деятельности. Именно от них зависит движение уголовного дела.

Для выполнения указанных процессуальных функций названные лица и органы наделяются соответствующими полномочиями, посредством которых они и реализуют законные интересы государства в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что полномочия должностных лиц и государственных органов существуют в уголовном судопроизводстве наряду с субъективными правами и юридическими обязанностями вовлеченных в процесс частных лиц. Однако, если права и обязанности частных лиц реализуются здесь в полном соответствии с классическим учением о правоотношении и серьезных вопросов в общем-то не вызывают, то правовая природа полномочий должностных лиц и государственных органов нуждается в дополнительном осмыслении.

Так, если частные лица действуют исключительно от своего имени и удовлетворяют свои законные интересы путем свободного распоряжения принадлежащими им субъективными правами, то должностные лица и государственные органы всегда действуют в публичных интересах, обеспечение которых осуществляется посредством предоставленных им полномочий, ни о каком свободном распоряжении которыми речи не идет и идти не может. У данных лиц и органов нет и не может быть никаких субъективных прав, которыми они могли бы произвольно распоряжаться, как это делают вовлеченные в процесс физические и юридические лица.

«Полномочие – это не субъективное право должностного лица, – полагает Г. В. Мальцев, – поэтому чиновник, действующий в пределах компетенции государственного органа, не должен смешивать или подменять публичный интерес, ради которого существует полномочие, с частными, индивидуальными, своими личными интересами» [3, с. 356].

Даже в тех случаях, когда уголовно-процессуальный закон по отношению к полномочиям употребляет термин «право» (например, право дознавателя возбудить перед судом с согласия прокурора ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления (ч. 1 ст. 224 УПК РФ), право следователя допросить эксперта для разъяснения данного им заключения (ч. 1 ст. 205 УПК РФ), право прокурора отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения (ч. 4 ст. 37 УПК РФ), право судьи по ходатайству прокурора вынести постановление о принятии мер по обеспечению наказания в виде штрафа (ч. 1 ст. 230 УПК РФ), это не умаляет публично-правовую природу их деятельности и не приводит к появлению элементов диспозитивности. Поскольку данные, так называемые, «права» должностных лиц

и государственных органов в корне отличаются от субъективных прав частных лиц.

«Если и говорят о праве судебного следователя в случае встреченного сопротивления требовать содействия как гражданского, так и военного начальства – писал Г. Ф. Шершеневич, – то в действительности речь идет об обязанностях прибегнуть к таким мерам при наличии указанных в законе условий» [6, с. 496–497].

Следует согласиться с Л. В. Головки, полагающим, что в данном случае «через категорию «прав» законодатель предоставляет правоприменителю право на дискреционное усмотрение – возможность использовать или не использовать соответствующее полномочие и определять пределы его использования, исходя из конкретных обстоятельств дела» [5, с. 293].

Это происходит вследствие объективного отсутствия возможности законодательно предусмотреть все ситуации, в которых, например, прокурор должен реализовать свое полномочие на отказ от осуществления уголовного преследования, поскольку принятие данного решения сугубо индивидуально и зависит от обстоятельств конкретного уголовного дела, многообразие которых просто не поддается закреплению в законе. Именно поэтому прокурору предоставляется, так называемое, «право» отказаться от осуществления уголовного преследования, если данный отказ, согласно внутреннему убеждению прокурора, будет вытекать из обстоятельств дела и, тем самым, отвечать законным интересам государства. Иными словами, прокурору предоставляется не что иное, как право на дискреционное усмотрение при принятии решения об отказе от осуществления уголовного преследования.

Однако осуществление данного права ни в коем случае не является «свободным», поскольку должностное лицо, согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, обязано обосновывать и мотивировать любое свое решение. И, прежде всего, с целью ответа на вопрос, в какой мере принятие конкретного процессуального решения в рамках реализации дискреционного усмотрения будет отвечать законным интересам государства.

«Норма, уполномочивающая должностное лицо на известные действия, нередко вместе с тем и обязывает его при наступлении указанных в законе условий совершить эти действия», – обоснованно полагал А. И. Елистратов [2, с. 7].

Отсюда следует, что прокурор не может не отказаться от осуществления уголовного преследования, если данный отказ, согласно его внутреннему убеждению, вытекает из обстоятельств конкретного уголовного дела. Он обязан это сделать.

В этом существенное отличие полномочий государственных органов от субъективных прав частных лиц, которыми последние распоряжаются произвольно. Так, потерпевший имеет именно право на заявление гражданского иска в уголовном процессе, которое он может как реализовать, так и не реализовать, исключительно по своему усмотрению.

Иными словами, закрепленное в законе, так называемое, «право» должностных лиц и государственных органов по своей правовой природе существенным образом отличается от хрестоматийного субъективного права частных лиц, являясь не более чем правом на дискреционное усмотрение, а именно возможностью

использовать или не использовать соответствующее полномочие исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела.

Если же законодатель не предоставляет должностным лицам и государственным органам при реализации их полномочий возможности дискреционного усмотрения, то он оперирует категорией «обязанность» или иными лингвистическими формами абсолютного долженствования («обвинение должно быть предъявлено не позднее трех суток со дня вынесения постановления» и т. п.) [5, с. 112]. В таких случаях они должны просто выполнить свои полномочия-обязанности в том виде, как это установлено законом.

Таким образом, полномочия должностных лиц и государственных органов представляют собой обязанности указанных лиц и органов, которые в ряде случаев подразумевают возможность дискреционного усмотрения.

Все изложенное позволяет рассматривать полномочия должностных лиц и государственных органов в качестве отдельного правового средства удовлетворения законных интересов.

При этом удовлетворение законных интересов в уголовном судопроизводстве как посредством полномочий должностных лиц и государственных органов, так и посредством субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей частных лиц, по общему правилу, осуществляется в рамках правоотношений.

Однако классическая доктрина правоотношений, выработанная общей теорией права на основе гражданского обязательственного права, не может быть механически перенесена на уголовно-процессуальную почву. Здесь необходимо учитывать специфику уголовно-процессуального права и его публично-правовой характер.

Безусловно, прав А. И. Елистратов, в свое время отмечавший, что цивилистические понятия могут быть использованы в области публичного права лишь постольку, поскольку они соответствуют ее публичному характеру. «Увлеченный цивилистикой до пренебрежения этим логическим требованием, публицист, – писал он, – рискует принять особенности публичноправовых отношений за аномалии и оставить без надлежащего внимания то, что для данного вида юридических отношений наиболее характерно» [2, с. 4].

Особенностями уголовно-процессуальных отношений является то, что основная роль в них принадлежит не вовлеченным в процесс частным лицам с их субъективными правами и юридическими обязанностями, а ведущим производство по уголовному делу должностным лицам и государственным органам, наделенным соответствующими полномочиями. Поэтому содержанием уголовно-процессуальных отношений являются: во-первых, полномочия должностных лиц и государственных органов, во-вторых, субъективные права частных лиц и, в-третьих, юридические обязанности частных лиц. Как следствие, конкретные уголовно-процессуальные отношения представляют собой различные комбинации этих трех указанных элементов. При этом обязательной составляющей любого уголовно-процессуального отношения является наличие в нем полномочия должностного лица или государственного органа.

Мы согласны с позицией В. П. Божьева, считающего, что специфической особенностью каждого уголовно-процессуального отношения является участие в нем представителя государственной власти, такого как следователь, прокурор, суд [1, с. 153]. Что касается частных лиц, вовлеченных в уголовный процесс, то «ни один из участников уголовно-процессуальных правоотношений вне прямой и конкретной связи с представителем государства (следователем; лицом, производящим дознание; прокурором; судом) не может реализовать свои права и выполнить возложенные на него обязанности» [1, с. 157].

Вследствие изложенного, в уголовном процессе вообще отсутствует классическая модель правоотношения по образцу субъективное право частного лица, с одной стороны, и корреспондирующая ему юридическая обязанность частного лица, с другой.

Наиболее близким к хрестоматийному правоотношению, где праву соответствует обязанность, является правоотношение в котором субъективному праву частного лица корреспондирует полномочие – обязанность должностного лица (например, праву обвиняемого получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) корреспондирует полномочие – обязанность следователя вручить копию постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ч. 8 ст. 112 УПК РФ) или праву потерпевшего выступать в судебных прениях (п. 15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) корреспондирует полномочие – обязанность суда обеспечить участие потерпевшего в прениях (ч. 2 ст. 292 УПК РФ) и др.).

При этом уголовное судопроизводство вполне допускает правоотношения, где полномочие одного должностного лица или государственного органа соответствуют полномочию другого должностного лица или государственного органа (например, полномочию прокурора давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) корреспондирует полномочие – обязанность дознавателя, предусмотренная в ч. 4 ст. 41 УПК РФ, согласно которой указания прокурора, данные в соответствии с УПК РФ, обязательны для дознавателя).

«Ситуация «встречных» полномочий неизбежна в уголовном процессе, – справедливо отмечает Л.В. Головкин, – поскольку здесь действуют как представители одной власти, обладающие разным процессуальным статусом (следователь и дознаватель; суд нижестоящей и вышестоящей инстанции и т. д.), так и представители разных властей (суд и прокурор; суд и следователь и т. п.)» [5, с. 114].

Допустимы также ситуации, когда в уголовном судопроизводстве полномочие вообще не имеет «корреспондирующего элемента», а именно соответствующей обязанности или другого полномочия. Например, сложно ответить на вопрос, чему именно соответствует полномочие следователя возбудить уголовное дело (п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ) или его же полномочие приостановить уголовное дело (ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и др.

Указанная уголовно-процессуальная особенность, на наш взгляд, связана с тем, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в интересах

государства, от имени которого действуют должностные лица и государственные органы. Поэтому в ряде случаев реализация ими своих полномочий непосредственно направлена на удовлетворение законных интересов государства, стремящегося к эффективной и справедливой системе уголовного юстиции.

Иными словами, в ряде случаев удовлетворение законных интересов государством посредством полномочий должностных лиц и государственных органов происходит вне рамок правоотношений.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что полномочия должностных лиц и государственных органов, вытекающие из норм объективного права, являются отдельным правовым средством удовлетворения законных интересов, реализация которых, по общему правилу, происходит в рамках правоотношений.

Список литературы

1. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.
2. Елистратов А. И. Понятия о публичном субъективном праве. М., 1913.
3. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011.
4. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
5. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2021.
6. Шершеневич Г. Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права. М., 2016.
7. Гукасян Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 114.

Власов П. Е.¹,

докторант центра

организационного обеспечения научной деятельности

Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Цифровизация уголовного судопроизводства России идет по пути имплементации² в национальную правовую систему технологий, уже используемых в ряде государств, и нашедших там законодательное закрепление. В качестве подвида имплементации законодатель выбрал «трансформацию», когда при конструировании нормы учитываются национально-правовые традиции.

Поскольку термины «технология», «современные технологии» не имеют унифицированного определения постараемся раскрыть их сущность и содержание.

В основе термина «технология» древнегреческие *techne* – искусство, мастерство, умение и *logos* – учение, наука. Следовательно, технологию с одной стороны рассматривают как науку, а с другой – как практическую деятельность человека. Соединив эти две стороны, технологию определяют как науку о мастерстве [4].

Впервые в 1772 г. термин «технология» был использован для обозначения ремесленного искусства, включающего в себя профессиональные навыки и эмпирические представления об орудиях труда и трудовых операциях (профессор Геттингенского университета Иоганн Бекман).

Ввиду коллаборации продолжительного времени существования данного термина, развитие современной научной мысли и научно-технического прогресса, в различных временных периодах понятие «технология» претерпевало существенные метаморфозы, отражающие его суть только отчасти. Так, в одном из определений под технологией понимают совокупность способов преобразования материалов, объектов, энергии, информации для создания изделий, которые удовлетворяют потребности людей [5].

Подвергнув критическому анализу содержание имеющихся публикаций, посвященных исследованию вопросов определения термина «технология», применив сравнительный, местами казуистический подход в синтезировании научной мысли, нами предпринята попытка дать авторское определение термину «современная технология» – это отвечающая требованиям своего времени и отражающая достижения научно-технического прогресса определенная алгоритмическая совокупность знаний, навыков, приемов и способов, использование или применение которых в соответствующей области науки, ремесле, учении позволяет существенно упростить достижение искомого результата.

¹ © Власов П. Е., 2025.

² Имплементация – реализация международных обязательств на внутрисударственном уровне путем включения международно-правовых норм в национальную правовую систему.

Появление новых технических решений позволило кратно удешевить некоторые технологические процессы и существенно увеличить вычислительные мощности – это определило геометрическую прогрессию современной технологизации – технологический прорыв был достигнут во многих отраслях и сферах: квантовой, атомной, цифровой и др. Появились различные виды технологий: информационные, политические и др.

Новый уровень технического развития цифровых технологий, как одного из видов современных технологий, основательно вошел в наш обиход, некоторые процессы или сервисы, предоставляемые широкому кругу пользователей, стали само-собой разумеющимися.

Речь о так называемых «беспроводных», «облачных» технологиях и сервисах: дистанционное банковское обслуживание, «Госуслуги», личный кабинет налогоплательщика и пр.

«Цифровизация» внедрилась практически во все сферы жизнедеятельности человека, а в ряде случаев можно сказать, что, организуя или участвуя в том или ином виде деятельности, человек использует ту или иную технологию, применяет то или иное технологическое решение. Современные цифровые технологии также прочно вошли в уголовное судопроизводство.

Применительно к обозначенной теме данной работы – под современными технологиями в уголовном судопроизводстве следует понимать использование отвечающих требованиям своего времени и отражающих достижения научно-технического прогресса алгоритмических совокупностей знаний, навыков и приемов, имеющих техническое выражение, процессуальное закрепление использования или применения которых позволяет существенно упростить достижение назначения уголовного судопроизводства.

Особо отметим отличия употребляемых терминов «применение современных технологий» и их «использование». Применять для уголовного судопроизводства возможно те технологии, которые максимально для него адаптированы, призваны разрешать соответствующие процессуальные задачи, позволяют принять то или иное процессуальное решение. Например, специально разработанное программное обеспечение – «Мобильный криминалист», аппаратно-программные комплексы извлечения цифровой информации из памяти различных устройств (XRY, UFED), электронные сервисы и специальное программное обеспечение, используемое в судебных заседаниях (например, позволяющие подачу заявлений и жалоб в электронной форме дистанционно) и др.

Использование современных технологий для нужд уголовного судопроизводства определяет виды технологических решений, специально не предназначенных для процессуальной деятельности, например, видео-конференц-связь, использование возможностей нейросетей – искусственного интеллекта (ИИ) и пр.

Вопрос об использовании возможностей ИИ в настоящее время неоднозначный. Спор ученых и исследователей в данной области начинается уже на этапе попыток определить данное понятие, раскрыть его содержание, возможности и пр.

В научной литературе достаточно много публикаций, так или иначе посвященных данному вопросу, научные воззрения рознятся, имеются диаметрально противоположные точки зрения.

Исследователи разделяются на тех, кто ошибочно полагает, что искусственный интеллект уже давно внедрен в уголовное судопроизводство, другие считают, что возможности искусственного интеллекта еще не используются в уголовном судопроизводстве, но его допустимо и необходимо внедрить в уголовный процесс [1], третьи – убеждены, что делать этого ни в коем случае нельзя, по крайней мере в обозримой перспективе.

Поддерживая точку зрения о том, что искусственный интеллект пока еще не внедрен в уголовное судопроизводство, но его допустимо, необходимо и возможно использовать для нужд уголовного судопроизводства, и процесс этот неизбежен, мы глубоко убеждены, что его использование допустимо лишь в условиях, исключающих наделение ИИ правосубъектностью, вне зависимости от его «интеллектуального» развития.

Причин тому много. Назовем лишь две, по нашему мнению, ключевые: социально-нравственную и технического характера.

Так, в открытом письме от 29 марта 2023 г. Стив Возняк (создатель первого персонального компьютера) и Илон Маск заявили о необходимости приостановки программы разработки искусственного интеллекта (нейросетей), так как он стал превозобладать над человеческим мышлением. Авторы озаботились вопросами: «Должны ли мы позволять машинам наводнять наши информационные каналы пропагандой? Должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном итоге могут превзойти нас численностью, перехитрить, сделать нас ненужными и заменить нас? Должны ли мы рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией?» [2].

Высказанные опасения не напрасны, да и вряд ли в обозримой перспективе найдется человек, который сочтет возможным быть осужденным искусственным разумом.

ИИ оперирует массивами больших данных, цифровые формы которых, в случае наделения его процессуальными функциями, будут хранить «тайну следствия». Если не принять соответствующих технических мер процессуальная информация может стать уязвимой, что чревато ее фальсификацией, подменой доказательств. Именно поэтому проведенный в Китае эксперимент «Электронный прокурор» предусматривает соответствующие «технические ограничения» – нейросеть не решает вопросы виновности человека, а только помогает собрать необходимую доказательственную базу для вынесения приговора (фото-, видеоматериалы по делам о махинациях с кредитными картами, азартными играми, опасным вождением – что фиксируется камерами на дорогах и системой распознавания лиц).

Кроме того, в алгоритмах работы искусственного интеллекта выявлены случаи подмены объективной реальности.

Так, стали известны достоверные данные о том, что система распознавания речи Whisper от компании OpenAI «иногда страдает галлюцинациями», т. е. занимается выдумкой фактов. Такая особенность ИИ-алгоритма может нанести реальный вред, поскольку в некоторых странах Whisper используется в медицинских учреждениях – «участвует» в формировании программы лечения, необходимых процедурах и пр.

Следует отметить, что «склонность» генеративных нейросетей к «фантазированию» не новость. Как раз именно «фантазирование» является «движком» нейросети. Однако странно видеть эту особенность у алгоритма Whisper, который предназначен для распознавания речи с последующей транскрипцией и диаризацией аудио-потока.

Изучение расшифровок полученных текстов выявило, что в генерируемый текст были включены выдуманные комментарии, выдуманные медицинские процедуры. В восьми из 10 аудиозаписей, сгенерированных Whisper, обнаружилось неточности при транскрибировании; в другом случае инженер выявил недостоверности почти во всех 26 тыс. расшифровок, которые он специально создал с помощью Whisper [6].

Можно ли при обозначенных негативных моментах работы нейросетей говорить, что ИИ можно использовать для нужд уголовного судопроизводства в целом, не говоря уже об его использовании при решении задач, требующих принятия процессуальных решений?

Полагаем, что в ближайшее время использование возможностей ИИ должно быть сведено к работе с массивами больших чисел, отысканием информации, ее сопоставлением и т. п.

Отдельно отметим, что в целом аппаратно-программные комплексы, имеющиеся на вооружении правоохранительных органов, в настоящем справляются с аналитическо-поисковыми задачами без помощи ИИ (например, для исследования мобильных телефонов при расследовании преступлений используются такие технико-криминалистические средства, как Мобильный Криминалист, XRY, но наиболее распространенным является комплекс UFED, который находится на вооружении правоохранительных органов многих стран. Данный комплекс позволяет выполнить операции, направленные на поиск и извлечение информации, значимой для расследования преступления) [3].

В последнее время достаточно широкое распространение, чаще криминальное, нашла технология «дипфейк», раскрывающаяся через смысл двух понятий: «глубокое обучение» (deep learning) и «фальшивка» (fake).

Нейро-алгоритм анализирует большое количество снимков, видео- и аудиозаписей и «оживляет» фотографии, синтезирует голос человека, заменяет лица на видео. Нейросеть может научиться тому, как может выглядеть, двигаться, говорить конкретный человек.

Данная технология может быть использована для уголовного судопроизводства, например, для решения различных криминалистических задач, связанных с необходимостью:

- воссоздания целого по частям;
- при реконструкциях внешности человека;
- моделировании динамических признаков человека (его походки, мимики, жестов);
- моделировании обстановки места происшествия, преступления и др.

Кроме того, при появлении к тому технической возможности в обозримой перспективе, с помощью рассматриваемой технологии полагаем возможным проведение следственных действий, требующих моделирования (воссоздания)

и последующего воспроизведения различных динамических процессов. Например, с использованием интеграции технологий трехмерного моделирования и дигитайзеров полагаем возможным в среднесрочной перспективе производство следственного эксперимента и проверки показаний на месте.

Подводя итог изложенному в работе, отметим, что имплементация современных технологий в уголовное судопроизводство – процесс неизбежный, но настоятельно требующий, на основе консолидированного разрешения разноотраслевых научных проблем, принятия взвешенных решений, отвечающих потребностям правоприменительной практики, а также систематизированного законодательного закрепления.

Список литературы

1. Власов П. Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2024. № 9. С. 20–24.
2. Злобин А. Маск и Возняк призвали приостановить обучение систем ИИ из-за «риска для общества». URL: <https://forbes.ru/>.
3. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами при расследовании преступлений аппаратно-программного комплекса UFED // Исследования молодых ученых : сборник научных трудов. Казань : Молодой ученый, 2020. С. 34–37.
4. Симоненко В. Д., Очинин О. П. Технология. 10–11 класс : учебник. М., 2013.
5. Технология – Уроки. URL: <http://multiurok.ru/>.
6. Фетисов В. Алгоритм распознавания речи OpenAI Whisper страдает от галлюцинаций. URL: <http://3dnews.ru/>.

*Ламтева А. В.*¹,

докторант научно-исследовательского отдела

Нижегородской академии МВД России,

кандидат юридических наук

СМЕШАННЫЙ ТИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВИДОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Современный тип уголовного процесса России по одной из популярных точек зрения является смешанным. Это обусловлено рядом причин. Но среди них наиболее очевидными представляются следующие:

1) процессуальный триумвират из трех видов уголовного преследования, сосредоточенных в ст. 20 УПК РФ;

2) процессуальная эволюция отечественного уголовного процесса с позиции диалектического типологического развития.

Понимание сущности преступления как частной, а затем и как общегосударственной проблемы также легло в основу конструирования и видов уголовного преследования, и тех технологий, процессуальной сердцевиной которых они являлись.

Современный смешанный тип уголовного процесса есть отражение исторической преемственности типологических технологий – обвинительной, следственной и состязательной.

Выскажем гипотезу № 1. Вид уголовного преследования – один из компонентов типа (порядка или склада) уголовного процесса.

Другие процессуальные компоненты – это система принципов, теория оценки доказательств; позиция следователя при установлении всех элементов предмета (предметов) доказывания, полномочия прокурора и государственного обвинителя, а также процессуальная роль судьи при разрешении уголовного дела по существу.

Гипотеза № 2. Смешанный тип уголовного процесса содержит в себе три базовых уголовно-процессуальных технологии – обвинительную, следственную и состязательную.

Частный вид уголовного преследования олицетворяет собой идеал состязательного типа уголовного процесса. Стороны равноправны, особенно в части того, что частный обвинитель сам поддерживает обвинение в зале суда, не опираясь на помощь государственного обвинителя. Стороны состязаются перед судом, они могут примириться до удаления судьи в совещательную комнату. Три состава, отнесенных к частному виду уголовного преследования есть проявление идеи состязательности в чистом виде. Отдельные ученые весь уголовный процесс дробят на две базовых технологии: суд и розыск. Это была иллюстрация первой из них.

Но даже в частном виде уголовного преследования имеется страховочный процессуальный трос в форме ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

¹ © Ламтева А. В., 2025.

Частно-публичный вид уголовного преследования в соответствии со ст. 20 УПК РФ – это отражение постулатов обвинительного и следственного типов уголовного процесса. Стороны равноправны, уголовное дело возбуждается только по инициативе пострадавшего, но из-за отсутствия возможности примириться становится нельзя утверждать, что разрешение уголовного дела подчинено сугубо процессуальной воле сторон. Это технология розыска в обобщенном смысле этого слова.

Публичный вид уголовного преследования – является индикатором следственного или розыскного начала. Движение по уголовному делу позициями сторон в этом случае не ограничено.

«К понятию «публичное уголовное преследование» нужно отнести и розыскные меры, т. е. меры, принимаемые дознавателем, следователем.... Из смысла термина «момент фактического задержания» вытекает, что законодатель связывает возможность начала публичного уголовного преследования не только с началом процесса...» [1, с. 37–38].

Юриспруденции известно два вида публичного уголовного преследования – народное и должностное.

В целом «Виды уголовного преследования – это есть и виды обвинения... отличительными признаками «вида обвинения» является интерес, который преследуется обвинителем и правовой статус субъекта обвинительной функции... частное, когда уголовное преследование осуществляется частным лицом, пострадавшим от преступления, в частных интересах; и публичное, когда идеальным субъектом права на уголовное преследование выступает общество или государство во имя отвлеченного блага и общественных интересов...» [1, с. 39].

Гипотеза № 3. Принцип законности есть процессуальная кисть, который рисуется портрет нового типа уголовного процесса, новой системы принципов, новой системы оценки доказательств. Обновленный тип уголовного процесса без параллельной корректировки законодательных начал есть ошибка и даже преступление.

Помимо трех гипотез в рамках заявленной темы нам удалось разглядеть следующее противоречие:

Первая посылка: каждое деяние, закрепленное в Особенной части УК РФ, представляется общественно-опасным и должно быть уголовно-наказуемым.

Вторая посылка: уголовно-наказуемым считается только такое деяние, которое будучи отнесенным к общественно-опасному и причисляемому к частному или частно-публичному виду уголовного преследования, сопровождается подачей заявления пострадавшим (или жалобы, как было ранее).

Итого по 27 деяниям, зафиксированным в УПК РФ в ст. 20, только тогда будет возбуждено уголовное дело, когда пострадавшим будет подано заявление.

Третья посылка: предусмотренное диспозитивное право на подачу заявления для инициирования процедуры уголовного преследования связано с принципом процессуальной экономии и с желанием наиболее целесообразно использовать процессуальные силы и средства. При таком подходе частный и частно-публичный виды уголовного преследования выступают средством приспособления

к большому количеству совершаемых преступлений при ограниченных временных и профессиональных ресурсах, своеобразным процессуальным фильтром, который из водоворота общественно-опасных деяний отсеивает наименее угрожающие обществу и личности. Процессуальное усмотрению по данному факту возлагается на пострадавшего лица.

Четвертая посылка: наличие публичного вида уголовного преследования является гарантией защиты законных прав и интересов потерпевшего, когда индивидуальная проблема решается силами государства.

Пятая посылка: традиционно считается, что развитое государство – это такое, где суверенная универсальная организация политической жизни не вмешивается в интересы своих граждан, где гражданско-правовой и уголовно-процессуальный спор решается силами самих заинтересованных лиц.

Возникает вопрос: наличие частных начал в уголовном судопроизводстве – это уважение права личности на самостоятельность в принятии решения или завуалированный способ экономии процессуальных ресурсов?

Ключевое противоречие: наличие трех разноплановых видов уголовного преследования делает уголовный процесс непонятным для общества, категоризованным, субъективным и погранично-типологическим. Все уголовно-процессуальное богатство отечественного типа уголовного процесса мы сосредоточили в ст. 20 и переносим из поколения в поколение. В то время как нужно уже, наконец, определиться с господствующим типом уголовного процесса и все концепты и технологии, в нем не уместяющиеся, убрать на процессуальный вклад, законсервировать, задепонировать, но не использовать одновременно в настоящем уголовном процессе.

Проследим историческую преемственность типов уголовного процесса.

«Наш ранній процессъ былъ всецело проникнуть состязательнымъ началом. Стороны – «суперники», опиравшіеся на помощь «міра», «околицы», – были инициаторами и двигателями дела, оне собирали доказательства... съ постепенным утверждениемъ первенства Московскаго княжества этотъ состязательный порядокъ начинаетъ соединяться съ розыскнымъ» [2, с. 49].

Н. Н. Розин отмечает, что причинами типологического перехода выступили два момента [2, с. 49]:

1) в общественном правосознании закрепились идея государственного значения преступления;

2) практические нужды эпохи – «покрытая лесами, малонаселенная страна, дававшая повсюду прекрасное убежище для преступных элементовъ... набег кочевыхъ народовъ... беспомощность судебной власти...».

«Въ эпоху Уложенія 1649 г. розыскной порядокъ укрепляется... для начала преследованія за тяжкія преступленія, по общему правилу, не требуется «истца». «А не буде на кого въ смертном деле челобитчика, и по такимъ деламъ за мертвыхъ людей истецъ бываетъ самъ царь» [2, с. 51]. Розыскное начало начинает превалировать над состязательным, уголовное преследование от имени государства нивелирует личный диспозитивный элемент, что влечет за собой типологический переход и отказ от состязательного порядка.

Перечислим черты розыскного типа уголовного процесса [3, с. 27]:

– одно должностное лицо исполняло функции судья, обвинителя и защитника;

– отсутствие сторон;

– обвиняемый рассматривался с позиции бесправного объекта и «не всегда даже зная, в чем именно и в силу каких оснований его обвиняют» и др.

Принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. часто связывают с переходом к состязательному типу уголовного процесса.

Отмечается, что новый тип уголовного процесса привнес несколько оригинальных научных терминов в понятийный оборот – это стороны, уголовное преследование, суд присяжных, функции и др. Стороны в рамках состязательного типа уголовного процесса равноправны. Функция обвинения отделена суда. Функция разрешения уголовного дела по существу осуществляется независимым и объективным судом, который анализирует все доказательства в совокупности, а также с учетом норм закона и внутреннего убеждения. Но при этом в науке существует мнение, что уголовный процесс априори не может быть состязательным (ее требованиям более удовлетворяет гражданский процесс), более подходящей категорией выступает обвинительный тип уголовного процесса, так как публичное начало как неотъемлемый элемент большинства видов уголовного преследования не предполагает по общему правилу процессуальной возможности для примирения сторон.

В идеале: следует оставить только публичный вид уголовного преследования без выделения полумер, степеней, сортов и видов. Каждое противоправное деяние должно преследоваться одинаково иначе данный состав преступления следует исключить из особенной части УК РФ.

В перспективе: если мы хотим смешанный тип уголовного процесса трансформировать именно в состязательный, а не в обвинительный, тогда следует на уровне норм УПК РФ в сжатом виде прописать следующие идеи:

– уголовное преследование стремится от своей дифференциации к унификации;

– процессуальная сумма трех видов уголовного преследования образует новый цельный вид со следующими характеристиками:

1) стороны должны иметь возможность примириться по преступлениям, отнесенным к любой категории;

2) стороны должны иметь возможность примириться в рамках досудебного производства по всем преступлениям небольшой и средней тяжести, это должно быть обязанностью должностного лица, а не диспозитивным усмотрением;

3) потерпевший должен иметь возможность в зале суда продолжить поддерживать обвинение, даже если государственный обвинитель полностью откажется от данной функции;

4) сообщение о преступлении должно проверяться в каждом случае, если совершенное деяние регламентировано нормой УК РФ и о нем стало известно сотрудникам полиции из любого источника (даже при отсутствии заявления);

5) следователь по итогу предварительного следствия не должен подготавливать обвинительное заключение, он должен трансформироваться в субъекта,

объективно устанавливающего оправдательные и обвинительные доказательства;

б) адвокат должен содействовать следователю в получении оправдательных доказательств;

7) прокурор должен сам составлять обвинительное заключение и в зале суда, обладая полномочиями государственного обвинителя, поддерживать обвинение.

Соотношение законности, типа уголовного процесса и вида уголовного преследования: идея и принцип законности находятся в тесной взаимосвязи с существующими видами уголовного преследования – законодательная регламентация возможности и обязанности возбуждения уголовного дела, работа с анонимными сообщениями о преступлениях, отказ подозреваемого от защитника и др. – все подобные уголовно-процессуальные вариации детализированы на уровне УПК РФ и ведомственных инструкций. Мировоззренческая идея законности легализует процессуальные правила возбуждения, расследования и разрешения по существу уголовных дел с учетом господствующей научной парадигмы и типа уголовного процесса.

В своей кандидатской диссертации К. Б. Калиновский отмечает, что уместно говорить об историчности содержания законности [4] и элементе процессуальной эволюции применительно к данному принципу. Соотношение и баланс интересов личности и государства – одна из базовых характеристик, выступающих достаточным основанием для конструирования уголовно-процессуальной типологии. Ученый отмечает, что «в обвинительном, розыском и состязательном уголовном процессе законность имеет свое собственное, особенное содержание... Законность – это правовой режим, а юридические режимы отличаются по типам (формам) процесса. В розыском судопроизводстве режим – бюрократический: государство подавляет личность, в состязательном – режим демократический: личность признается формально равной государству» [4].

Вывод № 1: смешанный тип уголовного процесса есть сумма обвинительных, следственных и состязательных характеристик, отражающих наилучшие черты исторических типов отечественного уголовного процесса. Однако в контексте потенциального прогрессивного развития необходимо сконструировать обновленную модель унифицированного вида уголовного преследования и как следствие – нового типа уголовного судопроизводства в целом.

Вывод № 2: при смене типа уголовного процесса под него подстраивается новое юридическое понимание законности, которое сглаживает и нейтрализует возникшие уголовно-процессуальные противоречия. Яркий пример – ст. 3 УПК РСФСР 1960 г. («Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления...» [5]), затем данное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П.

Список литературы

1. Уголовный процесс России : учебник / [А. С. Александров и др.] ; науч. ред. В. Т. Томин. М. : Юрайт-Издат, 2003.
2. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ // Изданіе Юридическаго книжнаго склада «ПРАВО». 3-е пересмотренное издание. 1916.
3. Познышев С. В. Элементарный учебникъ русскаго уголовного процесса. М., 1913. Изданіе Г.А. Лемана. Типо-лит. т./д. «Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ».
4. Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1999.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/.

*Головачук О. С.¹,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П.М. Давыдова
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Одним из основополагающих начал уголовного судопроизводства является его публичный характер, что нашло свое закрепление в ч. 2 ст. 21 УПК РФ: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Но действующий уголовно-процессуальный закон содержит и отступления от этого правила, одним из которых является производство по делам частного обвинения. И хотя на сегодняшний день круг преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, ограничен всего тремя составами (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ), тем не менее, данное производство востребовано в реальной жизни и предложения, направленные на его упразднение, не нашли поддержки у законодателя.

В тоже время нельзя не отметить, что существующая правовая регламентация производства по делам частного обвинения имеет ряд существенных недостатков, которые затрудняют правоприменительную деятельность. И хотя законодатель неоднократно вносил изменения в статьи УПК РФ, регулирующие производство по делам частного обвинения, многие вопросы остались нерешенными.

В соответствии с ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье.

Подаваемое заявление должно отвечать требованиям, изложенным в ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Так, оно должно содержать:

- наименование суда, в который оно подается (данная формулировка является неверной, так как дела частного обвинения подсудны мировому судье, поэтому и адресовать заявление следует мировому судье соответствующего судебного участка);
- описание события преступления, места, времени и иных обстоятельств его совершения;
- просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству (но ведь на момент подачи заявления никакого уголовного дела еще не суще-

¹ © Головачук О. С., 2025.

ствует, а значит, возможна только просьба о принятии мировым судьей к производству заявления; сам законодатель в чч. 7 и 8 ст. 318 УПК РФ использует формулировку «принятие заявления к производству»);

- данные о потерпевшем и о документах, удостоверяющих его личность;
- данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- подпись лица, его подавшего.

При этом следует обратить внимание на некорректность использования в данном случае терминов «потерпевший» и «свидетель», так как согласно положениям УПК РФ (ч. 1 ст. 42 и ч. 1 ст. 56) эти процессуальные статусы приобретаются лицами только после возбуждения уголовного дела. Кроме того, в первом случае требуется вынесение процессуального решения – постановления о признании потерпевшим, а во втором – вызов лица в установленном законом порядке для дачи показаний. Поэтому представляется правильным именовать лицо, подвергшееся преступному посягательству и обратившееся с заявлением к мировому судье (либо в защиту чьих интересов подано заявление законным представителем), пострадавшим (одновременно дополнить содержание ст. 5 УПК РФ п. 25.1, в котором дать определение данного понятия). Что же касается списка свидетелей, то речь должна идти о списке лиц, которые, по мнению заявителя, подлежат вызову в судебное заседание в качестве свидетелей.

Но, как мы видим, в перечне требований не содержится упоминания о квалификации содеянного. В тоже время уголовное дело может возбуждаться только при наличии признаков того или иного состава преступления. Следовательно, в документе, который фиксирует решение о возбуждении уголовного дела, должна быть дана квалификация деяния. При этом из содержания ст. 318 УПК РФ неясно, кто и когда квалифицирует содеянное по статье уголовного закона. На заявителя такая обязанность прямо не возложена, мировой судья не может этого сделать в силу того, что не является органом уголовного преследования.

Путь решения обозначенной проблемы представляется очевидным: дополнить ч. 5 ст. 318 УПК РФ п. 2.1 следующего содержания: «статью (ее часть) УК РФ, по которой лицо привлекается к уголовной ответственности». Именно таким образом поступил законодатель Республики Казахстан (ч. 2 ст. 408 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК)).

Также на практике возникают вопросы, связанные с тем, что законодатель отнес преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1 УПК РФ, к подсудности районных судов. При этом данное преступление по общему правилу преследуется в порядке частного обвинения, который регулируется нормами, содержащимися в гл. 41 УПК РФ «Производство у мирового судьи». Полагаем, что производство в районном суде в данном случае должно осуществляться по правилам гл. 41 УПК РФ.

Правоприменители и ученые-процессуалисты [1, с. 5–6] отмечают проблему, обусловленную тем, что мировые судьи чисто физически не успевают начать рассмотрение дела частного обвинения в установленный законом срок (не позднее 14 суток с момента поступления к ним заявления), так как в случае неявки к мировому судье лица, привлекаемого к уголовной ответственности, заявление,

документ о разъяснении ему прав подсудимого, а также порядка и условий примирения отправляются ему почтой. При этом сроки доставки почтовых отправлений адресату даже в пределах одного муниципального образования могут быть весьма продолжительными. Кроме того, всегда есть риск того, что лицо проживает не по месту регистрации, что влечет неполучение им документов, а значит и последующую неявку в судебное заседание.

Если в ч. 2 ст. 321 УПК РФ сказано, что судебное разбирательство должно быть начато не ранее трех и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления, то формулировка ч. 2 ст. 411 УПК РК несколько отличается. Так, в ней говорится, что судебное разбирательство должно быть начато не позднее пятнадцати суток с момента поступления жалобы в суд, но не ранее трех суток с момента получения подсудимым копии жалобы с разъяснением его прав.

Полагаем, что оптимальным был следующий вариант: не ранее трех суток со дня вручения подсудимому копии заявления и других документов и не позднее 20 суток со дня поступления заявления к мировому судье.

Часть 3 ст. 321 УПК РФ предусматривает возможность соединения производства по делу частного обвинения с производством по встречному заявлению. При этом законодатель не определяет оснований признания заявления встречным. В свою очередь, законодатель Республики Казахстан в ч. 8 ст. 408 УПК РФ отмечает, что обвиняемый вправе предъявить обвинителю встречное обвинение, если оно связано с предметом уголовно-наказуемого деяния, по которому возбуждено производство. В теории уголовного процесса общепризнанной является точка зрения, что соединение производств возможно в том случае, если речь идет об одном преступном деянии, одних и тех же лицах либо о двух разных, но взаимосвязанных деяниях (преследуемых в порядке частного обвинения) с одними и теми же участниками [2, с. 170].

Во избежание противоречий в правоприменительной практике данные положения необходимо закрепить на законодательном уровне.

Кроме того, на наш взгляд, существует еще одна проблема, связанная со встречными заявлениями. Законодатель в ч. 3 ст. 321 УПК РФ говорит о соединении встречных заявлений в одно производство. Аналогичный подход присутствует и в УПК РК (ч. 3 ст. 411). Но с момента вынесения мировым судьей постановления о принятии заявления к производству уже возбуждено уголовное дело. Поэтому, как нам кажется, речь должна идти о соединении производств по встречным заявлениям.

Получив встречное заявление, при наличии предусмотренных в законе оснований мировой судья принимает его к производству (то есть с этого момента будет возбуждено еще одно уголовное дело), а затем выносит постановление о соединении двух имеющихся производств в одно.

Это лишь часть проблем, связанных с производством по делам частного обвинения. Обозначенные проблемы требуют своего решения, в том числе с использованием положительного опыта других государств, находящихся в сходных с Россией экономических и политических условиях и имеющих общее историческое прошлое (например, Республика Казахстан).

Список литературы

1. Леханова Е. С., Трифонова М. Ф. Актуальные проблемы правового регулирования производства по делам частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Законность и правопорядок. 2023. № 1 (37). С. 4–7.
2. Катькало С. И., Лукашевич В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения. Л. : ЛГУ, 1972.

Гольцов А. Т.¹,

*доцент кафедры основ правоохранительной деятельности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
адвокат – член Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук*

Соболев А. В.²,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЫСКА ПРИ НАЛИЧИИ РАЗРЕШЕНИЯ СУДА НА ЕГО ПРОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Благодаря социально-политическим и экономическим преобразованиям, а также повышению уровня правового сознания, в 80-х гг. прошлого века в нашем обществе наметились существенные демократические преобразования. Они нашли свое отражение в одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в РСФСР. Позволим себе предположить, что определенное влияние на формирование убеждений ее авторов – российских ученых оказали горькие уроки дореформенного уголовного процесса. В том числе массовые злоупотребления, которые имели место быть при производстве следственного действия, ставшего предметом нашего исследования. Во многом благодаря этим установкам в Концепции судебной реформы в РСФСР была выражена правовая позиция о том, что проведение действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод, происходит с разрешения суда. В доктрине уголовного процесса эта функция суда получила наименование предварительного судебного контроля.

Концептуальное предложение было воспринято Конституцией Российской Федерации и воплощено в ст. 25. Данная норма гласит, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. В свою очередь, указанное конституционное предписание получило закрепление в УПК РФ. Но сделано это было в весьма специфических формулировках, на чем мы подробно остановимся в соответствующей части нашей работы.

Так, из содержания ст. 29 УПК РФ следует, что в досудебном производстве только суд правомочен принимать решения о производстве ряда действий, ограничивающих конституционные права и свободы, к которым отнесен и обыск в жилище (п. 4 ч. 2). Порядок принятия решения о производстве данного следственного действия детализирован в специальных нормах. Согласно ч. 3 ст. 182

¹ © Гольцов А. Т., 2025.

² © Соболев А. В., 2025.

УПК РФ, обыск в жилище производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Из содержания ст. 165 УПК РФ следует, что в целях производства обыска в жилище следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве данного следственного действия, о чем выносится постановление (ч. 1). Суд рассматривает ходатайство единолично в срок 24 часов с момента его поступления (ч. 2). По результатам суд выносит постановление о разрешении производства обыска в жилище или об отказе в его производстве (ч. 4). Таким образом, законность решения о производстве обыска в жилище обеспечивается ведомственным контролем для следователя, прокурорским надзором для дознавателя и предварительным судебным контролем для них обоих.

В юридической литературе высказана точка зрения о том, что УПК РФ в полной мере обеспечивает защиту прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства в связи с производством обыска [14, с. 93]. На наш взгляд, подобные выводы связаны с тем, что анализируемые постулаты укоренились в УПК РФ. Оттуда они перекочевали в учебную литературу, и нашли свое естественное отражение в сознании части юридического сообщества. Но так ли эффективен современный предварительный судебный контроль над производством обыска в жилище и обеспечивает ли он декларируемую защиту на самом деле? Или, как указывает В. В. Кальницкий, суд лишь санкционирует чужое решение своим высоким именем [4, с. 60]. Для ответа на поставленный вопрос проанализируем современный предварительный судебный контроль над производством обыска в жилище по трем составляющим:

- качество;
- уровень правовых гарантий;
- соответствие принципам уголовного процесса.

Прежде всего, обратимся к качественной составляющей. УПК РФ не регламентирует содержательные критерии, которым должен следовать суд для разрешения поданного ходатайства. На наш взгляд, это следующие критерии:

- ходатайство должно отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ);
- материалы, подтверждающие его обоснованность, должны содержать доказательства, подтверждающие наличие оснований для производства данного следственного действия (например, копию протокола допроса) [8];
- требованиям законности (ст. 7 УПК РФ) должны отвечать решения и процессуальные действия, являющиеся исходными для доказательств, подтверждающих наличие оснований для производства данного следственного действия (например, этим требованиям должно отвечать решение о возбуждении уголовного дела). В противном случае, есть риск признания полученных доказательств недопустимыми, а основанного на них разрешения на производство обыска в жилище – незаконным. Тогда как, именно суд должен обеспечить законный режим ограничения конституционных прав и свобод на стадии предварительного расследования [12, с. 230].

Суд не всегда может обладать компетенциями, необходимыми для проверки законности возбуждения уголовного дела. Например, если речь идет о преступлениях экономической направленности или техногенного характера. В отличие от органов прокуратуры, обладающих определенным штатом работников, судья рассматривает возникшую правовую ситуацию единолично и в 24-часовой срок. Одновременно у него может находиться несколько подобных ходатайств, добавляющихся к основной нагрузке по рассмотрению уголовных дел по существу. Очевидно, что такой короткий срок объясним срочным характером обыска в жилище. Но как следует поступить суду, если законность решения о возбуждении уголовного дела под вопросом? Отложить судебное заседание или отказать в принятии ходатайства к производству нельзя – такие виды решений не предусмотрены для процедуры судебного контроля. Суд вправе отказать в удовлетворении самого ходатайства. Но такие решения, как указывает Н. Н. Ковтун, «легко минимизируются как посредством отмены состоявшихся судебных решений, так и постановкой вопроса о профессиональной пригодности судей» [5, с. 55]. Суду остается действовать вслепую, удовлетворить поданное ходатайство, проигнорировав вероятность нарушения конституционного предписания о неприкосновенности жилища.

Также УПК РФ не содержит требования о предоставлении суду материалов всего уголовного дела. Прилагаются лишь материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Такая конструкция является оправданной. Ведь уголовное дело может состоять из большого количества томов или находиться в экспертном учреждении, что затруднит его предоставление в суд. Однако, как мы и отмечали ранее, выбор материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства, законом не урегулирован и урегулирован полностью быть не может в силу многообразия случаев. Но выбор этот находится во власти следователя и дознавателя. Значит, не исключен риск сокрытия документов, имеющих значение для принятия судом обоснованного решения [15].

В такой ситуации логичным было бы запросить требующиеся документы, но УПК РФ такого правомочия для суда не предусматривает. А получить недостающую информацию от следователя или дознавателя лично можно не всегда. Ведь, согласно ч. 3 ст. 165 УПК РФ, их участие в судебном заседании не обязательно. Выход видится в отказе от удовлетворения ходатайства в виду отсутствия необходимых для принятия законного решения материалов. Но это вновь возвращает суд к описанным ранее негативным для него последствиям. Пример приводит С. Б. Россинский. Один из районных судов г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства о производстве обыска в жилище, мотивировав свое решение тем, что представленных материалов недостаточно для того, чтобы полагать о наличии в жилище искомых предметов. Вышестоящим судом данное решение было отменено как необоснованное [12, с. 230]. Что же остается суду? На свой страх и риск вновь проигнорировать вероятность принятия ошибочного решения по причине фрагментарности поступивших сведений, смириться и удовлетворить ходатайство.

Таким образом, следует согласиться с В. В. Кальницким в том, что в таких условиях суд не имеет возможности полно и объективно исследовать поставлен-

ную перед ним правовую задачу, что порождает формализм, устранение от подготовки законных решений и использование подготовленных следователем или дознавателем проектов [5, с. 59]. Действительно, на практике наблюдается дублирование содержания ходатайства в тексте разрешения суда. А взаимодействие происходит только между инициатором судебного контроля (следователем или дознавателем) и его исполнителем – судьей, который становится *alter ego* инициатора. При таких обстоятельствах участие прокурора в рассмотрении ходатайства излишне, а проведение судебного заседания воспринимается как фарс. Но не стоит обвинять суд в соглашательстве. Сложившееся положение дел есть лишь рефлексия на предписания закона.

Переходя к рассмотрению уровня правовых гарантий, предусмотренного УПК РФ при производстве обыска в жилище, следует обратить внимание на отложенный характер этого действия. А именно, законом не предусмотрен срок, в течение которого получившие соответствующее разрешение суда следователь и дознаватель должны произвести обыск в жилище. Такой подход противоречит самой сути обыска, как срочного действия, направленного на обнаружение людей, предметов и документов, но такова редакция УПК РФ. Более того, закон не воспрещает дать разрешение на производство повторных обысков в жилище по тем же фактическим основаниям, что и ранее. Иными словами, не исключена ситуация, когда после получения отрицательных результатов первого обыска, для поиска тех же людей, предметов и документов, при отсутствии новых данных об их нахождении в обысканном жилище, в нем будут проведены повторные следственные действия. Легко можно представить и случаи проведения повторных обысков на основании одного разрешения суда. Например, при поисках разыскиваемого обвиняемого по месту жительства. В литературе описаны массовые обыски, произведенные в разных местах на основании одного разрешения [9, с. 134]. Такие явления есть ни что иное как злоупотребления правом, противоречащие предписанию ст. 21 Конституции Российской Федерации о запрете обращения, унижающего человеческое достоинство. Можно говорить о том, что в руках недобросовестных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения несовершенство правового регулирования предварительного судебного контроля превращено в орудие принуждения к совершению определенных действий или отказу от таковых.

Завершая анализ эффективности современного предварительного судебного контроля над производством обыска в жилище, отметим, что часть ученых признает его не соответствующим принципу состязательности сторон, так как защита не участвует в рассмотрении ходатайства обвинения. На наш взгляд, не стоит искать этот принцип там, где его быть не должно. Такой порядок обоснован целесообразностью сохранения в тайне запланированного действия и соответствует положениям ст. 55 Конституции Российской Федерации о возможности ограничения прав и свобод человека для защиты прав и законных интересов иных лиц. Другое дело, что на этапе предварительного судебного контроля суд не может не входить в оценку обстоятельств дела и доказательств, имеющих на стадии предварительного расследования, об опасности чего предупреждала И. Б. Михайловская [7, с. 163]. При этом, находясь в описанных условиях, суд

«срачивается» со стороной обвинения, будучи объединенным с ней целью разрешения возникшей правовой ситуации. В результате сформированное в досудебном производстве внутреннее убеждение судьи переходит в судебное производство, где проявляет себя тяготением к выводам стороны обвинения и отдалением от доводов стороны защиты. Причем это убеждение формируется на протяжении длительного срока, раз за разом подпитываясь взаимодействием со стороной обвинения и убеждая судью в его инкорпорированности в общую систему обвинения. И вот как раз в этой части действительно нарушается принцип состязательности сторон, что является эффектом судебного контроля и доказывает его негативное влияние на рассмотрение дела по существу. Особенно актуальна данная проблематика для судов с небольшими штатами.

Приведенные аргументы позволяют сделать вывод о низкой эффективности предварительного судебного контроля над производством следственных действий, в том числе и обыска в жилище. Но почему реформа уголовного процесса не принесла в данной части желаемого результата? Позволим себе напомнить о том, что согласно ст. 168 УПК РСФСР 1960 г. обыск в жилище производился по постановлению следователя или лица, производящего дознание, и только с санкции прокурора. Тогда как по УПК РФ разрешение на производство этого следственного действия дает суд, что предполагает наивысшие правовые гарантии. Полагаем, что это стало возможным по следующим причинам:

1. Финансовая. В качестве необходимой составляющей судебного контроля в Концепции судебной реформы в РСФСР было предусмотрено разделение судебной номенклатуры. Функции одной части судей должны были заключаться в судебном контроле. А другой части – в рассмотрении уголовных дел по существу. Если бы уголовный процесс был построен по такому варианту, то большинства из описанных проблем не существовало или они проявлялись в несовершенстве юридико-технического свойства и могли быть откорректированы без изменения концептуальных основ. Но проведение такого преобразования, вероятно, потребовало дополнительных финансовых затрат. В результате одна часть новеллы (введение судебного контроля) была воспринята законодателем, а вторая часть (введение специализированных на контроле судей) нормативно «перераспределена» на других участников процесса.

Причем порой такое «перераспределение» сопровождалось утратой смысловой нагрузки. Чем иным можно объяснить «трансформацию смыслов» на пути от Концепции судебной реформы в РСФСР (суд дает разрешение на производство следственных действий) и Конституции России (проникновение в жилище на основании судебного решения) до УПК РФ (решение о производстве обыска в жилище принимает суд). Очевидно, что формулировка ч. 2 ст. 29 УПК РФ противоречит не только принципу состязательности сторон, но и логике – суд не является органом уголовного преследования (ч. 3 ст. 15 УПК РФ) и не вправе принимать решения о производстве следственных действий. По этому поводу интерес представляет мнение П. А. Лупинской о том, что содержащееся в ч. 2 ст. 29 УПК РФ понятие «решение» следует рассматривать как разновидность решения в виде разрешения на производство следственных действий [6, с. 45]. Та-

кое толкование верно по своей сути. Но оно нуждается в адекватном нормативном воплощении. Иначе, такое толкование воспринимается, как попытка обосновать научными методами несовершенство правовой конструкции, увязать ее со следственной, но никак не судебной природой данного действия в досудебном производстве. Ясно, что при формировании норм УПК РФ законодатель стремился сохранить терминологию Конституции Российской Федерации, оперирующей понятием «решение», а не «разрешение». Но, так как разрешение является видом решения, следовало бы избегать лексической скупости и представить связанное со следственными действиями уточнение. Прав С. А. Пашин, который указывает, что «цивилизованные принципы уголовного правосудия, пересаженные на нашу почву, не стали исключением, приобрели причудливые и даже пугающие очертания» [10, с. 8].

2. Интересы. Рассматривая период подготовки УПК РФ, С. А. Пашин говорит о том, что «осуществлялось сознательное, а чаще инстинктивное, искажение чиновниками в мундирах и мантиях запланированных реформаторами преобразований» [10, с. 8]. Действительно, для отдельных представителей органов прокуратуры утрата функции по разрешению проведения следственных действий означала ослабление надзора и снижение своего влияния. Как указывает А. С. Александров, кто владеет обвинением и доказыванием, тот господствует в уголовно-процессуальном мире [2, с. 11]. Наделение отдельных представителей суда функцией судебного контроля, наоборот, усиливало его влияние. Ведь теперь и суд, пусть и не по своей инициативе, но мог участвовать в обвинении. При этом отказ от введения специализированного судьи позволял избежать организационно-штатных изменений. Что же касается отдельных представителей органов, обладавших в те годы функциями предварительного расследования, то для них новый вид судьи, вероятно, воспринимался в виде барьера на пути к достижению целей борьбы с преступностью. Вместе с тем, принятие решений о производстве следственных действий, ограничивающих права граждан, «перераспределяло» ответственность за возможные погрешности. Безусловно, все, о чем говорится в данной части исследования, имеет отношение исключительно к отдельным представителям государственных органов, неправильно понимавшим интересы службы, а не к самим органам государственной власти в целом.

3. Влияние недружественных государств. Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что в своих интересах страны Запада, оказали негативное влияние на формирование различных сфер жизни нашего общества. Исключением не стали и уголовно-процессуальные отношения. Заслуживают внимания сведения, опубликованные Л. М. Володиной. Данный ученый прямо говорит о том, что проект УПК РФ был подготовлен рабочей группой под руководством Министерства юстиции США [3, с. 40]. Демократические ценности сами по себе не несут какой-либо угрозы. Но под видом развития демократии были сформированы «выгодные позиции». Если взглянуть на тему нашей работы с этой стороны, то становится очевидным, чьим интересам соответствовало наделение суда функцией контроля, без введения специализированного судьи, и почему. В силу особенностей правового регулирования, обусловленных ролью правоохрани-

тельных органов в борьбе с преступностью, их решения проходят многоступенчатую проверку. Судебная власть, напротив, часто сосредоточена в руках одного человека, отчего более уязвима для влияния извне.

Переходя к проектам о совершенствовании нормативного регулирования производства обыска в жилище, следует отметить, что такие предложения невозможны в отрыве от реформы предварительного судебного контроля в целом. На этот счет в юридической литературе превалируют два предложения:

- 1) введение специализированного на судебном контроле судьи;
- 2) отмена судебного контроля над следственными действиями и возврат к порядку, закрепленному в УПК РСФСР 1960 г.

Сторонником второго предложения является А. В. Спирин. Данный ученый указывает, что «если в определенном случае не созданы полноценные механизмы состязательного типа ... прокурорский надзор сможет обеспечить выстраивание баланса частного и публичного интереса» [13, с. 25]. Данная позиция представляется неверной. «Не отказ от демократических завоеваний, а совершенствование сложившихся правовых форм защиты прав граждан – единственно возможный путь развития российской системы права», писал И. Л. Петрухин [11, с. 94]. Возвращение к старому порядку не снимает вопросов об обеспечении конституционных прав граждан и о создании правового механизма противодействия проявлениям произвола. То есть того, ради чего и был создан институт предварительного судебного контроля, который, как считает и сам А. В. Спирин, является одной из наиболее существенных гарантий охраны прав и законных интересов участников процесса [13, с. 22]. А необходимость создания такого механизма несомненна. Статистика нарушений, выявленных предварительным судебным контролем, представляется малоинформативной по причине его собственной дисфункции. Нужно ориентироваться на общее число нарушений, допущенных органами предварительного расследования. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 г. это количество составило 1 799 639 нарушений законов [16]. Очевидно, что если органы предварительного расследования допускают столь значительное число нарушений, то их деятельность не идеальна и применительно к рассматриваемой тематике.

Также если вести речь об обыске в жилище и некоторых иных следственных действиях, производство которых требует разрешения суда, то изменения по второму варианту возможны путем коррекции одного УПК РФ. Конституция Российской Федерации допускает их производство не только на основании судебного решения, но и в случаях, установленных федеральным законом. Если же говорить о действиях, затрагивающих тайну телефонных переговоров, переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, то Конституция Российской Федерации допускает их производство лишь по разрешению суда (ст. 23). Значит, отмена судебного контроля над производством следственных действий потребует изменения не только УПК РФ, но и Основного закона Российской Федерации, что представляется недопустимым.

Ряд ученых соглашается с желательностью создания специализированных на судебном контроле судей, но обращает внимание на связанные с новеллой труд-

ности. Например, С. Б. Россинский полагает, что государственные органы не будут готовы к поспешным шагам по изменению УПК РФ. В результате чего еще более усилятся болезни, которыми в настоящее время страдает досудебное производство [12, с. 232]. Ученые считают целесообразным осуществить временный возврат к прежнему механизму прокурорского надзора, а введение специализированных судей отложить. Такой подход основан на уроках реформы и объективных оценках процесса, но является, на наш взгляд, ошибочным. Ведь он не свободен от недостатков предложения № 2. Полагаем, что отказ от достигшей судебной реформы есть противоестественный ход развития уголовного процесса. Трудности, о которых говорят оппоненты, будут преодолены, при условии наличия на то политической воли. При этом усилия юридической общественности должны быть консолидированы на выработке обоснованных предложений по реформированию закона. Не лишним будет привести слова А. С. Александрова, который обращает внимание на то, что борьбу с преступностью проигрывает тот, кто отказывается от реформирования лежащей в ее основе уголовно-процессуальной системы [2, с. 11].

На наш взгляд, при выборе того или иного предложения следует исходить из необходимости создания правового механизма, способного, с одной стороны, предотвратить нарушения конституционных прав граждан, а, с другой стороны, позволяющего вести эффективную борьбу с преступностью. Считаем, что в отечественном уголовном процессе, сформированном на основе духовно-нравственных убеждений о справедливости и сложившихся представлениях о характере деятельности тех или иных государственных органов, создание такого механизма возможно только путем передачи предварительного судебного контроля над производством следственных действий под юрисдикцию специализированного на этой деятельности судьи. Ключ к эффективной работе такого механизма – независимое процессуальное положение суда. Также необходимо устранить описанные в данной работе законодательные пробелы и коллизии.

Признавая длительность разработки соответствующих концепций и переходного периода, предлагаем начать со следующих корректив УПК РФ:

– ч. 2 ст. 29 после слова «решения» дополнить словами «в том числе и в виде разрешения на производство следующих следственных действий»;

– ч. 1 ст. 165 после слов «настоящего Кодекса» дополнить словами «следователи или дознаватель выносят постановление о производстве следственного действия. Далее»;

– в ч. 3 ст. 182 вместо слов «на основании судебного решения» закрепить слова «на основании постановления следователя и разрешения суда».

Данные изменения позволят устранить проанализированные в нашей работе недостатки отдельных положений УПК РФ и станут основой для реформированного судебного контроля. В защиту своего предложения обратим внимание на то, что предлагаемая конструкция использована законодателем в ст. 186 УПК РФ. Тот же подход отражен в ч. 3 ст. 265 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ: обыск проводится только на основании постановления следователя с разрешения суда. Кроме того, правовая конструкция от-

срочки исполнения того или иного решения до наступления юридически значимого события (в нашем случае разрешения суда) уже закреплена в различных отраслях российской правовой системы.

Список литературы

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

2. Александров А. С. Вечно вчерашние: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, его писатели и читатели // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : сборник научных трудов. Омск : Омская академия МВД России, 2022.

3. Володина Л. М. Казуистичность – проблема современного уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования // Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: проблемы содержания и реализации : сборник научных трудов. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. С. 36–41.

4. Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 58–64.

5. Ковтун Н. Н. Судебный следователь и следственный судья – разные субъекты правовых отношений // Уголовная юстиция: связь времен : сборник научных трудов. СПб. : Акцион-медиа, 2012.

6. Lupinская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М. : Норма, 2010.

7. Михайловская И. Б. Трансформация российского уголовного судопроизводства. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1. С. 158–170.

8. УПК РФ не регламентирует приложение к ходатайству каких-либо материалов. Данная проблематика отчасти решена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», определившем открытый перечень таких материалов. На наш взгляд, для их обозначения уместно использовать формулировку, содержащуюся в ч. 3 ст. 108 УПК РФ, – материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства (Российская газета. №125 (7291).

9. Осипов А. В. Постановление судьи о разрешении производства обыска в жилище: проблемы практики // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1 (82). С. 132–135.

10. Пашин С. А. Состязательный уголовный процесс. М. : Р.Валент, 2006.

11. Петрухин И. Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91–94.

12. Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225–235.

13. Спирин А. В. К вопросу о предварительном судебном контроле за производством следственных действий в жилище // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 21–27.

14. Фомичёва Д. Н. К вопросу об осуществлении правообеспечительных мероприятий при производстве обыска // Молодой ученый. 2017. № 37 (171). С. 90–93.

15. Полагаем, не лишним будет отметить, что с момента возбуждения уголовного дела в прокуратуре формируется надзорное производство. Оно пополняется по ходу предварительного расследования копиями некоторых процессуальных действий и принятых решений. Поэтому, к моменту дачи согласия на возбуждения перед судом ходатайства о производстве обыска в жилище, прокурор уже знаком с рядом материалов уголовного дела и не ограничен в ознакомлении с ними вновь (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ).

16. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/>.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 594.

18. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.

Григорьев Д. А.¹,
заведующий лабораторией
«Криминалистика и специальная техника»,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук

КАКУЮ ИСТИНУ СЛЕДУЕТ УСТАНОВИТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Как известно, всякая сфера жизнедеятельности имеет своей целью достижение определённого результата. Анализ зарождения и формирования отечественного уголовного судопроизводства позволяет утверждать, что на протяжении предшествующих веков оно традиционно было ориентировано на достижение истины. Подавляющее большинство учёных-процессуалистов стояли на этой позиции. «Цель уголовного судопроизводства есть удовлетворить требованиям правды; поэтому в уголовных приговорах не может быть терпима никакая неправда и никакая неправильность, а напротив... должны быть даны все средства, все меры для того, чтобы предупредить и устранить из уголовного приговора ту и другую» [2, с. 186]

Впервые, в современном понимании, понятие «истина» была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и правовые предписания последнего послужили фундаментом института истины, целью которого – всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела, имеющих значение для правильного его разрешения. Согласно ст. 613 Устава в полномочия председательствующего судьи (курсив мой) входило право предпринять все то, что от него зависит, для установления истины по делу.

В иных статьях Устава также содержались предписания, предписывающие установление истины.

Если вести речь о советской эпохе функционирования уголовно-процессуального закона, то следует особо подчеркнуть, что досудебное и судебное производство по уголовному делу разрешали задачи в рамках достижения цели – установлению объективной истины, на основе правовых предписаний УПК РСФСР, принятых в 1922, 1923 и 1960 г.

На это, совершенно правильно указывал М. С. Строгович, «истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому делу, есть объективная истина, называемая материальной» [3, с. 132].

С 1 июля 2002 г. начал действовать УПК РФ. В него не вошли положения о его задачах для установления истины, они были заменены на назначение и вызвав, тем самым, вал критики среди научной общественности и практических работников.

¹ © Григорьев Д. А., 2025.

На это, разработчики УПК РФ пояснили это тем, что у сторон обвинения и защиты в уголовном процессе разные интересы и поэтому у них цели и задачи также будут противоположными в уголовном судопроизводстве. Отсюда и вытекает, что в УПК РФ включен нейтральный термин «назначение», и его содержание составляет защита потерпевших от преступлений, а обвиняемых от незаконного обвинения.

То есть завуалировано была принята американская система уголовного процесса, т. е. в последнем не устанавливалась объективная истина, а процессуальная (юридическая), т. е. та истина, которая устанавливалась в ходе судебного следствия, которая могла и отличаться от тех обстоятельств, которые происходили на самом деле.

К этому надо добавить то обстоятельство, что конструкция УПК РФ составлена на основе концепции самоограничения государства в уголовном процессе, автором которой является Е. Б. Мизулина. Исследование последней выразилось в виде монографии и докторской диссертации. Е. Б. Мизулина делает вывод об избыточности участия государства в уголовном процессе и о необходимости минимизации этого участия [9, с. 14].

Перед принятием УПК РФ были проведен ряд исследований по анализируемой теме, в частности, в 2000 г. О. В. Петровой была защищена диссертация «Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе». Один из ее выводов звучит так: «Для обозначения истины, достигаемой в уголовном процессе, целесообразно употреблять термин "объективная истина", поскольку никакой другой не отражает специфику истинного знания» [9, с. 10].

Не способствует установлению истины по делу то, что в УПК РФ есть нормы, согласно которым человек имеет свидетельский иммунитет.

О «браке» разработчиков УПК РФ говорит и тот факт, что в него каждый год законодателем вносятся изменения, согласно которых появляются новые, либо модернизируются отдельные его институты.

Следует заметить, что в остальных процессуальных законах (Арбитражном процессуальном кодексе, Гражданском процессуальном кодексе, Кодексе об административном судопроизводстве) обозначены задачи, и в них, по нашему мнению, мы видим своего рода преемственность с ранее действующими законами.

Анализ законотворчества вокруг УПК РФ позволяет утверждать, что более чем, за 22-летний период действия данного закона было принято около 300 федеральных законов, на основании которых, в УПК РФ было внесено около 2 000 изменений и дополнений.

Но последними была обойдена проблема истины в уголовном процессе; нужна ли она в последнем, если да, то какая. Дискуссия между учёными, придерживающимися различных взглядов по этому поводу «вспыхивали» неоднократно, как за время принятия закона до его вступления в законную силу, так и после действия закона с 1 июля 2002 г.

Наиболее аргументированная дискуссия произошла около десяти лет назад, когда обсуждался проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением ин-

ститута установления объективной истины по уголовному делу» (далее – проект), подготовленный депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А. Ремезковым, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации.

В обосновании проекта утверждалось, что «российское уголовное судопроизводство справедливость правосудия традиционно связывало с истиной, поскольку нельзя вынести справедливый приговор, основываясь на недостоверных или неполных данных» [2].

Указанный проект вызвал резкое неприятие многих представителей адвокатского сообщества, и мы полагаем, что это вызвано тем, что в проекте предлагается в числе обязанностей судьи восполнить доказательства и тем самым принижается процессуальная значимость защитника.

Например, Президент Адвокатской палаты г. Москвы Г. Резник утверждал, что «Введение в УПК института объективной истины, возложение на суд обязанности её отыскания будет означать уничтожение на корню состязательности уголовного судопроизводства, разграничения процессуальных функций обвинения, защиты и решения дела, ликвидацию презумпции невиновности, которая и так покуда ощутимо проросла только в суде присяжных» [5].

Бывший судья Конституционного Суда Российской Федерации Т. Морщикова охарактеризовала проект как «попытку оправдать массовые, бесчеловечные пытки, которые применяются в доказывании по уголовным делам» [6.].

Наоборот, Верховный Суд Российской Федерации концептуально поддержал проект и предложил закрепить в УПК РФ «принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела».

«Инициатива Следственного комитета является естественной реакцией на откровенный провал наивных и совершенно некомпетентных попыток совместить несовместимое — англо-американскую процессуальную идеологию и континентальную процессуальную инфраструктуру» [7, с. 81].

Некоторые ученые считают, что невозможно установить объективную истину в условиях состязательности сторон. Они полагают, что инициатива по объективной истине обречена на провал, и чтобы последний не случился, то законодателю «весь уголовный процесс следует сделать объективно-истинный как по форме, так и по содержанию» [8]. Для этого нужно следует принят новый УПК РФ с объективно-истинной моделью процесса.

Это невозможно тогда, когда состязательность – это самоцель, поскольку состязанием сторон выясняется победитель, а объективная истина исключается.

В настоящее время судебное следствие направлено на установление процессуальной (юридической) истины. Важнее процедура (процессуальная форма) производства следственных и (или) иных процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств.

Это можно сравнить, в грубой форме, то, что в США граждан задерживают (наказывают) за распитие пива в общественных местах, если бутылка не помещена в непрозрачный бумажный пакет, а если помещена, то нет правонарушения. То есть полицейскому дают понять, он не имеет права, установить, что же пьет правонарушитель, т. е. истину.

В рамках обсуждения проекта в Саратовской государственной юридической академии среди студентов третьих – пятых курсов был проведен опрос по объективной истине. И вот каким итогам пришли – о необходимости восстановления института объективной истины – 81 % ответили положительно и на вопрос не противоречит ли данный институт принципу состязательности 78,3 % ответили отрицательно [12, с. 990].

Всем известно, что в романо-германской системе права целью уголовного процесса является установление материальной истины. Об этом указано в УПК Германии, Франции, Швейцарии. Это касается и ряда стран бывшего СССР, например Азербайджанской Республики (далее – АР). В ст. 8 УПК АР указано, что назначение уголовного процесса состоит в быстром раскрытии преступлений, всестороннем, полном и объективном выяснении всех обстоятельств, связанным с уголовным преследованием.

В своем исследовании Н. В. Азарёнок подвергает критике поспешность принятия УПК РФ, его концепцию и постулаты [13, с. 4]. Далее, он делает вывод о необходимости разработки и принятия нового УПК РФ [13, с. 5].

О злободневности темы истины в уголовном процессе говорит и тот факт, что в рамках настоящей конференции предлагается обсудить проблему – соотношение истины и законности при производстве по уголовным делам.

А. И. Бастрыкин в своей статье за 2023 г. утверждает, что «...институт объективной истины не только не противоречит презумпции невиновности, но и делает ее реальной работающей, обеспечивая защиту интересов обвиняемого, а также права потерпевшего» [11, с. 27].

Выступая на коллегии Министерства юстиции Российской Федерации в 2024 г., он также аргументированно, ссылаясь на исторические предпосылки и современные реалии, ратовал за изменения и дополнения в УПК РФ, относительно института установления объективной истины по уголовному делу.

Противники введения института «объективной истины» ссылаясь на то, что деятельность следователя и так носит обвинительный уклон. Но, чтобы окончательно уйти от последнего, законодателю нужно в УПК РФ обозначить объективную истину в качестве цели доказывания для должностных лиц, представляющих сторону обвинения и суда. В качестве принципа – всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела.

Список литературы

1. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б. С. Никифоров. М. : Издательство АН СССР, 1955.
2. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий в следственном уголовном судопроизводстве России. М., 2001.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М. : Наука, 1968.

4. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия. URL: <https://fondpp.org/news/o-glavnom/institut-obektivnoj-istiny-kak-prikrytie-repressivnosti-pravosudiya-2/>.
5. Истина по-бастрыкински. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/istina-po-bastrykinski/>.
6. Головкин Л. Истина в уголовном процессе. Событие. Комментарии экспертов // Закон. 2012. № 2.
7. Печников Г. А., Глебов В. Г. Законопроект Следственного комитета России об институте установления объективной истины по уголовному делу и состязательности УПК РФ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonoproekt-sledstvennogo-komiteta-rossii-ob-institute-ustanovleniya-obektivnoy-istiny-po-ugolovnomu-delu-i-sostyazatelnyu-upk-rf>.
8. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту : Издательство Тартуского университета, 1990.
9. Петрова О. В. Объективная истина и гарантия ее установления в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2000.
10. Бастрыкин А. И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29.
11. Фаизова К. В. Институт объективной истины в уголовном судопроизводстве: за или против? // Российская юстиция в XXI веке. 2019. № 3. С. 985–991.
12. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2021.

Муратова Э. Ю.¹,

доцент отделения экономических и юридических наук

Елабужского института

Казанского (Приволжского) федерального университета,

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РАМКАХ ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Процесс доказывания заключается в установлении обстоятельств по делу с помощью имеющихся сведений, которые должны быть удостоверены на основании ст. 85 УПК РФ. Но это «классическая» схема процесса доказывания, которая предусматривает сбор доказательственной информации на территории Российской Федерации и в порядке, предусмотренных Российской Федерацией, исследование доказательств относительно соответствия процессуальной формы и т. п. и оценку доказательств.

Анализ исследованных материалов при расследовании преступлений, требующих процессуальных действий на территории иностранного государства, внесенных запросов о правовой помощи часто свидетельствует о том, что не все элементы доказывающего процесса всегда работают. Уполномоченные субъекты, исполняющие запрос, как правило, только отыскивают и фиксируют доказательственную информацию.

Возникает вопрос: изменится ли схема процесса доказывания по делам, доказательства по которым собраны в соответствии с поручением о международной правовой помощи, за пределами Российской Федерации?

Ответить на него можно, рассмотрев условия получения доказательственной информации.

1. В случаях, когда доказательства по уголовному делу собраны в соответствии с международным договором, на территории другой страны с использованием уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [1, с. 68–69], процесс доказывания будет проходить по указанной «классической» схеме.

2. В случаях, когда доказательства по уголовному делу собраны в соответствии с международным договором, на территории другой страны компетентными должностными лицами (органами) соответствующей страны с использованием законодательства этой страны [2, с. 93].

В данной статье мы уделим внимание второму варианту. Он предусматривает направление запроса о международной правовой помощи компетентному учреждению иностранной страны. Компетентное учреждение иностранной страны, в соответствии с двух- или многосторонним соглашением с Российской Федерацией, выполняет указанное поручение и проводит процессуальные, в том числе и следователи, запрашиваемые действия. Процессуальные действия производят должностные лица компетентного органа, выполняющего поручения согласно

¹ © Муратова Э. Ю., 2025.

законодательству своей страны. При этом фактически производится выполнение первых двух элементов процесса доказывания – сбор доказательств и исследование доказательств. При этом оценка доказательств производится частично. После этого материалы передаются в Российскую Федерацию. Следователь, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, должен осуществлять процесс доказывания. Процесс сбора доказательств уже выполнен зарубежными субъектами уголовного процесса, также проведена проверка доказательств, так как процесс доказывания является комплексным понятием и указанные элементы определенным образом переплетаются.

Следователь находится в ситуации, когда нужно проводить процесс доказывания, а доказательства, поступившие ему по результатам исполненного международно-правового поручения по уголовному делу, обнаружены, зафиксированы, осмотрены и т. д. в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством иностранной страны ее должностными лицами. Статья 74 УПК РФ отмечает перечень лиц, осуществляющих процесс доказывания по уголовному делу. Это прокурор, следователь и лицо, производящее дознание. Так как оценка доказательств является элементом процесса доказывания, в ст. 88 УПК РФ, круг субъектов, которые могут проводить оценку доказательств, дублируется в соответствии с указанной статьей. На основании изложенного можно заключить: проводить проверку и оценку доказательственной информации, полученной в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством иностранной страны должностными лицами этой страны, должны должностные лица Российской Федерации перечисленные в УПК РФ. В противном случае будет наличие существенного нарушения процессуальной формы.

В аспекте изучаемой проблемы нас интересуют такие элементы доказывания, как проверка и оценка доказательств, которые мы рассмотрим более подробно. Проверка доказательств носит характер осознания его сущности и информационного значения. Проверка доказательств и их источников равнозначна их исследованию – элементу процесса доказывания. Целью такой проверки является определение их доброкачественности, достоверности, полноты, законности средств получения [3, с. 173].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что проверка доказательственной информации при расследовании уголовного дела осуществляется лицом, производящим дознание, органом дознания, следователем, прокурором или судом Российской Федерации независимо от того, законодательство какой страны применялось для получения такой информации.

Но необходимо отметить, что при исследовании доказательственной информации, полученной за пределами Российской Федерации с применением иностранного законодательства, процедура исследования, кроме проверки, также должна включать в себя такие обязательные элементы, как: обзор материалов, поступивших с указанием их особенностей с участием специалиста по международному праву; назначение соответствующей экспертизы по этим предметам или документам.

Это обуславливается некоторыми факторами, которыми нельзя пренебрегать при расследовании уголовного дела:

- разнообразием и многогранностью уголовно-процессуальных зарубежных систем права, по которым проводилось процессуальное действие;
- разными требованиями, предъявляемыми соответствующим государством к работникам (должностным лицам) учреждения, проводившим процессуальные действия [4, с. 54];
- наличием собственного уголовно-процессуального законодательства, согласно которому проводится расследование и рассмотрение в суде уголовного дела;
- наличием принципов, процессуальной формы и процессуальных гарантий уголовного процесса.

Поэтому, при получении материалов выполненного поручения о международной правовой помощи, следователь должен провести осмотр полученных документов в соответствии со УПК РФ.

В случае, когда при совершении процессуальных действий за пределами Российской Федерации присутствуют представители компетентного органа Российской Федерации, который ведет расследование уголовного дела и при этом применяется законодательство иностранной страны, ситуация видится несколько более простой, чем во втором варианте: представители России свидетельствуют о своем присутствии и ход проведения процессуального действия своими подписями могут с разрешения лица, проводящего следственное действие, задавать вопросы допрашиваемому лицу или несколько корректировать ход следственного действия. При проведении процессуального действия они выступают в качестве специалистов или представителей Российской Федерации (следователей или органов дознания). Также при проведении исследования доказательств в Российской Федерации следователь может допросить этих лиц в качестве свидетелей, также к уголовному делу прилагаются другие документы.

Начиная оценку фактических данных, полученных из другой страны, субъект доказывания, прежде всего, определяет ее принадлежность к обстоятельствам уголовного дела. Как мы помним, принадлежность доказательства определяется в соответствии с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, а также с учетом особенностей использования прямых и побочных доказательств. Если при этом установить, что доказательство не принадлежит делу, то его дальнейшая оценка нецелесообразна.

Проанализировав некоторые международные соглашения, касающиеся проведения оперативно-розыскных мероприятий за границей на основании запроса правоохранительных органов Российской Федерации, мы приходим к конкретному выводу. Так, Соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в ст. 1 закрепило следующее положение: «Стороны в соответствии с законодательством своих государств... осуществляют сотрудничество в следующих формах:

б) проведение по запросам Сторон оперативно-розыскных мероприятий...».

Также, следственные действия, подлежащие выполнению по международному следственному поручению, должны быть предусмотрены законодательством обеих стран (запрашивающей и запрашиваемой), так как если поручение

содержит процедуру, не предусмотренную законодательством запрашиваемой страны, то она расценивается как противоречащая ее внутреннему законодательству и отклоняется. Страна – исполнитель поручения также не может самостоятельно принимать процессуальные решения по уголовному делу, которое расследуется в Российской Федерации. Поэтому если вместе с выполненным международным следственным поручением поступает доказательная информация, полученная путем проведения следственных действий, не предусмотренных УПК РФ, она признается недопустимой для использования в качестве доказательства в уголовном процессе Российской Федерации.

Определяя достоверность изъятых при проведении следственных действий (обыска, выемки, осмотра или других) предметов или документов, о которых идет речь в протоколе проведения соответствующего следственного действия, следует выяснить их наличие – они должны прилагаться к протоколу. Следователь или суд, получив такие материалы, должны убедиться в том, что прилагаемые предметы являются именно теми, которые изъяты во время проведения соответствующего следственного действия [5, с. 263]. Это достигается путем изучения протокола следственного действия, описания изъятых вещей, упаковки и печатей, которыми они скреплены.

Исследуя и оценивая доказательную информацию, полученную за пределами России, следует учитывать некоторые особенности. Так, распространенной ошибкой следователей является некритический подход к доказательствам, полученным органом дознания на начальном этапе расследования. В данном случае следователь не оценивает их допустимость и не проверяет их, хотя в этом есть необходимость [6, с. 31–32]. Это в полной мере относится к доказательствам, полученным на основании международного следственного поручения за границей.

Проверяя и проводя оценку вещественных доказательств, которые изъяты за пределами Российской Федерации, касаются уголовного дела и переданы Российской Федерации для использования в уголовном судопроизводстве, следует отметить следующее.

В соответствии со ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами являются предметы, являвшиеся орудием совершения преступления, сохранившие на себе следы преступления или являющиеся объектом преступных действий, деньги, ценности и другие вещи, найденные преступным путем, и иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

После передачи предмета компетентным органом иностранной страны следователь должен отразить это в материалах уголовного дела и установить признаки, отличающие вещественные доказательства от других источников доказательств. Под такими признаками понимается следующее:

- информация, имеющая отношение к делу, отражена на предмете (документе) не в момент производства следственного (судебного) действия, а вне рамок уголовного процесса;
- в процесс отображения на предмете или документе сведений, имеющих отношение к делу, не вовлечено сознание человека;
- предмет или документ содержит признаки, закрепленные в ст. 78 УПК РФ.

После установления указанных признаков вещественного доказательства необходимо провести подробный осмотр предмета (документа) независимо от наличия протокола осмотра, составленного компетентным органом иностранного государства с соблюдением процессуального законодательства Российской Федерации, провести фотографирование предмета в разных ракурсах с возможностью различения их индивидуальных признаков. Желательно использовать видеофиксацию. Такая процедура необходима для возможного опознания. Предметы следует соответствующим образом упаковать.

После проведения указанных действий обязательно необходимо вынести постановление о признании предметов вещественными доказательствами и присоединении их к уголовному делу в соответствии с ч. 1 ст. 79 УПК РФ.

При передаче предметов на определенный указанный срок необходимо обязательно указать срок их возврата.

Предметы, изъятые из обращения страны, передаче иностранному государству, как правило, не подлежат и по ходатайству могут быть переданы копии процессуальных документов, содержащих необходимые сведения об этих предметах [7, с. 306], с добавлением фотоснимков.

При исследовании протоколов следственных и судебных действий следует обращать внимание на надлежащее оформление указанных документов.

Следует отметить положительный опыт совместной следственно-оперативной группы Следственного комитета Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по формированию единой доказательственной базы при расследовании уголовных дел о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. Ратифицировано также соглашение о порядке создания и деятельности совместных оперативно-следственных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 2015 г., закрепляющее функции руководителя совместной следственной группы по урегулированию вопросов хранения и передачи вещественных доказательств. Кроме того, заключены ряд соглашений, многосторонних международных договоров, по которым Следственный комитет Российской Федерации является компетентным органом по взаимодействию с компетентными органами иностранных государств, международными организациями.

Список литературы

1. Евдокимов В. Б., Михайленко К. Е. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам на примере стран СНГ. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
2. Клевцов К. К. Основные формы, виды и направления международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 1 (35). С. 91–98.
3. Боруленков Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) : монография / под науч. ред. В. Н. Карташова. М. : Юрлитинформ, 2016.

4. Ковчун Т. В. Проблемные аспекты реализации механизма международного сотрудничества по уголовным делам // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2022. Т. 12. № 1. С. 53–59.

5. Бутырцева И. В. Развитие института международного сотрудничества в правовой регламентации международной правовой помощи по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 6А. С. 260–268.

6. Муратов К. Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2023.

*Нгуен Ань Туан¹,
доцент Юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности Вьетнама,
кандидат юридических наук*

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЬЕТНАМА

Обеспечение права обвиняемого на защиту является одним из основных в уголовном судопроизводстве, признанным во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международной конвенции о гражданских и политических правах 1966 г., а также в Конституциях многих стран. Статья 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит следующее: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом на публичном суде, где этому лицу гарантируются необходимые условия для защиты».

В уголовном судопроизводстве право на защиту тесно связано с функцией защиты, а также с деятельностью судебных органов. Практика показывает, что везде, где присутствует судебная деятельность, имеется и деятельность по защите интересов стороны, которой обвиняют. Исследование такой практики в историческом аспекте позволяет установить изменение подходов в вопросах защиты интересов обвиняемого, разработать рекомендации по совершенствованию существующего правового регулирования.

Рассмотрим подробнее генезис и развитие норм о праве обвиняемого на защиту.

Защита в период феодализма во Вьетнаме выражалась в возможности подать жалобу в суд. Стоит заметить, что аналогичный механизм присутствовал во многих странах, вне зависимости от культурных и институциональных особенностей, политического режима. Самый ранний по времени принятия и сохранившийся до наших дней правовой акт, регулирующий правоотношения в уголовно-правовой сфере, является Уголовный кодекс династии Ле, датированный примерно началом XV в. В главе «Приговор (суд)» данного Кодекса законодателями принят ряд законов, регулирующих вопросы, связанные с правом обвиняемого на защиту. Статья 667 рассматриваемого Уголовного кодекса гласит: «При получении устных показаний от преступников следователь обязан тщательно провести расследование, выяснить истину и дать правонарушителю возможность признаться». Допросы и иные следственные действия преследуют одну лишь процессуальную цель: «установление истины», а для ее установления должностные лица имеют право применять к обвиняемому насильственные меры (пытки) и добиваться от обвиняемого признания.

¹ © Нгуен Ань Туан, 2025.

Так, вьетнамское законодательство в эпоху феодализма подчеркивало приоритет публичных интересов над частными, а защита публичного интереса является конечной целью судебного разбирательства. К правам человека при таких обстоятельствах не уделялось должного внимания.

Вышеизложенного не свидетельствует о том, что истина устанавливалась исключительно путем применения пыток и признания подследственным совершения преступления, поскольку под пытками многие могли признать себя виновными даже в том, что не совершали. Признавая это, вьетнамские законодатели установили возможность обвиняемым защищать себя. Так, ст. 687 Уголовного кодекса гласила: «Те, кто считает действия, предпринятые в ходе следствия, несправедливыми, имеют право обжаловать их путем подачи иска в суд. Если факт жалобы не подтвердится, наказание для заявителя составит 30 ударов плетью».

С учетом рассмотренных положений представляется возможным сделать вывод о том, что вьетнамское законодательство косвенно признает следующее: обвиняемый (и впоследствии осужденный) имеет право не признавать себя виновным, т. е. право не соглашаться с обвинением истца и органов государственной власти; обвиняемый имеет право «высказать свое мнение», что означает право давать показания исходя из собственной позиции и видения обстоятельств уголовного дела; обвиняемый имеет право неоднократно подавать жалобы и имеет право опровергать позицию противоположной стороны, чтобы защитить свои права и законные интересы. Вместе с тем установление возможности применения наказаний в виде 30 ударов плетью в случае неподтверждения доводов, отраженных в жалобе, существенным образом ограничивает свободу обжалования, а также право на защиту в целом.

В целях обеспечения права обвиняемого на защиту вьетнамское феодальное законодательство содержит положения, позволяющие обвиняемому просить о передаче дела в другой судебный орган и заменить судью. Так, статья 688 Уголовного кодекса гласит: «Если на основании жалобы дело передано на повторное рассмотрение, оно направляется в другой суд». В ст. 689 Уголовного кодекса говорится более конкретно: «Те, кто предъявляют жалобу, и те, кто защищается от нее, должны быть преданы Суду для допроса; Если будет сочтено разумным, ее могут передать в другой суд».

Таким образом, несмотря на то что официально вьетнамское феодальное право не признает права на защиту, в действительности оно косвенно признавало и гарантировало его. Содержание права обвиняемого на защиту ограничено возможностью подачи жалобы и объяснением того, почему лицо является несправедливо обвиненным. Обвиняемый должен реализовать свое право на защиту, в том числе заявлять о своей невиновности, самостоятельно. Ему не разрешается просить других лиц защищать его своего имени или помогать им в защите. В этой связи под защитой понимается самооборона обвиняемого. Учитывая изложенное, говорить о формировании организации профессиональной судебной помощи, созданной для защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, не представляется возможным.

Обеспечение права обвиняемого на защиту в современном уголовно-процессуальном праве Вьетнама.

История Вьетнама в современный период пережила множество взлетов и падений, а также серьезных реформ в судебной системе. Наиболее значимым достижением уголовной политики современного периода развития уголовно-процессуального законодательства является право обвиняемого на защиту, официально признанное законом, становление и развитие института адвокатуры.

Документом, имеющим важное юридическое значение после установления во Вьетнаме демократического республиканского режима (2 сентября 1945 г.), является Конституция 1946 г., состоящая из семи глав и 70 статей. Глава VI именуется «Судебный орган», которая закрепляет основные принципы уголовного судопроизводства, в том числе принцип, согласно которому «Подсудимый имеет право защищать себя с помощью предусмотренных Законом средств» (ст. 67). Благодаря этому предписанию право на защиту получило официальное закрепление в правовом акте, имеющем высшую юридическую силу. При этом четко определено и содержание права на защиту, выражающееся и в том, что обвиняемый (подсудимый) может защищать себя самостоятельно и просить об этом другое лицо. В целях обеспечения права на защиту в соответствии с положениями Конституции 1946 г. в Демократической Республике Вьетнам издан Указ от 18 июня 1949 г. № 69/SL, позволяющий обвиняемому обращаться с просьбой о представительстве к гражданам, не являющимся адвокатами. Такое решение открывает путь к расширению круга лиц, которые могут выступать в качестве защитников, включив в него не только адвокатов, но и общественных защитников и других лиц.

С 1945 г. по настоящее время во Вьетнаме было принято пять Конституций (1946 г., 1959 г., 1980 г., 1992 г. и 2013 г.). Все эти нормативные акты признают право обвиняемого на защиту. В частности, ч. 4 ст. 31 действующей Конституции Вьетнама четко определяет содержание права на защиту с весьма широкими рамками. Так, «Лица, задержанные, заключенные под стражу, иным образом подвергнутые уголовному преследованию и суду, имеют право защищать себя или просить адвоката или иных лиц представлять их интересы». Для конкретизации этой нормы в ст. 16 УПК 2015 г. указано, что должностные лица, в производстве которых находится уголовное дело, несут ответственность за разъяснение права на защиту, обеспечение полной реализации обвиняемыми, потерпевшими своего права на защиту в соответствии с положениями настоящего Кодекса.

В дополнение к упомянутому выше общему принципу права на защиту отметим, что в действующем УПК Вьетнама предусмотрена глава V, которая посвящена положениям о защите, в частности, дается определение защитника; лиц, которые могут выступать в качестве защитника, а также лиц, которые допускать к защите недопустимо. Согласно ч. 1 ст. 72 УПК защитником признается лицо, которому поручена защита обвиняемого по его просьбе или по решению органа, в производстве которого находится уголовное дело. Защитником может быть адвокат, представитель обвиняемого, общественный защитник или помощник юриста. Один человек может защищать нескольких обвиняемых по одному и тому же делу, если их права и интересы не противоречат друг другу. Кроме того, допускается защита интересов одного лица несколькими адвокатами.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает отдельные права защитника, в частности:

- 1) встречаться с обвиняемым и опрашивать его;
- 2) присутствовать при получении показаний от задержанных или заключенных под стражу лиц, а также при допросе обвиняемого; при согласии лица, в производстве которого находится уголовное дело, задавать вопросы подзащитному в ходе производства следственного действия;
- 3) присутствовать при производстве очной ставки, предъявления для опознания, опознания по голосу и других следственных действиях в соответствии с положениями УПК;
- 4) быть заблаговременно уведомленным компетентным органом, в производстве которого находится уголовное дело, о времени и месте допроса, а также о времени и месте производства других следственных действий в соответствии с положениями УПК;
- 5) ознакомиться с протоколом судебного заседания с участием подзащитного;
- 6) требовать об отводе лица, в производстве которого находится уголовное дело, эксперта, специалиста, переводчика; ходатайствовать об изменении или отмене мер принуждения;
- 7) ходатайствовать о производстве следственных действий в соответствии с УПК; о вызове свидетелей, других участников процесса;
- 8) собирать и представлять доказательства, документы, предметы;
- 9) осматривать, оценивать и представлять заключения по соответствующим доказательствам, документам и предметам, требовать от лица, в производстве которого находится уголовное дело, проведения экспертизы, оценки;
- 10) требовать от компетентных проведения дополнительных или повторных экспертиз;
- 11) ознакомливаться с процессуальными документами, копировать их по окончании расследования;
- 12) участвовать в судебных действиях и прениях в суде;
- 13) подавать жалобы на процессуальные решения и действия органов и лиц, в производстве которых находится уголовное дело;
- 14) обжаловать приговоры или решения суда, если подзащитным является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста или имеющее психическую или физическую отсталость в развитии в соответствии с положениями УПК.

Вместе с тем УПК СВР предусматривает и обязанности защитника, в частности:

- 1) использовать все предусмотренные законом меры для выяснения обстоятельств, в защиту интересов обвиняемого, а также обстоятельств, смягчающих их уголовную ответственность;
- 2) оказывать помощь обвиняемым в защите их прав и законных интересов;
- 3) не отказываться от защиты обвиняемого, являющегося доверителем, за исключением случаев непреодолимой силы или объективных препятствий;
- 4) уважать правду; не подкупать, не принуждать и не подстрекать других делать ложные заявления или предоставлять подложные документы;

5) являться по вызову Суда. В случае назначения защитника в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 76 УПК Вьетнама он обязан являться по требованию органа расследования и прокуратуры;

6) не разглашать сведения, составляющую следственную тайну при осуществлении своей защиты; не использовать имеющиеся материалы уголовного дела в целях ущемления интересов государства, общественных, прав и законных интересов органов, организаций и частных лиц;

7) не разглашать сведения об обвиняемом, которые стали известны в ходе осуществления защиты, за исключением случаев, когда доверитель дает на это письменное согласие, а также не использовать их в целях ущемления интересов государства, общества, прав и законных интересов органов, организаций и частных лиц.

Наряду с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, в процессе судебной реформы государство Вьетнам уделяет большое внимание разработке законов об адвокатуре и связанных с ними законов, обеспечивающих права адвокатов на защиту обвиняемых в целях совершенствования институтов адвокатуры, обеспечения надлежащего осуществления адвокатами своих прав, конкретизации обязанностей и ответственности в соответствии с положениями закона».

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что признание и обеспечение права обвиняемого на защиту в уголовно-процессуальном праве происходит неравномерно, зависит от политического режима и уголовной политики. На протяжении длительного времени вьетнамское законодательство неустанно совершенствовалось, стремясь к обеспечению справедливости, повышению гарантий прав и законных интересов человека в уголовном судопроизводстве. Стоит признать, что действующая уголовная политика государства развивается в верном направлении, способном учитывать интересы различных сторон в уголовном судопроизводстве.

Панфилов П. О.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства имеет давнюю историю. Однако период 60–80-х гг. прошлого века является одним из наиболее ярких, что обусловлено принятием целой серии международных правовых актов, закрепивших ценности, которые до настоящего времени своей актуальности не теряют.

Так, в обозначенный период С. В. Бородин и Е. Г. Ляхов писали о значимости выработки международных пактов о правах человека, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. и вступивших в силу в 1976 г.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах. Несмотря на то, что пакты не предоставляли непосредственных прав индивидам, они устанавливали взаимные обязательства государств по предоставлению таких прав, содержали юридически значимые положения для их участников. Какие права гарантировались этими документами: право на эффективные средства правовой защиты; запрет пыток и жестокого обращения; при рассмотрении предъявляемого обвинения быть уведомленным на языке, которым он понимает о характере и основаниях предъявляемого уголовного обвинения, быть судимым без неоправданной задержки, иметь достаточное время для подготовки своей защиты, допрашивать показывающих против него свидетелей, не быть принужденным к даче показаний [1, с. 150].

Кроме того, в 60–80-е гг. XX в. деятельность органов юстиции касалась ряда международных соглашений, направленных на борьбу с военными преступлениями и преступлениями против мира и человечества: Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества. Обосновывалась необходимость подготовки исследования, которое может привести к разработке принципов, направленных на защиту лиц, пострадавших в деятельности органов предварительного расследования [1, с. 151].

С. В. Бородин и Е. Г. Ляхов отмечали, что каждый документ разрабатывался длительное время различными органами системы ООН, и в первую очередь теми, которые рассматривают вопросы международного содействия обеспечению прав человека [1, с. 151].

¹ © Панфилов П. О., 2025.

В целом период 60–80-х гг. несмотря на непростые взаимоотношения государств НАТО и ОВД отличался принятием большого количества международных актов, направленных на обеспечение прав человека при осуществлении деятельности органов уголовной юстиции.

Между тем, уже тогда С. В. Бородин и Е. Г. Ляхов отмечали, что страны Запада пытаются расширить свое влияние за счет включения различного рода стандартов и норм в национальное законодательство государств, освободившихся от колониальной зависимости. Однако международные стандарты должны применяться в различных регионах и странах в полном соответствии с имеющимися там правовыми традициями и культурой [1, с. 171–172].

Несмотря на высокие результаты правовой работы в сфере международной уголовной юстиции следует констатировать, что период 60–80-х гг. прошлого века характеризовался непростой международной обстановкой, условиями Холодной войны, что продемонстрировано Е. Г. Ляховым на примере тех непростых условий, в которых работали участники VI Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [5].

Между тем, современное состояние международных отношений позволяет констатировать, что уроки противодействия, складывающегося в период Холодной войны не учтены, а по некоторым аспектам сотрудничества ситуация ухудшается так, как никогда.

В настоящее время тенденции, складывающиеся в отношениях по линии международного взаимодействия, характеризуются скорее понятием «конфронтация», «соперничество», «противодействие», а не сотрудничество.

Во-первых, это проявляется в показателях ответов на международные запросы. Так, с начала 2023 г. небезосновательное непредоставление ответов на запросы российских правоохранительных органов, направляемых по каналам Интерпола, затронуло целый ряд стран: США, Германии, Японии, Нидерландов, Великобритании (либо ответы не были получены, либо были получены единичные ответы). В одностороннем порядке приостановили взаимодействие без соответствующего уведомления Франция, Германия, Литва, Эстония, Польша, Черногория, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Португалия, Испания, Австралия (по данным Управления международного сотрудничества МВД России). Кроме того, снизилось количество направляемых и поступающих запросов об оказании правовой помощи при расследовании уголовных дел (как из/в страны СНГ, так и из/в страны дальнего зарубежья). Таким образом, динамика международного сотрудничества снижается, что вряд ли обусловлено снижением преступной активности.

Более того, конкретные примеры международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью прямо свидетельствуют о том, что базовые принципы игнорируются.

Так, в 2020 г. в Россию поступил запрос о Минюста США о выдаче некоего гражданина Д. С. Байера, обвинявшегося в убийстве, причинении телесных повреждений и насильственных действиях сексуального характера, фальсификации вещдоков и др. преступлениях. В выдаче Генеральной прокуратурой Российской

Федерации было отказано ввиду того, что при отсутствии договора о выдаче американская сторона не представила гарантий соблюдения принципа взаимности и указанный гражданин после его задержания и нахождения под стражей около девяти месяцев был отпущен [7, с. 85].

Более того, в настоящее время отмечается тенденция игнорирования компетенции государства в формате классического взаимодействия в рамках направления запросов о правовой помощи, отмеченная Л. В. Головкин. Так, американскими правоохранительными органами достаточно давно реализуется практика направления обращений к находящимся за рубежом предприятиям в обход традиционных каналов межгосударственного сотрудничества. При этом, как правило, государство, в том числе и до недавнего времени Россия, достаточно пассивно реагирует на попытки экстерриториального воздействия со стороны правоохранительных органов зарубежных государств на юридических лиц [2].

Самостоятельной тенденцией, является развитие надгосударственных организационно-правовых механизмов, направленных на ограничение суверенитета государств в реализации уголовно-процессуального воздействия. Так, уже сейчас Европейское бюро по борьбе с мошенничеством может проводить расследования хищения денежных средств во всех государствах, которые их получают из Фонда восстановления и устойчивости [8].

В свою очередь Европейская прокуратура расследует факты хищений из бюджета ЕС на территории всех государств, принявших ее юрисдикцию, без какого-либо согласования своих действий с компетентными органами и судом того государства, где проводится расследование. Так, уже имеются случаи проведения обыска европейской прокуратурой в жилище на территории стран ЕС, суды которых на производство обыска разрешения не давали [6]. Такой механизм выступает ничем иным как способом политического воздействия на государства, получающие денежные средства ЕС.

Актуализируется ситуация в сфере международного взаимодействия условиях проведения СВО и решений, принимаемых Международным уголовным судом.

Так, зарубежные исследователи и правоприменители обращают внимание на то, что права и свободы человека и гражданина принадлежат одинаково как гражданам экономически преуспевающих государств или государств, одержавших в свое время победу на поле боя в период Второй мировой войны, так гражданам государств со слабой экономикой и темпами развития независимо от их национальности и пола. Не делается исключений ни для тех, кто обвиняется в военных преступлениях, ни для тех, кто имеет статус воюющей стороны противника. Действительно, такое исключение противоречило бы всей философии права. Желание расправы может серьезно подорвать веру людей в справедливость и объективность закона [3, с. 63].

Этот тезис особенно подчеркивает политическую значимость действия в отношении военных преступников в рамках надлежащей правовой процедуры, с соблюдением всех ключевых принципов судопроизводства. Однако по каким правилам? И кто должен устанавливать эту правовую процедуру? Кто должен отвечать за выработку международной уголовно-процессуальной политики? И возможна ли такая уголовно-процессуальная политика в принципе?

Например, Международный уголовный суд, выступает ничем иным как средством реализации политических интересов, связанных с изоляцией государства за счет применения уголовно-процессуальной репрессии, используя возможности (силовые и юридические) той страны, которая приняла на себя соответствующие обязательства и при этом может не иметь собственного интереса в его исполнении и не иметь возможности преодолеть его исполнение законными средствами.

Верно отмечает В. Д. Зорькин, что Статут МУС не подписали и не ратифицировали многие страны мира, ввиду того что эти страны испытывают определенное – и, обоснованное, – недоверие к сложившейся системе международной юстиции [4].

В этом ключевая идея проблем международной юстиции: отсутствие субъекта, которому доверяют отправления правосудия. Так, С. В. Бородин и Е. Г. Ляхов писали, что, например, такое преступление как геноцид подлежит рассмотрению судом того государства, на территории которого было совершено деяние, что прямо предусмотрено в соответствующей Конвенцией [1, с. 152]. Между тем, доверие к национальным юрисдикциям, в условиях зависимости их от политической конъюнктуры снижается. В настоящее время констатируется кризис доверия как международным организациям уголовной юстиции, так и государственным.

При этом вопрос о правосудии в условиях международных конфликтов не снимается, а обостряется при сохранении тенденции политизации международных институтов уголовной юстиции.

Все осложняется невозможностью в настоящее время формирования единого органа международной юстиции в условиях отсутствия консенсуса по существу оценки ключевых общественно-политических процессов.

Таким образом, можно констатировать, что реализуется не международное сотрудничество, а международное соперничество в сфере противодействия преступности.

В этой ситуации могут быть следующие выходы:

- укрепление собственных политико-правовых позиций;
- создание различных интеграционных объединений, в рамках которых государства в целях взаимовыгодного сотрудничества берут на себя обязательства следовать отдельным требованиям в рамках строго определённой уголовно-процессуальной юрисдикции (пример ЕС и их Европейской прокуратуры и Бюро по борьбе с мошенничеством).
- двустороннее сотрудничество и его развитие;
- актуализация имеющихся механизмов.

Список литературы

1. Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М. : Международные отношения, 1983.
2. Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022.

3. Гордон Грегори. На пути к международной уголовной процедуре: стремления и ограничения надлежащей правовой процедуры. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=928908#paper-references-widget.
4. Зорькин В. Д. Право силы и сила права. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71>.
5. Ляхов Е. Г. Обсуждение на международном уровне проблем борьбы с преступностью (некоторые итоги Шестого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) // Советская Ассоциация международного права. М. : Наука, 1981.
6. Панфилов П. О. Столкновение наднациональной и национальной юрисдикций при проведении трансграничных расследований Европейской прокуратурой: опыт для ЕАЭС // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023.
7. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, С. Л. Нудель, О. И. Семькина. М. : Проспект, 2023.
8. Regulation (EU) 2021/241 // Official Journal of the European Union. 2021. L. 57. P. 17–75.

Сейфетдинова Е. И.¹,

*доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин
Московского гуманитарного университета,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК ОБРАЩЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ (ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ПРЕСТУП- ЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК ОБРАЩЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ)

Следственная практика последних пяти лет подтверждает тенденцию роста совершения преступлений с использованием огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (например, резонансные преступления в городе Керчи, в развлекательном центре «Крокус-Сити», террористические акты на территории Республики Дагестан, Чеченской Республики) [1]. С применением огнестрельного оружия совершаются такие особо тяжкие преступления, как террористический акт, захват заложников, вооруженный мятеж, бандитизм, разбой, убийство, угон воздушного судна. Общественная опасность совершения преступлений с использованием огнестрельного оружия и боеприпасов заключается в том, что применение оружия позволяет преступникам облегчить достижение поставленных целей, парализует волю потерпевшего к оказанию сопротивления, сопряжено с причинением смерти потерпевшему и очевидцам преступления, возможностью оказания вооруженного сопротивления в момент задержания. Организованные преступные группы используют огнестрельное оружие и взрывчатые вещества для устранения конкурентов, расширения сферы влияния, для организации собственной охраны. На руках у граждан России в обращении находится более 17 млн единиц гражданского огнестрельного оружия [2].

Действующий УК РФ предусматривает группу составов преступлений, посягающих на установленный порядок оборота огнестрельного оружия (ст.ст. 222–226). Расследование данной категории уголовных дел отнесено к компетенции следователей органов внутренних дел. При квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом оружия необходимо пользоваться Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Объектом преступления выступают общественные отношения по обеспечению безопасности в сфере оборота огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Под оборотом оружия понимаются действия по производству, изготовлению, хранению и обороту огнестрельного оружия, боеприпасов

¹ © Сейфетдинова Е. И., 2025.

и взрывчатых веществ. Предметом преступления выступает огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества. Под огнестрельным оружием понимаются устройства, конструкции, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда [3]. Под оборотом огнестрельного оружия понимаются действия, связанные с изготовлением, переделкой, перевозкой, хранением, сбытом, ношением огнестрельного оружия.

По смыслу ст.ст. 222–226 УК РФ под понятие «огнестрельное оружие» не подпадают учебное, сигнальное, стартовое, строительно-монтажные образцы оружия, которые конструктивно не приспособлены для производства выстрела с поражаемым элементом. Списанное боевое огнестрельное оружие также не подпадает под понятие «огнестрельное оружие». Способ изготовления оружия значение для квалификации не имеет, главное, чтобы изготовленный предмет обладал основными признаками оружия. Соответственно, под понятие «боеприпасы» не относятся травматические, светозвуковые, сигнальные, охлажденные, строительно-монтажные патроны, у перечисленных видов патронов отсутствует поражающий элемент.

Имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам. Уголовная ответственность за оборот взрывных веществ и взрывных устройств предусмотрена ст.ст. 222.1, 223.1 УК РФ [3]. При расследовании уголовного дела, связанного с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, обязательно назначение судебно-баллистической и взрывотехнической экспертизы. Отсутствие заключения эксперта исключает возможность признать предмет преступления огнестрельным оружием или взрывчатым веществом. В заключении эксперта обязательно должно быть отмечено, что на момент совершения преступления оружие было пригодным для производства выстрела, а взрывчатое вещество или взрывное устройство было пригодным для совершения взрыва.

Согласно ФЗ «Об оружии», оборот боевого огнестрельного оружия исключен из гражданского оборота, а оборот гражданского огнестрельного оружия носит ограниченный характер. Особо следует отметить, что газовое, травматическое, огнестрельное оружие ограниченного поражения и патроны к ним не относятся к предмету преступления по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Оборот перечисленных видов оружия относится к предмету преступления по ч. 4 ст. 222 УК РФ [5]. Уголовная ответственность за действия с длинноствольным охотничьим оружием, огнестрельным оружием ограниченного поражения, газовым оружием, пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж образуют состав преступления только в случае сбыта, в остальных случаях оборот перечисленных видов оружия влечет административную ответственность по ст. 20.8 КоАП РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, выражается в совершении действий, перечисленных в законе: приобретение, передача, хранение, сбыт, перевозка, ношение огнестрельного оружия или его основных частей. Объективная сторона охватывает как совершение виновным одного,

так и нескольких из перечисленных действий. Приобретение огнестрельного оружия означает его покупку, принятие в дар, находку, уплату в качестве стоимости покупаемого имущества. Незаконная передача оружия означает предоставление оружия лицу, который не имеет правовых оснований для его получения. Передача оружия может быть осуществлена на определенный срок или бессрочно самим пользователем оружия или через посредника. Под хранением оружия понимается перемещение и оставление оружия в специально оборудованных местах, которые исключают доступ посторонних лиц к оружию. При хранении оружия виновный продолжает фактическое владение оружием. Перевозка оружия означает перемещение оружия в пространстве любым способом на любое расстояние. Если лицо перевозит огнестрельное оружие, не осознавая данного факта, например, будучи курьером перевозит посылку, то состав преступления исключается. Ношение огнестрельного оружия означает, что оружие находится при виновном, в том числе и во время нахождения виновного в транспортном средстве. Сбыт огнестрельного оружия предполагает все возможные способы незаконного отчуждения оружия в пользу приобретателя. Если оружие находилось у лица в служебном пользовании, и он его сбывает покупателю, то содеянное подлежит квалификации по ст. 226 УК РФ. По конструкции состав преступления формальный, преступление признается оконченным с момента совершения одного из перечисленных действий.

Субъект преступления общий: физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. К квалифицирующим признакам следует отнести:

- совершение группой лиц по предварительному сговору, т. е. два и более лица заранее, до начала совершения преступления договорились о совместном совершении преступления;
- совершение преступления организованной группой означает, что два и более лица объединились в устойчивую преступную группу для совершения тяжких и особо тяжких преступлений;
- совершение преступления лицом с использованием служебного положения, то есть лицо использовало свои полномочия, форменную одежду, служебные документы для совершения действий, образующих незаконный оборот огнестрельного оружия;
- совершение преступления с использованием сети Интернет, т. е. виновный использует возможности цифровых технологий для быстрого и анонимного оборота огнестрельного оружия.

Часть 7 ст. 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за противоправный сбыт гражданского огнестрельного и холодного оружия. Остальные действия с данным видом оружия образуют административный деликт и влекут административную ответственность. Состав преступления предусматривает основание освобождения от уголовной ответственности, если добровольно сдаст незаконно имеющееся у него огнестрельное оружие в правоохранительный ор-

ган. Но необходимо отметить, что данное основание уже не применимо при производстве следственных действий, либо в случае задержания подозреваемого с личным, когда при нем находилось оружие.

Расследование составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 222–226 УК РФ отнесено к подследственности дознавателей и следователей органов внутренних дел. Для возбуждения уголовного дела, связанного с незаконным оборотом огнестрельного оружия, необходимо получить заключение эксперта о том, что изъятый предмет является огнестрельным оружием пригодным для производства выстрела. После чего делается запрос в лицензионно-разрешительную службу Росгвардии на предмет выдавалась ли лицензия на изъятое оружие, получают объяснения от лица, у которого обнаружено оружие, от очевидцев. Перечисленное будет служить основанием для возбуждения уголовного дела, а в качестве повода для возбуждения уголовного дела выступит рапорт сотрудника об обнаружении и изъятии оружия. После возбуждения уголовного дела, дальнейшее расследование будет осуществляться в зависимости от сложившейся следственной ситуации. В ходе расследования обязательно должно быть установлено какое деяние, охватывающее оборот огнестрельного оружия, совершил виновный, также подлежат установлению обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания. Оружие, патроны, пули подлежат проверке по системе криминалистических учетов АБД «Оружие» для установления их законного владельца, причастности оружия к другим совершенным преступлениям. В ходе предварительного расследования выдвигаются первоначальные версии, осуществляется сбор доказательств, производится розыск и задержание подозреваемого. Из следственных действий обязательно проводится осмотр места происшествия, осмотр оружия и боеприпасов с привлечением к осмотру специалиста. При производстве осмотра места происшествия необходимо принять целенаправленные действия по обнаружению спрятанного оружия, которое чаще всего прячется преступником по пути отхода с места происшествия (мусорные баки, подвалы, водоемы). После осмотра оружие должно быть упаковано, опечатано печатью следователя и направлено для производства экспертизы. У задержанного изымается одежда, делаются смывы рук для обнаружения следов выстрела.

В ходе допроса подозреваемого выясняется принадлежность оружия, как оно попало в руки подозреваемого, какие преступления были совершены подозреваемым с использованием оружия, является ли он участником организованной группы. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества в соответствии со ст. 81 УПК РФ признаются вещественными доказательствами по уголовному делу. Установление и привлечение лица в качестве обвиняемого будет свидетельствовать о том, что преступление раскрыто, уголовное дело приобретет судебную перспективу. В противном случае уголовное дело будет приостановлено, а виновное лицо избежит уголовной ответственности.

Список литературы

1. МВД РФ: число преступлений с использованием оружия и взрывчатки выросло за 2 месяца на 64 %. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/29/20086267.shtml>.
2. Сколько оружия находится на руках у россиян на 2019 год. URL: <http://ftimes.ru/237549-skolko-oruzhiya-nahoditsya-na-ruках-u-rossiyan-na-2019-god.html>.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (ред. от 11.06.2019) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/>.
4. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022.
5. Мальков С. М., Шеслер А. В. Преступления против общественной безопасности. Красноярск, 2022. С. 150.

Соколова М. В.¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ЦЕННЫЕ БУМАГИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Наложение ареста на имущество является одним из самых распространенных способов возмещения вреда потерпевшему, причиненного преступлением [2, с. 588]. В соответствии с п. 13.1 ст. 5 УПК РФ к имуществу относятся документарные ценные бумаги, а также бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии.

Как показывает правоприменительная практика решение вопроса о наложении ареста на ценные бумаги является наиболее затруднительным и требует специальных знаний в различных областях науки. Отношения, связанные с ценными бумагами, имеют свою специфику, так как законодательство и нормативные правовые акты, регламентирующие отношения на рынке ценных бумаг, имеют разветвленную систему правовых норм, которые регулируют порядок обращения с ценными бумагами, что способствует возникновению трудностей при наложении ареста на указанную категорию имущества в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования по уголовным делам.

В этой связи законодателем была выделена отдельная статья в УПК РФ, регулирующая наложение ареста на ценные бумаги (ст. 116 УПК РФ), в которой отражены лишь некоторые аспекты данного процесса. Тем не менее, на практике продолжают возникать проблемы, связанные с арестом ценных бумаг, поскольку многие сотрудники, занимающиеся предварительным расследованием, не обладают достаточными знаниями о сущности ценных бумаг. Отсутствие этой информации иногда приводит к неправильному заполнению процессуальных документов, что, в свою очередь, может вызывать как незаконное наложение ареста на ценные бумаги, так и полное отсутствие ареста.

Как показывает проведенное анкетирование сотрудников органов предварительного расследования, наложение ареста на ценные бумаги проводили только 2,6 % опрошенных, что свидетельствует о сложности в правоприменении данного института [4, с. 88].

Многие сотрудники практических подразделений не знают, какие категории ценных бумаг существуют и на какие из них следует налагать арест. О существовании ценных бумаг, которые не подлежат аресту знают только 21,3 % опрошенных сотрудников органов предварительного расследования, однако конкретный вид ценных бумаг им не известен. Опрос показал, что 41,2 % опрошенных и вообще не разбираются в институте ценных бумаг, в этой связи отказываются отве-

¹ © Соколова М. В., 2025.

чать на вопросы в анкете, посвященные ценным бумагам. Это еще раз свидетельствует о том, что сложности при наложении ареста на ценные бумаги возникают в большинстве случаев из-за недостаточного изучения законодательства Российской Федерации о рынке ценных бумаг, а также ряда иных нормативных правовых актов, связанных с ценными бумагами [4, с. 150].

В этой связи необходимо отметить, что участие специалиста при наложении ареста на ценные бумаги будет целесообразно, так как сотрудникам органов предварительного расследования требуется помощь в применении специальных знаний для установления вида ценных бумаг, их рыночной и номинальной стоимости и других признаков, необходимых для указания в протоколе наложения ареста на указанный вид имущества. По общим правилам при наложении ареста на имущество (ч. 5 ст. 115 УПК РФ) участие может принимать специалист, однако на наш взгляд, при наложении ареста на ценные бумаги участие специалиста должно носить обязательный характер. В этой связи целесообразно внести следующие изменения в УПК РФ и дополнить ч. 5 ст. 116 УПК следующим содержанием: «При наложении ареста на ценные бумаги участие специалиста обязательно» [3, с. 372].

Желание об участии специалиста при наложении ареста на ценные бумаги высказали 67,6 % опрошенных сотрудников органов предварительного расследования, что свидетельствует о практической значимости закрепления указанного положения в УПК РФ [4, с. 150].

Как было отмечено ранее, специфика наложения ареста на ценные бумаги вызывает сложности, как при поиске таких ценных бумаг, так и при составлении протокола указанной меры процессуального принуждения. Так, в ч. 3 ст. 116 УПК РФ указан перечень сведений, которые подлежат фиксации. Предметом дискуссии при этом выступают данные, в которых указаны сведения, в которых содержится информация о документе, подтверждающем право собственности на ценные бумаги, находящиеся под арестом. Например, в такие сведения могут входить: выписка из реестра владельцев ценных бумаг, выписка из реестра учета прав на ценные бумаги, информация из депозитарного счета, договор купли-продажи ценных бумаг и другие аналогичные документы [2]. Однако, с учетом индивидуальных особенностей некоторых видов ценных бумаг, получение указанных сведений органами предварительного расследования бывает невозможно, или же возможно частично. Так, согласившись с мнением О. Е. Михайловой [1, с. 157] и В. И. Ханжина [5, с. 161], необходимо отметить, что право собственности на ценные бумаги на предъявителя не могут свидетельствовать о наличии документов, подтверждающих указанное право.

Необходимо также подчеркнуть, что некоторые сложности на практике возникают у сотрудников органов предварительного расследования в момент составления протокола наложения ареста на ценные бумаги, а именно в той части, когда необходимо указать ее номинальную стоимость, о чем трактует п. 2 ч. 3 ст. 116 УПК РФ. Однако необходимо констатировать, что не все ценные бумаги обладают номинальной стоимостью. Указания на номинальную стоимость ценных бумаг содержатся в федеральных законах, регламентирующих оборот цен-

ных бумаг, таких как инвестиционный пай, ипотечный сертификат участия, российская депозитарная расписка, которые в свою очередь не обладают номинальной стоимостью, об обязательном указании которой говорится при наложении ареста на ценные бумаги.

Резюмируя вышеизложенное, важно подчеркнуть, что, хоть некоторые ценные бумаги и не имеют установленной номинальной стоимости, которую согласно п. 2 ч. 3 ст. 116 УПК РФ требуется указывать при составлении протокола об аресте, это не служит основанием для отказа в его оформлении. Данное мнение находит подтверждение в успешной судебной практике, связанной с наложением ареста на подобные виды ценных бумаг.

Проанализировав вышеизложенное, необходимо отметить, что для решения изложенной проблемы, на наш взгляд, сотрудникам органов предварительного расследования целесообразно в протоколе наложения ареста на ценные бумаги указывать рыночную стоимость данного вида ценных бумаг, которая может быть уточнена у специалиста в указанной области знаний или же получена от организации, регулирующей оборот этих ценных бумаг.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что институт ценных бумаг является очень сложным и малоизученным, что затрудняет наложение ареста на ценные бумаги, вызывая существенные сложности у сотрудников органов предварительного расследования при применении указанной меры процессуального принуждения.

Список литературы

1. Михайлова О. Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2009.
2. Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 «О направлении Методических рекомендаций "Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания"» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126986/.
3. Соколова М.В., Подустова О. Л. Проблемы наложения ареста на ценные бумаги в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 369–372.
4. Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2018.
5. Ханжин В. И. Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2006.

Соловьев С. А.¹,

научный сотрудник кафедры публичного права

Юридического факультета

Государственного академического университета

гуманитарных наук (ГАУГН), адвокат,

управляющий партнер АБ г. Москвы «СОСЛОВИЕ»,

кандидат юридических наук

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИНСТИТУТУ СТОРОНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Категория интереса в праве вообще [8–13] и интереса в уголовном судопроизводстве [14–19] в частности имеет весьма продолжительную научно-исследовательскую историю. Вместе с тем применительно и к заявленной теме, и к возможностям научной статьи как вида публикации нам бы хотелось затронуть лишь вопросы процессуально-правового соотношения между понятием стороны в уголовном судопроизводстве и комплексом частных и публичных интересов объективно в нем присутствующим.

Понятие сторон в уголовном судопроизводстве, в отличие от понятий частного и публичного интереса, имеет свое нормативное закрепление (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Столкновение защищаемого государством публичного интереса и интереса частного составляет существо уголовного дела [1, с. 318]. Соглашаясь с указанной формулой, и прежде чем говорить о соотношении публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве, попытаемся для начала определить их содержание (материальное и/или процессуальное), а затем через призму наполнения этих правовых категорий попробуем выявить взаимосвязь между субъектом, отстаивающим в уголовном процессе тот или иной интерес, с возможностью отнесения его к категории стороны в уголовном судопроизводстве.

Очевидно, что публичный интерес в уголовном судопроизводстве проистекает из его государственной природы [1, с. 3] и в основе своей обусловлен общественной опасностью деяния, запрещенного к совершению Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) под угрозой наказания. Нами поддерживается позиция о двойственной природе публичного интереса в уголовном судопроизводстве, содержащего в себе как процессуально-правовой, так и материально-правовой элемент.

Материально-правовая составляющая публичного интереса заключается в обеспечении неотвратимости наказания в отношении лица, совершившего преступление, а процессуально-правовая – в обеспечении этого результата уполномоченными органами государственной власти в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Здесь непременно стоит отметить, что процессуально-правовая составляющая публичного интереса не может не предусматривать обязательную защиту частного интереса в уголовном процессе, что

¹ © Соловьев С. А., 2025.

обусловлено той максимой, что «в уголовном процессе от функции защиты прав граждан вообще не может быть освобождён ни один государственный орган» [1, с. 324], а в обязанность государства в уголовно-правовой сфере входит максимальное оказание публично-правовой поддержки «правомерным частным интересам обвиняемого, поскольку правомерный частный интерес обвиняемого всегда совпадает с интересом публичным (добиваться осуждения только виновных лиц, исключить уголовную ответственность невиновных и т. п.) и а priori не может ему противоречить» [1, с. 329]. Аналогичной позиции придерживался в этом вопросе и М. С. Строгович, отмечавший, что «законный интерес обвиняемого... ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им соответствуют» [2, с. 74].

Схожий подход применим и к частному интересу потерпевшего по уголовному делу, который в большинстве случаев, не просто совпадает с публичным интересом, но и находится под защитой государственных органов, в которой сами потерпевшие всегда крайне заинтересованы, понимая безусловную зависимость качества защиты своих прав и законных интересов от соответствующей деятельности государства. В этой связи П. К. Барабанов, проводя сравнительное исследование позиции потерпевшего по УПК РФ и в Итальянской республике, отмечает, что потерпевший в Италии «не имеет самостоятельной цели, направленной на вынесение судебного решения, а роль пострадавшего сводится к присоединению к действиям прокурора, направленным на продвижение уголовного преследования» [3, с. 107].

При ближайшем рассмотрении такой подход к определению публичного интереса имеет очевидную корреляцию с положениями ст. 6 УПК РФ, определяющими назначение уголовного судопроизводства.

В научной дискуссии по этому вопросу предлагается отдельно выделять уголовно-процессуальный интерес [20–21], который, состоит в правовой возможности реализации субъектом уголовно-процессуальных правоотношений своих процессуальных прав в том числе для восстановления нарушенных прав [20, с. 15] и требует его «отстаивания в присутствии независимого арбитра – суда» [4, с. 279].

По справедливому замечанию Л. В. Головки [1, с. 318] спорность данного тезиса заключается в первую очередь в том, что в ходе сущностной реализации уголовного судопроизводства нет спора о процессуальных интересах, а существует исключительно материально-правовой спор о наличии в деянии состава преступления, установленного уголовным законодательством, и его совершения конкретным лицом (лицами). В какой-то мере о наличии уголовно-процессуального спора можно вести речь только в обособленных судебных процедурах, в которых, в частности, судом решается вопрос об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) конкретной меры пресечения, либо продления сроков ее действия. Возможное отнесение этого спора к категории уголовно-процессуальных обуславливается фактом принятия судом решения по нему исключительно на основании только тех требований, которые закреплены в уголовно-процессуальном законе, и недопустимости затрагивания вопросов, отнесенных

к стадии разрешения уголовно-правового спора по существу. Вместе с тем в широком смысле даже этот спор являет собой реализацию публичного интереса в уголовном судопроизводстве, где материально-правовая составляющая этого интереса (неотвратимость наказания) обеспечивается реализацией его процессуально-правовой составляющей через нормативно прописанную процедуру избрания судом в отношении обвиняемого меры пресечения (ст.ст. 1051, 106, 107, 108 УПК РФ) или продления сроков ее действия (ст. 109 УПК РФ). Частный интерес в таком виде спора а priori может выражаться только в буквальном соблюдении судом требований уголовно-процессуального закона, что гарантирует подозреваемому (обвиняемому) максимальную защиту его конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации), в том числе путем минимизации их ограничений во взаимосвязи с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, что вновь не формирует какого-то индивидуального частного интереса, не охватываемого публичным интересом в его широком смысле.

В этой связи решая вопрос о возможности присутствия в уголовном судопроизводстве частного интереса в его первичном, а не акцессорном значении, возникает необходимость в определении условий для этого. Очевидно, что в уголовных делах частного обвинения (гл. 41 УПК РФ) именно частный интерес выступает главным двигателем уголовно-правовой претензии. Отсутствие в делах этой категории государственного обвинителя обуславливает необходимость формулировки обвинения исключительно частным лицом (обвинителем) (ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК РФ), что во взаимосвязи с возможностью привлечения к уголовной ответственности только физического лица дает основание говорить о прямой демонстрации в уголовно-правовом споре частных интересов двух спорящих субъектов, имеющих общую самостоятельную цель, направленную на вынесение судебного решения. При этом данное судебное решение, по мнению спорящих, должно обеспечить достижение именно его частного интереса, который, в свою очередь, и является объектом, представляющим ценность в уголовно-правовом отношении, что дает основание согласиться с позицией, что «интерес – не абстрактное понятие, а совершенно определенная предметная категория» [5, с. 105].

Важным является также то обстоятельство, что каждый из участников указанного уголовно-правового спора, рассматриваемого в порядке частного обвинения, процессуально и фактически равноправен своему оппоненту, что в совокупности со всеми вышеуказанными признаками:

- 1) обеспечение реализации частного интереса через разделение функций спорящих;
- 2) процессуальное безвластное равноправие, формирующее состязательное начало в отправлении судопроизводства;
- 3) наличие функционально-беспристрастного арбитра в лице мирового судьи – дает основание для отнесения участников данного частного уголовно-правового спора к процессуально-правовой категории сторон в уголовном судопроизвод-

стве, то есть его участников, выполняющих в условиях судебного разбирательства на основе состязательности и равноправия сторон функцию обвинения (уголовного преследования) и защиты от обвинения.

При этом дела данной категории не лишены и публичного интереса, который в отличие от основной массы уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения в его материально-правовой компоненте обеспечивается деятельностью частного обвинителя, а в процессуально-правовой – мировым судьей.

Что же касается уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, то в них, в соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ, уголовное преследование от имени государства осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель [22].

Частный интерес указанных должностных лиц в уголовном судопроизводстве существовать не может, так как его наличие является безусловным основанием для устранения указанных профессиональных субъектов отправления правосудия от участия в конкретном уголовном деле.

Публичный же интерес прокурора, а также следователя и дознавателя в его материально-правовой составляющей фактически неизменен и направлен на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление, а процессуально-правовому видоизменению подвергается лишь инструментарий достижения этой составляющей публичного интереса, зависящий от стадии уголовного процесса.

Частный интерес по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения принято приписывать обвиняемому (подсудимому), а также потерпевшему по тем составам преступлений, где данная процессуальная фигура присутствует.

Полностью соглашаясь с позицией о субсидиарной роли потерпевшего в уголовном судопроизводстве [1, с. 351–362; 23], который в делах вышеуказанных категорий может действовать в уголовном деле только наряду с государственным обвинителем, выполняющим публично-правовую функцию, отмечаем, что субсидиарность роли потерпевшего в таких делах фактически нуллифицирует возможность несовпадения его частного интереса с публичным.

Кроме этого стоит отметить, что выполнение субсидиарной функции обвинения со стороны потерпевшего в делах вышеназванной категории зависит от желания последнего. Это обстоятельство во взаимосвязи с возможностью отсутствия в принципе фигуры потерпевшего в делах указанной категории свидетельствует о недопустимости наделения этого участника признаками стороны в уголовном судопроизводстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как реализация функции уголовного преследования и обвинения по ним во всех случаях будет обеспечиваться представителем государственной власти в лице государственного обвинителя, а не потерпевшим.

Применительно же к положению государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве обеспечение им публичного интереса формируется через нуллификацию его процессуально-властных полномочий, что позволяет обеспечить реализацию конституционных и взаимосвязанных с ними положений уголовно-процессуального закона об осуществлении в том числе уголовного судопроизводства на основании состязательности и равноправия сторон перед судом (ч. 3

ст. 123 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Как указывал И. Я. Фойницкий, «правительство в суде уголовном участвует в двойном качестве: как орган суда и как сторона» [6, с. 159].

Частный интерес обвиняемого (подсудимого) в рамках уголовного судопроизводства формируется, в свою очередь, через реализацию процессуально-правовой компоненты публичного интереса, обеспечивающей строгое соблюдение всех прав и защиту законных интересов подсудимого как при расследовании, так и при рассмотрении конкретного уголовного дела по существу. Как отмечал И. С. Дикарев, «законным является тот интерес, на удовлетворение которого субъект имеет право рассчитывать» [7, с. 57].

Вместе с тем, в отличие от потерпевшего, подсудимый в стадии судебного рассмотрения предъявленного ему уголовно-правового иска, оформленного в уголовном судопроизводстве через постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в полном объеме соответствует понятию стороны в уголовном судопроизводстве, так как, находясь перед судом в состоянии процессуального равноправия со стороной государственного обвинения, реализует в условиях максимально возможной состязательной процедуры функцию защиты от предъявленной ему от имени государства уголовно-правовой претензии.

Как отмечал П. К., Барабанов «для того, чтобы выступать как «сторона» необходимо, чтобы у субъекта имелась самостоятельная цель, направленная на вынесение судебного решения» [3, с. 107]. Подсудимый вне всякого сомнения имеет цель получения судебного решения, в котором были бы максимально учтены все его доводы, составляющие защитительную позицию по конкретному уголовному делу, что формирует законные основания к отнесению подсудимого, как участника с частными интересами в уголовном процессе к категории стороны в уголовном судопроизводстве.

В этой связи можно сделать вывод, что соотношение публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве можно рассматривать только как соотношение целого и его части. Искусственное разделение этих интересов будет с одной стороны направлено на разрушение двуединого назначения уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а с другой позволит обосновать недопустимое, в имеющем безусловный государственный характер уголовном судопроизводстве, освобождение государства от обязательной защиты в уголовном судопроизводстве в том числе частного интереса.

Список литературы

1. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022.
2. Строгович М. С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 73–81.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М. : Спутник+, 2019.
4. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации : монография / под ред. Н. С. Мановой. М. : Юрлитинформ, 2019.

5. Коврига З. Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации : сборник научных трудов. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1989. С. 104–112.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1912.
7. Дикарев И. С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.
8. Иеринг Р. Интересы и право. Ярославль, 1880.
9. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории : монография. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1964.
10. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986.
11. Субочев В. В. Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009.
12. Права гражданина и интересы публичной власти : монография. М. : Статут, 2021.
13. Интересы в современном российском праве : монография. М. : Проспект, 2023.
14. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
15. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российской уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
16. Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
17. Меженина Л. А. Публичность российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
18. Смолькова И. В., Мазюк Р. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 156–169.
19. Попова И. А. Назначение уголовного судопроизводства и категория «Интерес» // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 93–101.
20. Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 14–18.
21. Зайцева Е. А. Особенности действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н. С. Мановой. М., 2019. С. 268–270, 279.
22. Соловьев С. А. Понятие «сторона» в уголовном судопроизводстве России // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 126–132.
23. Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 41–46.

*Као Ан Ханг¹,
доцент Юридического факультета
Полицейской народной академии
Министерства общественной безопасности Вьетнама*

О ЗНАЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОБРАННЫХ ЗАЩИТНИКОМ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ВЬЕТНАМА

В уголовном судопроизводстве Вьетнама право на защиту обвиняемых и подсудимых гарантировано и признано в правительственных актах с первых дней независимости государства. Указом от 18 июня 1946 г. № 69/SL регламентирован порядок назначения защитника обвиняемому по его просьбе или по решению судьи (ст. 2). Несмотря на то, что данным правовым актом предусмотрены нормы о реализации права на защиту обвиняемого и подсудимого, они не регламентируют вопросы собирания защитником доказательств для защиты доверителей. Постановлением Министерства юстиции от 12 января 1950 г. № 1/НД-ВУ определены условия работы защитников, в частности ст. 4 гласит: «Назначенный защитник имеет право зайти в канцелярию для просмотра и копирования материалов дела».

Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) 1988 г. является первым Уголовно-процессуальным законом, принятым во Вьетнаме, а УПК 2003 г. первым, в который включены положения о процессуальном статусе защитника, его правах и обязанностях. Вместе с тем указанные акты также не содержат каких-либо предписаний, специально регулирующих право защитника на сбор доказательств.

УПК 2015 г. содержит более полные положения о процессуальном статусе адвоката, выступающего в качестве защитника, предусматривая право собирать доказательства стороной защиты. Кодекс не только устанавливает, что компетентный орган, в производстве которого находится уголовное дело, имеет право собирать доказательства, но и устанавливает некоторые правомочия защитнику, в частности: «Чтобы собирать доказательства, защитник имеет право встретиться с лицом, которого он защищает, потерпевшим, свидетелями и другими лицами, осведомленными о обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, опросить их и зафиксировать ответы на вопросы, имеющие значение для дела, требовать от органов, организаций и физических лиц предоставления документов, предметов и электронных данных, связанных с защитой» (ч. 2 ст. 88 УПК 2015 г.).

В уголовном процессе действия стороны защиты противостоят стороне обвинения, закон допускает и обеспечивает совершение правовых действий, реализующих право на защиту. Несмотря на то, что в УПК 2015 г. конкретно не раскрывается понятие права защитника на собирание доказательств, ч. 2 ст. 88 УПК позволяет установить, что собирание доказательств – поиск и сбор документов, связанных с защитой обвиняемого по уголовному делу.

¹ © Као Ан Ханг, 2025.

Статья 16 УПК 2015 г. гласит: «Обвиняемый имеет право защищать себя самостоятельно или ходатайствовать о необходимости участия адвоката или иного лица для его защиты его прав и законных интересов. Органы и лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, несут ответственность за разъяснение права на защиту и обеспечение того, чтобы обвиняемые, потерпевшие и иные участники уголовного судопроизводства в полной мере реализовали его в соответствии с положениями УПК».

УПК содержит нормы, закрепляющие право стороны защиты собирать доказательства, в частности:

Во-первых, гарантия возможности свидания с подзащитным и его опроса. Пункт «а» ч. 1 ст. 73 УПК 2015 г. предусматривает, что защитник имеет право встретиться и опросить обвиняемого. Уточняя это положение, ст. 12 Циркуляра Министерства общественной безопасности Вьетнама от 10 октября 2019 г. № 46/2019/ТТ-ВСА «Об определении обязанности Народных сил общественной безопасности по реализации положений УПК 2015 г., касающейся обеспечения права на защиту лиц, задержанных в чрезвычайных ситуациях, лиц, задержанных на месте совершения преступления или находящихся в розыске, защите прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых и подсудимых» предусматривает, что следственные органы, следственные изоляторы не должны ограничивать количество и продолжительность свиданий защитника с доверителем, находящимся под стражей. Защитник должен соблюдать положения УПК 2015 г., Закона 2015 г. «Об исполнении условий содержания под стражей и временного содержания под стражей» и руководящих документов по реализации и правил содержания под стражей. Таким образом, в соответствии с этими положениями орган или лицо, в производстве которого находится уголовное дело, гарантирует защитнику свидание и опрос обвиняемого без ограничения во времени, тем самым гарантируя стороне защиты право собирать доказательства для защиты обвиняемого.

Право защитника на собирание доказательств гарантируется органом или лицом, в производстве которого находится уголовное дело, также путем предварительного уведомления о времени и месте допроса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Пункт «г» ч. 1 ст. 73 УПК Вьетнама предусматривает, что защитник заранее информируется компетентным органом, в производстве которого находится уголовное дело, о времени и месте производства следственных действий. Часть 1 ст. 79 УПК 2015 г. предусматривает, что эти же органы обязаны в разумный срок уведомить защитника о времени и месте производства процессуальных действий, в которых может быть заинтересована сторона защиты.

Согласно вышеуказанным положениям, участие защитника должно быть гарантировано органом или лицом, в производстве которого находится уголовное дело, в разумный срок, однако, как представляется, на практике затруднительно обеспечить право стороны защиты на собирание доказательств. «Разумный срок» является размытым понятием, представляющим сложности в вопросах

правоприменения, зачастую зависит от субъективной воли органа и лица, в производстве которого находится уголовное дело, а значит предполагает возможность злоупотребления правом.

Поскольку право защитника на собирание доказательств гарантируется органом или лицом, в производстве которого находится уголовное дело, оно порождает обязанность создания условий для ознакомления с материалами дела, ведения записей и копирования материалов дела, что на практике сопровождается злоупотреблениями со стороны обвинения.

Действующий УПК Вьетнама предусматривает, что сторона защиты вправе ходатайствовать перед органом или лицом, в производстве которого находится уголовное дело, истребовать документы или сведения, которые защитник не правомочен истребовать самостоятельно. Однако положения ч. 3 ст. 81 УПК 2015 г. не регламентируют обязанность стороны обвинения удовлетворить в полном объеме указанные ходатайства, что влечет нарушения принципа состязательности сторон. В этой связи следует рассмотреть вопрос о внесении возможных изменений в действующий порядок собирания доказательств в интересах стороны защиты.

Право собирания показаний защитником по уголовному делу зафиксировано в пункте «з» ч. 1 ст. 73 УПК 2015 г. Наряду с этим положением в УПК 2015 г. имеется множество специальных положений, обеспечивающих право на защиту. В частности, предусмотрено, что органы и лица, в производстве которого находится уголовное дело, несут ответственность за обеспечение осуществления защитником своего права на защиту. Однако в УПК 2015 г. не содержит положений об ответственности организаций и физических лиц за отказ в предоставлении сведений по запросу стороны защиты.

Часть 2 ст. 73 УПК 2015 г. предусматривает, что для собирания доказательств защитник имеет право встретиться с лицом, которого он защищает, потерпевшим, свидетелями и другими лицами, обладающими сведениями, имеющими значение по уголовному делу, опросить их и зафиксировать их ответы; Запросить у органов, организаций и физических лиц документы, предметы и электронные данные, имеющие отношение к делу. Часть 4 ст. 73 УПК 2015 г. регламентирует, что органы и лица, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны вести учет поступивших от стороны защиты документов и сведений, проверять и оценивать их в соответствии с положениями УПК Вьетнама.

Таким образом, согласно вышеуказанным предписаниям, очевидно, что защитник весьма пассивен в сборе документов, предметов и электронных данных, имеющих отношение к делу, поскольку обращение защитника к органам, организациям и частным лицам во многом зависит от их субъективного волеизъявления и профессиональных навыков. Кроме того, УПК Вьетнама предусматривает, что получение документов, предметов и электронных данных осуществляется преимущественно компетентными органами, и прямо не регламентирует получение их стороной защиты.

В отличие от права на собирание доказательств стороной защиты аналогичное право, предоставленное органам и должностным лицам, уполномоченным осуществлять уголовное преследование, подробно регламентировано в УПК

2015 г. Статья 168 УПК Вьетнама предусматривает, что органы, организации и граждане обязаны неукоснительно выполнять требования органов расследования и органов, которым поручено проведение отдельных следственных действий, и прокуратуры. В случае несоблюдения указанных требований за исключением случаев, не зависящих от воли адресата требования, их действия будут оцениваться в соответствии с положениями закона.

Принимая во внимание наличие некоторых ограничений стороны защиты, предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в части обеспечения возможности собирания доказательств.

Во-первых, рекомендуется внести изменения в положения о субъектах, которые могут стать защитниками, как это предусмотрено п. 2 ст. 72 УПК 2015 г. Как представляется, защитники должны иметь определенный уровень юридической квалификации, пройти обучение в целях получения определенных навыков защиты.

Во-вторых, о праве стороны защиты собирать доказательства:

1) рекомендуется внести изменения в положения ч. 1 ст. 79 УПК Вьетнама в части уточнения сроков проведения процессуальных действий. Сторона обвинения должна заранее уведомить сторону защиты о намерении в их проведении, предоставив возможности для подготовки к их проведению;

2) следует изменить положения п. 3 ст. 81 УПК 2015 г. в части установления ответственности органов и лиц, получивших запрос стороны защиты об истребовании предметов и документов, и надлежащим образом не исполнивших их;

3) следует изменить положения ч. 4 ст. 73 УПК Вьетнама в части рассмотрения стороной обвинения ходатайства стороны защиты об истребовании предметов и документов, имеющих значение для дела.

*Нгуен Дык Шон¹,
доцент Юридического факультета
Полицейской народной академии
Министерства общественной безопасности Вьетнама*

ПРАВА ПОТЕРПЕВШИХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ВЬЕТНАМА

Права потерпевших в уголовных делах о мошенничестве представляют собой совокупность прав, регламентированных положениями уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального и других смежных отраслей права. Вьетнам на протяжении всей своей истории стремился защищать права потерпевших от преступлений на участие в уголовном судопроизводстве, право на защиту их прав и законных интересов, на компенсацию вреда, причиненного преступлением, право на доступ к правосудию.

Несмотря на то, что вьетнамское уголовное законодательство предусматривает нормы о преступлениях, связанных с различными формами мошенничества с достаточно суровыми мерами наказаний за их совершение, практика показывает, что по-прежнему имеются трудности, например, при доказывании вины лица в совершении присвоения чужого имущества, в разграничении мошенничества и невыполнения гражданско-правовых обязательств, в определении стоимости похищенного имущества, в установлении порядка компенсации вреда, причиненного преступлением.

Судебная практика Вьетнама показывает о наличии резонансных дел о мошенничестве, где потерпевшими признаны тысячи лиц. Так, по делу Нгуен Тай Луйена и его сообщников по делу о мошенничестве в сфере недвижимости потерпевшими признано 4 500 чел. По делу в отношении компании Tan Hoang Minh Group потерпевшими признано 6 630 чел., а ущерб оценивается на сумму около 8 600 млрд донгов, по делу в отношении акционерной компании Sen Tai Thu Group ущерб составляет более 1 000 млрд донгов и т. д. Вышеупомянутые преступления затрагивают не только права отдельных потерпевших, но как общественный порядок, так и общественную безопасность государства. Реализация прав потерпевших в вышеуказанных случаях связана не только с признанием их потерпевшими и участие в судебных разбирательствах, но и в праве требовать возмещения вреда, причиненного преступлением. Поскольку зачастую вред причиняется имуществу, большая часть потерпевших желают вернуть переданные активы либо получить соразмерные им средства.

При рассмотрении прав потерпевших по делам о мошенничестве можно предположить, что большая их часть закреплена в Уголовно-процессуальных законах, однако во Вьетнаме имеются отдельные нормативные правовые акты, косвенно закрепляющие их в своих нормах. К таковым актам следует отнести Конституцию 2013 г., Закон «Об организации органов уголовного розыска» 2015 г., Уголовный кодекс 2015 г., Гражданский кодекс 2015 г. и т. д.

¹ © Нгуен Дык Шон, 2025.

Права потерпевших по делам о мошенничестве условно возможно разделить на следующие:

- 1) право на признание потерпевшим;
- 2) право сообщать о преступлениях;
- 3) право на информацию;
- 4) право на участие в судопроизводстве;
- 5) право на защиту;
- 6) право требовать возмещения вреда;
- 7) право на подачу жалобы; право на апелляцию; право на отвод;
- 8) право на справедливость.

Приведенная классификация не только комплексно охватывает права потерпевших, но и систематизирует их в зависимости от последовательности действий в рамках производства по уголовному делу.

Рассмотрим более подробно каждое из представленных правомочий.

Право быть признанным потерпевшим. Согласно положениям ст. 62 УПК 2015 г., «потерпевшим является физическое лицо, которому непосредственно причинен физический, моральный или имущественный вред, либо организация, которой причинен имущественный вред, вред деловой репутации или существует угроза его причинения». Изучая данное понятие, мы можем увидеть, что оно имеет много общего с законодательством Российской Федерации. Международное право, а также законы некоторых стран системы общего права используют понятие «жертва преступления», а не «потерпевший», включая в него более широкий смысл.

Право быть признанным потерпевшим является первым и основным правом человека, которому причинен вред в результате преступления, поскольку только после признания лица потерпевшим оно приобретает определенные закрепленные в законодательстве гарантии их реализации. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон Вьетнама регулирует лишь содержание понятия «потерпевший», но не определяет порядок его определения. В некоторых юридических актах косвенно упоминается порядок признания потерпевшим, например, в ст.ст. 24–28 Закона «О предотвращении и борьбе с торговлей людьми» 2011 г. предусматривается порядок вручения «свидетельства потерпевшего», однако данный нормативный правовой акт распространяется исключительно на потерпевших от преступлений, связанных с торговлей людьми, и не распространяются на иные виды преступлений.

Признание лица потерпевшим может осуществляться посредством ряда следующих документов, в том числе:

Во-первых, процессуальные документы следственных органов. При возбуждении уголовного дела и расследовании дел о мошенничестве статус потерпевшего отражается в постановлениях и протоколах, связанных с прокурорской деятельностью, таких как: постановление о возбуждении уголовного дела, протокол допроса, повестка о вызове в суд, протокол очной ставки, протокол осмотра места происшествия, обвинительное заключение.

Во-вторых, процессуальные документы органов прокуратуры. При направлении уголовного дела прокурору процессуальный статус потерпевшего отражается в протоколах допроса, обвинительном заключении или решении о вызове лица для участия в судебном заседании. Например, список лиц, подлежащих вызову в суд, является документом, в котором четко и конкретно указывается правовой статус потерпевшего, тогда как обвинительное заключение или решение прокуратуры могут четко и не обозначать лицо, которому в результате совершения причинен вред, потерпевшим.

В-третьих, процессуальные документы суда. Процессуальный статус потерпевшего в рамках судебного производства выражается преимущественно в соответствующих решениях суда, в частности, в приговорах, где наиболее полным образом выражается статус потерпевшего и характер причиненного ему вреда.

Нормы законодательства о праве требовать возмещения вреда включают право требовать компенсации в рамках гражданского судопроизводства (ст. 30 УПК Вьетнама).

Так, в ст. 30 УК 2015 г. отмечается, что разрешение гражданских споров, возникших по уголовным делам, осуществляется одновременно с разрешением уголовного дела. В случае, если по уголовному делу необходимо решить не влияющие на уголовное дело вопросы о возмещении вреда или компенсации, однако отсутствуют соответствующие доказательства, для их разрешения допускается выделение дела для рассмотрения его в гражданском судопроизводстве. Кроме того, пунктом «г» ч. 2 ст. 62 УПК 2015 года предусмотрено, что потерпевший имеет право «высказываться о наказании, размере вреда, подлежащего возмещению, о мерах, которые необходимо предпринять для обеспечения его возмещения».

Возмещение ущерба является важным институтом гражданского права. Согласно ч. 1 ст. 584 ГК СВР установлено, что первым основанием возникновения ответственности по возмещению вреда является посягательство на жизнь, здоровье, имущество, достоинство, деловую репутацию, права и иные законные интересы иных лиц, которым преступлением причинен вред. Лицо, которому причинен вред, не обязано доказывать вину лица, его причинившего, достаточно лишь представить доказательства о событии совершенного деяния и причастности к нему конкретного лица.

В судебном производстве ходатайства потерпевших и гражданских истцов в связи с необходимостью возмещения вреда зачастую не учитываются. Практика показывает, что судебные органы зачастую решают вопросы, связанные с доказыванием преступления, а вопросы возмещения вреда остаются на втором плане. На практике по делам с большим количеством потерпевших разбирательство занимает длительный срок, поскольку требуется присутствие потерпевшего и подсудимого, участие которых в силу особой формы проведения заседания зачастую не позволяет обсудить вне рамок процессуальных действий вопросы примирения, установления вариантов возмещения вреда.

Законодательство СВР не содержит конкретных положений о способе возмещения вреда, поскольку это во многом зависит от соглашения сторон. Однако если стороны не пришли к согласию о порядке возмещения вреда, суд обычно

принимает решение о единовременной компенсации либо рассрочки в выплате. Вместе с тем, в Уголовном кодексе 2015 г. предусматривает следующие формы возмещения вреда: возврат похищенного имущества, ремонт или возмещение средств на ремонт; публичные извинения (ст.ст. 46, 48). Эти средства возмещения вреда предусмотрены также и в соответствии с требованиями ст. 8 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г.

Стоит отметить, что вьетнамское законодательство не предусматривает мер по выплате компенсации жертвам в случаях, когда у виновного отсутствуют средства для возмещения вреда, страховка или иные возможности для компенсации. Компенсация потерпевшим вреда от государства применяется только в тех случаях, когда преступление совершено лицом, исполняющим свои служебные обязанности. Таким образом, в тех случаях, когда виновное лицо умирает, оно не может в силу объективных причин возместить вред, лицо, совершившее преступление, не установлено, возмещение вреда невозможно. Вместе с тем УПК 2015 г. не содержит обязанности органов, в производстве которых находится уголовное дело, предоставлять потерпевшим информацию о помощи, которую они могут получить, за исключением информации о правовой помощи в определенных случаях.

*Нгуен Тхи Тхуи*¹,
доцент Юридического факультета
Полицейской народной академии
Министерства общественной безопасности Вьетнама

ПРАВО НА МОЛЧАНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С ПРИНЦИПАМИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ВЬЕТНАМА

Право на молчание (право Миранды) – это право, зародившееся в англо-американской правовой системе. Право хранить молчание упоминается в ряде международно-правовых документов, таких как рекомендации к отчетам о выполнении норм Международного пакта о гражданских и политических правах в некоторых странах: «Любое лицо, арестованное по уголовному обвинению, должно быть уведомлено о праве хранить молчание во время допроса в полиции, в соответствии со ст. 14, ч. 3(г) Конвенции»; «право на молчание... должно быть четко разъяснено в Уголовно-процессуальном законе и применяться на практике». Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) также подтверждает право хранить молчание, которое обеспечивает справедливое судебное разбирательство.

До принятия во Вьетнаме Уголовно-процессуального кодекса 2015 г., вступившего в силу с 1 января 2018 г. (УПК Вьетнама) ранее не было регламентировано право хранить молчание. Однако в ряде случаев лица, в отношении которых осуществляется преследование все же пользовались этим правом в ходе судебного разбирательства. Данное право выражается в том, что лицо может хранить молчание и может не свидетельствовать против себя. Таким образом, право хранить молчание принадлежит не только подозреваемому и обвиняемому, но и подсудимому. Право на молчание может быть использовано в любой момент уголовного судопроизводства с момента задержания и до момента, когда обвиняемый предстанет перед судом.

Анализ положений п. «г» ч. 2 ст. 60 и п. «з» ч. 2 ст. 61 позволяет установить, что обвиняемый и подсудимый имеют право: «давать показания; высказывать свое мнение относительно преследования, не будучи принужденными к даче показаний против самого себя или к признанию вины». Таким образом, исходя из положений о правах обвиняемого и подсудимого, изложенных выше, можно сделать вывод о том, что право хранить молчание выражается посредством «непринуждения к даче показаний против себя или к признанию вины». Подозреваемые и обвиняемые вправе отказаться от дачи показаний в любой момент производства по уголовному делу.

Принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в УПК Вьетнама, также содержат отдельные предписания этого права (ст.ст. 7–33). Так, среди двадцати семи принципов имеется три, содержание которых отражает признание права обвиняемого на молчание: принцип презумпции невиновности (ст. 13), принцип установления истины по делу (ст. 15) и принцип обеспечения права

¹ © Нгуен Тхи Туи, 2025.

на защиту обвиняемого, защиты законных прав и интересов потерпевших и заявителей (ст. 16).

Анализируя содержание этих трех принципов, мы можем увидеть связь между правом на молчание и основными правовыми идеями, выраженными через принципы Уголовно-процессуального кодекса, следующим образом:

Во-первых, принцип презумпции невиновности выражается в том, что «Обвиняемый считается невиновным, пока (ред. его вина в совершении преступления) не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и (ред. установлена) вступившим в законную силу приговором суда. При отсутствии достаточных оснований для обвинения, осуждения и невозможности их установить в установленном настоящим Кодексом порядке, орган или лицо, уполномоченные на осуществление уголовного преследования, должны признать лицо, обвиняемое в совершении преступления, невиновным».

Из содержания этого принципа мы видим, что предпосылкой осуществления права на молчание на практике является прямая реализация принципа презумпции невиновности. Указанный принцип распространяется на все стадии уголовного судопроизводства от возбуждения уголовного дела до оглашения приговора в суде. Когда возникает подозрение лица в совершении преступления, однако при этом отсутствуют достаточные доказательства такого подозрения, делается вывод о невиновности лица. Таким образом, в случае подозрения лица в совершении преступления компетентный орган, в производстве которого находится уголовное дело, не может основывать в дальнейшем обвинение исключительно на показаниях лица, в отношении которого осуществляется преследование, требуется производство комплексного расследования в целях получения дополнительных доказательств.

Во-вторых, принцип установления истинности дела (ст. 15 УПК) имеет следующее содержание: «Бремя доказывания по уголовному делу возлагается на органы, обладающие полномочиями проведения уголовно-процессуальной деятельности. Обвиняемый имеет право, но не обязан доказывать свою невиновность. Орган, уполномоченный осуществлять уголовное судопроизводство, в пределах своих задач и полномочий обязан принять меры, определенных законом, в целях объективного, всестороннего и полного установления истины по делу, выяснения доказательств виновности и невиновности по делу; определить обстоятельства, отягчающие и смягчающие уголовную ответственность.».

При определении того, что бремя доказывания лежит на компетентном органе, в производстве которого находится уголовное дело, «...обвиняемый имеет право, но не обязан доказывать свою невиновность», что является составляющей принципа презумпции невиновности и признает право обвиняемого на молчание. При недостаточности оснований обвинения или осуждения и невозможности их выяснения в порядке, предусмотренном УПК, орган или лицо, в производстве которого находится дело, должны прийти к выводу о необходимости прекращения уголовного преследования.

Итак, каким же образом связаны между собой право на молчание и принцип установления истины? Обвиняемый не несет ответственности и не обязан дока-

зывать свою невиновность, то есть он не обязан осуществлять поиск и представлять доказательства невиновности. Обвиняемый также вправе хранить молчание на протяжении всего процесса расследования и судебного разбирательства. Вышеуказанные действия обвиняемого не могут считаться нарушением закона и не влекут за собой никакой юридической ответственности, что является содержанием права обвиняемого на хранение молчания. Однако обвиняемый имеет право доказывать свою невиновность посредством представления показаний свидетелей или иных доказательств. В случае добровольного сотрудничества обвиняемого с органами, в производстве которых находится уголовное дело, в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, такие действия могут быть представлены как смягчающие обстоятельства при назначении наказания.

В-третьих, принцип обеспечения права на защиту обвиняемого, защиты прав и законных интересов потерпевших и заявителей (ст. 16 УПК 2015 г.) заключается в следующем: «Обвиняемый имеет право на защиту лично либо с помощью защитника или других лиц. Компетентные органы и должностные лица обязаны уведомлять, разъяснять и гарантировать обвиняемому, потерпевшему, заявителю право на защиту их прав и законных интересов, предусмотренных настоящим Кодексом.». Указанный принцип по своему содержанию раскрывает положения ст. 31 Конституции СВР 2013 г., и закрепляет возможность приглашения стороной обвинения защитника. С другой стороны, в целях обеспечения объективности, всесторонности и полноты расследования дела, квалифицированная защита позволяет установить объективную истину по делу. Более того, в процессе эффективность разрешения уголовных дел может быть достигнута, когда функции обвинения и защиты существуют параллельно.

Анализируя связь ряда принципов УПК Вьетнама с правом на молчание, автор позволяет возможным сделать следующие выводы:

Во-первых, право на молчание – это важное право, предоставленное лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, демонстрирующее прогресс человеческой цивилизации в праве. Наличие права на молчание – неперемное правило справедливого закона. Потребность в праве на молчание уже давно появилась в процессуальной истории страны, однако лишь в УПК 2015 г. получило четкое закрепление.

Во-вторых, имеется и точка зрения, согласно которой признавать право на молчание не следует по ряду причин: низкий образовательный уровень лиц, привлекаемых к ответственности, нехватка адвокатов, опасения, что право хранить молчание не соответствует модели уголовного процесса Вьетнама, которая характеризуется необходимостью борьбы с преступностью и защиты правопорядка в обществе. Наличие права на молчание ограничивает права следователей при расследовании уголовных дел, а также предоставляет широкий спектр возможностей для обвиняемого в целях уклонения от уголовной ответственности. Это неизбежно приведет к тому, что обвиняемый откажется сотрудничать или даже будет злоупотреблять правом на защиту.

В-третьих, праву на молчание сопутствует деятельность по борьбе с преступностью, требующая признания и уважения прав участников уголовного судопро-

изводства. Во всех случаях какие-либо ограничения или отказ в праве на молчание несовместимы с духом Конституции 2013 г. и стратегией судебной реформы во Вьетнаме. Это действительно сложная проблема для законодателей и правоохранителей. В этой связи, наряду с формированием правильного осознания сущности права на молчание, по мнению автора, необходимо продолжать конкретизировать установки партии и государства на судебную реформу для обеспечения прав человека. Эта реформа требует от всего судебного аппарата координации в ее реализации, включая: обеспечение независимости судебных органов; создание и совершенствование процессуальных норм, чтобы унаследовать преимущества имеющейся судебной модели; усиление роли защитника обвиняемого и т. д.

Более четкое признание и закрепление права на молчание в УПК Вьетнама призвано помочь обвиняемому четко осознать свои права, а лицу, в производстве которого находится уголовное дело, более ясному пониманию о необходимости обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

*До Бао Льем¹,
начальник отдела делопроизводства
Полицейского управления провинции Кханьхоа
Министерства общественной безопасности Вьетнама*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВЬЕТНАМА

Процессуальные права обвиняемого представляют собой его полномочия, связанные с участием в уголовном процессе, носящие конкретный характер. Согласно международным правовым актам, таким как Декларация прав человека и Конвенция о гражданских и политических правах, права обвиняемый имеет право на защиту чести, достоинства, на защиту от произвольного задержания и заключения под стражу, защиту от пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, на справедливое судебное разбирательство, на компенсацию ущерба и восстановление морального вреда. Государства, исходя из своих политических и экономических условий, процессуальных моделей и форм, регламентируют права обвиняемых по-разному, однако они должны соответствовать принятым на международном уровне стандартам. Таким образом, гарантируя права обвиняемых, государства демонстрируют приверженность демократическим принципам, а также необходимость принятия справедливых решений в уголовном судопроизводстве.

В Социалистической Республике Вьетнам выделяют следующие группы прав обвиняемых:

Во-первых, неприкосновенность личности, уважение чести и достоинства. Свобода является ключевым правом человека, которое может быть ограничено только Законом. Честь и достоинство являются неотъемлемыми внутренними ценностями, формирующимися и развивающимися вместе с физическим и духовным совершенством человека. Для обвиняемых и иных лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, гарантия защиты свободы, чести и достоинства имеют особое значение, поскольку имеется высокий риск их ограничения.

Неприкосновенность личности, уважение чести и достоинства обвиняемого включает в себя два содержания:

1) уголовное судопроизводство должно осуществляться на основе уважения свободы человека, уважения чести и достоинства обвиняемого. Ограничение вышеуказанных прав может осуществляться только на основании положений Закона;

2) строго запрещаются любые действия, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство обвиняемого.

Все противоправные действия, посягающие на указанные объекты, преследуются по закону.

¹ © До Бао Льем, 2025.

Стоит отметить, что каждый человек рождается с правом жить в безопасной окружающей среде, в том числе правовой. Следовательно, общество было бы несправедливым, если бы государственным органам допускалось произвольно изолировать от общества лицо без наличия к тому законных оснований. Таким образом, защиту от произвольного задержания и ареста является необходимостью для обеспечения важнейших прав человека. Это право лежит в основе личной свободы и безопасности.

Право на неприкосновенность личности заключается и в праве на защиту от произвольного задержания и ареста, заключающееся в следующем:

1) каждый имеет право на личную свободу и безопасность. Никто не может быть лишен свободы, за исключением случаев, когда оно осуществляется в порядке, установленном Законом;

2) любое задержанное лицо должно быть проинформировано о причинах его задержания;

3) любое задержанное лицо должно быть доставлено в компетентный суд для проверки законности задержания или освобождено.

Во-вторых, право на защиту от пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Пытки существовали на протяжении длительного времени в истории уголовного судопроизводства. Одной из основных целей, ради которых применяются пытки, является собирание доказательств, в том числе показаний о признании вины в совершении расследуемого преступления. Риск подвергнуть человека пыткам часто возникает на ранних стадиях расследования, когда человек только задержан. Любая форма пыток противоречит справедливости, аморальна по своей природе и нарушает права человека. В этой связи противодействие пыткам является важнейшим требованием любого гражданского общества. Право на защиту от пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения является основным правом человека, которое должно уважаться и защищаться на самом высоком уровне и не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах.

В-третьих, право на справедливое разбирательство. Право на проведение справедливого разбирательства рассматривается как инструмент защиты прав личности от самоуправства органов государственной власти, является нормой международного права, призванной защитить людей от произвольного и незаконного лишения свободы и других основных прав. Справедливость в уголовном судопроизводстве неразрывно связана с равенством сторон, где лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в силу особого статуса должно обладать некоторым приоритетом. Вместе с тем любое предвзятое отношение к одной из сторон процесса запрещено и должно расцениваться, как нарушение закона.

В целом право на проведение справедливого разбирательства понимается в двух аспектах:

1) к сторонам, участвующим в разбирательстве, не допускается применения какой-либо дискриминации. Стороны обвинения и защиты имеют равные права в представлении доказательств, в том числе показаний;

2) независимые и беспристрастные судьи и судебные органы являются важным аспектом обеспечения справедливости. Право на справедливое судебное разбирательство является фундаментальным и в высшей степени универсальным правом. Обращение с человеком, обвиняемым в совершении преступления, отражает то, насколько государство уважает права человека, поэтому право на справедливое судебное разбирательство считается краеугольным камнем демократического общества.

В-четвертых, право на защиту. С точки зрения характера уголовного судопроизводства, деятельность государства по обвинению лица в совершении преступления всегда демонстрирует несбалансированность подходов. В этой связи обвиняемый должен быть обеспечен необходимыми правами для защиты своих прав и законных интересов, одним из таких является право на защиту. В уголовном процессе право обвиняемого на защиту представляет собой свободу не соглашаться с предъявленным обвинением, при этом органы, в производстве которых находится уголовное дело, несут ответственность за создание необходимых условий для реализации обвиняемым этой свободы. Право на защиту неразрывно связано с формированием состязательной процессуальной модели – правовой традиции, содержащей множество элементов равенства между сторонами.

В самом общем смысле право на защиту подозреваемого или подсудимого – это совокупность предусмотренных законом прав, которыми обвиняемый или подсудимый может воспользоваться для опровержения части или всего обвинения, либо представлении доказательств, позволяющих смягчить уголовную ответственность.

Право обвиняемого на защиту может выражаться в использовании обвиняемым аргументов, доказательств для защиты от обвинения, а также в праве иметь защитника. В этой связи государство обязано предоставить обвиняемому защитника, если он не может позволить себе пригласить его самостоятельно. Два вышеуказанных правомочия относительно независимы, однако тесно связаны друг с другом. Обвиняемый может воспользоваться любым из этих правомочий, в том числе и одновременно.

В-пятых, право на реализацию принципа презумпции невиновности. Право на презумпцию невиновности является основным правом обвиняемого при их участии в уголовном судопроизводстве. Содержание права на презумпцию невиновности включает в себя следующее:

1) никто не считается виновным без вступившего в законную силу приговора суда. После привлечения лица в качестве обвиняемого компетентные органы, в производстве которых находится уголовное дело, продолжают расследование с целью установления обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела. Только при наличии вступившего в законную силу приговора суда он будет официально признан виновным в совершении преступления;

2) бремя доказывания вины лежит на стороне обвинения; обвиняемый имеет право, но не обязан доказывать свою невиновность;

3) все сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. Это особо актуально, когда доказательства о конкретных обстоятельствах совершения пре-

ступления противоречивы и невозможно прийти к однозначному выводу и утверждать о данном событии или обстоятельствах. Причина, по которой обвиняемый получает такое преимущество заключается в публичных началах уголовного судопроизводства, согласно которым на органы государственной власти возлагаются полномочия по собиранию доказательств.

Рассмотренные элементы принципа презумпции невиновности находятся в диалектической взаимосвязи друг с другом. Принцип презумпции невиновности является важным элементом справедливого судебного разбирательства, который должен быть гарантирован в уголовном судопроизводстве каждого государства.

В-шестых, право не быть принуждаемым к даче показаний против себя или к признанию вины. Право не свидетельствовать против себя и своих близких основано на расширенном взгляде на правовые принципы, поддерживаемые либеральной традицией. Право не быть принуждаемым к даче показаний против себя или к признанию вины является вполне естественной и необходимой защитой обвиняемого. Это право выражается в трех аспектах:

1) от обвиняемого не требуют дачи показаний против него или принуждения к признанию вины. Он имеет право хранить молчание или отказаться давать показания при допросе любым компетентным лицом об обстоятельствах совершения преступления, личности соучастников и их роли при совершении преступления на протяжении всего производства по делу;

2) органы, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны информировать обвиняемого о его правах, а также о предъявленном обвинении;

3) компетентный орган не может считать отказ обвиняемого от дачи показаний или признания вины в совершении преступления, как основание для назначения наказания. Право не быть принужденным к даче показаний основано также на принципах защиты обвиняемого от самооговора, что пересекается с правом на презумпцию невиновности.

В-седьмых, право на реабилитацию. В уголовном судопроизводстве неизбежны случаи, когда органы расследования и судебные органы выносят незаконные решения, которые напрямую затрагивают права и законные интересы отдельных лиц. В этой связи следует компенсировать ущерб, причиненный в результате неправомерных действий в целях восстановления социальной справедливости.

Таким образом, право обвиняемого на возмещение материального и морального вреда должно признаваться и гарантироваться законом. В частности, необходимо гарантировать компенсацию за незаконные задержания, заключение под стражу, иных форм ограничения свободы. Кроме того, вред, причиненный в результате совершения преступления, может быть заглажен путем публикации публичных извинений. Ответственность за реабилитацию лежит на государстве и является его прямой обязанностью, поскольку представители органов, принявших незаконные решения, выступают от имени государства.

Чан Тхи Вьет Ха¹,

доцент Юридического факультета

Академии народной безопасности

Министерства общественной безопасности Вьетнама

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВЬЕТНАМА

Меры пресечения, предусмотренные Уголовно-процессуальным законом Социалистической Республики Вьетнам (УПК СРВ), довольно широко применяются на практике органами предварительного следствия и судами. Согласно ст. 109 УПК СРВ меры пресечения применяются при наличии оснований полагать, что обвиняемый будет создавать трудности при расследовании уголовного дела или в ходе судебного разбирательства, продолжит совершать преступления, либо в целях обеспечения исполнения решения компетентных органов и должностных лиц о задержании лиц в случаях, не терпящих отлагательства, о применении залога, запрета покидать место жительства, выезжать за пределы страны.

Таким образом, меры пресечения представляют собой предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом принудительные меры, применяемые компетентными органами и должностными лицами как к обвиняемым в совершении преступлений, так и к лицам, не подвергнутым уголовному преследованию.

Рассмотрим более подробно меры пресечения, предусмотренные ст. 109 УПК СРВ:

1. Задержание лица в общем порядке применяется компетентными должностными лицами при наличии оснований и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в следующих случаях:

- не терпящих отлагательства;
- на месте совершения преступления;
- находящегося в розыске;
- в целях временного содержания под стражей;
- в целях его последующей экстрадиции.

2. Задержание лица в случаях, не терпящих отлагательства, является одной из мер пресечения, применяемой компетентными органами и должностными лицами при наличии оснований и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, к лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, совершивших или осуществляющих подготовку тяжких, особо тяжких преступлений, в целях пресечения возможности совершения ими новых преступлений, сокрытия от органов предварительного следствия и суда, уничтожения предметов и документов, которые могут являться доказательствами по уголовному делу.

3. Временное задержание является одной из мер пресечения в уголовном судопроизводстве, применяемой компетентными органами и должностными лицами к лицам, задержанным в случаях, не терпящих отлагательства, задержанным на месте совершения преступления, задержанным в связи с нахождением

¹ © Чан Тхи Вьет Ха, 2025.

в розыске при условии, что нахождение на свободе может воспрепятствовать производству по уголовному делу.

4. Временное заключение под стражу представляет собой меру пресечения, применяемой компетентными органами и должностными лицами к подозреваемым и обвиняемым, совершившим преступления средней тяжести, тяжкие преступления или особо тяжкие преступления, за которые Уголовным кодексом СВР предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при наличии оснований полагать, что находясь на свободе, лицо может скрыться от органов расследования и суда, препятствовать производству по уголовному делу или продолжать преступную деятельность.

5. Залог является одной из мер пресечения в уголовном судопроизводстве, применяемой компетентными органами и должностными лицами к подозреваемым и обвиняемым при наличии достаточных оснований замены меры пресечения, связанной с лишением свободы, призванной обеспечить своевременную явку подозреваемого или обвиняемого по вызову компетентных органов, в производстве которых находится уголовное дело, выраженной во внесении денежных средств в качестве обеспечения невозможности лица скрыться от органов расследования и суда, препятствовать производству по уголовному делу или продолжать преступную деятельность.

6. Запрет покидать место жительства применяется в целях нахождения лица в определенном месте для обеспечения явки по вызовам следователя, прокурора, суда. Кроме того, законодательством предусмотрена и схожая мера пресечения в виде запрета выезда из страны, которая применяется при наличии оснований полагать, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, может скрыться от органов предварительного расследования и суда.

Теория и практика показывают, что меры пресечения в уголовном судопроизводстве имеют следующие характеристики:

Во-первых, имеют принудительный характер, поскольку направлены на принуждение совершения либо воздержания от совершения каких-либо действий. Например, не продолжать совершать преступления, не покидать место жительства, территорию государства, не допускается совершать действия, препятствующие расследованию, судебному преследованию, судебному разбирательству и исполнению приговоров.

Во-вторых, имеют превентивный характер. Данная характеристика показывает, что меры пресечения способствуют недопущению скрыться от органов расследования и суда, уничтожить доказательств, создания препятствия для производства по делу. Меры пресечения лишь временно ограничивают некоторые права и законные интересы лица, такие как свобода передвижения, проживания в конкретном месте, однако в силу целей применения и форм реализации не имеют признаков карательного характера.

В-третьих, законность применения. Законность мер пресечения выражается в том, что они применяются при наличии к тому законных оснований компетентными должностными лицами, имеют целью предупреждение совершения преступлений, предотвращение действий, препятствующих производству по делу.

В-четвертых, меры пресечения носят избирательный характер. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства и судебной практике меры пресечения применяются не по всем уголовным делам, поскольку для их применения необходимы определенные основания и условия. В этой связи выбор конкретных мер пресечения зависит от характера и степени опасности преступлений, в совершении которых подозревается или обвиняется лицо. Кроме того, если изменятся основания избранной меры пресечения, она должна быть отменена или заменена другой.

Меры пресечения имеют различную природу, содержание и цели применения. В этой связи меры пресечения возможно разделить на три группы:

1. Превентивные меры, такие как задержание лица в случаях, не терпящих отлагательства, временное задержание, временное заключение под стражу, залог применяются в качестве обеспечения недопущения совершения определенных действий.

2. Меры по обеспечению сбора доказательств, такие как временное задержание, в рамках которого может быть произведен личный обыск лица, освидетельствование на предмет обнаружения следов на теле задержанного.

3. Меры по обеспечению расследования, судебного разбирательства и исполнения решений, такие как задержание, заключение под стражу.

Все указанные меры пресечения имеют общие особенности, поскольку обладают силой государственного воздействия, так как применяется только компетентными органами и должностными лицами при наличии оснований и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, предназначены не для наказания или перевоспитания лиц, в отношении которых применяются, а для предотвращения и пресечения совершения новых преступлений, обеспечения производства по делу. Однако между ними имеются определенные различия.

Вместе с тем рассмотренные превентивные меры и меры по обеспечению сбора доказательств имеют следующие различия:

1. По содержанию: превентивные меры обладают способностью временно ограничивать права и законные интересы, а меры по обеспечению сбора доказательств такой возможностью не обладают.

2. Субъектом, в отношении которого применяются меры пресечения, может быть только человек, а меры по обеспечению сбора доказательств могут распространяться и на место жительства, место работы, учебы, предметы, документы, письма, телеграммы, электронные данные, посылки, почтовые отправления.

3. Превентивные меры применяются в основном для предотвращения преступлений, недопущения совершения новых преступлений. Однако в определенной степени превентивные меры служат и в целях сбора и сохранения доказательств по делу, создания благоприятных условий для расследования, судебного разбирательства и исполнения приговоров. Между тем, основной целью применения мер по обеспечению сбора доказательств является обнаружение, изъятие, фиксация и сохранение доказательств по делу.

4. По существу меры по обеспечению собирания доказательств являются следственными действиями, а меры пресечения относятся к процессуальным действиям.

Кроме того, выделяю некоторые различия превентивных мер и мер по обеспечению расследования, судебного разбирательства и исполнения приговора:

1. По содержанию. Меры по обеспечению расследования, судебного разбирательства, исполнения приговоров и превентивные меры носят принудительный характер, однако последние в силу возможности временно ограничить свободу передвижения лица, являются более строгими.

2. По субъектам, в отношении которых применяются. Меры по обеспечению расследования, судебного разбирательства, исполнения приговоров имеют более широкий охват применения, чем превентивные меры, поскольку применение обеспечительных мер затрагивает права и законные интересы иных лиц, например, родственников обвиняемого при наложении ареста на имущество для обеспечения возмещения ущерба. При этом к субъектам, в отношении которых применяются превентивные меры, являются исключительно лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

3. По целям применения. Применение мер по обеспечению расследования, судебного разбирательства, исполнения приговоров направлено на обеспечение производства по делу в порядке и сроки, установленные законом. Такие меры носят вспомогательный для производства по делу характер. Превентивные меры, в первую очередь, направлены на предупреждение совершения новых преступлений.

Несмотря на то, что между рассмотренными группами мер пресечения имеются различия, их применение направлено на эффективное производство по делу. Установление особенностей их применения поможет компетентным органам и должностным лицам, в производстве которых находится уголовное дело, обеспечивать права и законные интересы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в балансе с публичными интересами, направленными на борьбу с преступностью.

*Хо Хоанг Жанг¹,
доцент Юридического факультета
Академии народной безопасности
Министерства общественной безопасности Вьетнама*

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Мера процессуального принуждения в виде задержания лиц в условиях чрезвычайной ситуации основана на положениях Конституции Социалистической Республики Вьетнам (СВР), гарантирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Так, ст. 20 Конституции СВР 2013 г. предусматривает, что каждый имеет право на физическую неприкосновенность, охрану здоровья, чести и достоинства; никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, принуждению, телесным наказаниям или иным формам обращения, причиняющего вред здоровью, оскорбляющее честь и достоинство человека. Никто не может быть задержан без решения Народного суда или согласия Народной прокуратуры, за исключением случаев задержания на месте совершения преступления. Порядок задержания, заключения и содержания под стражей определяются законом.

Статья 102 Конституции СВР регламентирует, что Народный суд является судебным органом Социалистической Республики Вьетнам, осуществляющим судебную власть. Народный суд несет ответственность за защиту правосудия, прав и свобод человека и гражданина, интересов государства, а также прав и законных интересов организаций и отдельных лиц. Указанная норма закреплена впервые в Конституции СВР и достаточно обстоятельно раскрывает особенности деятельности суда по защите прав человека и гражданина.

Рассматриваемые нормы, регулирующие права и свободы человека и гражданина напрямую затрагивают правоотношения в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, ст. 3 Конституции СВР подтверждает, что государство признает, защищает и обеспечивает права человека и гражданина. Обязанность по реализации указанных функций возлагается на Народный суд и Народную прокуратуру. Конституция предусматривает, что первоочередной задачей Народного суда является защита справедливости и прав человека; регулирование принципов работы Народного суда, таких как публичное судебное разбирательство, независимость судей и присяжных заседателей, возможность обжалования судебных решений, что представляется важным для обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

В то же время Конституция СВР определяет, что основной функцией Народной прокуратуры является осуществление уголовного преследования и надзор за деятельностью правоохранительных органов по охране и защите прав человека. В этой связи прокуратура несет ответственность за соблюдение гарантий лиц, в отношении которых осуществляется преследование.

¹ © Хо Хоанг Жанг, 2025.

Очевидно, что закрепление в Конституции СРВ 2013 г. положений о правах человека и гражданина демонстрирует о существенном развитии законодательства, соответствующего нормам международного законодательства. Положения Конституции о правах человека и его гарантиях являются важной конституционной основой построения правовой системы и правоприменительной практики.

Статья 7 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) СРВ 2015 г. гласит: «Все уголовное судопроизводство должно осуществляться в соответствии с положениями настоящего Кодекса. Запрещено осуществлять преследование и судебное разбирательство вне предусмотренных УПК СРВ оснований, порядка и процедур. Уполномоченные на производство по уголовному делу лица должны строго соблюдать положения УПК СРВ. Все решения органов и лиц, уполномоченных принимать процессуальные решения должны быть основаны на нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Положения ст.ст. 8–12 УПК СРВ 2015 г. четко демонстрирует приверженность законодателей необходимости соблюдения основных принципов обеспечения прав человека. В частности:

- уважение и защита прав человека, прав и законных интересов личности (ст. 8). Компетентные органы или должностные лица при производстве по уголовному делу в пределах своих задач и полномочий обязаны уважать и защищать права человека, права и законные интересы личности; постоянно проверять законность и необходимость применения мер, своевременно отменять или изменять применяемые, если они признаны незаконными или в них отпала необходимость;

- обеспечение равенства перед законом (ст. 9). Процессуальные действия осуществляется в соответствии с принципом равенства всех перед законом, независимо от национальности, пола, убеждений, вероисповедания, сословия и социального положения. Любой совершивший преступление, будет нести уголовную ответственность. Все юридические лица равны перед законом независимо от форм собственности и отраслей экономики;

- обеспечение неприкосновенности личности (ст. 10). Каждый имеет право на неприкосновенность личности. Никто не может быть задержан без решения суда, решения или санкции прокуратуры за исключением задержания при совершении преступления. Задержание в случае крайней необходимости, заключение под стражу и временное содержание стражей должно соответствовать положениям настоящего Кодекса. Категорически запрещается применение пыток, (ред. иные формы) принуждения, телесные наказания или любые другие формы обращения, создающие угрозу жизни и здоровья;

- защита жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества личности; чести, деловой репутации, имущества юридического лица (ст. 11). Каждый имеет право на защиту Законом жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества. Любые противоправные действия, посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество личности; посягательства на честь, деловую репутацию и имущество юридического лица преследуются в соответствии с Законом. Граждане Вьетнама не могут быть выданы другому государству для уголовного преследования;

– обеспечение неприкосновенности жилища, частной жизни, личной, семейной тайны, сохранения в тайне переписки, телефонных и телеграфных сообщений (ст. 12). Никто не вправе посягать на жилище, частную жизнь, личную тайну, семейную тайну; безопасную и тайную переписку, телефонные, телеграфные и иные виды личных сообщений. Обыск в жилище; обыск, изъятие и осмотр переписки, телефонных, почтовых, электронных данных и иных видов личных сообщений должны осуществляться в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

В настоящее время прослеживается тенденция увеличения числа совершаемых на территории Вьетнама преступлений. В этой связи особую актуальность приобретают меры, направленные на оперативное реагирование на совершаемые преступления, в том числе применение мер принуждения, предусмотренные УПК СРВ 2015 г. В ст. 8 УК 2015 г. четко указано, что преступлением признается общественно опасное деяние, причиняющее или угрожающее причинением вреда общественным отношениям. Преступность прямо или косвенно наносит вред стабильности и устойчивости государственного режима, экономике и обществу, жизни, здоровью, свободам граждан. По этой причине Вьетнам придает большое значение предупреждению и оперативному реагированию на совершаемые преступления. Обязательным условием применения мер профилактики является устранение возможности совершения новых преступлений лицами, в отношении которых уже осуществляется уголовное преследование. В этой связи следует устранить возможность его сокрытия от органов предварительного расследования, что побуждает их применять меры принуждения. Решение об их применении не зависит от субъективного желания компетентных органов, а вытекает из обстоятельств уголовных дел.

Статья 109 УПК СРВ 2015 г. определяет основания применения мер принуждения, к которым относятся:

Во-первых, необходимость предупреждения новых преступлений. Своевременное предупреждение преступлений является одновременно основанием применения и целью применения профилактических мер. Согласно действующим положениям УПК СРВ данное основание часто применяется для задержания лиц в случаях, не терпящих отлагательства при установлении одного из оснований, предусмотренных п. 1 ст. 110 УПК СРВ.

Во-вторых, необходимость обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого по вызову органа расследования, прокуратуры или суда для производства процессуальных действий. Если лицо, в отношении которого осуществляется преследование может скрыться или совершить действия, препятствующие производству по уголовному делу, имеются основания для применения меры принуждения. Лицами, в отношении которых применяются меры принуждения являются подозреваемые и обвиняемые, однако при задержании лица на месте совершения преступления, они могут применены и к лицам, не имеющим таковой процессуальный статус.

В-третьих, при наличии информации об осуществлении в отношении лица уголовного преследования и привлечения его к уголовной ответственности. В этой связи необходимо обеспечить возможность уголовного преследования

лица по новому уголовному делу. Основаниями для предположений о том, что лицо может продолжить заниматься преступной деятельностью, являются следующие:

1) отрицательная характеристика лица, имеющего судимость, совершающего преступления на профессиональной основе;

2) демонстрация лицом намерения продолжать совершать противоправные деяния, например, высказывание угроз в адрес участников уголовного судопроизводства, приготовление орудий, средств совершения преступления, создание иных необходимых условий для совершения преступления, что в совокупности с информацией о личности лица создает впечатление о реальности их реализации.

В-четвертых, необходимость обеспечить исполнение решения суда. В уголовном судопроизводстве исполнение приговора можно считать завершающей стадией уголовного судопроизводства, направленной на исполнение вступивших в законную силу приговоров и решений суда. Исполнение приговора или решения суда напрямую связано с лицом, осужденным за совершение преступления. Если осужденный уклоняется от исполнения приговора или совершает действия, затрудняющие его исполнение, компетентные органы обязаны предпринять действия, направленные на принуждение лица к правомерному поведению.

В этой связи УПК СРВ предусматривает, что необходимость обеспечения исполнения приговора в отдельных случаях является основанием применения мер принуждения. Суды часто применяют это основание, например, в отношении обвиняемых, которые не содержались под стражей в досудебном производстве, однако были признаны виновными и им назначено наказание в виде лишения свободы при условии, что обвиняемый может скрыться от органов предварительного следствия и суда или продолжит совершать преступления. Присяжные могут принять решение о временном задержании обвиняемого прямо на судебном заседании, чтобы обеспечить исполнение приговора. Среди оснований применения мер принуждения, указанных в ст. 109 УПК РФ, наиболее очевидным и прямым основанием для применения мер принуждения в случаях совершения тяжких преступлений является задержание лица в случае чрезвычайной ситуации. Что касается случая, когда «обвиняемый может создать препятствия в расследовании преступлений или продолжит заниматься преступной деятельностью», то применяемые меры принуждения также разнообразны.

При принятии решения о применении меры принуждения компетентные органы и лица должны учитывать характер преступления, отягчающие и смягчающие обстоятельства, а также особенности личности обвиняемого. Следует уделить внимание решению о необходимости применения превентивных мер. Одной из профилактических мер, вносящей важный вклад в предупреждение преступности и создающей благоприятные условия для расследования преступлений является мера «экстренного задержания».

Это одна из новых мер принуждения, предусмотренная ст. 110 УПК СРВ 2015 г., заменившая применяемую с 2003 г. меру задержания лиц в чрезвычайных ситуациях, предусмотренных ст. 81 УПК СРВ. Новая мера принуждения призвана обеспечить соблюдение предписаний Конституции СРВ 2013 г., со-

гласно которым «никто не может быть задержан без решения суда, согласия органов прокуратуры». Видно, что целью регулирования и применения профилактических мер, в том числе мер по задержанию лиц в чрезвычайных ситуациях является оперативное предупреждение преступлений, в том числе путем пресечения возможности подготовки лицом новых преступлений.

Ендольцева А. А.¹,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Карпов А. Р.²,
командир отделения 621-го взвода
Института-факультета судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СООТНОШЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Одной из основных задач российского уголовно-процессуального законодательства является получение наиболее весомых доказательств. В процессе раскрытия и расследования преступлений следователю зачастую не хватает специальных знаний в области науки и техники, необходимых для умения работать, в первую очередь, со следами преступления и вещественными доказательствами. А ведь именно в следах преступления хранится наиболее важная информация, имеющая значение для расследования, поэтому умение работать с такими объектами и исследовать их необходимо для российской правоохранительной системы.

В нашей стране специальными знаниями в рассматриваемой области обладают эксперты и специалисты. Согласно ст. 57 УПК РФ, эксперт – это «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения». В ст. 58 УПК РФ дано определение специалиста – «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». С точки зрения закона эксперт и специалист – это два разных участника уголовного процесса, но при этом одно и то же лицо может выполнять функции как специалиста, так и эксперта. Это объясняется тем, что для них обоим необходимо наличие специальных знаний работы со следами, только специалист работает с ними непосредственно на месте происшествия, а эксперт детально исследует объекты для дачи ответов на вопросы следователя, дознавателя и суда, обозначенные ими в постановлении о назначении судебной экспертизы.

Но что же будет являться доказательством по результатам работы эксперта и специалиста? Для них обоих УПК РФ предусматривает такую форму их участия в производстве по уголовному делу как дача заключения.

¹ © Ендольцева А. А., 2025.

² © Карпов А. Р., 2025.

Согласно ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – это «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами». Заключение специалиста представляет собой «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Даже из определений мы видим, что между этими документами много общего, но в чем же существенные их различия и стоит ли два этих документа одинаково называть «заключением»?

Рассмотрим различия для наглядности в таблице.

Заключение эксперта	Заключение специалиста
Это выводы по результатам проведенного исследования	Это ответы на поставленные вопросы без проведенного исследования
В результате экспертного заключения формируются новые сведения, которые представляют собой самостоятельные доказательства	Заключение специалиста подразумевает лишь уточнение и разъяснение уже имеющихся по уголовному делу сведений
Эксперт может быть вызван на допрос только после дачи заключения	Специалист может быть допрошен в независимости от того, есть ли его заключение или нет
Эксперт дает заключение на основе выработанной методики исследования	Специалист дает заключение на основе своих знаний и внутреннего убеждения
Заключение эксперта является самостоятельным доказательством	Заключение специалиста по сути играет вспомогательную роль
Заключение эксперта оформляется как отдельный документ, основанием его составления является постановление следователя, дознавателя или суда о назначении судебной экспертизы и дается оно в определенном месте за определенный срок	Заключение специалиста, как правило, оформляется на самом месте происшествия или при проведении другого следственного действия, заносится в протокол или оформляется самостоятельным документом и не требует отлагательств

Из данной таблицы мы видим, что по своей природе это совершенно два разных процессуальных документа. Заключение эксперта более формализовано, требования, предъявляемые к этому документу законом, отражены в ст. 204 УПК РФ. В тоже время к заключению специалиста практически отсутствуют требования, закрепленные в законе.

Исходя из этого, возникает вопрос о целесообразности использовать тот же термин «заключение» относительно специалиста. Предлагаем в данном случае называть рассматриваемый документ как «справка специалиста». Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывает, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает свое суждение по вопросам сторон [4].

В судебной практике заключение специалиста в силу своей процессуальной «слабости» зачастую вообще не может восприниматься в качестве доказательства, например, для установления причины смерти, определения скорости автомобиля в момент столкновения, определения расстояния выстрела и по другим вопросам, которые требуют детального исследования. Исходя из этого, возникает вопрос, а может ли вообще заключение специалиста, основанное на внутреннем суждении, а не на исследовании, проводимом по специальной методике, быть доказательством?

Доказательство – это сведения о фактических данных, которые указывают на обстоятельства, подлежащие доказыванию, и их получение не может быть основано на внутреннем, субъективном убеждении, в данном случае без проведенного исследования. Безусловно, в заключении эксперта тоже есть субъективизм, но здесь мнение эксперта связано с внутренним убеждением эксперта, основанным на проведенном исследовании по определенной методике, в то время как заключение специалиста основывается на его знаниях, качество которых может быть под вопросом. Поэтому мы согласны с позицией И. А. Суровенко в том, что «заключение специалиста должно отличаться от заключения эксперта, именно тем, что там отсутствует исследовательская часть» [7, с. 144].

Однако исходя из принципиальной разницы, связанной с отсутствием исследования, которое специалист не проводит, на практике заключение эксперта и специалиста зачастую противоречат друг другу. По одному из дел Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что по своему содержанию заключение специалиста фактически представляет собой мнение начальника судебно-медицинской лаборатории о необоснованности выводов эксперта, которые судом признаны допустимыми и достоверными доказательствами по делу [1]. В другом своем решении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующее: «Не может поставить под сомнение выводы экспертов представленное в суд заключение специалиста, содержащее его частное мнение об отсутствии причинной связи между причиненным потерпевшему ушибом и его смертью» [2]. Данный пример показывает, что суды, в первую очередь, принимают в качестве доказательства заключение эксперта.

На практике встречаются также случаи отказа принятия следователем, дознавателем или судом заключения специалиста на основании того, что оно дано заинтересованным лицом. Так, суд оценил заключение специалиста как недопустимое доказательство, поскольку заключение заказывалось заинтересованными лицами – стороной защиты, и специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения [3]. А согласно ст. 307 УК РФ специалист несет ответственность только за дачу заведомо ложных показаний, но не за дачу заведомо ложного заключения. И это в правовом поле крайне важно. По мнению некоторых авторов, «самостоятельное привлечение защитником специалиста для дачи заключения нарушает принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, поскольку деятельность специалиста происходит за пределами состязательного процесса, в связи с тем,

что следователь лишён права сформулировать дополнительные вопросы специалисту, ходатайствовать о его отводе» [5, с. 260].

Исходя из вышеуказанных примеров и приведенных норм законодательства, считаем целесообразным пересмотреть ст. 80 УПК РФ и заменить термин «заключение специалиста» на «справка специалиста». Полагаем целесообразным исключить справку специалиста из категории самостоятельных видов доказательств и считать ее иным документом (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). При этом необходимо выделить следующие критерии допустимости приобщения справки специалиста к материалам уголовного дела:

- выводы специалиста должны быть основаны на его знаниях, т. е. должно отсутствовать исследование;
- решение диагностических и ситуационных задач;
- неизменность состояния объектов.

В настоящий момент заключение специалиста не отвечает требованиям формализованных доказательств, поскольку, в отличие от процедуры назначения судебной экспертизы, не определен порядок истребования и представления заключения специалиста, не регламентированы форма, структура и содержание такого заключения, не установлены права сторон, связанные с получением заключения специалиста. Поэтому имеют под собой основания суждения авторов, относящих заключение специалиста к иным документам [6, с. 23–28], и мы их полностью поддерживаем по причинам, изложенным выше.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2017 г. № 72-АПУ17-14 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
2. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. № 49-АПУ16-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
3. Приговор Красноярского районного суда от 4 сентября 2019 г. № 1-70/2019 по делу № 1- 70/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L3CzuooDalWv/?ysclid=m3c1awwoh842708393>.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
5. Аверьянова Т. В., Корухов Ю. Г. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 4.
6. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Заключение специалиста как иной документ // Российский следователь. 2020. № 7.
7. Суровенко И. А. Специалист как участник в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и постсоветских государств // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 1. С. 142–146.

Зубарев А. А.¹,

*старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Венидиктов М. И.²,

*старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗА РУБЕЖОМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЗАПРОСОВ ОБ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Задача организации международного сотрудничества при расследовании преступлений носит практический характер, так как необходимость проведения за рубежом различных следственных действий (таких как допрос, осмотр, выемка, обыск, судебная экспертиза и т. д.) зачастую просто не имеет альтернатив. Такие ситуации возникают, когда свидетели, потерпевшие или другие участники уголовного процесса, документы по уголовному делу, расследуемому на территории России, находятся на территории другого государства, либо когда обвиняемый или подозреваемый по уголовному делу, разыскиваемый в России, скрывается за рубежом. Главной формой международного сотрудничества в указанных ситуациях является направление запроса об оказании правовой помощи за рубежом, в рамках которого одним государством в интересах другого проводятся конкретные процессуальные действия. По результатам их проведения российскому следователю из-за рубежа поступают различные материалы о расследуемом преступлении (документы, предметы, протоколы), что сразу ставит вопрос об их доказательственном значении.

Существуют ли какие-то способы оценки допустимости использования указанных материалов в качестве доказательств в российском уголовном процессе? В настоящее время сложно однозначно и окончательно ответить на этот вопрос.

При обращении к отечественному уголовно-процессуальному законодательству следует отметить, что законодатель, формулируя положения УПК РФ, ориентировался на международную кооперацию в правоприменительной сфере и рассматривал использование таких доказательств как практически неизбежное в следствие глобализации, а также возросшего уровня и интенсивности международного сотрудничества. Так в ст. 455 УПК РФ указано, что «доказательства, полученные на территории иностранного государства ... в соответствии с меж-

¹ © Зубарев А. А., 2025.

² © Венидиктов М. И., 2025.

дународными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями УПК РФ».

Исходя из содержания этой статьи можно сделать вывод, при получении доказательств из-за рубежа отечественный правоприменитель оценивает только соответствие требованиям порядка их направления российским правоохранительным органам, а также соблюдение соответствующих международных договоров и соглашений в сфере правового сотрудничества. Однако, ни в конвенциях, ни международных договорах, посвященных рассматриваемому вопросу, мы не найдем ни перечней существенных нарушений, влекущих исключение доказательств из процесса доказывания, ни каких-либо критериев допустимости доказательств, полученных в ходе оказания правовой помощи за рубежом [1]. Но возникает вопрос, как быть, в случае если при получении подобных доказательств были нарушены права и свободы человека, гарантированные Конституцией Российской Федерации? Можем ли мы закрыть глаза на подобные нарушения и использовать предоставленные материалы в уголовно-процессуальном доказывании на территории Российской Федерации, на том основании, что они были заверены и переданы российскому правоприменителю в установленном порядке? Представляется, что ответ на этот вопрос очевидно будет отрицательным. Исходя из этого можно констатировать, что на законодательном уровне рассматриваемый вопрос до настоящего времени не нашел своего разрешения.

Переходя к анализу научных позиций отечественных процессуалистов по обозначенной теме, следует отметить, что данные позиции весьма далеки от единообразия.

Так, достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой вопросы допустимости в российском уголовном процессе доказательств, полученных за рубежом, целиком и полностью зависят от соблюдения при их получении законодательства конкретного государства, где они были получены [2, с. 27]. Рассматриваемая точка зрения сразу порождает ряд проблем, связанных с необходимостью изучения и оценки соблюдения зарубежного законодательства российским правоприменителем в ходе процесса доказывания на территории Российской Федерации, что на практике представляется труднореализуемым.

Еще одна точка зрения, сторонником которой является К. Б. Калиновский, предусматривает, что допустимость доказательств в российском уголовном судопроизводстве не может зависеть от законности действий зарубежного правоприменителя, не регулируемых УПК РФ, при получении им различных материалов, содержащих доказательственную информацию. Таким образом протоколы допроса или обыска, составленные иностранным должностным лицом, не могут непосредственно оцениваться как протоколы соответствующего следственного действия согласно УПК РФ, а рассматриваются как источники доказательств после приобщения их к уголовному делу в качестве «иных документов» (ст. 84 УПК РФ) или вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ) [3].

Такой подход также имеет свои слабые стороны. Определенные следственные действия (допросы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, осмотр места происшествия, случаи обязательного назначения экспертизы и т. д.) в обязательном порядке должны проводиться в рамках расследования уголовного дела. Результаты их проведения, согласно УПК РФ, могут отражаться только в конкретных протоколах, но никак не в «иных документах» или вещественных доказательствах. Кроме того, подобный подход парализует саму возможность фактического взаимодействия между государствами при расследовании уголовных дел, сводя ее лишь к чисто информационному обмену.

Полагаем, что наиболее оптимальным путем решения рассматриваемой проблемы является осуществление оценки российскими правоприменителями доказательств, полученных на территории иностранных государств, с позиции требований предъявляемых Конституцией Российской Федерации, международными конвенциями и декларациями о защите прав и основных свобод человека, а также с точки зрения соответствия фактически проведенных за рубежом действий по собиранию доказательств запросам, имеющимся в международном следственном поручении.

Общая практика международного сотрудничества в сфере оказания правовой помощи, предусматривает применение при оказании данной помощи законодательства того государства, на территории которого непосредственно проводятся процессуальные действия по получению доказательственных материалов. Однако указанное правило не препятствует изложению в запросе об оказании правовой помощи конкретных правил проведения тех или иных действий, которые могут применяться, если они не противоречат его внутреннему законодательству страны, компетентные органы которой исполняют международное следственное поручение. Об этом же свидетельствуют последние тенденции в международно-правовой сфере [4].

Таким образом, вопрос об обеспечении допустимости доказательств, полученных в ходе исполнения международного следственного поручения, должен ставиться еще на этапе подготовки запроса об оказании правовой помощи. В нем должны быть изложены не только все процессуальные действия, которые необходимо провести на территории другого государства, но и очередность их проведения, требования к статусу должностного лица, а также указано какими правами должен обладать свидетель и каковы рекомендуемые пути их обеспечения. В этой связи представляется логичным, что составление качественного международного следственного поручения – есть первый этап обеспечения допустимости доказательств, получаемых из-за рубежа, который в последствии будет оценивать правоприменитель.

Вторым этапом является анализ непосредственно процессуальных действий, которые проводились за рубежом в рамках запроса об оказании правовой помощи. В данном случае оценка должна быть направлена на соответствие проведенных действий направлявшемуся запросу, недопущение при их проведении нарушений прав и свобод человека и гражданина, гарантированных как Конституцией Российской Федерации, так и международными нормативными правовыми актами (Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и др).

В качестве примеров проведения такой оценки можно обратиться к практике Европейского Суда по правам человека, так как, рассматривая конкретные жалобы, данный орган так или иначе вынужден анализировать применения процессуальных норм различных стран с точки зрения соблюдения прав человека.

Так в решении по делу Ван Мехелен против Нидерландов Европейский Суд по сути косвенно сослался на общепризнанные правила, которые призваны обеспечить соблюдение прав обвиняемого при собирании доказательств, указав, что «обычно все доказательства должны быть представлены в ходе публичного слушания в присутствии обвиняемого, чтобы обеспечить состязательность» [5].

По мнению С. А. Насонова, в процессе проведения процессуальных действий, направленных на получение доказательств в различных странах, должны приниматься меры по обеспечению соответствия этих действий признаваемым Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод праву на неприкосновенность частной жизни, праву на личное достоинство, праву на защиту, праву на тайну переписки и телефонных переговоров, на неприкосновенность жилища. В конкретных случаях умаления этих прав, использование собранных таким путем доказательств в судебном разбирательстве, может повлечь признание его несправедливым решением Европейского Суда [6].

Нельзя забывать также о прямом действии Конституции Российской Федерации. В частности, согласно ст. 51 Конституции Российской Федерации, никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Соответственно если данное положение не было разъяснено самому обвиняемому или его близким родственникам, то полученные таким образом показания не могут быть признаны допустимыми для использования в российском уголовном процессе.

На последнем, третьем, этапе оценки допустимости доказательств, поступивших из-за рубежа, правоприменитель должен проанализировать соответствует ли порядок заверения и передачи этих материалов, требованиям, установленным в соответствующем международном договоре, а также в самом запросе об оказании правовой помощи.

Здесь необходимо обратить внимание, что при оценке возможности вовлечения данных доказательств в материалы уголовного дела, необходимо также исходить из законности проведения того или иного следственного действия на текущем этапе российского уголовного судопроизводства. Это важно, как указывает Б. Комлев, когда процессуальное действие проводится на территории другого государства, в то время как предварительное следствие по уголовному делу в России приостановлено по одному из оснований ст. 208 УПК РФ. В данном случае полученные в результате указанных процессуальных действий протоколы не могут быть использованы в качестве доказательств в российском уголовном судопроизводстве [7, с. 25].

Резюмируя выводы, полученные в рамках данной статьи, мы можем констатировать, что существующая редакция ст. 455 УПК РФ не предлагает конкретного алгоритма оценки допустимости доказательств, полученных за рубежом

в ходе исполнения запроса об оказании правовой помощи, оставляя данный вопрос на усмотрение правоприменителя. В этой связи мы предлагаем следующие критерии для признания подобных доказательств недопустимыми:

1) нарушение при получении доказательств на территории иностранного государства прав и свобод человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации, международными конвенциями и декларациями, ратифицированными в установленном порядке Российской Федерацией и страной, где проводились процессуальные действия по получению данных доказательств;

2) нарушение требований УПК РФ, касающихся порядка оформления запроса об оказании правовой помощи;

3) не соблюдения должностным лицом иностранного государства предписаний запроса об оказании правовой помощи, касающихся обеспечения процессуальных прав лиц, в отношении которых проводятся следственные действия, без отсылки на нормы национального законодательства, которые препятствуют исполнению этих предписаний.

Эти положения представляют собой правила оценки допустимости доказательств, поступивших из-за рубежа, которые целесообразно включить в ст. 455 УПК РФ. Подобное решение даст четкие ориентиры судебно-следственным работникам при вовлечении указанных доказательств в российское уголовное судопроизводство.

Список литературы

1. Спанов Б. И. Международное сотрудничество органов предварительного следствия МВД России в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

2. Сидоренко Е. Допустимость доказательств, полученных на территории других государств (по материалам уголовного дела по обвинению Д. Якубовского) // Законность. 1998. № 2.

3. Калиновский К. Б. Использование материалов, полученных на территории других государств, в качестве доказательств в российском уголовном процессе // Международное сотрудничество в борьбе с экономической преступностью и отмыванием денег : сборник научных трудов. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. С. 43–44.

4. Предварительный проект Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам. Замечание Секретариата, составленное Генеральным управлением по юридическим вопросам. Страсбург, 20 октября 1999 г.

5. Van Mechelen v. Netherlands. Judgement of 23 Apr. 1997, Series A., No 36. para.50 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 444.

6. Насонов С. А. Право требовать от судьи не использовать доказательства, полученные с нарушением закона // Политика и право. 2002. № 5. С. 35–36.

7. Комлев Б. Исключение доказательств, полученных из других государств, из процесса доказывания // Законность. 1998. № 3.

*Маламагамедова А. Р.¹,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Потерпевший – один из важнейших участников уголовного процесса. Это лицо, для защиты и восстановления прав которого уголовное дело и было возбуждено. При этом в ходе уголовного судопроизводства нередки случаи, когда роль потерпевшего заключается в участии всего в нескольких следственных действиях. Анализ уголовно-процессуальных норм приводит к выводу о том, что законодатель в большей степени был озадачен проблемами регулирования прав подозреваемых и обвиняемых, нежели потерпевшего. Наряду с этим, по нашему мнению, УПК РФ все же оставляет ряд неразрешенных вопросов в части обеспечения прав потерпевших.

Согласно положениям ст. 42 УПК РФ потерпевшим по уголовному делу является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Потерпевшему, как участнику уголовного процесса посвящено немало исследований, однако, по сегодняшний день в правовом статусе данного лица существуют не разрешенные вопросы. В данной статье хотелось бы остановиться на юридических лицах, как потерпевших по уголовному делу.

Согласно ч. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

В целях обеспечения и защиты прав потерпевших физических лиц, УПК РФ предусматривает процессуальные действия, которые необходимо произвести в случае смерти последнего. Так, в таком случае права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников.

Аналогичным образом этот вопрос разрешен и в части дел частного обвинения, а именно ч. 2 ст. 318 УПК РФ предусматривает возможность подачи в суд заявления близким родственником потерпевшего, в случае его смерти.

Так точно законодатель коснулся вопросов правопреемства в уголовном процессе. При этом, к сожалению, в УПК РФ не уделяется внимания потерпевшим юридическим лицам, которые могут быть ликвидированы или реорганизованы, что несет ряд юридических последствий.

¹ © Маламагамедова А. Р., 2025.

А. Д. Прошляков полагает, что права потерпевшего – юридического лица ни при каких обстоятельствах не могут перейти к иным лицам. При этом он проводит параллель между ликвидацией юридического лица – потерпевшего по уголовному делу и смертью потерпевшего – физического лица, если она наступила не в связи с совершенным преступлением [4, с. 207]. В действительности переход прав потерпевшего-физического лица, в случае если его смерть не стала последствием совершенного преступления, не определен в УПК РФ. Но это не значит, что и последствия ликвидации или преобразования юридических лиц-потерпевших, также должны оставаться без надлежаще правовой регламентации. На сегодняшний день уголовно-процессуальный закон вовсе игнорирует вопросы правопреемства потерпевших юридических лиц при ликвидации или реорганизации последних. В связи с чем на практике эти вопросы остаются на усмотрение лица, производящего расследование. Данное обстоятельство приводит к отсутствию единообразной правоприменительной практики.

Фактически при отсутствии прямого предписания уголовно-процессуального законодательства относительно рассматриваемого вопроса, ответ необходимо искать в гражданско-правовых нормах, регламентирующих порядок правопреемства при реорганизации юридических лиц. Статья 57 ГК РФ предусматривает пять форм реорганизации юридических лиц, а именно: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Это достаточно длительный и юридически многоступенчатый процесс, допускающий вариативность в зависимости от волеизъявления учредителей и участников юридического лица. В частности, допускающий возможность реорганизации в виде комбинирования различных ее форм. Данные положения дают много поводов для размышления о правовом положении юридического лица как потерпевшего по уголовному делу. Статья 58 ГК РФ подробно разъясняет вопросы правопреемства при каждой из форм реорганизации юридических лиц. Полагаем, что аналогичные предписания должны содержаться и в УПК РФ в отношении юридических лиц потерпевших от преступления.

Кто может реализовать права потерпевшего юридического лица в случае его ликвидации? Полагаем, что должностные лица – участники со стороны обвинения могут реализовать свои функции в части установления виновного и привлечения его к ответственности. Но вопрос о лице, которому полагается материальное возмещение причиненного вреда или ущерба, остается открытым.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации в вопросах, связанных с ликвидацией юридического лица прямо обозначена. Своим определением он подтвердил правомерность признания потерпевшим юридического лица, даже при прекращении последним своей деятельности и исключении из единого государственного реестра юридических лиц до вынесения приговора. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что лицо является потерпевшим (пострадавшим) в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не в следствии вынесения решения о признании его потерпевшим [3]. При этом вопрос о том, кем будут реализованы права потерпевшего остается открытым.

Одной из причин, по которой вопрос о правопреемстве юридических лиц в уголовном процессе должен быть разрешен, является наличие прав у учредителей в отношении имущества ликвидированного юридического лица, которым фактически преступлением может быть причинен вред.

Судебная практика идет по пути того, что учредители юридического лица могут быть потерпевшими в случаях, если причинен вред имуществу, которое им передается после ликвидации юридического лица, а именно это те учредители, которые имеют вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица (ст. 63 ГК РФ).

Позиция суда такова, что учредители могут обращаться за защитой своих имущественных прав до ликвидации организации, так как ст.ст. 90, 93 ГК РФ и ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Участник общества обладает всеми правами собственника, в связи с чем, он может защищать свою собственность всеми способами, не противоречащими закону [2].

При этом аналогичный порядок не может быть применен к некоммерческим организациям, в отношении имущества которых законодатель не предусматривает наличия притязаний его участников. Так, согласно Федеральному закону № 7-ФЗ при ликвидации некоммерческой организации оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество ... направляется в соответствии с учредительными документами на цели, в интересах которых она была создана, и (или) на благотворительные цели» [1].

Полагаем, что в основе определения перехода прав потерпевшего юридического лица, должны лежать документы, регламентирующие порядок распределения имущества данного лица. При этом, такими правопреемниками могут быть несколько вновь образованных юридических лиц.

Решение на законодательно уровне вопросов правопреемства юридических лиц в уголовном процессе имеет важное значение для обеспечения прав участников и непрерывности уголовного судопроизводства, даже в тех случаях, когда один из его участников по какой-либо причине выбывает из процесса. Отсутствие единого подхода к определению перехода прав потерпевшего в уголовном процессе создает проблемы для практики правоприменения.

Полагаем, что на сегодняшний день назрела необходимость разработки процессуального порядка перехода прав ликвидированного или реорганизованного юридического лица другим лицам. Данный уголовно-процессуальный механизм обеспечит эффективность защиты прав и законных интересов лиц, которым преступлением причинен вред имуществу или деловой репутации. В частности, ст. 42 УПК РФ должна определять порядок процессуального правопреемства при реорганизации и ликвидации юридических лиц.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

2. Апелляционное постановление от 28 июня 2017 г. № 22К-898/2017 по делу № 22К-898/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9M1SoqYFVxj/?ysclid=m3458ufjn9663276851>.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

4. Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2009. № 5.

Яковлева К. Ю.¹,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СПЕЦИФИКА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ИЗ ОБЛАЧНОГО ХРАНИЛИЩА

Хранение имеющей доказательственное значение электронной информации с применением облачных хранилищ, объективно обусловило возникновение ряда отмечаемых отечественными и зарубежными [14, с. 285–299] исследователями проблем, связанных с процессуальным порядком извлечения такой информации и ее дальнейшим использованием в доказывании с точки зрения наличия свойств достоверности и допустимости.

Под облачными хранилищами (облачными технологиями, облачными вычислениями (cloud computing) понимается парадигма для предоставления возможности сетевого доступа к масштабируемому и эластичному пулу (содержанию) общих физических или виртуальных ресурсов с предоставлением самообслуживания и администрированием по требованию [4; 5].

Облачные хранилища могут использоваться в качестве сети для хранения, распределения электронной информации и с целью реализации других вычислительных процессов с ней.

Виды облачного хранилища:

1. По пользовательскому признаку:

- а) публичное облако;
- б) частное облако;
- в) смешанное облако.

2. По сущностному признаку:

а) *infrastructure as a service* – IaaS (инфраструктура как услуга) – предоставление необходимых структурных сервисов;

б) *platform as a service* – PaaS (платформа как услуга) – тестирование программного обеспечения, то есть реализация сервисного обслуживания платформы;

в) *Software as a service* – SaaS (программное обеспечение как услуга) – хранение и оперативная передача электронной информации [6, с. 45].

С технической стороны все облачные хранилища позволяют использовать программное обеспечение без его установки на средство вычислительной техники (компьютер, планшет, Smartphone и др.) пользователя. Пользователь может только владеть облачным хранилищем.

Перечисленные виды хранилищ отличаются между собой технологичностью, а также возможностями. Самым распространенным и активно используемым облачным хранилищем является SaaS – услуга хранения электронной информации.

¹ © Яковлева К. Ю., 2025.

Однако органы предварительного расследования в ходе использования облачного хранилища в процессе собирания доказательств по уголовному делу сталкиваются с рядом проблем.

Одна из таких проблем заключается в территориальности. Она состоит в том, что доказательственная электронная информация может содержаться на серверах, размещенных на территории различных государств. При этом, вследствие таких обстоятельств, как быстрая изменчивость содержания информации и возможность ее уничтожения практически в любой момент, особое значение приобретает фактор времени, в течение которого должен быть осуществлен доступ к носителю соответствующей информации с целью ее копирования.

В результате, возникает потребность решения временной проблемы дистанционного доступа к такому носителю электронной информации, находящемуся в юрисдикции другого государства или нескольких государств.

Данная потребность вызвала, как известно, появление Будапештской конвенции [13], разработавшей механизм межгосударственных взаимоотношений, возникающих в анализируемой ситуации. Россия не является государством-участником этой конвенции, а с другой стороны, ее основные положения в достаточной степени освещены в работах отечественных исследователей [7; 8, с. 305–310].

Вместе с тем представляется необходимым отметить, что первоначально Россия выражала намерение ратифицировать названную конвенцию с оговоркой о том, что это произойдет при условии изменения п. «b» ст. 32, который допускал возможность компетентных органов других государств осуществлять без согласования с Россией дистанционное собирание электронной информации, которая хранится на серверах, находящихся в территориальной юрисдикции нашей страны [1]. В результате в России отказано в ратификации Будапештской конвенции [2].

Сложившаяся ситуация обусловила представление 29 июня 2021 г. Российской Федерацией в ООН проекта Конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [12]. В ч. 2 ст. 3 этого проекта указывается: «Настоящая Конвенция не наделяет компетентные органы Государства-участника правом осуществлять на территории другого Государства-участника юрисдикцию и функции, которые относятся к исключительной компетенции органов этого другого государства, если иное не предусмотрено в настоящей Конвенции в соответствии с его внутренним законодательством».

Такая формулировка в целом направлена на обеспечение суверенитета будущих государств-участников конвенции, если она будет принята в предлагаемой редакции и является юридической гарантией от собирания электронной информации в территориальной юрисдикции России. Вместе с тем создает правовой барьер в собирании доказательственной электронной информации за рубежом, несмотря на то, что ч. 2 ст. 39 проекта предусматривает возможность некоторого расширения национальной юрисдикции в определенных случаях (они перечислены в этой статье проекта).

Теоретически возможное решение проблемы путем заключения межгосударственных договоров по данному аспекту с конкретными государствами, однако, вряд ли можно считать такой подход приемлемым. Хотя этот путь выглядел бы более предпочтительным, чем конвенциональный вследствие возможности учета в таких договорах не только принципов и норм международного права, но и особенностей национального законодательства договаривающихся сторон.

Также невозможно игнорировать и то обстоятельство, что нынешнее состояние международных отношений России с практически всеми европейскими и целым рядом неевропейских государств не дает абсолютно никаких гарантий добросовестного выполнения такими государствами взятых на себя обязанностей.

Второй значимой проблемой можно считать отсутствие в уголовно-процессуальном законе механизма обеспечения минимальных требований к собиранию в облачных хранилищах доказательств, содержащих электронную информацию.

При копировании электронной информации может иметь существенное значение не только контент, но и метаданные файла, и фиксирование соответствующих метаданных. Это в свою очередь создает дополнительную гарантию наличия свойства достоверности, а в некоторых ситуациях – и допустимости скопированных данных [11, с. 13].

Значимость данного вывода существенно повышается при собирании доказательственной электронной информации, поскольку именно метаданные (данные, которые позволяют определить, контекстуализировать или описать другие данные; синтезируют основную информацию о данных, облегчают поиск и управление конкретными примерами данных – автор, дата создания, дата изменения, размер файла и др.) [9, с. 74] позволяют осуществлять идентификацию собственника (создателя этой информации и ее пользователей).

Раскрыть значение метаданных в рамках особенности собирания доказательств, содержащих электронную информацию, по уголовному делу.

Третья проблема собирания электронной информации из облачного хранилища заключается в доступности электронной информации. В свою очередь, разный подход будет реализован в рамках получения закрытой, полужакрытой и открытой (данные доступны для публичного скачивания) [9, с. 74] электронной информации в собирании доказательств.

Согласно позиции С. В. Шолохова, «в условиях развития технологий удаленного доступа к информации, а также облачных сервисов хранения и обработки данных следователю приходится работать с информацией, которая может быть целенаправленно уничтожена лицами, заинтересованными в этом. Соответственно, действия по пресечению попыток, как санкционированного доступа с помощью скомпрометированных аккаунтов, так и несанкционированного доступа посредством взлома электронного устройства могут представлять исключительную ценность при сохранении криминалистически значимой информации» [10, с. 179].

Обвинительный приговор Советского районного суда города Брянска от 28 июля 2023 г. по делу № 1-169/2023 [3] по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ

(истязание) указаны доводы защиты о непродолжительном сроке хранения файлов, загруженных в облачное хранилище Яндекса, ставящем под сомнение возможность их копирования при обстоятельствах, указанных в протоколе осмотра места происшествия, суд считает необоснованными, поскольку протокол следственного действия содержит достаточно сведений, позволяющих сделать вывод о способе и последовательности обнаружения и записи (скачивания) файлов, имеющих значение для уголовного дела, указанное следственное действие проведено в соответствии с требованиями ст.ст. 170, 177 УПК РФ, с участием понятых, протокол составлен в соответствии с требованиями ст.ст. 166 и 180 УПК РФ, в нем полно отражены ход и результаты следственного действия, зафиксирован факт личного ознакомления всех участников осмотра с протоколом, при этом каких-либо замечаний, заявлений и дополнений от них не поступило, и поэтому суд не находит оснований для признания этого протокола недопустимым доказательством.

В результате изъятие файлов из облачного хранилища в процессе осмотра места происшествия признано допустимым доказательством. Изъятие путем копирования файла стороной защиты ставится под сомнение, однако судом обоснована допустимость тем, что зафиксирован процесс изъятия детально, а также участники уголовного судопроизводства смогли подтвердить данный факт.

Такая аргументация допустимости доказательства заставляет подвергнуть анализу ряда доказательств. В связи с этим требуются технические механизмы, закрепленные нормами, которые бы позволяли безоговорочно обеспечивать допустимость, а также достоверность доказательств.

Таким образом, разрешение проблем, которые связаны с собиранием доказательств из облачных хранилищ по уголовному делу, заключается в необходимости содержания требования в уголовно-процессуальном законодательстве о фиксации в соответствующем протоколе следственного действия метаданных копируемого файла с электронной информацией и реализации этого требования в процессе следственных действий.

Список литературы

1. Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О ратификации Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 47. Ст. 4929.

2. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп "О ратификации Конвенции о киберпреступности"» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2008. № 13. Ст. 1295.

3. Приговор Советского районного суда города Брянска от 28 июля 2023 г. по делу № 1-169/2023 «Обвинение: по п. «а», «г» ч. 2 ст. 117 УК России (истязание)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/3Cm7G5>.

4. ГОСТ ISO/IEC 17788–2016. Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Облачные вычисления. Общие положения и терминология :

введен в действие приказом Росстандарта от 10 ноября 2016 г. № 1665-ст // М. : Институт стандартизации, 2016.

5. ПНСТ 794–2022. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Интернет вещей. Периферийные вычисления : утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 17 ноября 2022 г. № 111-пнст // М. : Институт стандартизации, 2022.

6. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / [Р. Н. Адельшин и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2023.

7. Данельян А. А. Киберпространство и международное право // Международный правовой курьер. URL: <https://inter-legal.ru/kiberprostranstvo-i-mezhdunarodnoe-pravo?ysclid=ly9xncwjlj 373074025>.

8. Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. 2023. № 8. С. 305–310.

9. Сумин А. А., Химичева О. В. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе зарубежных государств : учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

10. Шолохов С. В. К вопросу о сущности и значении поисковых следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие электронных носителей информации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1. С. 174–181.

11. Яковлева К. Ю. Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

12. Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности (UN Office on Drugs and Crime' UNODC). URL: <https://www.unodc.org>.

13. Convention on Cybercrime: ETS № 185. Budapest, 23.XI.2001 // Сайт Совета Европы. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.

14. Meyer G., Stander A. Cloud computing: the digital forensics challenge // Proceedings of Informing Science & IT Education Conference (InSITE). 2015. P. 285–299.

Афанасьева Е. Ю.¹,

*старший следователь по особо важным делам
отдела организации международной правовой помощи
организационно-аналитического управления
Следственного департамента МВД России*

УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Процесс глобализации информационных процессов развивается стремительно. Отсутствие реальных границ, возможность анонимизации персональных данных и трафика с целью предотвращения идентификации источника передачи информации, а также быстрая адаптация преступников к новым условиям, в том числе деятельности государственных и коммерческих организаций, направленной на защиту информации, делают киберпространство привлекательной средой для совершения преступлений.

Противоправные деяния в сфере информационных технологий нередко совершаются под юрисдикцией одного государства, а ущерб наносится юридическим и физическим лицам в другом государстве. Кроме того, доходы, полученные в ходе преступной деятельности, впоследствии легализуются в третьем государстве.

Расследование уголовных дел в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) неизбежно приводит к правовому соприкосновению интересов нескольких государств. На этом фоне возрастает необходимость укрепления международного сотрудничества в целях консолидации совместных усилий в борьбе с международной преступностью во всех ее проявлениях, совершенствования методов борьбы с ней и тесного взаимодействия компетентных органов государств, особенно в сфере оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам.

В настоящее время приняты три региональных международных договора, регулирующих ключевые вопросы противодействия незаконным действиям в сфере компьютерной информации: Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. [1], Конвенция Совета Европы о киберпреступности от 23 ноября 2001 г. [2], Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 1 июня 2010 г. [3].

Российская Федерация является участником только Соглашения, регламентирующего осуществление сотрудничества в формах обмена информацией, в том числе о готовящихся или совершенных преступлениях рассматриваемой категории и причастных к ним физических и юридических лицах, исполнения запросов

¹ © Афанасьева Е. Ю., 2025.

об оказании содействия в проведении оперативно-разыскных мероприятий и получении сведений, способствующих не только раскрытию и расследованию, но предупреждению, выявлению, пресечению преступлений.

Участники Соглашения для целей данного договора установили единую терминологию (разработаны понятия вредоносной программы, информационных технологий, информационной системы, компьютерной системы, компьютерной информации, несанкционированного доступа к информации).

Взаимодействие на основании соглашения осуществляется на основании запросов компетентных органов об оказании содействия, которые направляются в письменной форме. При этом запросы могут передаваться с использованием технических средств связи или устно, но только в «безотлагательных случаях» и с обязательным письменным подтверждением в течение трех суток.

Следует отметить, что положения Соглашения не позволяют компетентным органам государств – участников взаимодействовать по вопросам выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам в целях получения доказательств на стадии предварительного расследования.

Учитывая, что данный договор ратифицирован почти всеми государствами – участниками СНГ (Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан, Республика Казахстан, Республика Армения, Республика Таджикистан), его нормы широко применяются органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, для получения сведений, необходимых для раскрытия противоправных деяний. В связи с этим, необходимо отметить, что Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентировано исполнение запросов правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации. Возможность направления таких запросов за рубеж российскими органами, как и взаимодействие на основе принципа взаимности законодатель не предусмотрел [4].

Также ссылка на Соглашение допустима при направлении органами предварительного расследования запросов об оказании содействия, содержащих ходатайства о получении сведений, при проведении предварительной проверки сообщения о совершении преступления в сфере ИКТ.

Будапештская конвенция содержит нормы, регламентирующие вопросы выдачи и взаимной правовой помощи, конкретизированные положения о неотложном обеспечении сохранности компьютерных данных, о раскрытии сохраненных данных о потоках информации, об обеспечении доступа путем проведения обыска или выемки к хранящимся электронным данным, о получении сведений о потоках в режиме реального времени, перехват данных.

Однако, от подписания и ратификации Будапештской конвенции Российская Федерация отказалась в связи с тем, что положения п. «b» ст. 32 данного договора не исключает возможность такого ее применения, при котором может быть нанесен ущерб суверенитету и национальной безопасности государств – участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц [5].

Несмотря на то, что у Российской Федерации нет специального международного договора в сфере уголовного судопроизводства по преступлениям, совершенным с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации, существующая договорно-правовая база международного сотрудничества о взаимной правовой помощи по уголовным делам позволяет органам предварительного расследования осуществлять взаимодействие с компетентными органами иностранных государств по уголовным делам о преступлениях названной категории.

Правовая помощь запрашивается и оказывается в соответствии с многосторонними и двусторонними международными договорами Российской Федерации о правовой помощи по уголовным делам и на основе принципа взаимности.

Для органов предварительного расследования основной формой взаимодействия является направление и исполнение запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, которые в соответствии с законодательством направляются непосредственно в компетентные органы иностранных государств либо через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Наиболее активное взаимодействие осуществляется с компетентными органами государств – участников СНГ.

К многосторонним международным договорам, определяющим порядок сотрудничества в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам, в том числе рассматриваемой категории, с правоохранительными органами государств – участников СНГ, относятся Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. [6] и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [7].

Указами Президента Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 170 и от 15 мая 2023 г. № 349 МВД России, Следственный комитет Российской Федерации, ФСБ России определены центральными органами Российской Федерации, уполномоченными на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств – участников Кишиневской и Минской конвенций по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Одновременно в качестве территориальных и иных органов, уполномоченных на осуществление непосредственных сношений в рамках реализации ст. 5 Минской и Кишиневской конвенций, названными указами Президента Российской Федерации также определены территориальные органы МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации и приравненные к ним специализированные (в том числе военные) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; территориальные органы безопасности, органы безопасности в войсках и пограничные органы ФСБ России.

Взаимодействие с правоохранительными органами государств – участников Совета Европы осуществляется в соответствии с Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., Дополнительным протоколом к ней от 17 марта 1978 г. и Вторым дополнительным протоколом от 8 ноября 2001 г. (далее – Второй дополнительный протокол).

В соответствии с положениями Федерального закона от 6 июня 2019 г. № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» МВД России, Следственный комитет Российской Федерации определены в качестве одного из центральных органов, уполномоченных на направление запросов, содержащих просьбу о правовой помощи по уголовным делам, а также информации, передаваемой без запроса.

Правовую основу взаимодействия также составляют двусторонние международные договоры.

Анализ рассматриваемых в Следственном департаменте МВД России запросов показывает, что большинство запросов о правовой помощи по указанным преступлениям поступает из компетентных органов Республики Беларусь по уголовным делам, возбужденным по фактам хищения денежных средств путем использования компьютерной техники и несанкционированного доступа к компьютерной информации.

Белорусскими партнерами основным запрашивается содействие в виде получения информации у мобильных операторов связи, интернет-провайдеров, компаний, занимающихся электронными системами расчета, и в кредитных организациях.

Объем запрашиваемых следственных действий также включает просьбы о допросах свидетелей, получении сведений о владельце банковского счета, детализации телефонных соединений у мобильных операторов связи, сведений о принадлежности электронных почтовых адресов, IP-адресов, производстве выемок в кредитных учреждениях.

В свою очередь органы предварительного следствия в системе МВД России в основном ходатайствуют о получении информации о принадлежности электронных почтовых ящиков, IP-адресов в телекоммуникационных компаниях, материалов, характеризующих личности обвиняемых, о допросах свидетелей.

Необходимо отметить в целях получения за рубежом данных об абоненте, соединениях и содержании сообщений перед направлением запроса о правовой помощи принимают меры к обеспечению сохранения зарубежным поставщиком услуг в сфере ИКТ интересующих данных, поскольку сроки их хранения в разных странах отличаются и у разных провайдеров, могут быть весьма непродолжительными либо вовсе не установленными ни законодательством страны, ни правилами провайдера.

Запросы о сохранении данных в основном направляются в страны дальнего зарубежья по каналам Интерпола. Реже используются возможности офицеров связи полиции и иных правоохранительных органов, аккредитованных при посольстве (консульском учреждении) иностранного государства в России или представителям МВД России в иностранных государствах.

Сроки исполнения запросов о правовой помощи правоохранительными органами стран – участниц СНГ непродолжительны, в связи с этим направление запросов о сохранении данных требуется редко.

По мнению ряда авторов запросы о сохранении данных также следует направлять непосредственно иностранному провайдеру, в частности, оказывающему

услуги на территории Российской Федерации, если в официально опубликованных разъяснениях своей политики он декларирует возможность своих прямых сношений с иностранными правоохранительными и судебными органами, в том числе возможно поддерживает русскоязычный портал для соответствующих обращений в электронной форме [8].

По мнению автора при направлении запроса о сохранении данных напрямую зарубежному провайдеру следует учитывать риски невыполнения такого запроса или даже умышленного уничтожения или повреждения значимой информации. Задействие официальных каналов связи гарантирует сохранение данных.

Уровень угрозы киберпреступности и назревшая необходимость разработки универсальных норм в качестве основы для эффективного международного сотрудничества с учетом интересов всех без исключения стран, основанных на принципах суверенного равенства сторон и невмешательства во внутренние дела государств, послужили основанием для начала межгосударственного переговорного процесса в формате ООН.

По инициативе России в 2018 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция 73/187 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях».

В соответствии с принятой 27 декабря 2019 г. резолюцией 74/247 Генеральной Ассамблеей ООН учрежден Специальный межправительственный комитет экспертов открытого состава для разработки конвенции ООН о сотрудничестве в сфере противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [9].

27 июля 2021 г. Российская Федерация внесла в Спецкомитет российский проект «первого в истории универсального договора о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [10].

9 августа 2024 г. ООН принят проект Конвенции с названием: «Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и с обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» [11].

В ходе 79-й сессии Генеральной Ассамблеей ООН планируется утверждение проекта Конвенции, затем последуют его подписание и ратификация странами.

По мнению автора ратификации проекта Конвенции будет предшествовать работа государственных органов, направленная на анализ его содержания с точки зрения возможности внесения замечаний и оговорок, а также имплементации ее положений в российское законодательство.

В проекте Конвенции нашли отражение 11 составов преступлений: «незаконный доступ», «незаконный перехват», «воздействие на электронные данные», «воздействие на информационно-коммуникационную систему», «неправомерное использование устройств», «домогательство или создание доверительных

отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка», «распространение интимных изображений без согласия», «отмывание доходов от преступлений».

В ст. 18 проекта Конвенции содержатся положения об установлении ответственности юридических лиц за участие криминализованных в Конвенции преступлениях. Решение о выборе вида ответственности принимает государство в зависимости от требований национального законодательства.

Главой IV регламентированы процессуальные меры, позволяющих эффективно расследовать уголовные дела о преступлениях в сфере ИКТ.

В соответствии со ст. 25 проекта Конвенции государства участники принимают меры для обеспечения сохранности электронных данных (данные о трафике, данные о содержании и абонентские данные), хранящихся в информационно-коммуникационной системе. Срок сохранения электронных данных не может превышать 90 дней с возможностью продления на основании распоряжения.

В течение установленного срока компетентные органы запрашивающего получение (изъятие) и передачу интересующих электронных данных имеют возможность направить запрос о правоохранительном содействии или о правовой помощи по уголовному делу в установленном порядке.

Кроме того государства – участники обязуются урегулировать в национальном законодательстве процедуры оперативного обеспечения сохранности и частичного раскрытия данных о трафике, обыск и изъятие хранимых электронных данных, сбор в режиме реального времени данных о трафике, перехват данных о содержании, замораживание, арест и конфискацию доходов от преступлений.

Выше автором обращалось внимание на наличие уже подобной практики у органов предварительного следствия в системе МВД России.

Значимой нормой является ст. 33 (защита персональных данных) об обеспечении эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей, которые дают показания и предоставляют информацию о преступлениях, а также в отношении их родственников и других близких им лиц.

В гл. V (Международное сотрудничество) содержатся нормы, регламентирующие гарантии защиты персональных данных, передаваемых в ходе осуществления взаимодействия компетентных органов, выдачу лиц, передачу уголовного судопроизводства.

На основании ст. 40 проекта Конвенции государства – участники обязуются оказывать друг другу не только самую широкую взаимную правовую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве новые нормативные положения, позволяющие усовершенствовать порядок оказания правовой помощи, но проводить сбор доказательств в электронной форме, в том числе по преступлениям не криминализованным Конвенцией, но относящимся к серьезным преступлениям, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на максимальный срок до четырех лет или «более строгая мера наказания».

Для целей выполнения обязательств государств – участников в сфере международного сотрудничества обеспечения предоставления неотложной помощи

в целях осуществления «конкретных уголовных расследований» и для сбора, получения и сохранности «доказательств в электронной форме» предполагается создать «сеть 24/7» (контактные центры, работающие 24 часа в сутки семь дней в неделю) на с использованием возможностей сети 24/7 Международной организации уголовной полиции по компьютерным преступлениям.

В проекте Конвенции конкретизирован механизм проведения новых видов международного сотрудничества, представляющих собой конвергенцию правовой помощи и правоохранительного содействия:

- международное сотрудничество в целях оперативного обеспечения сохранности хранимых электронных данных;
- международное сотрудничество в целях оперативного предоставления сохраненных данных о трафике;
- взаимная правовая помощь в получении доступа к хранимым электронным данным;
- взаимная правовая помощь в сборе в режиме реального времени данных о трафике;
- взаимная правовая помощь в перехвате данных о содержании.

Отдельное внимание уделяется правоохранительному сотрудничеству (ст. 47 «Сотрудничество между правоохранительными органами») государства – участника обязуются принимать эффективные меры в целях противодействия преступлениям, криминализированным Конвенцией.

В частности, декларируется намерение устанавливать каналы связи между компетентными органами, учреждениями и службами с учетом существующих каналов, включая каналы Международной организации уголовной полиции, с целью обеспечить защищенный и быстрый обмен информацией обо всех аспектах преступлений в сфере ИКТ.

Для целей практического применения настоящей Конвенции участники могут заключать соглашения или иные договоренности о непосредственном сотрудничестве между их правоохранительными органами (меморандумы, протоколы).

Анализ положений проекта Конвенции позволяет сделать вывод о готовности государств, принявших участие в разработке данного договора и поддержавших его окончательный вариант, перейти на новый уровень международного сотрудничества в расследовании киберпреступлений.

Определенно, пришло понимание, что сложная процедура получения доказательств на территории иностранных юрисдикций не отвечает задачам современного уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий : заключено в г. Душанбе 28 сентября 2018 г. // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации : заключено в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/>.

3. Arab Convention on Combating Information Technology Offences. URL: <https://www.asianlaws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20offences.pdf>.

4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

5. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп "О подписании Конвенции о киберпреступности"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 13. Ст. 1295.

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года (справочно: с 28 июня 2023 г. в отношениях между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой, республиками Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызской Республикой вместо Минской конвенции применяются нормы Кишиневской конвенции) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

7. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская конвенция продолжает свое действие для взаимодействия с компетентными органами Грузии, Республики Молдова и Туркменистана) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

8. Собрание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы.

9. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // The United Nations. URL: <https://undocs.org/ru/A/C.3/74/L.11/Rev.1>.

10. О внесении в Спецкомитет ООН российского проекта универсальной международной конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях // МИД России. URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4831832.

11. Доклад Специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях о работе его возобновленной заключительной сессии. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/056/77/pdf/v2405677/pdf>.

12. Методические рекомендации Следственного департамента МВД России // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

Большаков К. А.¹,

руководитель 3-го отдела

по расследованию особо важных дел

(с дислокацией в г. Санкт-Петербурге)

Западного межрегионального следственного управления

Следственного комитета Российской Федерации

СВОЙСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЭЛЕКТРОННЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ, СОБИРАЕМЫМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Допустимость как проявление принципа законности является неотъемлемым свойством уголовно-процессуальных доказательств. Нарушение закона при получении доказательств согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ ведет к признанию доказательства недопустимым для использования в качестве средства доказывания по уголовному делу.

Современная эпоха цифровизации всех сфер социально-экономической жизни, включая уголовное судопроизводство, привела к появлению феномена электронных уголовно-процессуальных доказательств. В уголовных делах о налоговых преступлениях это явление также получило широкое распространение. Поэтому вопросы, касающиеся оценки допустимости электронных доказательств имеют большую актуальность при расследовании и раскрытии преступлений, в том числе связанных с неуплатой налогов и сборов.

Прежде всего надо определиться с принципиальным вопросом, который активно дискутируется в современной науке. Он состоит в том, насколько требование допустимости распространяется на электронные доказательства. Некоторые авторы делают акцент на особую природу электронных доказательств, как электронной информации, аутентичность которой можно проверить с применением технических средств и специальных знаний специалиста [1, с. 199–207; 2, с. 9–18; 3, с. 110–115].

В том случае, когда электронная информация прямо отражает событие преступления или следы преступления, юридические формальности, по мнению сторонников «деформализации доказывания» [4, с. 76–84] отходят на второй план виду возможности быстро и полно установить фактические обстоятельства совершенного преступления [5, с. 88–92].

Контроле-пригодность электронных доказательств к верификации информации, содержащейся в них, техническими средствами, с точки зрения этих авторов, дает гарантию их достоверности. Так что, в основном, только достоверность и относимость необходимы для использования электронных доказательств в качестве средств доказывания [6, с. 270–295].

С точки зрения адептов свободы пользования электронными доказательствами любыми лицами, участвующими в уголовном деле, допустимость применительно к электронным доказательствам достаточно свести к требованию о соблюдении прав человека при их собирании [4, с. 82].

¹ © Большаков К. А., 2025.

Особо критически настроенные авторы призывают вообще отказаться от классического учения о допустимости доказательств применительно к электронным доказательствам [7, с. 52–61]. Другие ограничиваются критикой «архаичной» – протокольной письменной формы фиксации электронных доказательств, предлагая заменить ее на видеофиксацию хода и результатов следственных действий [8, с. 55–60].

Если в теории потрясение основ доказательственного права может быть признано, то на практике, разумеется, нет никаких причин для отказа от позитивно-правового стандарта допустимости, который должен быть одинаковым для доказательств, включая «электронные доказательства».

В принципе, вся особенность «электронных доказательств» сводится к способу представления информации, которая составляет содержание доказательства. Это технический вопрос. Что же касается правовой – процессуальной «оболочки» электронного доказательства, то она остается обычной и требование о соблюдении законности, правил производства следственных действий в полной мере сохраняется применительно к электронным доказательствам.

Таким образом, мы присоединяемся к преобладающему мнению о том, что никакой революции в доказательственном праве феномен цифровизации не производит. Вместе с тем надо признать наличие некоторых практических проблем в использовании электронных доказательств, которые большинство ученых справедливо отождествляют с «электронными носителями информации».

Есть неопределенность относительно понятия «электронные носители информации», о которых говорится в ч. 4 ст. 81, чч. 1 и 4 ст. 81.1, п. 5 ч. 2 и ч. 2.2 ст. 82, ч. 4.1. ст. 164, ст. 164.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ, которая порождает споры относительно круга этих предметов, их правового статуса и пр.

На практике возникают спорные ситуации, связанные с участием специалиста в следственном действии, объектом которого являются «электронные носители информации», определением возможности копирования электронной информации, обеспечения прав лиц – законных владельцев электронных носителей информации – при изъятии, осмотре принадлежащих им электронных носителей информации, а также при возвращении им этих вещей.

Эти ситуации можно считать типичными при расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях, поэтому выработка четкой правовой позиции по ним имеет практическое значение.

Надо признать разумным и практичным вывод о делении «электронных носителей информации» на две разновидности:

- технические средства хранения информации (цифровой);
- средства передачи таковой, включая средства связи, которые распространены в быту.

Собственно «электронными носителями информации» надо признать только первую их разновидность. Проведение следственных действий по их обнаружению, осмотру, изъятию может быть без получения предварительного судебного разрешения. Для средств связи (мобильные телефоны и пр.) и средств передачи информации (других операций), к которым в первую очередь относятся компьютеры, другие средства вычислительной техники, должен быть другой правовой

режим доступа со стороны правоохранительных органов, в том числе для изъятия этих предметов.

Мы разделяем позицию тех ученых [6, с. 270–295; 9, с. 349–377], которые выступают за распространение превентивного судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ на случаи изъятия и осмотра мобильных средств связи, средств передачи информации, которые содержат сведения, специально охраняемые законом, включая персональные данные.

Пока закон оставляет правоприменителю широту усмотрения в определении круга объектов, подлежащих осмотру, но также и изъятию, при проведении следственных осмотров, обыска, других следственных действий. Современные средства связи и передачи информации содержат большой объем конфиденциальной информации о человеке, которая требует повышенных гарантий сохранения в тайне. Поэтому, полагаем, что введение более жестких и конкретных требований в законе к содержанию решений о производстве следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие средств связи и передачи информации, повысит их законность и уровень правозащиты лиц.

Следует признать правильным вывод ученых [10, с. 80–85; 11, с. 678–686] о том, что правила изъятия электронных носителей информации, копирования электронной информации должны быть общими для всех случаев расследования преступлений, независимо от принадлежности этих объектов отдельным субъектам – субъектам предпринимательской деятельности, как это предусмотрено ст.ст. 164, 164.1 УПК РФ.

Что касается участия специалиста в следственных действиях, объектом которых являются электронные носители информации, а также информация, которая локализована в других местах (телекоммуникационных каналах связи, Интернете), то строгое требование ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ нельзя считать общеобязательным. Участие специалиста следует признать необходимым, когда существует угроза утраты, изменения информации при изъятии электронного носителя информации или при копировании находящейся на нем информации [12, с. 30–42].

На наш взгляд, требует совершенствования и еще один момент в порядке доказывания с использованием электронных доказательств. Он весьма чувствителен одновременно и в плане законности, и правозащиты лиц, участвующих в следственных действиях. Имеется в виду возвращение законным владельцам изъятых у них электронных носителей информации.

Вопрос этот весьма чувствительный не только для субъектов предпринимательской деятельности, но и обычных граждан.

Внесенные за последнее время в кодекс нормы, регулирующие порядок возвращения электронных носителей информации законным владельцам (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, ч. 2 ст. 82 УПК РФ), требуют сведения их в отдельную процедуру, которая включала бы в себя установление конкретного разумного срока принятия следователем решения о процессуальной судьбе изъятого электронного носителя информации, а также возможность обоснованного продления этого срока, а также другие гарантии прав лиц, у которых в ходе следственных действий изымаются электронные носители информации.

Список литературы

1. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
2. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности» // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 9–18.
3. Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1. С. 110–115.
4. Александров А. С., Кувычков С. И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 76–84.
5. Александров А. С., Александрова И. А. Отказ от следственной модели досудебного производства в контексте цифровой трансформации правовой системы противодействия преступности // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 88–92.
6. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (1). С. 270–295.
7. Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 53–61.
8. Черданцев А. Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2019. № 15 (4). С. 55–60.
9. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2 (60). С. 349–377.
10. Шалумов М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 80–85.
11. Ложин Ю. А. О некоторых вопросах собирания электронных доказательств в рамках предварительного расследования уголовных дел // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 678–686.
12. Ищенко П. П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 30–42.

*Шутемова Т. В.*¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Волжского университета имени В.Н. Татищева*

О ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧАЕМЫХ В ХОДЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Часть 1.2 ст. 144 УПК РФ предоставляет возможность использовать в качестве доказательств сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, при условии соблюдения требований ст.ст. 75 и 89 УПК РФ. Нарушения УПК РФ означают признание доказательств недопустимыми со всеми вытекающими последствиями.

Представляется, что одной из основных проблем, возникающих в ходе следственной проверки с перспективой использования полученных сведений как доказательств, является проблема реального осуществления права пользоваться услугами адвоката.

Так называемое «правило Маслова» – «право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием» [1] в полной мере может быть применено к лицу, в отношении которого так или иначе проводится следственная проверка, что полностью согласуется с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

Более того, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ определен момент участия защитника в уголовном деле в такой ситуации, а именно «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст.144 настоящего Кодекса» (введен Федеральным законом от 14 марта 2013 г. № 23-ФЗ).

На примере широко известного уголовного дела по обвинению бывшего министра А. Улюкаева во взяточничестве, рассмотренного в 2017 г., видно, что указанные нормы не восприняты однозначно всеми правоприменителями. Как следует из онлайн-трансляции прений сторон из зала заседания Замоскворецкого суда г. Москвы, было обращено внимание на нарушения УПК РФ: «Осмотр места происшествия также прошел с нарушениями УПК РФ. Фактически Улюкаева в ходе него допрашивали. Но его процессуальный статус еще не был определен, права не разъяснены, а уголовное дело еще не было возбуждено» [2; 3], но дальнейшего развития эта тема не получила и на вынесение обвинительного приговора не повлияла.

Отметим, что реальное предоставление услуг адвоката при проведении мероприятий следственной проверки не всегда является возможным. Например, при проверке сведений о получении лицом наркотиков из «закладки» в лесопосадке в ночное время. При прибытии такого лица на место «закладки» и изъятии

¹ © Шутемова Т. В., 2025.

им ее лицами, осуществляющими проверку, проводится осмотр места происшествия с участием этого лица, возможно получение объяснения на месте задержания и т. д. Предоставление услуг адвоката в этом случае весьма проблематично.

Представляется, что для процессуального решения возникшей ситуации можно использовать аналогию норм, содержащихся в ч. 5 ст. 165 УПК РФ (проведение обыска в жилище в исключительных случаях без судебного решения) и в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ (обязательное применение технических средств при проведении осмотра места происшествия без участия понятых). Учитывая эти положения, стоит дополнить ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ следующим: «В исключительных случаях, когда проведение мероприятий доследственной проверки не терпит отлагательства, возможно их проведение с лицом, в отношении которого проводится проверка, без предоставления услуг адвоката до момента устранения препятствующих обстоятельств с разъяснением этого и с применением технических средств фиксации хода и результатов проводимых действий».

При получении объяснения лицо не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Это обстоятельство, по мнению ряда авторов, исключает возможность считать объяснения доказательством [4, с. 150], в то же время другие авторы полагают, что при соблюдении всех требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ объяснения вполне возможно признать иным документом [5, с. 146–147]. Полагаем, что вторая позиция ближе к истине в этом вопросе, поскольку, даже высказывая ложные данные, лицо так или иначе раскрывает свои мотивы, объясняет свое поведение, что может быть учтено в ходе расследования уголовного дела.

Важным является отражение в материалах проверки факта разъяснения прав и обязанностей и иных положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, причем не только при получении объяснения, но и при проведении всех иных мероприятий доследственной проверки, включая и те, которые не указаны в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, но по логике расследования могут входить в их число. Это касается, в частности, получения явки с повинной.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в Апелляционном определении от 20 июня 2018 г. № 53-АПУ 18-6 отметила: «Изучив протокол явки Заболотских с повинной, в котором он признается в убийстве двух лиц и поджоге дома, Судебная коллегия установила, что он составлен в отсутствие защитника, при составлении данного протокола Заболотских не разъяснялись его права, в том числе, право не свидетельствовать против самого себя, пользоваться помощью защитника и другие». И в последующем из приговора была исключена ссылка на явку Заболотских с повинной как доказательство его виновности [6]

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

2. Улюкаев просит суд оправдать его. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/12/01/11024618.shtml>.

3. Суд над Алексеем Улюкаевым. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3485721>.

4. Ильясова А. К. Проблемы законодательного закрепления «объяснения» как процессуального документа на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества. В 3 ч. Ч. 3 : сборник статей. Стерлитамак : АМИ, 2019. С. 147–151.

5. Шереметьев И. И. Доказательственное значение материалов доследственной проверки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 139–147.

6. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 г. № 53-АПУ 18-6 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

Степырева А. М.¹,
*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

При производстве дознания, в связи с возникшими обстоятельствами, может сложиться ситуация, при которой требуется проведение дальнейшего расследования уголовного дела, но в другой форме и другим органом. Такие решения в практической деятельности дознавателей принимаются часто и имеют свои проблемные вопросы, которые нередко приводят к волоките со стороны должностных лиц, проведении служебных проверок и привлечением сотрудников к дисциплинарной ответственности.

Для начала определим ситуации, которые возникают на практике по рассматриваемому вопросу.

Согласно процессуальному закону, дознание не производится по уголовным делам, в которых подозреваемый на момент совершения преступления находился в состоянии невменяемости [1, с. 312] или на тот момент страдал психическим расстройством, в связи с чем, нуждался в применении принудительных мер медицинского характера. Такие случаи на практике возникают часто по уголовным делам, предусмотренным ст. 228 УК РФ, подследственным дознавателям. Нередко оказывается, что подозреваемый, на почве зависимости, состоит на учете в наркологическом диспансере, у таких лиц возникают проблемы, связанные с психическим расстройством. Такие состояния могут требовать лечения в стационарных медицинских учреждениях. При этом добровольным лечением такие лица не занимаются. В процессе расследования уголовных дел назначаются амбулаторные судебно-психиатрические экспертизы, в ходе которых эксперты приходят к выводу о том, что лицо, совершившее преступление, является невменяемым, то есть появляется обстоятельство для передачи уголовного дела руководителю следственного органа.

Следующей ситуацией является передача уголовного дела из подразделений дознания в следственные органы на соединение, когда уголовные дела возбуждены в разных органах в отношении одного и того же лица. В данном случае решение о соединении уголовных дел принимает руководитель следственного органа на основании решения прокурора об определении подследственности (ч. 3 ст. 153 УПК РФ).

При наличии признаков преступления, по которым необходимо проведение предварительного следствия, дознаватель, в соответствии со ст. 157 УПК РФ производит неотложные следственные действия, после чего направляет уголовное дело руководителю следственного органа. Такие случаи часто возникают при несении службы дознавателем в составе следственно-оперативной группы в де-

¹ © Степырева А. М., 2025.

журные сутки, когда необходимо немедленно возбудить уголовное дело, провести неотложные следственные действия, такие как обыск, осмотр места происшествия, допрос подозреваемого и т. д. В данном случае необходимо обратить внимание на то, что при передаче уголовного дела из подразделения дознания напрямую руководителю следственного органа, могут возникнуть спорные вопросы о количестве и качестве проведенных следственных действий. В данном случае необходимо обратить внимание на то, что закон ограничивает дознавателя во времени, на проведение неотложных следственных действий он выделил дознавателю 10 суток.

Процессуальным законом установлены четкие сроки для проведения дознания – шесть месяцев, после чего уголовное дело должно быть передано в следственные органы (без учета исключительных случаев, связанных с исполнением запросов о правовой помощи). Проведение больших объемов следственных действий, таких как дополнительные экспертизы, розыск свидетелей и подозреваемого, показания которых имеют важное значение при расследовании уголовного дела, проведение определенных оперативно-разыскных мероприятий по поиску имущества подозреваемого, необходимого для возмещения вреда, причиненного преступлением, проведение амбулаторных, стационарных экспертиз, требующих особого внимания к подозреваемому, все это может повлиять на сроки расследования, тем самым стать основанием для передачи уголовного дела в следственные органы в связи с истечением предельных сроков расследования.

Немаловажным основанием передачи уголовных дел может быть изменение квалификации преступления. К примеру, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, когда в ходе допросов потерпевшего, подозреваемого или в ходе проведения очной ставки, возникают основания полагать, что совершено преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, 105 УК РФ, предварительное следствие в таком случае производится следователями Следственного комитета Российской Федерации (п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

Рассматривая данный вопрос нельзя не упомянуть территориальную подследственность [2, с. 50], когда в ходе расследования возникает вопрос о территории, на которой было совершено противоправное деяние. Такие уголовные дела также подлежат передаче в соответствии с процессуальным законом.

Именно в перечисленных ситуациях уголовные дела передаются в правоприменительной практике. По нашему мнению, существуют проблемы правового регулирования этой практики, а именно, отсутствует единая норма, устанавливающая основания и порядок принятия перечисленных решений.

Анализ процессуальных норм позволяет нам сделать вывод о том, что в действующем УПК РФ передачу уголовных дел из подразделений дознания в том или ином объеме затрагивают различные статьи УПК РФ. Также законодателем не сформулированы порядок передачи [3, с. 291] таких дел, который в некоторых случаях происходит без участия прокурора, например в случае проведения дознавателем неотложных следственных действий.

Для решения такого важного вопроса необходимо закрепить основания и порядок передачи уголовных дел на законодательном уровне, возможно путем закрепления данных положений для проведения дознания в гл. 32 УПК РФ, как

институт передачи уголовных дел из подразделений дознания в следственные органы.

В процедуре передачи уголовных дел важно учесть роль прокурора, так как он осуществляет надзор и процессуальное руководство деятельностью органов дознания. Согласование с курирующим прокурором подразумевает согласие с предложенной правовой позицией дознавателя, тем самым многие дискуссионные вопросы будут сняты.

Полагаем, что полученные данные, а также изучение правоприменительной практики с учетом многолетнего практического опыта в подразделениях дознания, достаточны для вывода об актуальности предмета исследования и необходимости формирования единого подхода к рассмотрению данного вопроса.

Список литературы

1. Уголовный процесс : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.]. М. : Юрайт, 2023.
2. Логинова Н. Г. О недостатках законодательного регулирования порядка реализации решения о передаче по подследственности // Уголовный процесс. 2018.
3. Татьяна Л. Г. Изменение формы предварительного расследования по уголовным делам // Актуальные проблемы права России и стран СНГ. Ч. 3. : сборник научных трудов. Челябинск, 2008.

РАЗДЕЛ III. Трибуна молодого ученого

*Азанова А. А.¹,
адъюнкт Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова*

РОЛЬ СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), а именно в ст. 15 указано, что осуществление уголовного судопроизводства реализуется на основании принципа состязательности сторон. Сущность данного принципа заключается в том, что осуществление функции обвинения и защиты, а также разрешение уголовного дела не могут быть возложены на одно и то же должностное лицо либо орган, они отделены друг от друга, и самостоятельны.

Наиболее полно реализация состязательности происходит при рассмотрении уголовного дела в судебном производстве. Стоит отметить, что суд не выступает на стороне защиты или обвинения, а создает условия для осуществления данными сторонами своих процессуальных прав и обязанностей.

УПК РФ, в частности, ст.ст. 86–88 гласят, что суд непосредственно участвует в собирании, проверке и оценке доказательств. В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве нет четко обозначенных полномочий, принадлежащих суду при производстве доказывания по уголовному делу.

Обращаясь к нормативным правовым актам, которые регламентировали уголовный процесс до принятия УПК РФ, стоит отметить, что в УПК РСФСР, а именно в ст. 20, в обязанности суда входило принятие всех необходимых мер по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. В уголовно-процессуальном законодательстве, действующим в настоящий момент в ст. 17 закреплен несколько иной подход к процессу доказывания. Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению на основе имеющихся достаточных данных в уголовном деле, руководствуясь при этом законом и совестью. Из трактовки данной нормы можно сделать вывод о том, что уголовное дело рассматривается не только с точки зрения объективности, но и в какой-то мере с позиции субъективного фактора.

В науке уголовного процесса у многих авторов также сложились различные мнения по поводу того, какими полномочиями обладает суд и какова его роль при осуществлении доказывания.

А. Р. Белкин считает, что суд при рассмотрении уголовного дела должен выступать в роли так называемого «арбитра». По его мнению, в полномочия суда не входит доказывать что-либо, он лишь исследует и оценивает доказательства, которые ему представляет стороны обвинения и защиты [1, с. 26]. Такого же мнения придерживается и В. И. Зажицкий, проводящий аналогию суда с судьей на ринге, который в конечном итоге поднимает руку победителя [2, с. 31].

¹ © Азанова А. А., 2025.

З. З. Зиннатулин, наоборот, считает суд активным участником в процессе доказывания обстоятельств по делу. Его позиция объясняется тем, что суд оценивая доказательства и принимая процессуальные решения по делу (приговор, определения, постановления), становится самым активным субъектом доказывания [3, с. 56].

На наш взгляд, позиции вышеуказанных авторов нельзя в полной мере считать правильными.

Во-первых, невозможно безразличное участие суда при рассмотрении уголовного дела, так как в конечном итоге судом должно быть принято законное, обоснованное и справедливое решение по делу. Без личного исследования судьей представленных сторонами доказательств такое решение не может быть принято, а если такое и имело место быть, то оно не будет отвечать соответствующим требованиям.

Вторым фактором выступает то, что своими полномочиями суд не должен подменять функции обвинения и защиты либо придерживаться чей-либо стороны. Основная его задача создать все необходимые условия для осуществления состязательности между сторонами. Стоит отметить, что лишь наличие таких условий не способствует обеспечению правосудия.

По нашему мнению, деятельность суда складывается не только из обеспечения участникам уголовного судопроизводства условий для полного и всестороннего исследования доказательств, но и путем непосредственного участия судьи в рассматриваемом деле (например, удовлетворение ходатайств, жалоб; допрос свидетелей, экспертов и др.; назначение экспертиз; избрание меры пресечения, ее изменение либо продление).

Наличие принципа состязательности также свидетельствует о том, что судебная власть самостоятельна, которая как раз-таки и обеспечивает данный принцип сторонам обвинения и защиты. И в случае выявления каких-либо нарушений в представленных доказательствах сторонами, суд принимает все необходимые меры для их устранения.

Необходимо отметить, что деятельность суда все-таки имеет ряд определенных ограничений, которые обуславливаются наличием пределов судебного разбирательства. Так, в ч. 5 ст. 316 УПК РФ говорится о том, что если обвиняемый согласен с предъявленным ему обвинением, то исследование доказательств в судебном разбирательстве не проводится по общим правилам. Исключение составляют, обстоятельства, характеризующие лицо, совершившее противоправное деяние и смягчающие, и отягчающие наказание. Статья 252 УПК РФ также ограничивает судебное разбирательство, позволяя проводить его в отношении обвиняемого только по предъявленному обвинению, не имея возможность выйти за рамки такого положения. В данной ситуации предусматривается возможность изменить обвинение, если у судьи возникли какие-либо сомнения в правильности или же полноте представленных доказательств. Но только, если такими действиями никаким образом не ухудшится положение виновного.

Полагаем, что спектр полномочий суда в таких случаях можно было бы расширить.

Наша позиция подтверждается и мнением И. Б. Михайловской, которая считает, что активность суда ограничивается установленными пределами судебного разбирательства [4, с. 55].

Российский ученый-юрист А. П. Гуськова также справедливо отмечала, что институт доказывания в условиях состязательности требует совершенствования в части установления пределов по реализации судом конкретных полномочий [5, с. 118].

На наш взгляд итоговое решение, принимаемое судом, во многом зависит от самого судьи, от его воли, его активного участия в процессе исследования доказательств.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что те полномочия, которыми наделен суд по рассмотрению уголовного дела в первой инстанции в соответствии с УПК РФ вполне целесообразны. Они дают возможность полно, всесторонне и объективно исследовать доказательства для вынесения обоснованного решения и применения к лицу справедливой меры уголовно-правового воздействия.

По данному поводу Конституционным Судом Российской Федерации было дано разъяснение гражданину С. В. Веккеру, который обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой о том, что в суде первой инстанции судья самостоятельно, по собственной инициативе, вызвал эксперта на допрос в качестве свидетеля в целях выяснения обстоятельств по проведенной им экспертизе по уголовному делу на стадии предварительного расследования, тем самым нарушив ст. 252 УПК РФ и его конституционные права по презумпции невиновности. На что Конституционным Судом Российской Федерации было дано пояснение о том, что такое право является непереносимым условием использования судом тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия [6].

Бывают случаи, когда стороны не в полной мере способны обеспечить полноту и всесторонность исследуемых обстоятельств по уголовному делу. Например, пассивность со стороны защиты. В данной ситуации активность со стороны обвинения в одностороннем порядке, не всегда может отвечать требованиям полноты и всесторонности судебного разбирательства. В связи с чем, согласимся с мнением М. К. Свиридова который считает, что в случаях, когда судом обнаружено недостаточное количество доказательств, для того, чтобы вынести обоснованное и справедливое решение, и при отсутствии инициативы у сторон, суд своими действиями должен иметь возможность повлиять на участников уголовного процесса по восполнению ими недостающих доказательств [7, с. 186].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что суду при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции отводится большое значение. Именно от активности судьи в процессе доказывания, его профессионализма, воли зависит эффективность осуществления правосудия, направленная на всестороннее,

полное и объективное исследование всех обстоятельств по делу. УПК РФ наделил суд всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы вынести по делу законное, обоснованное и справедливое решение. Только суд может признать лицо, совершившее преступление виновным и назначить справедливую меру уголовно-правового воздействия.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие. М., 1999.
2. Зажицкий В. И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 28–35.
3. Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. Ижевск, 2002.
4. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.
5. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., 2005.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46550/.
7. Свиридов М. К. Установление истины и активность суда в состязательном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : сборник научных статей. Томск, 2004. С. 183–187.

Барабанова А. А.¹,
адъюнкт 3-го курса факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Есина А. С.**,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОПРОСА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I

Каждое теоретическое исследование, будь то в сфере юриспруденции, истории или любой другой области, обречено на неполноту, если оно не опирается на фундамент исторического анализа. Поскольку научное знание не сводится к простому изложению конечных результатов, оно несет в себе информацию о процессе становления, о том, как мы пришли к существующему толкованию, концепции, знанию.

Изучение истории правового регулирования проведения такого действия как допрос следует начинать с эпохи царствования Петра Великого (1682–1725) поскольку именно этот период в истории России отмечен значительными изменениями правовой системы государства. Актуальность изучения данного исторического периода в 2024 г. связана с 300-летием со дня появления уникального юридического артефакта Российской империи – «Зерцала Петра Великого», также известного как «Зерцало закона». Неоспоримым катализатором к появлению такого юридического символа стали правовые реформы (военные, судебные), проводимые Петром I с 1700 по 1722 г. В этот временной период были созданы различные нормативно-правовые акты, в том числе уголовно-процессуального характера, которые затрагивали в том числе и вопросы порядка проведения допросов с разными участниками уголовного процесса того времени. Ярким примером такого документа является Указ от 30 января 1715 г. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римских, цесарских и саксонских прав» (далее – «Краткое изображение процессов...»), который был принят в качестве руководства для военных судов, но как отмечали многие ученые «практика его применения была более широка» [4, с. 487].

Исследование содержания данного документа позволяет говорить о том, что все доказательства делились на несколько видов: своевольное признание, свидетельские показания, письменные доводы, присяга, допрос с пристрастием (пытка).

Признание вины в реформаторскую эпоху Петра I рассматривались как важнейший элемент уголовного процесса. Сам император рассматривал признание –

¹ © Барабанова А. А., 2025.

как наиболее убедительное доказательство, которое может существовать в правосудии. Однако, чтобы признание имело юридическую силу, оно должно было соответствовать нескольким строгим требованиям. Во-первых, признание должно было быть сделано в ходе судебного допроса. Это условие подчеркивало важность официального контроля над процессом, чтобы избежать произвола и неправомερных действий со стороны иных лиц и в то же время определяло значимость допроса как судебного действия. Признание, сделанное в неформальной обстановке или без участия судебной власти, не имело никакой юридической силы. Во-вторых, признание должно было быть полным и детальным. Это означало, что подсудимый должен был четко изложить все обстоятельства дела, включая факты и детали, которые подтверждали бы его вину.

Третья глава рассматриваемого документа, посвященная свидетельским показаниям как второму виду доказательств, представляет собой подробный анализ требований к свидетелям и процедурам их допроса в рамках судебного разбирательства. Законодательство стремилось обеспечить достоверность свидетельских показаний, акцентируя внимание на нравственных качествах потенциальных свидетелей. Согласно ч. 1 гл. 3 идеальный свидетель представлялся как «добрый и беспорочный человек, которому можно верить» – формулировка, подчеркивающая важность морального авторитета в глазах суда. Однако такая идеализация была сопряжена с определенными трудностями, так как полное исключение субъективного фактора было невозможно. Для минимизации риска недостоверных показаний был составлен обширный список (17 пунктов), содержащий категории лиц, не допускаемых к даче свидетельских показаний. Этот перечень отражает социальные и религиозные представления того времени. В него входили лица, запятнавшие свою репутацию прелюбодеянием или другими тяжкими грехами, несовершеннолетние (младше 15 лет), лица, принадлежащие к неправославной вере (что свидетельствует о религиозной доминанте правовой системы), а также лица, имеющие другие юридические или моральные пороки, способные повлиять на объективность их показаний. Список, вероятно, был не исчерпывающим, и судья мог отклонить свидетельство по другим причинам, руководствуясь своим усмотрением и целями обеспечения справедливого судопроизводства. Важно отметить, что инициатива по отводу свидетеля принадлежала сторонам процесса. Они были обязаны сообщить суду о любых факторах, которые могли поставить под сомнение достоверность показаний намечаемого свидетеля – таких, как личная вражда, корыстная заинтересованность в исходе дела или просто плохая репутация. Это позволяло сторонам защитить свои интересы и предотвратить предвзятость свидетельских показаний.

Процедура допроса свидетелей проводилась судьей в зале судебного заседания. Однако законодательство предусматривало исключения из этого правила. Часть 9 гл. 3 позволяла допрашивать знатных особ, шляхетских жен или лиц, страдающих от тяжелых недугов, препятствующих явке в суд, по месту их жительства. Этот допрос проводился не судьей, а специально уполномоченными лицами – секретарем и ассессорами (помощниками судьи), что свидетельствует о признании особенного статуса определенных групп населения. Возможность до-

проса на дому для знатных особ подтверждала их привилегированное положение. Протокол допроса в любом случае должен был оформляться официально и включать подписи всех присутствующих участников процесса. Это обеспечивало легитимность и доказательную силу свидетельских показаний.

Изучение положений ч. 9 гл. 3 «Краткого изображения процессов...» представляют особый интерес, поскольку определяют порядок допроса такой категории лиц как «страдающие тяжкими недугами», что свидетельствует о внимании со стороны законодателя к данной категории лиц и необходимости установления исключительного порядка их допроса. Проведя анализ между уголовно-процессуальным законодательством петровского времени и положениями УПК РСФСР 1923 г., мы можем увидеть, что в дальнейшем в каждом нормативном правовом акте, регулирующем так или иначе процессуальный порядок допроса, все более детально будет регулироваться порядок допроса данной категории лиц, раскрывая не только алгоритм действий со стороны должностных лиц, но и перечень заболеваний отнесенных к данной категории. К примеру, положения ст. 411 Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., закрепляли правила производства допроса немых лиц или лиц, которые не могли передать в ходе следственного действия свои мысли на словах [5, с. 153]. В редакциях УПК РСФСР (ст. 170 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 167 УПК РСФСР 1923 г.) содержались положения о допросе глухих и немых лиц с привлечением переводчика или лица, понимающего их знаки. Заметим, что действующий УПК РФ 2001 г. не достаточно конкретно регулирует вопросы, связанные с допросом лиц, имеющих физические недостатки (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Возвращаясь к исследованию положений, отраженных в «Кратком изображении процессов...», мы находим интересные тактические рекомендации, касающиеся допроса свидетеля, которые вызывают интерес с позиции сегодняшнего правоприменения. Одна из них состоит в том, что ранее допрос свидетелей в суде производился только после допроса подсудимого. Предполагаем, что такой подход позволял суду более эффективно формулировать вопросы, учитывая уже озвученную позицию стороны защиты, и выстраивать линию доказывания. Однако в данном порядке существовало исключение. Так, если свидетель был тяжело болен, находился при смерти или собирался на долгое время покинуть страну, то его допрос производился до начала основного судебного процесса. В нормативном акте данное действие именуется как «свидетельство всегдашней памяти» и наделяется статусом важного доказательства, равноценного показаниям, данным в ходе судебного разбирательства. Подобный порядок демонстрирует гибкость судебной процедуры к доказыванию, способность адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам. Иными словами, мы можем констатировать, что уже в те далекие времена допрос допускался как досудебное действие. Существенным условием его производства было то, что подобный допрос производился именно судьей, т. е. используя современную терминологию, допрос должен был проводиться «надлежащим субъектом».

Следует отметить, что интерес к этому правилу все больше проявляют постсоветские ученые, выступающие за судебное депонирование показаний [1, с. 178]. Так, по мнению профессора А. С. Гамбаряна судебное депонирование показаний

является исключительным способом сочетать несколько процессуальных интересов – в случае невозможности явки в суд свидетеля, допросить свидетеля в досудебном производстве с участием судьи, который в силу принципа непосредственности сам услышит и зафиксирует показания свидетеля еще в досудебном производстве, имея при этом возможность задать лично какие то дополнительные вопросы допрашиваемому, если в этом будет необходимость [2, с. 184]. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу отметим, что в России подобная ситуация отчасти урегулирована положениями ст. 1891 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», что позволяют суду в непосредственном воспроизведении заслушать показания свидетеля, который не имел возможности явиться не только в судебное заседание, но и к субъекту расследования. Применение видеозаписи допроса, проведенного в таком формате является обязательным, что позволит суду непосредственно услышать показания свидетеля.

Развитие судопроизводства в России петровской эпохи, помимо государственных реформ, активно обсуждалось и отдельными мыслителями. Иван Тихонович Посошков, современник Петра I, внес значительный вклад в эту область, хотя его работы изначально не были посвящены исключительно юридической проблематике. Его знаменитый трактат «Книга о скудости и богатстве» [3, с. 301], написанный в начале XVIII в., содержит ценные наблюдения о практике допроса, которые демонстрируют зачатки криминалистической мысли. И. Т. Посошков, будучи не юристом по образованию, но человеком, глубоко погруженным в реалии русской жизни того времени, остро осознавал проблему ложных свидетельских показаний, часто встречавшихся в судах. В своем труде он предлагает методiku, которая в современной терминологии близка к детальному, многоуровневому допросу, предусматривающему фиксацию всех, даже самых незначительных деталей при получении показаний. Так, Иван Тихонович подчеркивал важность «тонкостных расспросов», т. е. досконального и многократного выяснения всех обстоятельств дела, с целью выявления противоречий и обнаружения лжи. Он прямо указывал на необходимость фиксировать дословно каждое высказывание свидетеля, отмечая имя свидетеля и номер вопроса, что являлось значительным шагом в направлении объективной фиксации доказательств. Эта методика предусматривала не только простую запись показаний, но и использование методов «перекрестного допроса» (данный термин в изучаемый нами период не использовался), направленного на проверку правдивости показаний.

Интересно отметить, что методы И. Т. Посошкова предвосхищают многие принципы современной криминалистики. Его акцент на детализации похож на современные методы профилирования и реконструкции событий. Тактический прием детализации показаний при проведении допроса, рекомендованный в современных учебных пособиях как эффективный инструмент распознавания лжи и установления истины, остается актуальным как на стадии предварительного следствия, так и в судебном процессе. Его эффективность обусловлена тем, что подробный рассказ о событии, требующий воспроизведения множества деталей, значительно сложнее сфабриковать, чем краткое и обобщенное изложе-

ние. Человек, излагающий выдуманную историю, часто упускает мелкие, но значимые детали, которые легко проверить и опровергнуть. В то время как искренний свидетель, как правило, способен вспомнить и описать множество подробностей, даже незначительных на первый взгляд, но важных для воссоздания полной картины произошедшего.

Особое внимание И. Т. Посошков уделял процедуре допроса, подчеркивая необходимость его изолированности. Он предлагал проводить его в специальных помещениях – «особых чуланцах», изолированных от посторонних, чтобы обеспечить исключительную концентрацию внимания как допрашивающего, так и допрашиваемого. Цель такого подхода – минимизировать влияние внешних факторов на участников допроса. Эта простая, но гениальная идея значительно повышала достоверность получаемой информации.

В заключении следует подчеркнуть, что не только в юридических документах, но и научных трудах рассматриваемого исторического периода уделялось большое внимание такому следственному действию, как допрос. Передовые мыслители того времени пытались глубже понять, как именно формируется содержание показаний, каким должна быть процедура допроса, каковы его цели и методы. Законодатель тех лет учитывал разницу между отдельными категориями лиц, различия в социальных и религиозных статусах допрашиваемых, наличие физических недугов и других особенностей граждан, которые влияли на порядок допроса, что нашло отражение в нормативном документе. Таким образом, исследования и краткий анализ содержания отдельных правовых документов петровской эпохи позволили получить представление о том, как зарождался порядок производства допроса, какие были первоначальные правила, которые в дальнейшем послужили основой для дальнейшего развития процессуального порядка допроса в российском законодательстве.

Список литературы

1. Ахпанов А. Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45).
2. Гамбарян А. С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 184–198.
3. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основы, изданные Государственной канцелярией. В 5 ч. Ч. 2. 2-е изд., доп. и изм. СПб., 1867.

Безруков Г. Е.¹,
командир отделения
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я.Кикотя

Научный руководитель: **Емельянова Н. Ю.,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) определяет домашний арест как меру пресечения, суть которой заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя, а также на иных определенных законом основаниях.

Сегодня, домашний арест стал применяться в нашей страны гораздо чаще. Так, в 2008 г. меры пресечения в виде заключения под стражу назначалась в 2 054 раз чаще, чем мера пресечения в виде домашнего ареста. Однако, с 2014 г. заметно резкое увеличение практического применения домашнего ареста, в связи с чем данный разрыв сокращается до 40 раз, а с 2019 г. до 16 раз. Уже в 2020 г. количество судебных решений, содержащих домашний арест как избранную меру пресечения составляет 7 921.

Стоит сказать, что субъектами, в отношении которых применяется данная мера, носят процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого. Данная мера избирается судом и заключается в нахождении данного лица в том жилом помещении, в котором он проживал ранее на законных основаниях.

В случае получения отказ от лица, в отношении которого такая мера избирается, она заменяется на иную.

Среди особенностей применения данной меры является то, что субъект не ограничивается в правах на участие в процессуальных действиях, в связи с чем у должностных лиц имеется обязанность в виде сопровождения данного лица по месту требования.

Здесь некоторые авторы видят проблему, которая, в первую очередь, связана с местом, в котором данное лицо находится в рамках меры пресечения домашний арест, и местом, в которое его требуется доставить, а во вторую очередь, обращается внимание на способ доставки такого лица – транспорт. Зачастую он не отвечает требованиям, которые позволяют обеспечить безопасность тех сотрудников, которые занимаются доставкой такого лица, в отличие, например, от транспорта американских полицейских, который имеет различные защитные функции в виде невозможности открыть двери изнутри, оснащение дополнительным металлическим барьером и др. [3].

¹ © Безруков Г. Е., 2025.

Кроме того, в рамках домашнего ареста могут применяться такие запреты как ограничение общения с определенными лицами, получение и отправка почтовых и телеграфных отправок, использование современных средств коммуникации (сеть Интернет и пр.).

В России органом, на который возлагается ответственность за лицо, подвергнутое домашнему аресту, выступает Уголовно-исполнительная инспекция (далее – УИИ). Если обратиться к законодательству таких государств как Беларусь, Казахстан, то следует сказать следующее. Если говорить о Казахстане, то рассматриваемая функция возлагается как на органы, осуществляющие уголовное преследование лица в соответствии с подследственностью. В то же время, Республика Беларусь не имеет точной регламентации такого органа, в связи с чем актуальность данной меры пресечения снижается, так как имеет ряд вопросов как теоретического, так и практических уровней, решение которых позволит повысить статистику правоприменения домашнего ареста.

Кроме того, законодательство Республики Казахстан также является продуманнее в том плане, что надзор за лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, ведется органом предварительного расследования, что аргументируется заинтересованностью в эффективности применения и соблюдения данной меры пресечения таким лицом. Так, п. 4 ст. 146 УПК Республики Казахстан, закрепляет право органа, ведущего уголовное судопроизводство, самостоятельно определять место нахождения подозреваемого или обвиняемого, а также возлагает на него надзор за соблюдением подозреваемым(обвиняемым) всех ограничений. Что касается места пребывания такого лица, то у него есть выбор:

1. Проживать с родственниками, по месту регистрации или жительства, но с получением от совершеннолетних родственников и иных лиц согласия в письменном виде.

2. Заключение договора аренды жилья, с обязательным уведомлением органа, ведущим расследование, и собственника жилья о целях, сроке.

При анализе УПК Республики Беларусь применение домашнего ареста никак не согласуется с родственниками или иными лицами, проживающими с подозреваемыми или обвиняемыми, а также не устанавливаются ограничения по контролю за таким лицом ни в дневное, ни в ночное время, в то время как положение ст. 146 УПК Республики Казахстан устанавливает ограничение на дневное посещение (не более двух раз) и ночное (не более одного раза) длительностью не дольше 30 мин.

Например, при анализе российского законодательства, согласия родственников на исполнение домашнего ареста не предусматривается, также не конкретизировано количество раз и их последовательность в посещении такого лица уполномоченными органами.

Вместе с тем, стоит также отметить, что между УПК Республики Беларусь и УПК РФ, Республики Беларусь и УПК Узбекистана можно заметить еще одно расхождение во мнении законодателей. При изучении норм вышеупомянутых нормативных правовых актов, следует сказать, что, например, в Республике Беларусь существует перечень должностных лиц, которые могут принять решение

об избрании домашнего ареста. К ним относятся: прокурор, Председатель Следственного комитета страны и другие уполномоченные на это лица.

Это необычная для стран СНГ ситуация, так как в других государствах, чьи УПК упомянуты выше, такое постановление выносит суд единолично, по УПК Казахстана, следственным судьей. Стоит сказать, что в Республики Беларусь, лица, которые могут принимать решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, обязаны внимательно изучить все материалы дела, а также произвести допрос подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, следует сказать, что изучение опыта других государств позволяет совершенствовать правовое регулирование домашнего ареста в рамках внутреннего законодательства путем обращения внимания на те положения, которыми руководствуются другие законодатели, и учитывать при этом последствия, к которым приводят такие положения. В связи с этим, следует сказать, что домашний арест не является нововведением и отвечает вопросам актуальности современной науки. Домашний арест все чаще применяется в рассматриваемых странах и появляются новые механизмы совершенствования реализации использования изучаемого института.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>.

2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / [Г. М. Резник и др.] ; под общ. ред. Г. М. Резника. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

3. Андроник Н. А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34).

Беленкова А. А.¹,

*соискатель Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последние десятилетия мир стал свидетелем стремительной цифровой трансформации, затрагивающей все сферы жизни: от экономики и здравоохранения до образования и правоприменения. Эти изменения, хотя и открывают новые возможности для развития и оптимизации процессов, также ставят перед обществом ряд серьезных вызовов, связанных с реализацией принципа законности. И главное в данном вопросе соблюдать баланс интересов и сдержек и противовесов [3]. Устойчивая эволюция новых технологических решений недоступна без адекватного нормативно-правового регулирования. При этом критически важно, чтобы данное регулирование не препятствовало прогрессу указанных технологий, одновременно минимизируя потенциальные риски ущерба для человека и обеспечивая соблюдение принципов законности [1]. Как утверждает Е. А. Савченко, законность, в свою очередь, в контексте современного юридического дискурса представляется в роли центрального системного компонента правовой структуры общества, в котором предполагается осуществление функционала цифрового государства. И их отсутствие как раз влечет за собой отсутствие этого самого принципа [2].

Принцип законности, который подразумевает обязательность соблюдения норм права всеми субъектами деятельности, оказывается под угрозой в условиях стремительного технологического прогресса, в случае отсутствия должного контроля со стороны регулятора [4, с. 132]. Одним из ключевых аспектов, затрагивающих этот принцип, является необходимость адаптации правовых норм к специфике цифровых технологий. Это включает в себя как законодательное оформление новых понятий, так и переработку существующих норм с учетом сложности и многообразия цифровых взаимодействий. В России на сегодняшний день мы можем наблюдать отсутствие общего закона, посвященного таким сложным технологиям, как ИИ, тем не менее, существует ряд подзаконных актов, призванных, в том числе, соблюсти принцип законности в сфере технологий. Ряд авторов отмечает, что для таких законов характерен принцип всепроникновенности, что позволяет распространить ключевые принципы и нормы, в том числе, этического характера, на сложные для государства цифровые отношения [5, с. 90].

Среди наиболее актуальных проблем, возникающих в результате цифровизации, следует выделить вопросы защиты данных и конфиденциальности. В условиях повсеместного сбора и обработки личной информации пользователями и компаниями, обеспечение законности в сфере обработки данных становится приоритетной задачей. Регулирование таких процессов требует не только внедрения новых правовых норм, но и разработки эффективных механизмов контроля за соблюдением законодательства. Например, такие инициативы, как

¹ © Беленкова А. А., 2025.

Общий регламент защиты данных (GDPR) в Европейском союзе [6; 7], иллюстрируют стремление законодательных органов выработать адекватные ответы на вызовы цифровой эпохи.

Еще одной значимой областью является регулирование деятельности платформенных компаний и алгоритмов, которые все более активно влияют на социальные процессы. Очевидным образом, такие компании уже давно стали одним из важных столпов экономики, отвечая такой потребности общества, как доверие [8]. Именно поэтому сегодня уделяется большое внимание необходимости создания сбалансированной регуляторной среды, которая, с одной стороны, обеспечит необходимый технологический прорыв, с другой стороны – гарантирует соблюдение прав и свобод каждого гражданина и принцип законности. И в этом ключе мы говорим, прежде всего, о разработке соответствующих норм в уголовном праве.

Соблюдение принципа законности требует усилий со стороны всех участников процесса, создавая всеобъемлющую среду в условиях цифровой трансформации. Именно поэтому требуется не только формирование регуляторной среды на принципах законности, но и наличие соответствующих компетенций у всех сторон, включая граждан, которые должны быть осведомлены о своих правах. Только тогда можно говорить о соблюдении принципа законности в условиях цифровой трансформации.

Наконец, внедрение технологий искусственного интеллекта и автоматизации в процессы правоприменения может как усиливать, так и подрывать принципы законности. С одной стороны, алгоритмы могут повысить эффективность принятия решений и снизить зависимость от человеческого фактора, связанного субъективностью. С другой стороны, существует риск непредсказуемости и непрозрачности таких систем, что может привести к нарушению прав граждан. Это еще раз свидетельствует о необходимости своевременного нормативного регулирования вновь общественных отношений, связанных с использованием современных технологий.

В заключение отметим, что реализация принципа законности в условиях цифровой трансформации представляет сложную, многослойную задачу, требующую системного подхода. Необходимы регулярные анализы существующего законодательства, активное взаимодействие между различными субъектами права и постоянное обновление правовых норм в соответствии с вызовами времени. Лишь через гармоничное сочетание правовых, этических и образовательных инициатив можно обеспечить стабильность и законность в быстро меняющемся цифровом мире.

Список литературы

1. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Восточный вектор / под ред. В. Незнакома. М. : Альпина ПРО, 2022.
2. Савченко Е. А. Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 104–114.

3. Сильный искусственный интеллект: На подступах к сверхразуму / [А. Веледыхин и др.]. М. : Интеллектуальная литература, 2021.
4. Пашенцев Д. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государственное управление. 2018. № 4.
5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.
6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. 2016. L. 119. P. 1–88.
7. Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties, and on the free movement of such data, and repealing Council Framework Decision 2008/977/JHA // Official Journal of the European Union. 2016. L. 119. P. 89–131.
8. Аузан А. А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М. : АСТ, 2022.

Будкин К. А.¹,

*курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Яковлева К. Ю.,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ УЧАСТИЯ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА В КАЧЕСТВЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ

Деятельность следователя, предусмотрена ч. 2 ст. 38 УПК РФ [3]. Следователь является самостоятельным процессуальным лицом, направляющим ход расследования, а также производство процессуальных и иных действий, предусмотренных УПК РФ.

Следует учитывать, что отсутствие показаний участников уголовного судопроизводства свидетеля или потерпевшего влечет за собой трудности в производстве по уголовному делу для следователя.

Например, достаточно упомянуть тот факт, что, согласно п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, показания свидетеля являются доказательствами по уголовному делу, и свидетель – непосредственный носитель сведений, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. Источник доказательств, изначально определяет его виктимность: само физическое существование свидетеля иной раз крайне нежелательно для лица, стремящегося избежать уголовной ответственности [6]. Данная формулировка полностью отражает участие данного участника уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что в ходе следствия может быть установлена причастность свидетеля и (или) потерпевшего к совершенному противоправному деянию [7, с. 92].

Также следует напомнить об актуальности участия в производстве по уголовному делу такого участника уголовного судопроизводства, как потерпевший. Прежде всего, стоит начать со ст. 52 Конституции Российской Федерации [1], в которой указано, что «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». В результате этого возможно сделать вывод о том, что участие потерпевшего не является самостоятельным участием в предварительном следствии. Данный участник уголовного судопроизводства полностью зависит от следователя, равно как и наоборот, обеспечивая в первом случае, реализацию его прав, а во втором случае, достижение назначения уголовного судопроизводства.

¹ © Будкин К. А., 2025.

В качестве данных участников, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, могут являться и иностранные граждане, прибывшие в страну по различным причинам. Обеспечение и реализация их прав закреплено не только в Конституции Российской Федерации, но и прежде всего в миграционной политике России, а именно в Указе Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» [8].

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115 [5] «срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также в случае, если такой срок не продлен в соответствии с настоящим Федеральным законом. При этом непрерывный срок временного пребывания в Российской Федерации указанного иностранного гражданина не может превышать девяносто суток». Данная норма существенно осложняет взаимодействие органа предварительного следствия с иностранным гражданином в качестве потерпевшего или свидетеля.

Вопрос о создании необходимых условий для реализации прав и свобод иностранного гражданина в качестве свидетеля или потерпевшего является приоритетной задачей осуществления назначения уголовного судопроизводства, предусмотренной ст. 6 УПК РФ. В данном случае остается неизменной ситуация того, что иностранный гражданин в качестве потерпевшего или свидетеля обязано покинуть страну пребывания по истечению срока 90 дней, потому что в противном случае согласно ст. 25.10 КоАП РФ [4] иностранное лицо будет находиться в стране с нарушением правил пребывания, в результате чего иностранное лицо может быть подвергнуто административному выдворению из страны пребывания. В таком случае мы получаем ситуацию, когда иностранный гражданин не осуществляет предоставленные ему страной пребывания права и свободы, а также создает предварительному следствию препятствия, решение которого потребует дополнительного времени.

Решение вопроса участия по уголовному делу иностранных лиц в качестве потерпевшего или свидетеля зависит прежде всего от уровня международного сотрудничества между государствами. Например, в рамках СНГ существует международный договор, а именно «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» [2], предписывающий странам участникам создание условий по правовой защите данных, прав и свобод гражданам каждой из договаривающихся сторон и другим лицам, проживающим на их территории. Данный договор позволяет обеспечивать правовую помощь между государствами.

Существует множество вариантов решения данного вопроса. В рамках международных отношений существуют посольства и консульства, представляющие интересы своих граждан. Представляется целесообразным обеспечить участие в уголовном судопроизводстве представителей данных учреждений, поскольку бы такое участие улучшило бы правовые отношения между государствами

и смогло бы обеспечить назначение уголовного судопроизводства, закрепленных в УПК РФ. Данная тенденция позволяла бы сопоставлять правовые механизмы и особенности права различных государств, что создало бы условия для регуляризации международных отношений исключительно путем права.

Также нужно отметить, что разрешение вопроса должно быть закреплено в российских нормативных правовых актах. Для разрешения данной проблемы, требуется изменение в федеральном законодательстве, в частности в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115. Следует внести дополнение в данный закон, а именно в ст. 5 «Временное пребывание иностранных граждан в Российской Федерации» и изложить дополнение в следующей форме: «Срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы может быть продлен до 30 суток, в случае если иностранный гражданин является свидетелем или потерпевшим по уголовному делу, а равно в случаях если оно возобновлено или не приостановлено по основаниям, указанным УПК РФ». Данная формулировка дополнения позволит создать условия реализации прав и свобод иностранного гражданина, создаст благоприятные условия для реализации принципов УПК РФ и затронет экономический аспект развития Российской Федерации, в частности позволит урегулировать вопрос миграции путем соблюдения прав иностранных граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 7 октября 2002 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
6. Кармановский М. С. К вопросу о правовом статусе свидетеля как потерпевшего от преступных посягательств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. С. 79–81.
7. Земскова А. И. Об особенностях участия иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации в качестве свидетелей и потерпевших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. С. 90–94.
8. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

Васин И. А.¹,
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Мичурина О. В.**,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИНФОРМИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В уголовном судопроизводстве стадия предварительного расследования выступает одним из центральных элементов. Предварительное расследование осуществляется в формах предварительного следствия либо дознания. Начинается оно с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица или по факту совершения преступления, а заканчивается направлением уголовного дела в суд для принятия по нему решения по существу или прекращением уголовного дела. В ходе предварительного расследования происходит собрание, проверка и оценка доказательств, приобретение участниками своих процессуальных статусов, реализация уголовного преследования, применение принудительных мер процессуального характера и, наконец, формулирование предварительных выводов по уголовному делу, в том числе о виновности или невиновности лица. И насколько качественно оно будет произведено с точки зрения соблюдения требований закона, настолько зависит правильность разрешения уголовного дела в суде, в том числе законность, обоснованность и справедливость судебного решения [1, с. 134–135]. Все это имеет непосредственное отношение и к процедуре информирования участников уголовного судопроизводства, от которой напрямую зависит законность тех или иных процессуальных действий и принятие процессуальных решений на стадии предварительного расследования.

При производстве следственных и иных процессуальных действий следователь (дознатель) уведомляет о начале их проведения, информирует об особенностях и процедурном порядке, разъясняет участникам права и обязанности. При этом информирование участников уголовного судопроизводства требует от органа предварительного расследования надлежащего уровня профессиональных знаний, касающихся положений уголовно-процессуального и уголовного законодательства. Кроме того, оно должно быть реализовано в доступной и понятной форме для участников. Это означает, что следователь (дознатель) в ходе информирования должен использовать обороты и выражения, понятные для участников, не владеющими необходимой правовой терминологией.

¹ © Васин И. А., 2025.

Немаловажное значение в ходе информирования на предварительном расследовании имеет также установление следователем, дознавателем психологического контакта с участниками уголовного судопроизводства [2, с. 219–226]. Данное положение обуславливает эффективное проведение следственных и иных процессуальных действий, а также позволяет следователю, дознавателю понять, усвоена ли подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и др. необходимая информация.

В случае совершения преступления иностранным гражданином, следователю, дознавателю необходимо обеспечить обязательное участие переводчика. Даже в случаях, когда иностранный гражданин владеет русским языком частично, необходимо помнить о том, что некоторые процессуальные моменты могут быть непонятны для него и истолкованы неверно. Обеспечивая участие переводчика на стадии предварительного расследования, прежде всего, выполняется требование закона, напрямую связанное с принципом уголовного судопроизводства, регламентированным ст. 18 УПК РФ (язык уголовного судопроизводства), чем предотвращается возникновение негативной ситуации, которая может повлечь признание полученных доказательств без переводчика недопустимыми и наступление всех других неблагоприятных последствий на последующих стадиях уголовного судопроизводства [3, с. 184–190].

При участии несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), необходимо учитывать, что в силу особенностей психоэмоционального развития он может искажать информацию или воспринимать ее неправильно. В таком случае, необходимо привлечение педагога и (или) психолога, которые смогут разъяснить необходимую информацию в доступной для несовершеннолетнего форме и способствовать установлению контакта с ним, а также получению более достоверной информации [4, с. 93].

Относительно других участников уголовного судопроизводства в УПК РФ также устанавливаются определенные процедурные требования, которые способствуют надлежащему их информированию, к примеру, привлечение защитника, представителя, законного представителя и пр. Информация до них должна быть доведена в установленные законом сроки. Несоблюдение данных требований влечет негативные последствия в виде нарушения порядка информирования участников уголовного судопроизводства, несоблюдения их прав и законных интересов, нарушении базовых принципов уголовного судопроизводства, а все вместе недостижение назначения уголовного судопроизводства, установленного в ст. 6 УПК РФ. Кроме того, последствия ненадлежащего информирования следователем и дознавателем участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования могут привести к возвращению из суда уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Таким образом, ненадлежащее информирование участников уголовного судопроизводства влечет нарушение уголовно-процессуальных норм, а его последствия всегда негативные. Только проинформированный в установленном законом порядке участник уголовного судопроизводства может полноценно и целенаправленно использовать свои права и требовать исполнения обязанностей от уполномоченных должностных лиц и государственных органов.

При этом важно отличать правовое информирование участников уголовного процесса от правовой консультации. Эти два процесса различаются по содержанию, целям и предмету применения. Правовая консультация, направленная на разрешение конкретной проблемной правовой ситуации участника уголовного судопроизводства, не входит в обязанности следователя, дознавателя.

Одной из основных проблем практики правоприменения на сегодняшний день является не только ненадлежащее доведение до участников уголовного судопроизводства необходимой информации, но и пробелы нормативного регулирования в данной сфере. Так, в УПК РФ отсутствует право заявителя на ознакомление с материалом проверки, имеется только порядок ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования. Кроме того, в ч. 4 ст. 144 УПК РФ лишь упоминается, что заявителю выдается документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия, а согласно ч. 2 ст. 145 УПК РФ, он уведомляется о принятом решении. Если бы заявителю, либо иному заинтересованному лицу проверки, было предоставлено данное право, появилась бы возможность избежать значительного числа жалоб на необоснованное принятие процессуального решения.

Еще одним важным аспектом рассматриваемой проблемы является информирование участников уголовного судопроизводства с использованием современных информационных технологий. Такое информирование служит важной гарантией для участников на быстрое получение необходимой информации в том способе, который им был бы наиболее удобен. Уведомление, извещение, повестки, вручение копий процессуальных документов и пр. являются способами информирования в уголовном судопроизводстве и реализуется сейчас как в привычном уже бумажном формате, так и в новой форме – электронной. Так, на основании требований ст. 474.2 УПК РФ копии постановления, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и копии иных процессуальных документов при наличии технической возможности могут быть изготовлены в форме электронного документа, который по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства при наличии технической возможности могут быть направлены ему посредством Единого портала либо системы электронного документооборота участника уголовного судопроизводства с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия. Кроме того, аналогично могут быть направлены участникам повестки или уведомления.

Между тем в практике правоприменения в ходе информирования не всегда полноценно обеспечивается реализация прав и законных интересов участников, особенно, когда они либо уведомляются формально, уведомляются не обо всех необходимых следственных и иных процессуальных действиях, а также реализуемых возможностях, уведомляются с нарушением процессуального срока либо вообще не уведомляются вопреки требованиям закона.

Проведенное нами исследование, в том числе собственный практический опыт показывает, что основными причинами нарушений информирования следователем, дознавателем участников уголовного судопроизводства могут быть следующие:

1) низкий уровень профессиональной компетенции должностного лица (отсутствие у следователя, дознавателя достаточного уровня знаний о положениях уголовно-процессуального и уголовного законодательства, а также соответствующих умений и навыков);

2) отсутствие психологического контакта между следователем, дознавателем и участником уголовного судопроизводства;

3) наличие языковых барьеров в части восприятия информации (к примеру, отсутствие понимания иностранным гражданином процессуальных особенностей проведения следственных и иных процессуальных действий);

4) особенности психоэмоционального состояния участника уголовного судопроизводства, которое проигнорировано следователем, дознавателем (например, в случаях с несовершеннолетним либо лицом, страдающим психическим заболеванием);

5) низкий уровень процессуального контроля руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и надзора прокурора.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что в целях недопущения ненадлежащего информирования участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования, требуется наличие соответствующего уровня профессиональных качеств следователя и дознавателя, установление психологического контакта с участниками, в случаях необходимости привлечение переводчика, педагога, психолога, защитника, представителя и пр.), а также строгое следование требованиям закона, регламентирующим данную процедуру.

Список литературы

1. Мичурина О. В. Предварительное расследование: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.

2. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность в деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого / [В. О. Зверев и др.] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 2 (77).

3. Рябенюк Н. Л. Особенности допросов подозреваемых при расследовании преступлений, совершенных мигрантами // Тенденции развития современной юриспруденции. 2018.

4. Лапаев И. С., Маслова М. А. Правовые основы допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 92–98.

*Бу Тхи Тхуи*¹,
аспирант Юридического института
Ханойского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ВЬЕТНАМА

Уголовно-процессуальным кодексом 2015 г. (далее – УПК Вьетнама), предусмотрены следующие меры пресечения: задержание лица в случаях, не терпящих отлагательства, временное задержание, заключение под стражу, залог, запрет покидать определенное место жительства. Задержание лица допустимо в следующих случаях: на месте совершения преступления, в случае нахождения лица в розыске, задержание для заключения под стражу, задержание в целях последующей экстрадиции.

Международное уголовное право подчеркивает важность принципов защиты прав человека, особенно несовершеннолетних, при этом уделяя особое внимание их реабилитации, образованию и интеграции в общество, а не наказанию. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. является важнейшим международным актом, требующим от государств-участников обеспечить справедливое и уважительное отношение ко всем детям, нарушившим Закон, защитить их от суровых судебных процедур. Конвенция также призывает свести к минимуму содержание несовершеннолетних под стражей и отдать приоритет использованию альтернативных мер, таких как залог и запрет определенных действий. Кроме того, во многих государствах созданы специализированные суды по делам несовершеннолетних, применяющие специальные процедуры, обеспечивающие приемлемые для несовершеннолетних условия. Принципы ООН по предупреждению преступности против детей и Пекинские правила 1985 г. также поощряют разработку программ образовательной и психологической поддержки несовершеннолетних, чтобы помочь им как можно быстрее интегрироваться в общество.

Несовершеннолетними правонарушителями в соответствии с законодательством Вьетнама являются лица, не достигшие возраста 18 лет, полностью неразвившиеся как физически, так и психологически. С точки зрения уголовного права данную возрастную группу можно разделить на две группы, каждая из которых имеет свои особенности. В первую группу входят несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет, которые, как правило, психологически близки к семье и живут почти полностью в зависимости от семьи. Вторая группа – лица в возрасте от 16 до 18 лет, находящиеся в стадии вступления во взрослую жизнь, обладающие лучшей социальной приспособленностью, чем первая группа, но еще полностью не отделившаяся от семьи и все еще экономически зависимые от нее.

Меры пресечения, предусмотренные законодательством, достаточно строгие по своему характеру, их применение направлено на обеспечение эффективности судебной деятельности. Однако одной из характеристик мер пресечения является диспозитивный порядок их применения, т. е. на усмотрение правоприменителя.

¹ © Бу Тхи Тхуи, 2025.

В этой связи меры пресечения применяются не в каждом случае, поскольку они предусматривают существенное ограничение прав и законных интересов обвиняемого.

Анализ ст. 419 УПК Вьетнама, автор высоко оценивает вопрос интеграции положений Конвенции ООН о правах ребенка и Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Так, указанная статья в очередной раз акцентирует необходимость особого подхода к мероприятиям по выбору меры пресечения, ориентируясь на возраст лица, совершившего преступление, характер его совершения.

Меры пресечения, применяемые в отношении несовершеннолетних, весьма ограничены в сравнении со взрослыми. Так, в отношении несовершеннолетних допустимо применение следующих мер пресечения: задержание, временное задержание, залог, запрет покидать определенное место. Кроме того, предусмотрены меры надзора и специальные меры в отношении несовершеннолетних обвиняемых (ст. 418).

Применяемые меры пресечения в отношении несовершеннолетних по основаниям, порядку и продолжительности аналогичны мерам пресечения в отношении взрослых. В отношении несовершеннолетних применение мер профилактики должно осуществляться гуманным образом, не допуская причинения вреда их психологии и развитию. Стоит отметить, что заключение под стражу применяется в исключительных случаях, когда лиц обвиняется в совершении тяжкого преступления, что демонстрирует необходимость применения осторожного подхода при применении меры пресечения, предусматривающей ограничение свободы.

Мера пресечения в виде залога подразумевает внесение денежных средств членами семьи или общественными организациями, а запрет покидать места жительства способствует контролировать поведение несовершеннолетних без необходимости его временного содержания под стражей. Применение этих мер пресечения должно основываться на оценке характера и тяжести преступления, личность преступника, а также семейных обстоятельств. Правовая система также требует, чтобы органы прокуратуры принимали меры воспитательного воздействия, чтобы помочь несовершеннолетним осознать свое противоправное поведение и иметь возможность интегрироваться в общество.

Несмотря на в целом успешную регламентацию применяемых в отношении несовершеннолетних мер пресечения, выявлены и некоторые проблемы в применении ст. 419 УПК Вьетнама. Например, неоднозначное толкование носят следующие обороты: «Применять меры пресечения к несовершеннолетним обвиняемым в возрасте до 18 лет возможно только в случаях крайней необходимости», «Применение задержания и временного задержания несовершеннолетних в возрасте до 18 лет допускается в случаях, когда имеются основания полагать, что применение надзора и других мер профилактики неэффективно». Кроме того, срок временного задержания не отражает дифференциации в зависимости от возраста задержанного, не предусматриваются альтернативные меры пресечения в виде залога и запрета покидать определенное место.

Современное состояние применения мер пресечения во Вьетнаме.

В последние годы ситуация с преступностью несовершеннолетних стала особо актуальной и требует от государства и общества принятия эффективных решений по борьбе с ней. С 2017 г. по настоящее время уполномоченные органы установили около 3 000 несовершеннолетних, совершивших преступления. Из них несовершеннолетние мужского пола 96,4 %. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, составляет 20 % от общего количества зарегистрированных на территории страны. Самым преступным населенным пунктом является город Хошимин (более 784 преступлений), город Донгнай (более 200 преступлений), за ним следуют провинции Кханьхоа и Даклак. Прослеживается тенденция увеличения совершения грабежей (составляют 63,85 % от общего количества преступлений); количество убийств увеличились на 38,7 % по сравнению с 2022 г. За 2023 г в г. Хошимин зарегистрировано 690 преступлений, совершенных лицами в возрасте от 16 до 18 лет, к уголовной ответственности привлечено 784 человека. Среди примененных мер пресечения наибольший показатель приходится на применение задержания с похищенным – 339 (43,2 % об общего количества примененных мер пресечения); задержание в случаях, не терпящих отлагательства – 166 (21,1 % об общего количества примененных мер пресечения); заключение под стражу – 132 (16,8 % об общего количества примененных мер пресечения); задержания лиц, находившихся в розыске, – 17 (2,1 % об общего количества примененных мер пресечения), применение иных мер, не связанных с лишением свободы, – 211 (26,9 % об общего количества примененных мер пресечения).

Несмотря на наличие мер пресечения, не связанных с лишением свободы, практика показывает на то, что правоприменители ориентируются все же на задержание и заключение под стражу. Это отражает проблему поиска баланса между необходимостью борьбы с преступностью и защиты прав несовершеннолетних, особенно в контексте ошибок, допускаемых в процессе расследования, которые могут повлиять на развитие детей. В отчете ЮНИСЕФ за 2022 г. отмечен рост числа несовершеннолетних, совершающих преступления, в основном – кражи и насильственные преступления. Проблемой многих стран согласно сведений отчета заключается в отсутствии альтернативных задержанию мер пресечения.

Отсутствие правовой регламентации в законодательстве мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, существенно образом снижает эффективность исправления правонарушителей, усложняет процесс их социальной интеграции. УПК Вьетнама не случайно подчеркивает необходимость принятия мер пресечения с учетом семейного положения ребенка, уровня его развития и обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Ранее нами отмечалось на необходимость создания благоприятных психологических условий для проведения судебного заседания в отношении несовершеннолетнего, однако во многих населенных пунктах еще не созданы суды по семейным делам и делам несовершеннолетних, что приводит к различным правоприменительным подходам.

На основании изложенного предлагаются следующие мероприятия, направленные на совершенствование порядка участия несовершеннолетних в уголовном процессе:

Во-первых, необходимо разработать долгосрочный план развития ювенальной юстиции. Разработка долгосрочного плана ювенальной юстиции является важным решением для повышения гуманности в применении превентивных мер к несовершеннолетним правонарушителям. В этом плане необходимо четко определить цели, критерии оценки и методы его реализации.

Во-вторых, в долгосрочном плане следует сделать упор на углубленное обучение сотрудников судебных органов психологическим и правовым особенностям работы с несовершеннолетними. Это не только помогает сотрудникам правоохранительных органов понять трудности, с которыми сталкивается несовершеннолетний, но и дает им возможность применять меры пресечения более разумным и гуманным способом в соответствии с положениями действующего Уголовно-процессуального кодекса.

План должен включать в себя программы обучения и реабилитации несовершеннолетних. Эти программы должны быть разработаны так, чтобы не только помочь несовершеннолетним лучше осознать свое поведение, но и помочь им в развитии социальных навыков и снижении риска повторных правонарушений.

Кроме того, план должен создать механизм взаимодействия между государством, семьей и обществом, который позволит эффективно реализовать меры профилактики, создать безопасную для развития несовершеннолетних среду.

В-третьих, следует совершенствовать практику применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних, не связанных с изоляцией от общества. Принимая в исключительных случаях решение о заключении несовершеннолетнего под стражу следует учитывать характер совершенного им деяния и наказание, которое может быть применено. Кроме того, следует проработать вопрос применения альтернативных мер пресечения и в отношении лиц, не имеющих определенного места жительства, личность которых не установлена.

В-четвертых, следует повысить роль защитников и адвокатских организаций, принимающих участие в уголовном процессе в интересах несовершеннолетних. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса, правоохранительные органы обязаны представлять адвокатов для участия в качестве защитников несовершеннолетних обвиняемых. Это гарантирует защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, подвергающихся уголовному преследованию, а также снижает в дальнейшем риск судебных ошибок.

Присутствие защитника на следственных действиях не только помогает создать благоприятную среду, чувство защищенности доверителя, но и контролировать деятельность должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

В-пятых, следует усилить пропаганду, распространение информации, правовое просвещение о механизмах уголовной политики, реализуемой в отношении несовершеннолетних.

Эта деятельность направлена не только на повышение правовой осведомленности общества, но и помогает несовершеннолетним понять свои права и обязанности. Использование разнообразных форм пропаганды, подходящих для каждого возраста и уровня, создаст благоприятные условия для получения значимой юридической информации.

Кроме того, следует разработать образовательный контент по уголовной политике в соответствии с уровнем образования и возрастом его потребителей. Образование должно сочетать теорию и практику, создавая возможности для развития у несовершеннолетних правового сознания и позитивной поведенческой ориентации. Образовательные программы должны быть интегрированы в такие предметы, как этика, обществознание и внеклассная деятельность. В то же время необходимо повысить чувство ответственности образовательных учреждений, органов местного самоуправления и общественных организаций за участие в правовой пропаганде и просвещении. Тесная координация между соответствующими сторонами поможет повысить эффективность этой работы.

Наконец, необходимо уделять особое внимание интеграции несовершеннолетних правонарушителей в общество после отбытия наказания в виде лишения свободы. Требуется сильная социальная политика, направленная на готовность работодателей принимать на работу таких несовершеннолетних, исключая различного рода дискриминации в обществе.

Волкова Г. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Иванов Д. А.,**
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ
СТАТЬИ 17.7 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УМЫШЛЕННОЕ НЕВЫПОЛНЕНИЕ
ТРЕБОВАНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ПО УСТРАНЕНИЮ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

При поступлении письменного уведомления о принятых мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователю необходимо приобщить его к материалам уголовного дела. В случае же, когда в месячный срок письменное уведомление о принятых мерах так и не поступило, то следователю целесообразно выполнить следующие действия:

- убедиться, что представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, получено адресатом;
- направить руководителю соответствующей организации или соответствующему должностному лицу «напоминание» (в нем необходимо указать информацию о дате направления представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и дате, когда должно было быть направлено следователю уведомление о принятых мерах), а также разъяснить возможность привлечения к административной ответственности по ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ);
- повторно направить руководителю соответствующей организации или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств;
- провести проверку принятия мер по устранению изучаемых нами обстоятельств, а также выяснить причины непринятия мер, что целесообразно письменно зафиксировать, например, в справке о результате проверки;

¹ © Волкова Г. А., 2025.

– направить в органы прокуратуры материал для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ.

Здесь же следует особо подчеркнуть, что в случае умышленного игнорирования представления, внесенного повторно, следователь вправе инициировать вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении. Для этого нужно выделить из уголовного дела соответствующие материалы, касающиеся именно изучаемых нами обстоятельств.

Выделенные материалы следователь направляет руководителю следственного органа для их передачи в орган прокуратуры. При отказе устранить явные нарушения закона следователь вправе обратиться в компетентные контролирующие органы и прокуратуру.

Для усиления процессуального контроля за исполнением представлений, полагаем, что надлежит принять ряд организационно-правовых мер и со стороны РСО по более тесному взаимодействию с органами прокуратуры. Это позволит повысить эффективность деятельности по принятию мер к должностным лицам, не выполняющим предписания о проведении конкретных профилактических мероприятий, содержащихся в представлениях.

Необходимо также отметить, что в случаях, когда уведомление о мерах, принятых для устранения изучаемых обстоятельств, поступает к следователю после того, как им уголовное дело уже направлено в суд, данное уведомление направляется вслед за уголовным делом в канцелярию суда [1, с. 38]. Необходимо помнить, что для приобщения уведомления следует обязательно указывать в нем исходящие данные уголовного дела (номер, дату возбуждения, квалификацию преступления и др.).

Однако данное предписание действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, а его необходимость обусловлена потребностями следственно-судебной практики. Естественно, что опытные следователи приобщают данные уведомления к материалам уголовного дела без каких-либо указаний на то в законе, чего нельзя сказать о менее опытных следователях. Данные проведенного социологического опроса позволяют сделать следующий вывод. Ответы на представления, поступающие уже после направления дела в суд, следователи направляют с сопроводительным письмом в суд в 82,3 % случаев, остальные же из опрошенных следователей – 17,7 % этого не делают. Есть основания полагать, что такая ситуация сложилась вследствие отсутствия данной обязанности у следователей в соответствии с действующим УПК РФ.

Примерно такие же данные получены нами и в ходе изучения уголовных дел. Так, в материалах уголовных дел присутствовали сопроводительные письма (80,2 %) о направлении в суд ответов, полученных на представления уже после направления прокурором дела в суд.

Проведенный анализ данной проблемы наталкивает нас на мысль о необходимости внесения дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон. В связи с чем диссертантом выдвигается предложение о внесении соответствующих дополнений, посредством которых осуществление данных действий будет возведено в разряд нормативного требования. В разрезе вышесказанного предлагаем дополнить ст. 158 УПК РФ частью третьей: «Дознаватель, следователь,

руководитель следственного органа, получив ответ на направленное ими представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, уже после направления уголовного дела в суд, обязаны направлять его в суд с сопроводительным письмом». Данная норма позволит оптимизировать деятельность указанных должностных лиц и устраним возникающие противоречия при толковании норм УПК РФ среди практических сотрудников.

Далее отметим обязанность исполнения законных требований руководителя следственного органа и следователя, как физическими, так и юридическими лицами по принятию мер к устранению причин и условий, совершенных деяний (ч. 4 ст. 21, ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

При этом, проведенный нами анализ внесенных представлений и ответов на них позволили установить факты игнорирования законных требований должностных лиц, которые вносили соответствующие представления субъектам, уполномоченным на устранение причин и условий совершения уголовно наказуемых деяний. При этом должной оценки указанным причинам и условиям уполномоченными субъектами не давалось, все поступившие ответы на внесенные представления зачастую были формальны по своему содержанию.

Ярким примером таких нарушений являются выявленные нами факты, исходя из изучения профилактики преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) ФСИН России. В частности, по 10 внесенным в исправительные учреждения представлениям истек срок исполнения, однако, ответы о принятых мерах не поступили (СУ МВД по Республике Адыгея (2), ГСУ (СУ) ГУ (У) МВД России по Ставропольскому краю (1), Волгоградской (1), Оренбургской (1), Тульской (3), Челябинской (2) областям).

Приведем и конкретные примеры подобных нарушений, а также игнорирования законных требований следователей. Так, в ответе на представление начальника СО ОМВД России по г. Донскому Тульской области (от 23 марта 2023 г. № 15/3723), внесенного в связи с совершением осужденным М. преступления, предусмотренного п. 3 ч. 2 ст. 228 УК РФ, на территории ФКУ ИК-5 УФСИН России по Тульской области, реализованные меры заключались лишь в рассмотрении представления на оперативном совещании и информировании следователя об усилении контроля. Иных мер профилактического характера не принято.

Аналогичные ответы получены из ФКУ ИК-6 УФСИН России по Смоленской области на представление по уголовному делу № XXXXXXXXXXXXX по обвинению осужденного Б. по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (от 12 октября 2023 г. № 69/10/6/4-2944), из ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по Приморскому краю по уголовному делу по обвинению Ч. по ч. 2 ст. 159 УК РФ, совершенных на территории данного исправительного учреждения (на № 5/2315 от 3 июля 2023 г.), ФКУ СИЗО-3 ГУФСИН по Новосибирской области по уголовному делу № XXXXXXXXXXXXX по обвинению С. по ч. 1 ст. 228 УК РФ (от 17 августа 2023 г. № 55/ТО/11-8-2050).

При этом, 14 апреля 2023 г. и 26 марта 2023 г. начальникам ФКУ СИЗО № 1 и ФКУ ИК-8 ГУФСИН России по Челябинской области направлены представления по уголовным делам № XXXXXXXXXXXXX в отношении Т. и № XXXXXXXXXXXXX в отношении М., которые в течение трех месяцев так и не были рассмотрены.

Приведенные примеры лишь некоторые из огромного количества выявленных нами фактов неисполнения требований об устранении изучаемых обстоятельств. Какие же меры принимать должностным лицам, осуществляющим предварительное следствие в подобных многочисленных случаях?

Виновное лицо в данном случае привлекается к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении».

Особо подчеркнем, что действующий УПК РФ не предусматривает ответственность за невыполнение данной обязанности. В связи с чем, в случаях необходимости привлечения виновных в неисполнении требований, изложенных в представлении следователя, на основании приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [2] соответствующие подтверждающие данный факт материалы передаются руководителю органа внутренних дел или его заместителям. Ввиду того, что в число заместителей входит как раз и руководитель следственного органа, то зачастую он и принимает решение о рассмотрении данных материалов и составляет протокол об административном правонарушении.

В связи с этим большинство материалов (98,9 % по итогам 2023 г. и 98,7 % в первом полугодии 2024 г.), содержащих сведения об умышленном невыполнении лицом законных требований следователя, направлялись руководителю органа внутренних дел (его заместителю – начальнику следственного отдела).

После получения данных материалов руководитель следственного органа на основании ст. 26.1 КоАП РФ может составить протокол [3]. Лицу, в отношении которого он составлен, разъясняются его права и обязанности, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ.

Изучение уголовных дел, к сожалению, приводит нас к выводу, что данная мера реагирования применяется руководителями следственных органов довольно редко – всего в 12,7 % изученных материалов уголовных дел.

Так, исходя из изучения материалов следственной практики нами установлено, что только в СО ОМВД России по району Нерехта и Нерехтинскому району Костромской области в 2023 г. направлено всего два представления из общего количества находившихся в там производстве более чем 350 уголовных дел (представителю ИП Сорокин и председателю СПК «им. Ленина»), ответы не поступили, а также не были приняты и соответствующие меры по привлечению к административной ответственности.

Указанные факты свидетельствуют либо о реально редком ее применении данной меры административного воздействия либо том, что копии подобного рода протоколов и прилагаемых к ним материалов не подшиваются к материалам уголовных дел.

В данном контексте важно подчеркнуть, что в настоящее время сотрудники органов предварительного следствия не указаны в числе должностных лиц уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях.

Вместе с тем, как мы уже говорили выше, данные протоколы все же составляются руководителями органов предварительного следствия, чему есть конкретные подтверждения. Так, по данным ГСУ ГУ МВД России по Московской области в городских округах Подольске, Власихе, Жуковском протоколы по ст. 17.7 КоАП РФ составлялись руководителями следственных органов. Всего в 2023 г. составлено по области 54 протокола, по которым судами вынесено столько же решений по ст. 17.7 КоАП РФ. В первом полугодии 2024 г. составлено 29 протоколов.

Однако мы выявили и негативные примеры, свидетельствующие о некомпетентности участковых уполномоченных полиции по применению ст. 17.7 КоАП РФ и отсутствия должного взаимодействия со следственными подразделениями. Так, из ОМВД России по Белгородскому району в ОП № 2 УМВД России по г. Белгороду поступил материал проверки в отношении Б. с целью привлечения его к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение требований следователя по устранению причин и условий совершенного преступления. Доработка указанного материала для направления в суд и рассмотрения по существу поручена участковому уполномоченному полиции ОП № 2 УМВД России по г. Белгороду. Указанным сотрудником исчерпывающих мер к составлению протокола по ст. 17.7 КоАП РФ не принято. Причиной сложившейся ситуации послужило отсутствие необходимых знаний и навыков.

Сказанное позволяет констатировать, что не все сотрудники органов внутренних дел, обладают достаточными возможностями для реализации привлечения виновных к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

В свою очередь также установлено, что положения нормативных правовых актов в сфере профилактики преступлений территориальными следственными подразделениями исполняются не в полном объеме в связи с отсутствием необходимого опыта работы, взаимодействия и ненадлежащего ведомственного контроля.

Таким образом, в заключение мы приходим к выводу о том, что высокая эффективность профилактической деятельности не может быть достигнута без качественно организованного взаимодействия органов предварительного следствия и субъектов, правомочных на составление административных протоколов.

Список литературы

1. Волкова Г. А. Деятельность следователя по внесению представлений о мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления: теоретические и практические аспекты // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 36–42.

2. Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» (с последующими изменениями и дополнениями) // ИПП «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>.

3. Приказ МВД России от 2 июня 2005 г. № 444 «О полномочиях должностных лиц МВД России по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях и административному задержанию» (с последующими изменениями и дополнениями) // ИПП «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>.

Дорофеев И. В.¹,

курсант Калининградского филиала

Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель: Кузьмина О. Л.,

начальник кафедры уголовного процесса

Калининградского филиала

Санкт-Петербургского университета МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ УТРАЧЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ИЛИ ИХ МАТЕРИАЛОВ

XXI в. стал настоящим временем технологий, которые проникают во все сферы нашей жизни. IT-технологии развиваются с беспрецедентной скоростью, и мы наблюдаем трансформацию множества отраслей под их влиянием. Эти изменения коснулись и таких глубоких процессов, как правосудие.

Проблемы утраты материалов уголовного дела, трудности их восстановления и необходимость перехода к электронному документообороту вызывают ряд дискуссий.

Данная тема в сфере уголовного правосудия является важной. Утрата материалов уголовного дела приводит к значительным правовым последствиям. В условиях сложной правовой системы такая ситуация является недопустимой. В связи с этим вопрос обоснованности перехода на электронный документооборот является актуальным.

В 90-е гг., когда уничтожались бумажные документы, это зачастую означало, что лицо не понесет ответственности за совершенные деяния. Многие исследователи подчеркивают, что значительная часть утеранных уголовных дел относится именно к этому периоду, когда в стране наблюдалась общая нестабильность в социуме. Фиксировались случаи поджогов зданий судов и отделов внутренних дел, а также случаи незаконного проникновения с целью кражи материалов уголовных дел [1, с. 32].

Тем не менее, и в настоящее время продолжают как намеренное, так и неосторожное уничтожение материалов – утери, возникающие в результате халатности, пожаров или затоплений, а также случаи хищений [5]. Акт съедения материалов дела подозреваемыми или обвиняемыми при ознакомлении с делом по-прежнему остается распространенным [6; 7]. Бывают даже случаи, когда подобные действия совершаются юристами [8].

Сейчас мы стоим на пороге понимания важности устранения этой проблемы посредством внедрения современных цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность и учета международного опыта, учитывая прошлые ошибки и внедряя исключительно успешные практики.

К сожалению, сегодня органы внутренних дел (как и прокуратура Российской Федерации) не публикуют показатели количества утраченных уголовных дел.

¹ © Дорофеев И. В., 2025.

Данный факт можно понять, ведь любое исчезновение уголовного дела является неприемлемым и требует тщательной проверки всех участвующих и ответственных лиц. Это может привести к жесткой критике и недовольству со стороны общества, независимо от стадии производства, на которой находилось утраченное дело.

Сведения об утраченных (или восстановленных) уголовных делах сегодня считаются конфиденциальными и являются информацией ограниченного доступа. Раскрытие таких данных может повлиять на ход следствия или судебного разбирательства.

Факты утраты имели место еще в 1925 г., однако процесс восстановления проходил в закрытом режиме. В теоретических и практических аспектах уголовного процесса вопрос утраты не рассматривался.

Впервые процедура восстановления уголовного дела была отражена в инструкции Совета Народных Комиссаров РСФСР от 6 января 1925 г. № 9 «О порядке восстановления утерянных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам».

Данная инструкция не в полной мере регулировала процедуру восстановления, но этот недостаток можно списать на тот факт, что данная процедура была затронута впервые

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. также не включал в себя нормы, которые бы устанавливали порядок решения данной проблемы, как и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г.

Отсутствие соответствующей регулирующей нормы обусловило необходимость внесения новой статьи в уголовно-процессуальное законодательство России Федеральным законом от 4 июля 2003 г. №92-ФЗ. Статья 158.1 «Восстановление уголовных дел» стала правовым новшеством в то время и включала в себя четыре части. Но, к сожалению, с момента начала действия этой нормы (а это более 20 лет назад), она практически никак не изменялась.

Н. П. Ефремова и В. В. Кальницкий рекомендуют восстанавливать не все утраченные уголовные дела, находящиеся в производстве. В частности:

1) ее подлежат восстановлению дела частного и лично-публичного обвинения в случаях, когда потерпевшие отказываются от преследования подозреваемого или обвиняемого;

2) приостановленные уголовные дела тоже не требуют восстановления, если истекли сроки давности уголовного преследования. В таких ситуациях производство по восстановлению дела не инициируется, если прокурор, принимая во внимание мнение участников процесса, не примет иное решение [2, с. 10].

Восстановление утерянных материалов первоочередно возможно на основе оставшихся копий.

Акты ревизий и документальных проверок находятся на хранении как в организациях, подвергшихся проверке, так и в учреждениях, которые ее проводили.

В одном из дел адвокат обратил внимание на восстанавливаемый протокол обыска, который был утерян в процессе следствия. Восстановленный документ, на первый взгляд, соответствовал требованиям, предъявляемым к таким матери-

алам, но адвокат заметил несколько подозрительных моментов. Он указал на нестыковки в часах и датах, указанных в протоколе, которые не совпадали с показаниями свидетелей, присутствовавших во время обыска [9].

Нерациональная трата времени и сил участников процесса приводит к совершенно иным результатам расследования. В процессе восстановления могут потребоваться повторные допросы, осмотры, следственные эксперименты и прочие действия.

Некоторые авторы утверждают, что для восстановления результатов процессуального действия, которое невозможно или нецелесообразно проводить заново, могут быть допрошены понятые либо другие участники [3, с. 68]. Однако при этом возникают определённые проблемы, касающиеся эффективности допроса понятых и других участников следственного действия: их показания, а также свидетельские показания потерпевших и иных участников, часто имеют субъективный и изменчивый характер, и с течением времени многие детали могут быть утеряны из памяти. Как итог – установление личности понятого и его допрос зачастую оказываются неэффективными.

Некоторые авторы советуют восстанавливать утраченные документы по уголовному делу посредством выполнения следственных действий, связанных с извлечением сохраненных данных на компьютере (выемка). Это обусловлено тем, что в современном мире большая часть информации хранится именно в электронном виде, поэтому именно компьютеры могут содержать ценные данные для расследования преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс Германии регламентирует порядок формирования электронного уголовного дела. Этот процесс включает несколько этапов, начиная от регистрации преступления до передачи дела в суд. Все эти материалы собираются, обрабатываются и защищаются в соответствии с требованиями законодательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан предусматривает возможность ведения уголовного дела как в электронном формате, так и в традиционном бумажном виде. В то же время сохраняется возможность использования классического метода ведения дел на бумаге для тех случаев, когда применение электронных технологий может быть затруднено или неоправданно [4, с. 189].

Для создания системы безопасного хранения электронных материалов уголовного дела и обеспечения доступа к ним всех участников процесса на различных стадиях судебного разбирательства предлагается разработка единой централизованной базы данных.

Участники уголовного процесса уже сейчас могут проходить идентификацию посредством системы «Госуслуги».

Приобретение современного компьютерного оборудования и организация локальных сетей в каждом отделе полиции/суде являются первым шагом к созданию системы электронного хранения материалов уголовных дел.

Одной из ключевых проблем при внедрении электронных систем в уголовное производство является недостаточная цифровая грамотность сотрудников судов,

следователей и дознавателей. Для повышения цифровой компетентности рекомендуется организовать серию обучающих курсов, посвященных сканированию, загрузке и сохранению информации. Эти курсы могут быть записаны и распространяться среди всех задействованных специалистов, обеспечивая возможность их многократного просмотра и изучения.

Сравнив уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран постсоветского пространства, можно сделать вывод, что большинство из них переняли российскую норму ст. 158.1 УПК РФ, адаптировав ее к своей модели уголовного процесса (например, УПК Киргизской Республики, УПК Республики Казахстан и УПК Республики Беларусь). Некоторые уголовно-процессуальные кодексы не содержат норм, регулирующих процедуру восстановления утраченных уголовных дел или их материалов, что создает проблемы в случае потери документов, поскольку отсутствуют четкие правила и процедуры для их восстановления (например, УПК Азербайджанской Республики и УПК Грузии).

Наиболее многообещающим с точки зрения внедрения норм, касающихся восстановительного производства, является уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова, в частности гл. 8 УПК Республики Молдова. В этой главе нашло отражение закрепление субъектов, уполномоченных восстанавливать материалы уголовного дела, их компетенция, а также закреплено понятие «исчезновения уголовного дела или документов из дела». В главе закреплён предмет производства по восстановлению исчезнувших уголовного дела или документов из дела, процедура осуществления производства по восстановлению исчезнувших уголовного дела или документов из дела, а также уделяется внимание замене исчезнувшего документа и его восстановлению.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит детальной регламентации процедуры восстановления утраченных уголовных дел и их материалов. Статья 158.1 УПК РФ не дает четкого определения понятию «утраченное уголовное дело», что делает ее несоответствующей актуальным требованиям правоприменительной практики.

Предлагается внести в УПК РФ новую гл. 21.1 под названием «Восстановление утраченных уголовных дел и их материалов». В ней следует указать конкретных лиц, ответственных за восстановление таких дел, а также определить полномочия инстанций, в архивах которых находились утраченные материалы. Важно четко разграничить порядок восстановления дел, которые были прекращены или приостановлены, и тех, по которым ведется текущее расследование. Отдельно стоит рассмотреть возможность частичного восстановления дел и определить категории дел, которые не подлежат восстановлению. Также в главе нужно учесть вопросы подследственности, объединения и выделения уголовных дел, а также порядок исчисления сроков для реабилитации участников уголовного процесса. В связи с вопросом восстановления утраченных уголовных дел или их материалов следует подчеркнуть важность перевода материалов уголовных дел в наглядно-образный и электронный формат. Данный перевод имеет большое значение для улучшения эффективности уголовного процесса. Это позволяет обеспечить доступность информации для всех участников процесса, упростить

ее анализ и интерпретацию, а также сократить временные затраты на восстановление данных. В результате такой перевод способствует повышению качества расследования преступлений и снижению вероятности ошибок при восстановлении утраченных уголовных дел (их материалов). Такой подход поможет уменьшить риск утраты процессуальных документов и в случае их утери упростит процесс их восстановления.

Список литературы

1. Роганов С. А., Мещерякова О. А. Восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019.
2. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Правовые и организационные вопросы предупреждения утраты и восстановления уголовных дел : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2005.
3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., доп. и перераб. М. : Проспект, 2009.
4. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма : Инфра-М, 2022.
5. Постановление Протвинского городского суда Московской области от 15 сентября 2020 г. №1-67/2020 по делу №1-67/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://www.sudact.ru/>.
6. Сотрудники полиции пресекли попытку обвиняемого уничтожить материалы уголовного дела. URL: <https://52.мвд.рф/news/item/21141896>.
7. Обвиняемый съел явку с повинной и может получить за это два года тюрьмы. URL: <https://www.ridus.ru/news/348327>.
8. Суд вынес приговор юристу, который съел материалы дела. URL: <https://pravo.ru/news/202063/>.
9. Апелляционное постановление от 7 июля 2020 г. № 22-3833/2020 22к-3833/2020 по делу № 3/10-22/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://www.sudact.ru/>.

Ефимов Е. В.¹,

соискатель сектора уголовного права,

уголовного процесса и криминологии

Института государства и права

Российской академии наук,

старший научный сотрудник,

кандидат технических наук

РЕЗУЛЬТАТЫ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях важные роль и место занимают результаты налогового контроля. Они содержатся в материалах налогового контроля, вскрывают суть налоговых правонарушений, установленных налоговыми органами, являются причиной доначислений налогов и уникальным поводом для возбуждения уголовных дел. В литературе в минимальной степени рассмотрена правовая природа результатов налогового контроля: в действительности им присущ сложный, комплексный и многоэтапный характер формирования, оценки, проверки и использования разными ведомствами, имеющими отношение к налоговому делу.

Основой уголовного процесса является доказывание, ход и исход которого определяют уголовно-процессуальные средства доказывания. С. Б. Россинским развита теория средств доказывания [2–6], раскрывающая все особенности, присущие категории «средства доказывания»: разграничены широкий и узкий подходы к толкованию термина, даны основы видовой классификации, проанализированы отдельные виды и введено определение. Средствами уголовно-процессуального доказывания называют информационные объекты, прямо указанные в законе или обусловленные его смыслом, позволяющие субъектам уголовного судопроизводства устанавливать юридические факты по уголовному делу и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – обеспечивать мотивированное влияние на содержание и форму таких решений.

Средства доказывания подразделяются на субъективные и объективные; субъективные средства доказывания представлены возможностью человеческого разума осуществлять информационную обработку объективных данных; объективные средства доказывания группируют на «собственно доказательства», формальные и вспомогательные средства доказывания. К собственно доказательствам относятся так называемые «следовые» средства доказывания – прямо предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ объекты, отразившие в себе следы преступления. В состав первой группы средств доказывания входят «иные» документы (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Результаты налогового контроля как средства доказывания позиционируются как документы, но их использованию присущи особенности, которые не свойственны другим «собственно доказательствам». Специфической особенностью

¹ © Ефимов Е. В., 2025.

механизма слеодообразования налоговых преступлений является отражение их признаков в документах. Именно документы являются основой налогового оборота: учета, начисления, уплаты, возмещения и доначисления налогов в соответствии с НК РФ. Результаты налогового контроля содержатся в документах, включающих первичные документы налогового и бухгалтерского учета, платежные документы, организационно-распорядительные и договорные документы, протоколы и иные документы мероприятий налогового контроля, а также в расчетных и аналитических документах, выполненных налоговым органом при проведении анализа данных первичных документов, и документы правоприменительные, включая акт проверки и решение налогового органа.

В ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ и в ст. 32 НК РФ определен порядок возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении на основании материалов налогового контроля. Но ни в кодексах, ни в разъяснениях высших судов, ни в ведомственных нормативных актах не раскрывается состав и понятие «материалы налогового контроля». Налоговые органы направляют комплект документов уникального состава в каждом случае, как правило, всегда присутствуют решение, акт и пояснения хронологии событий. Налоговые проверки проводятся за период, установленный НК РФ. Проверками выявляются налоговые правонарушения, но целью налогового органа является максимальное доначисление налогов, а не выявление налоговых преступлений.

Аргументы налоговых контролеров часто не выдерживают критики с точки зрения уголовно-процессуального доказывания. Фиксированию и сохранению следов налоговых преступлений уделяется минимальное внимание [7, с. 128].

После возбуждения уголовного дела на основании содержания результатов налогового контроля, последние при правильном процессуальном оформлении применяются следствием как следовые средства доказывания, а также – как исходные данные для судебной налоговой экспертизы, где проявляют свойства вспомогательных средств доказывания.

В УПК РФ отсутствуют требования об обязательном проведении судебной экспертизы в уголовных делах о налоговых преступлениях. Право субъекта правоприменения провести судебную экспертизу в деле о налоговом преступлении закреплено постановлениями Пленумов Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48, от 21 декабря 2010 г. № 28. Однако апелляционным постановлением Московского городского суда от 19 сентября 2017 г. № 10-15565/17 было установлено, что по делам о налоговых преступлениях проведение судебной экспертизы обязательно «в соответствии с криминалистической методикой расследования налоговых преступлений» без ссылки на конкретную методику. Вопреки принципу свободной оценки доказательств, в судебной практике указанная формулировка устоялась дословно: экспертиза считается обязательной, а ее непроведение – поводом для возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

В письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сентября 2020 г. № 36-10-2020 правоохранителям разослано учебное пособие, в котором указано: «налоговые экспертизы должны назначаться в кратчайшие сроки после

возбуждения уголовного дела» [8, с. 26]. Это требование вступает в противоречие с тем фактом, что в самом начале проведения предварительного расследования следствие не располагает исходными данными необходимого количества и качества. Производство судебной налоговой экспертизы включает непосредственное исследование первичных документов с последующим применением расчетно-аналитических методов; последние должны проводиться исключительно на достоверных данных. В начале дела следствие располагает только результатами налогового контроля, состав которых минимален с учетом того факта, что изготовлялись они с целью максимального доначисления налогов, а не установления процессуальной истины.

Известны случаи, когда эксперт отказывался от проведения судебной налоговой экспертизы из-за неполноты исходных данных. В случае проведения экспертизы по неполным исходным данным неосновательные выводы экспертизы выявляются в судебном разбирательстве при должной защите. Следует учитывать также и фактор противодействия на основе действительных данных со стороны обвиняемых по налоговым преступлениям, они все имеют высшее образование (в иных составах только 4 %, по данным И. И. Кучерова). В итоге судом отклоняется часть установленных фактов, часть выводов экспертизы или заключение эксперта в целом.

В делах о налоговых преступлениях проявляется еще один фактор, который условно можно назвать «конкуренцией средств доказывания». Заключение эксперта прямо предусмотрено п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и относится к средствам доказывания следового типа. Объектами исследования при производстве судебных налоговых экспертиз являются документы налогового и бухгалтерского учета: счета-фактуры, книги покупок и продаж, первичные бухгалтерские документы, регистры налогового и бухгалтерского учета, налоговая и бухгалтерская отчетность, учетная политика, иные документы, содержащие достоверные сведения о фактических обстоятельствах дела. Собственно, практически такие же документы использует налоговая инспекция при проведении мероприятий налогового контроля. Однако в процессе следствия часто устанавливается иной состав указанных документов: часть отклоняется, как недостоверные, добавляются добытые следствием в процессе собирания документы, которых не было при налоговой проверке, находятся и исправляются ошибки расчетов, уточняются налоговые базы и т. д. В итоге заключение эксперта содержит иные оценки недоимок по налогам, а также – другой результат заведомо ложных данных в налоговых декларациях. Есть случаи, когда налоговый орган не обращает внимание на переплату налогов и производит доначисление, а судебная налоговая экспертиза с учетом переплаты на момент вменяемого правонарушения существенно снижает объем уклонения, вплоть до выхода ущерба за пределы, предусмотренные составом. Есть обратные случаи, когда судебная экспертиза устанавливает размер ущерба бюджету в несколько раз больше, чем это указано в результатах налогового контроля.

В налоговых проверках и спорах могут быть проведены экспертизы в порядке ст. 95 НК РФ и ст.ст. 83-87 АПК РФ. Выводы таких экспертиз почти никогда

не совпадают с выводами судебной экспертизы в уголовном деле, но их применение улучшает доначисления и выигрыши в спорах [9, с. 127].

Согласно распоряжениям Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р и от 22 марта 2023 г. № 672-р, с 22 марта 2023 г., судебные экспертизы по уголовным делам о налоговых преступлениях проводятся государственными судебно-экспертными организациями; на экспертизы, выполняемые в порядке НК РФ и АПК РФ, ограничения не установлены, что приводит к разнице в составе экспертов и в результатах экспертиз.

Несмотря на сложности и ошибки [10, с. 3], экспертиза считается судьями наиболее весомым источником о фактах по делу [11, с. 6], на порядок выше, чем доверие к материалам ведомств [12, с. 211].

Процессуальную конкуренцию результаты налогового контроля перед заключением эксперта не выдерживают, в случае разночтений суды рассматривают как фактосодержащее именно заключение эксперта. В результате в процессе развития уголовного дела результаты налогового контроля в большей степени начинают играть вспомогательную функцию, поддерживающую заключение экспертизы.

Разный вес содержательности средств доказывания по уголовному делу о налоговых преступлениях – не главная и не единственная, но одна из причин, почему в течение ряда лет приговорами завершаются около 10 % налоговых дел [10; 12; 13].

Таким образом, результаты налогового контроля как средства доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговом преступлении, проявляют себя не только как собственно доказательства, но и как вспомогательные средства доказывания, а в случаях, когда экспертное заключение противоречит выводам результатам налогового контроля – вспомогательная функция последних становится превалирующей.

Список литературы

1. Информационное письмо Банка России от 18 января 2023 г. № ИН-08-12/6 «О национальной оценке рисков ОД и ФТ» // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/>.
2. Россинский С. Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 37–45.
3. Россинский С. Б. О широком и узком подходах к пониманию средств доказывания в уголовном судопроизводстве. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 246–255.
4. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87.
5. Россинский С. Б. Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. 2023. № 2. С. 29–34.

6. Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 15–20.

7. Ряполова Я. П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 126–134.

8. Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 августа 2020 г. № 36-10-2020 «О пособии, посвященном практическим вопросам расследования налоговых преступлений» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/>.

9. Шарипова А. Р. Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 119–131.

10. Бергман В. В. Если экспертиза необъективна, есть ли выход? URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/10/esliekspertiza_neobektivna_est_li_vyhod.

11. Никитина Д., Ходжаева Е., Серебренников Д. Как и кем творится судебная экспертиза: эксперты в контексте межведомственных взаимодействий / при участии С. Румянцева и А. Белянской : аналитические отчеты по проблемам правоприменения. Вып. 1. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете, 2024.

12. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

13. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2023.

Звонарева Ю. И.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Мичурина О. В.,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ЗАКОННОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РАНЕЕ ПРИОСТАНОВЛЕННОМУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

Прекращение уголовного преследования следователем, дознавателем всегда являлось неотъемлемой частью, осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности, позволяющей разрешать уголовное дело по существу по подавляющему большинству оснований. Являясь еще и правовым институтом уголовно-процессуального права, прекращение уголовного преследования находится в постоянном развитии, что обусловлено появлением новых оснований для этого. Отдельные из них напрямую связаны с ранее приостановленным предварительным расследованием, когда оно возобновляется с одной единственной целью – прекратить уголовное преследование, а во многих случаях еще и уголовное дело. Главным образом речь идет об истечении сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а также призыве на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 28.2 УПК РФ).

Основание, регламентированное ст. 28.2 УПК РФ, имеет пока скудную практику правоприменения по причине своего недавнего нормативного оформления Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ [1]. Аналогично и с введенным указанным законом основанием приостановления предварительного расследования – призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождением ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Поэтому данные новеллы нуждаются в подробном анализе с точки зрения порядка применения,

¹ © Звонарева Ю. И., 2025.

соответствия принятого решения критерию законности, совершенствования отдельных процессуальных процедур, надлежащего оформления деятельности следователя и дознавателя, а также оптимизации механизмов их взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти в сфере обороны и безопасности, что повышается общественно-политическую актуальность данного направления исследования.

Прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, несмотря уже сложившуюся давнюю практику правоприменения, тоже не лишено проблемных аспектов. К примеру, действующий уголовно-процессуальный закон прямо не регламентирует прекращение уголовного преследования из ранее приостановленного предварительного расследования в случаях, когда лицо совершившее преступление не установлено, а сроки давности уголовного преследования истекли. Законно ли данное решение? Ущемляет ли оно права потерпевшего, который ожидал, что лицо, совершившее преступление, будет установлено, но так и не дождался этого? Ответы на поставленные вопросы имеют важное теоретическое и практическое значение, поэтому будут представлены в настоящей статье наравне с другими проблемными аспектами прекращения уголовного преследования по ранее приостановленному предварительному расследованию.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ содержание принципа законности включает в себя требование о законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений. Относительно законности постановления о прекращении уголовного преследования все предельно ясно. Законным оно будет считаться, когда вынесено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. То есть все процессуальные действия и решения следователя и дознавателя должны основываться исключительно на законе и не являться надуманными [2, с. 262]. При этом нет столь же очевидной ясности относительно двух других критериев – обоснованности и мотивированности. Влечет ли несоответствие им одновременно еще и нарушение законности?

Чаще всего в уголовно-процессуальной доктрине законность, обоснованность и мотивированность проявляют себя как требования, предъявляемые к процессуальному решению либо в качестве его свойств. Данные понятия тесно связаны друг с другом, но при этом вряд ли можно назвать их тождественными. Так, теоретическое толкование термина «обоснованность» нередко связывают с истиной. К примеру, В. Д. Адаменко сочетает обоснованность с истиной, правильностью социальной и правовой оценки выводов [3, с. 13]. Что же касается мотивированности, то на этот счет есть несколько позиций ученых. П. А. Лупинская писала о том, что мотивированность процессуального решения делает его убедительным и тем самым повышает воспитательное и предупредительное значение [4, с. 21]. По мнению А. В. Кудрявцевой, мотивированность судебных решений, как объяснение механизма принятия решений, является также реализацией принципа гласности [5, с. 61]. В любом случае, мотивированность всегда связана с обоснованностью, являясь ее неотъемлемым элементом. Обоснованное решение вряд ли может быть немотивированным.

Нет сомнений, что законность, обоснованность и мотивированность – это требования уголовно-процессуального закона. Но, что если постановление о прекращении уголовного преследования является необоснованным или немотивированным, означает ли это автоматическое признание его еще и незаконным? Может ли законное решение быть при этом необоснованным и немотивированным? Согласимся с позицией, высказанной в науке, что будучи обоснованным и мотивированным, процессуальное решение может быть незаконным, в силу нарушения, например, отдельных требований процессуальной формы. В то же время необоснованное и немотивированное решение также всегда является незаконным, поскольку обоснованность и мотивированность – требования закона [6, с. 85]. В связи с этим можно с полной уверенностью утверждать, что законность доминирует над обоснованностью и мотивированностью, являясь основополагающим критерием оценки любого принимаемого процессуального решения.

Реальность такова, что среди заявленных нами для рассмотрения оснований прекращения уголовного преследования, единственным позитивным основанием для органов предварительного расследования, приравненным к направлению уголовного дела в суд, является новое основание прекращения уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ. Кроме того, законодатель установил прямую связь между ним и новым основанием приостановления предварительного расследования по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Ранее в уголовно-процессуальном законе не было такой согласованности между основаниями приостановления и прекращения. Безусловно, что по ранее приостановленному предварительному расследованию можно было прекратить уголовное преследование через процедуру возобновления. Но эти случаи никогда не были между собой взаимосвязаны, тем более формулировками в законе. Сейчас же прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации может последовать после приостановления предварительного расследования по аналогичной причине. Теперь поясним свою мысль относительно позитивного характера исследуемого нами основания прекращения уголовного преследования. На практике принято оценивать деятельность следователя, дознавателя по количеству направленных ими уголовных дел в суд. По данному же основанию учет прекращенных уголовных дел в связи с прекращенным уголовным преследованием выведен в статистику отдельным пунктом, даже несмотря на то, что статистические карточки не доходят до суда. Поэтому прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации не рассматривается в качестве отрицательного показателя работы следователя и дознавателя и является для них позитивным. Таковы реалии настоящего времени, которые обусловлены, в том числе и внешнеполитической ситуацией.

Все остальные основания прекращения уголовного преследования являются скорее нежелательными в правоприменении, так как сказываются негативно на показателях процессуальной деятельности. По этой причине органы предварительного следствия и дознания неохотно применяют их, забывая о роли института прекращения уголовного преследования в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Прекращение уголовного преследования

в основном расценивается на практике как свидетельство незаконности возбуждения уголовного дела. Особенно это касается реабилитирующих оснований, доля которых традиционно минимальна в числе прекращенных уголовных дел, а иногда даже равняется нулю. Отсюда вытекает стремление следователя, дознавателя любой ценой окончить предварительное расследование составлением обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) и направить уголовное дело в суд. Так, в 2023 г. доля прекращенных уголовных дел от всех оконченных составила всего лишь 7 % [7].

При этом на практике из общего числа прекращенных уголовных дел, прекращение уголовного дела и уголовного преследования в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), как правило, больше распространено, по сравнению с иными другими основаниями. Важно также отметить, такое прекращение может быть связано с основаниями приостановления предварительного расследования, предусмотренными ч. 1 ст. 208 УПК РФ, на которые не распространяется условие приостановления истечения срока давности, а именно: временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в следственных и иных процессуальных действиях; когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует; когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого не установлено по иным причинам, а не в связи с тем, что он скрылся. Стоит напомнить, что исчисление сроков давности начинается со дня совершения преступления и заканчивается вступлением приговора в законную силу.

Сложнее обстоят дела со случаями, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. В уголовно-процессуальном законе нет прямого запрета на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по ранее приостановленному предварительному расследованию в связи с неустановлением лица. Нет в нем и прямого запрета на это. Однако на практике такие случаи имеют место быть. Соотношение зарегистрированных (около 2 млн преступлений за 2023 г.) и нераскрытых в виду не установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (889 тыс. преступлений за 2023 г.), свидетельствует о том, что прекращению значительного числа уголовных дел предшествовало приостановление предварительного расследования [7].

Ранее мы задались вопросом законности такой процедуры, ведь ее реализация блокирует возмещение потерпевшему причиненного преступлением ущерба. Кроме того, прекращая уголовное преследование по ранее приостановленному предварительному расследованию в связи с неустановлением лица, подлежащим привлечению в качестве обвиняемого, не стоит забывать, что преступление было совершено и лицо, его совершившее, избежит уголовного наказания. Поэтому законодателю стоит рассмотреть вопрос о приравнивании прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности к вынесению обвинительного приговора, тем более, что нереабилитирующим основанием оно не является. Здесь также важно учесть критерий неоднократности совершения преступления, что также необходимо отразить в нормах уголовно-процессуального закона, и запретить прекращать уголовное преследования в отношении лиц, совершивших преступление не впервые.

Законность является одним из критериев оценки деятельности органов предварительного следствия и дознания, в данную категорию входят все принятые решения (законные, обоснованные и мотивированные) по уголовным делам, в том числе и по прекращенным уголовным делам, включающим прекращение уголовного преследования. Но негативное отношение сегодня сформировалось даже к законному решению следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела и уголовного преследования. Хотя институт прекращения уголовного преследования несет в себе правозащитную функцию для общества, охраняет права и свободы в уголовном судопроизводстве. Рассматривая пример уголовных дел, возбужденных по преступлениям об умышленном причинении телесных повреждений, на практике после проведения проверки, включающей проведение первоначальной судебной медицинской экспертизы, установившей признаки преступления, как правило, по ним возбуждается уголовное дело. Однако в ходе предварительного расследования нередко назначается дополнительная судебная медицинская экспертиза (комиссионная, ситуационная), по заключению которой умышленное причинение телесных повреждений потерпевшему может не подтвердиться, что влечет прекращение уголовного дела и уголовного преследования. И тут вряд ли можно говорить о незаконном возбуждении уголовного дела.

Таким образом, законность означает соблюдение всех норм уголовно-процессуального закона, реализацию уголовно-процессуальной деятельности во имя закона. Эти правила имеют непосредственное распространение и на принятие решения о прекращении уголовного преследования по ранее приостановленному предварительному расследованию. При этом данное решение должно быть не только законным, но и обоснованным и мотивированным. Необоснованность и немотивированность также делают процессуальное решение незаконным. Законность прекращения уголовного преследования, по предусмотренным в законе основаниям, напрямую связано с правильным их применением. Некоторые из оснований прекращения уголовного преследования находятся в процессуальной связи с основаниями приостановления предварительного расследования, когда последние неизбежно влекут за собой необходимость прекращения. При этом в законе непосредственная возможность прекращения уголовного преследования по ранее приостановленному предварительному расследованию не всегда прямо оговорена, кроме случаев призыва на военную службу в период мобилизации, регламентированных ст. 28.2 и п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/.
2. Лукьянова А. А., Хабаров Е. А. О значении прекращения уголовных дел в досудебном производстве и гарантиях его законности и обоснованности // Научный поиск курсантов : сборник научных трудов. Могилев, 2022. С. 261–262.
3. Адаменко В. Д. Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000.
4. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика. М., 2006. С. 21–22.

5. Кудрявцева А. В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 61–64.

6. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения : монография / [Г. П. Химичева и др.]. М. : Московский университет МВД России, 2004.

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.

Исакин В. В.¹,

*слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Мичурина О. В.,

*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ОЦЕНКА РИСКОВ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Главой 32.1 УПК РФ предусмотрена упрощенная форма производства предварительного расследования – дознание в сокращенной форме. Данная процедура введена законодателем в 2013 г. и с тех пор среди ученых правоведов и практиков не утихают споры по поводу ее реализации в правоприменении. Научное сообщество условно разделилось на два лагеря: одни смотрят на дознание в сокращенной форме весьма критически, оценивая сомнительность особенностей доказывания в плане оценки доказательств [1, с. 115], некоторые ученые из-за его проблемности даже употребляют весьма выразительные эпитеты называя, к примеру, «мертворожденное дитя» [2, с. 6]. Другие видят в нем реальную пользу для уголовного судопроизводства, считая, что такая дифференциация порядка производства позволяет упростить и ускорить предварительное расследование по делам об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести [3, с. 37]. При этом последние тоже не исключают наличия проблем правового регулирования затронутого нами правового института.

Согласно задумке законодателя, сокращенная форма дознания может применяться только в случае, если причастность лица к совершению не вызывает сомнения и им не оспариваются установленные обстоятельства совершенного противоправного деяния. Основной идеей законодателя, при введении указанных новелл, было исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, необоснованного затягивания сроков досудебного производства в тех случаях, когда расследование уголовного дела не представляет особой правовой и фактической сложности. Выполнение таких норм должно снизить процент нарушения требований ст. 6.1 УПК РФ при осуществлении предварительного расследования, выраженное в виде разумного срока уголовного судопроизводства, тем самым избежать нарушения прав лиц, потерпевших от преступных посягательств.

Предварительное расследование в сокращенной форме дознания производится по общим правилам производства дознания, но с изъятиями, указанными в гл. 32.1 УПК РФ. Основанием же проведения дознания в сокращенной форме

¹ © Исакин В. В., 2025.

является ходатайство подозреваемого по уголовному делу, заявленное им после разъяснения ему права о производстве такой формы предварительного расследования при наличии ряда установленных законодателем условий, указанных в ст. 226.1 УПК РФ. К ним относятся следующие:

- уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;
- подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;
- отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключющие производство дознания в сокращенной форме.

Раскрывая заявленную тему статьи, следует остановиться на основном аспекте деятельности лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу – сборе и оформлении доказательств при осуществлении дознания в сокращенной форме. Именно здесь расположен краеугольный камень всех дискуссий, возникающих вокруг данного вопроса.

Для начала следует обратиться к ст. 226.5 УПК РФ, где сосредоточены особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. В ч. 1 данной статьи указано, что «доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей». Тем самым законодатель проводит параллель между сокращенной формой дознания и дознанием общего порядка, так как данные сведения должны быть установлены в обоих случаях, независимо от формы проводимого дознания.

На данном моменте стоит вспомнить, что согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела», и в качестве них допускаются показания подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Из указанного следует, что перечень доказательств, допускающихся при производстве предварительного расследования, строго определен независимо от его форм – предварительного следствия, дознания в общем порядке и сокращенного дознания. Данные отступления, помогут нам в дальнейшем раскрыть суть обсуждаемого вопроса.

Далее стоит обратиться к ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, которая гласит, что «дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств». Данная норма также относится

одновременно и к общей форме дознания, и к сокращенной. В обоих случаях дознаватель проводит комплекс необходимых следственных и иных процессуальных действий, результаты которых закрепляются в материалах уголовного дела в виде доказательств, определяющих объективные обстоятельства совершенного деяния, а также подтверждающие вину лица, совершившего его.

Что же касается ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, то именно она вызывает в основном вопросы ученых и правоприменителей. Справедливо замечено, что процедура в виде «не проверять, не допрашивать, не назначать, не проводить» вынуждает дознавателя реализовывать доказывание часто и без учета данных особенностей по причине отказа подозреваемого от сокращенного дознания в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора [4, с. 107]. Действительно, в п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ указывается, что дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. С этого и начинаются различия между общей формой дознания и сокращенной. Законодатель прямо указывает на тот факт, что лицо, осуществляющее дознание в сокращенной форме, вправе упростить свою работу, тем самым ускорив стадию предварительного расследования. Однако, в данном случае мы можем столкнуться с рядом достаточно серьезных проблем, как для дознавателя, так и для других участников уголовного судопроизводства.

Практика применения норм гл. 32.1 УПК РФ показала, что при условии качественного и своевременного документирования деяния с момента поступления заявления о преступлении, производство дознания в сокращенной форме возможно фактически по любым преступлениям, подследственным дознанию. Однако, по-прежнему просматривается прямая причинно-следственная часть неприменения дознавателями гл. 32.1 УПК РФ в связи с некачественной отработкой сотрудниками органа дознания материалов проверки. Проведенное нами исследование и собственная практика правоприменения показали, что в качестве наиболее распространенных недостатков в основном проявляются следующие:

- неточно выясняются обстоятельства происшествия;
- поверхностно опрашиваются свидетели, в связи с чем в ходе дознания возникает необходимость их допрашивать;
- осмотр места происшествия производится поверхностно, кратко, неинформативно;
- не запрашивается характеризующий материал, получение которого затем занимает достаточно длительное время у дознавателя.

Большую часть следственных действий на стадии доследственной проверки, предусмотренной ст. 144 УПК РФ проводит не сам дознаватель, которым впоследствии возбуждается уголовное дело и осуществляется дознание, а сотрудники иных структурных подразделений территориального органа МВД России на районном уровне – будь то участковый уполномоченный, либо оперуполномоченный, являющиеся сотрудниками органа дознания. Например, при осуществлении первичных проверочных мероприятий ими осуществляются следственные действия, перечень которых указан в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Самым распространенным из них является осмотр места происшествия с изъятиями

предметов, имеющих значение как для изобличения лица, совершившего противоправное деяние, а также для выяснения объективных обстоятельств произошедшего. Данное следственное действие оформляется в соответствии с правилами, закрепленными в УПК РФ, но, ввиду специфики деятельности должностных лиц, в чьих прямых обязанностях отсутствует осуществление предварительного расследования, ими могут быть допущены какие-либо ошибки, нарушающие требования, действующего уголовно-процессуального закона. Впоследствии, после возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель, получив возможность не проверять доказательства, которые, естественно, не были оспорены стороной защиты и потерпевшим, может не заметить ошибку, допущенную еще на стадии проверки сообщения о преступлении, которая, впоследствии, остается в материалах уголовного дела.

В дальнейшем, если данную ошибку выявил прокурор, то он в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ может направить уголовное дело дознавателю для проведения дознания в общем порядке. Если же, данная ошибка будет обнаружена на стадии судебного разбирательства по делу, то указанное доказательство может быть признано недопустимым, и в случае недостаточности собранных по делу доказательств, допущенная оплошность, может повлечь за собой возвращение уголовного дела прокурору для направления его дознавателю в целях осуществления дознания в общем порядке. Это повлечет за собой нарушение права потерпевшего на быстрый доступ к правосудию, а также соответственно превышение разумного срока уголовного судопроизводства. То есть возникнет ситуация, противоположная той цели, которая закладывалась при создании данной формы дознания.

Существует множество путей решения либо недопущения возникновения подобных ситуаций при осуществлении дознания в сокращенной форме. Так, в случае установления допущенной ошибки со стороны должностных лиц органа дознания при проверке сообщения о преступлении, дознаватель, в чьем производстве находится уголовное дело, может повторно произвести следственное действие, которое имело процедурное нарушение. Если невозможно повторно его провести, дознаватель может не включать протокол данного следственного действия в перечень доказательств по уголовному делу при составлении обвинительного постановления, признав данное доказательство недопустимым. В случае же, если по уголовному делу после выполнения следственного действия образуется ситуация, когда доказательств в совокупности оказывается недостаточно, тогда дознаватель должен предпринять меры к установлению новых обстоятельств и собиранию новых доказательств, подтверждающих виновность лица, совершившего преступление и отображающих итоговую картину произошедшего события.

Своего рода фильтром, отсеивающим ошибки, допущенные при производстве предварительного расследования дознавателем, является деятельность процессуальных руководителей в сфере дознания в лице начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, которые могут не только выявить нарушение, но и предотвратить его, указав дознавателю на правильное направление

в расследовании. Согласно норме, закрепленной в п. 10 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, начальник органа дознания уполномочен утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу. То есть начальник органа дознания (начальник территориального органа МВД России на районном уровне, либо его заместитель – начальник полиции, а также и его заместитель) вправе утверждать процессуальный документ которым оканчивается предварительное расследование в форме дознания и по вынесении которого, согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ, лицо, подозреваемое в совершении преступления, приобретает новый процессуальный статус обвиняемого. Так, в соответствии с идеей законодателя, начальник органа дознания при утверждении обвинительного акта или обвинительного постановления, должен полностью проверить материалы уголовного дела. При обнаружении каких-либо нарушений, препятствующих дальнейшему разрешению дела в судебном разбирательстве, согласно п. 9 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, он должен возвратить уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, а также пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления

Схожими полномочиями обладает и начальник подразделения дознания, который, согласно положениям, закрепленным в п. 1 и 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ может проверять материалы уголовного дела, находящегося в производстве подчиненного ему дознавателя, а также давать указания о направлении расследования и производстве отдельных следственных действий.

Таким образом, деятельность указанных должностных лиц может оградить процесс производства предварительного расследования по уголовному делу в сокращенной форме дознания от риска несостоятельности доказательственной базы при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, а именно получения доказательств, которые могут быть признаны недопустимыми. Начальник органа дознания и начальник подразделения дознания могут внести соответствующие коррективы обнаружив при проверке нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные как в ходе процессуальной проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ, так и при производстве предварительного расследования в сокращенной форме дознания.

На основании вышеизложенного, мы приходим к итоговому выводу, что при производстве дознания в сокращенной форме, ввиду сжатых его сроков, велика вероятность допущения различного рода ошибок и иных нарушений, которые впоследствии могут повлечь за собой признание какого-либо из доказательств недопустимыми. Это в свою очередь повлечет за собой правовые последствия в виде возврата к осуществлению дознания в общем порядке, тем самым ущемив право подозреваемого в совершении преступления лица, признавшего свою вину и правовые последствия данного решения, на получение более мягкого вида наказания, а также ограничит право потерпевшего на быстрый доступ к правосудию. Вместе с тем, предусмотренные в уголовно-процессуальном законе контрольно-надзорные средства, а также активная деятельность самого дознавателя, осуществляющего дознание в сокращенной форме, могут сыграть решающую роль в исправлении нарушений и недопущении возникновения более негативной ситуации.

Список литературы

1. Мичурина О. В., Химичева О. В. Проблемы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11). С. 112–115.
2. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.
3. Лазарева В. А. Сокращенное дознание и вопросы доказательственного права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 37–43.
4. Мичурина О. В. Признание подозреваемым своей вины как одно из условий для производства дознания в сокращенной форме // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 16 (2). С. 104–109.

Калинина О. О.¹,

*курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Емельянова Н. Ю.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Одним из центральных понятий всей юридической науки на современном этапе и в целом выступает законность. С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г. Российская Федерация была провозглашена правовым государством [1]. Основываясь на мнении ученых, можно отметить, что правовым государством признается такое государство, которое во всей взаимосвязи наличествующих и функционирующих в ней элементов политической системы признает верховенство права разделения властей и взаимной ответственности общества и государства, а также обеспечивает неукоснительную реализацию и защиту прав, законных интересов граждан и иных конституционных ценностей [6]. Исследователи отмечают, что главенствующую силу в правовом государстве имеет не только Конституция Российской Федерации, но и Закон, в контексте системы права, в целом. Это обуславливает признание верховенства законов в Российской Федерации на сегодняшний день. Под Законом следует понимать ту совокупность нормативно-правовых актов, устанавливающих нормы и правила поведения в обществе, запреты, ограничения, меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, его соблюдающим либо нарушающим. Так, можно определить Закон как совокупность действующих в государстве нормативных правовых актов [7].

Что касается законности, то ее идею можно найти в ряде нормативных правовых актах. Так, принцип законности в ст. 1 устанавливает Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [3]. В ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) также устанавливается данный принцип [4]. Помимо этого, принцип законности можно найти в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) [5]. Отсюда можно сделать вывод, что все законодательство Российской Федерации подчинено основополагающему принципу законности и устанавливает его в качестве главенствующего.

Особое значение данному принципу придается в уголовном судопроизводстве. Так в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) закрепляется такой принцип, как законность при производстве по уголовному делу. В отличие от ранее рассмотренных нормативных правовых актов в УПК РФ делается особый акцент на соблюдение данного принципа в контексте производства по уголовному делу.

¹ © Калинина О. О., 2025.

Следует определить, что же в целом представляет из себя законность. В науке под законностью понимается неукоснительное соблюдение органами государственной власти предписаний Закона, соответствие самого Закона Конституции Российской Федерации. Отсюда, можно сказать, что принцип законности в Российской Федерации реализуется в соблюдении всеми субъектами правоотношений предписаний Закона, осуществление своей деятельности во исполнение и реализацию его принципов, формирование и утверждение таких нормативных документов, которые будут соответствовать Закону. Вышесказанное позволяет оценить и констатировать важность соблюдения принципа законности при осуществлении государственными органами деятельности, связанной с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В юридической науке среди правоотношений, в которых могут ограничиваться права и законные интересы граждан, выделяются следующие: административные (складывающиеся в связи с нарушением гражданами предписаний КоАП РФ – в ходе производства по делу об административном правонарушении), уголовно-процессуальные (складывающиеся в виду деятельности уполномоченных государственных органов, направленной на раскрытие и расследование фактов преступной деятельности лиц, а также направленные на привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении преступления, ограничение прав и свобод тех категорий лиц, которые указываются законом), уголовные правоотношения (складывающиеся в виду деятельности государственных органов по поводу квалификации действий лиц, совершивших общественно опасные деяния, назначении им справедливого и соразмерного наказания), уголовно-исполнительные правоотношения (складывающиеся в виду привлечении граждан, виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности, отбытии ими наказания в специальных учреждениях).

Центральным связующим звеном деятельности по привлечению к уголовной ответственности виновных в совершении преступления лиц между уголовным правом и уголовным исполнением является уголовное судопроизводство, которое направлено не только на установление самого факта преступления, но и на поиск лица его совершившего, а также привлечении его к уголовной ответственности судом как субъектом уголовного процесса. В этой связи обеспечение соблюдения Закона органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, является наиважнейшей задачей в рамках обеспечения прав и законных интересов граждан.

Как было сказано ранее, ст. 7 УПК РФ обращает особое внимание на принцип законности, в виду этого, в законе устанавливается четыре составляющих принципа законности.

Первая составляющая заключается в том, что участники уголовного процесса, осуществляющие его непосредственно (участники со стороны обвинения) не имеют права применять те федеральные законы, которые каким-либо образом противоречат УПК РФ. Это означает, что центральным нормативным правовым актом, которым руководствуются органы, осуществляющие предварительное расследование, выступает УПК РФ. Ни один нормативный документ в части, ка-

сающийся ограничения прав, свобод человека и гражданина, а также те нормативные акты, которые связаны с производством по уголовному делу (например, федеральные законы «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности») не может применяться в тех случаях, если они противоречат Уголовно-процессуальному кодексу. И в своей деятельности органы обвинения в большей степени подчиняются именно УПК РФ.

Второе положение принципа законности состоит в том, что, если суд в своей деятельности обнаружит какое-либо несоответствие федеральному закону, или иного нормативного документа УПК РФ, он обязан принимать решения в рамках действующего уголовно-процессуального Закона.

Третье положение касается деятельности тех участников уголовного процесса, которые основной своей задачей имеют сбор и оценку доказательств. Так, в случае нарушения норма УПК РФ такими должностными лицами, в процессе сбора и получения доказательств, доказательства, полученные ими, незаконно будут признаны судом недействительными. Например, в виду того, что обыск в жилище производится только на основании судебного постановления, в связи с тем, что он ограничивает право граждан на неприкосновенность жилища, его проведение следователем без соответствующего разрешения, будет считаться незаконным, а доказательства, которые были получены в ходе обыска будут признаны недопустимыми.

Заключительное положения принципа законности в уголовном судопроизводстве говорит о том, что все решения, принимаемые органами, осуществляющие уголовное судопроизводство должны быть законными, то есть, соответствовать уголовно-процессуальному законодательству, обоснованными в рамках конкретной ситуации и конкретными обстоятельствами и мотивированными.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что законность в уголовном судопроизводстве обеспечивается как соблюдением норм и предписаний должностными лицами его осуществляющими, так и соответствием нормативно-правовых актов уголовно-процессуальному законодательству. Однако не следует забывать и о том, что сам УПК РФ должен соответствовать нормам Конституции Российской Федерации, поскольку создан в рамках ее исполнения.

Реализация принципа законности в уголовном процессе имеет ряд определенных особенностей, обусловленных спецификой как уголовно-процессуальной науки и законодательства, а также непосредственно деятельностью по производству по уголовному делу. В целом, можно выделить следующие особенности реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве:

- деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование и суда должна осуществляться в строгом соответствии с российским законодательством;

- деятельность участников уголовного процесса со стороны обвинения должна быть направлена не только на реализацию норм Закона, но и на соблюдение и уважения прав и свобод человека и гражданина;

– реализация принципа законности выражается в том, что любое решение, принимаемое должностными лицами, в рамках их полномочий, должно соответствовать требованиям законодательства и быть основанным на складывающихся обстоятельствах;

– любые доказательства по уголовному делу должны иметь четкие законные основания их получения, а также должны быть задокументированы соответствующим образом;

– документирование процессуальной деятельности должно осуществляться в соответствии с Законом;

– привлекать к уголовной ответственности лиц, которые признаны виновными в совершении преступления можно только на основании действующего законодательства;

– любые процессуальные действия (следственные, судебные и иные) должны проводиться строго по законным основаниям и иметь четкую законную основу;

– деятельность суда должна быть направлена в том числе на оценку законности действия органов, осуществляющих предварительное расследование.

Таким образом, принцип законности занимает центральное положение среди всех принципов уголовного судопроизводства, поскольку его соблюдение составляет конструкцию осуществления добросовестного исполнения норм существующего законодательства. Его соблюдение в уголовном процессе является очень важным, поскольку сам уголовный процесс связан с множеством возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

6. Алешкова И. А., Власова Т. В. К вопросу о признаках и принципах правового государства // Аграрное и земельное право. 2019. № 1. С. 34–36.

7. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России) : монография / [Л. В. Андриченко и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Юриспруденция, 2013.

Кияева Е. Ю.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Сумин А. А.**,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В процессе расследования и раскрытия уголовных дел широко распространены назначение и проведение экспертиз, именуемых судебными, поскольку они осуществляются по заданиям органов предварительного расследования и судов. Итоговый вывод сведущего лица оформляется в форме экспертного заключения, которое является доказательством, а окончательную оценку его значения дает суд [1, с. 3].

Экспертиза – самостоятельный процессуальный институт, разновидность практической деятельности, которая играет приоритетную роль в деле внедрения достижений науки и техники в уголовном процессе. В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), экспертиза назначается при наличии общего (потребность в специальных знаниях для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, ст.ст. 195, 283 УПК РФ) и особенных оснований (случаи обязательного назначения судебной экспертизы, ст. 196 УПК РФ).

Значение экспертных исследований для разрешения уголовных дел по существу трудно переоценить, как невозможно перечислить все виды экспертиз, которые назначаются при расследований преступлений различных категорий. Практически каждое преступное действие находит свое выражение в действительности посредством отражения протекания одних процессов на других. При совершении преступления виновный оставляет следы на предметах материальной обстановки, познание которых позволяет установить факты, характеризующие состав преступления, и прежде всего, его объективную сторону. Качественный своевременный анализ вещной обстановки места происшествия позволяет получить информацию о механизме преступного события, определить действия субъекта, способ, орудия и средства совершения деяния, а иногда и воссоздать картину произошедшего. Отдельные элементы материальной обстановки, связанные с событием преступления и приобретающие роль вещественных доказательств, являются типичными объектами криминалистических и иных экспертиз,

¹ © Кияева Е. Ю., 2025.

потребность в проведении которых для исследования обстоятельств объективной стороны состава преступления заметно повышается с развитием науки и техники, расширением возможностей проводимых исследований, внедрением новых экспертных методик.

Последнее объясняется тем, что значение вещественных доказательств определяется не самими предметами как таковыми, а информацией, которую они в себе несут – измененным или текущим состоянием, наличием или отсутствием определенных свойств, качеств, характеристик, пространственно-временными связями с другими предметами. Выявить и установить указанные сведения может только лицо, обладающее специальными знаниями в определенной сфере. Поэтому каждый предмет, обладающий определенными свойствами, без применения к нему соответствующих методик исследования представляет собой только «потенциальную возможность доказательства» [2, с. 135]. Правильно истолковать и оценить их – задача сведущего лица. Справедливой представляется позиция А. А. Эйсмана, который считает, что «полное свое значение вещественного доказательств этот предмет приобретает только в паре с заключением эксперта» [2, с. 135].

Говоря о процессе формирования доказательств, стоит отметить, что это многогранная, определенная законом трансформация данных в материалы уголовного дела. Сначала необходимо обнаружить объект, содержащий материальные и (или) идеальные следы преступления, затем надлежащим образом зафиксировать в сознании субъекта доказывания и отразить в процессуальном документе. В соответствии с положениями ст. 74 УПК РФ, к источникам доказательств, помимо рассматриваемого нами заключения эксперта, относятся показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего свидетеля, заключение и показания специалиста, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

При таком разнообразии видов доказательств по уголовным делам, ни одно из них не имеет заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Однако, каждому доказательству присуща способность устанавливать обстоятельства преступления с той или иной степенью убедительности, или «доказательственная сила» [3, с. 40].

Несмотря на то, что заключение эксперта подлежит всесторонней оценке на предмет относимости, допустимости и достоверности (ст. 88 УПК РФ), на наш взгляд, оно обладает наибольшей степенью весомости в доказательственной базе.

Так, ни одно преступление не может характеризоваться отсутствием каких-либо следов. Вещественные доказательства наличествуют всегда и не могут сами себя изменить, в отличие, например, от показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого. Хотя при задержании лиц «по горячим следам» они зачастую не готовы оказывать сотрудникам правоохранительных органов противодействие и не отрицают причастности к произошедшему событию, по прошествии времени указанные лица меняют показания и свою вину в содеянном не признают. Отыскать свидетелей не всегда представляется возможным. Более того, подозреваемый, обвиняемый в силу процессуального статуса могут также отказаться от дачи показаний, нельзя исключать и возможность дачи ложных показаний, что неприемлемо, но нередко используется в качестве средства защиты.

Стоит учитывать, что мысленный образ, отобразившийся в памяти участников процесса – результат индивидуальной интерпретации действительности. Даже потерпевший, заинтересованный в разрешении дела по существу, может ввести участников расследования в заблуждение, если восприятие события преступления происходило в необычных условиях, например, под влиянием сильного душевного волнения. Таким образом, субъективность показаний зачастую ставит под сомнение доказательственное значение по причине невозможности проверки альтернативными методами. Как справедливо отмечает В. Т. Томин, «словам людей... можно верить лишь только в той мере, в какой их слова находятся в соответствии с реальным положением вещей, установленном экспертами, имеющим возможность не только познать, но и сказать правду» [4, с. 7].

С гносеологических позиций, доказывание тождества, на котором построены все идентификационные экспертизы, достаточно надежно обеспечивает истинность познания. Исследуя объекты материального мира, эксперт руководствуется научно разработанными и апробированными методиками, что, обеспечивая проверяемость выводов, удовлетворяет и «генезисному подходу» [4, с. 103] к оценке доказательств – позволяет проследить путь доказательства с момента возникновения до появления в деле. Стоит упомянуть, что на практике эта процедура сводится к проверке соответствия оснований формального характера как признака допустимости, а достоверность устанавливается исходя из компетентности сведущего лица – информация не исследуется далее представленного экспертом в органы предварительного расследования или суд документа. Проблема заключается в том, что участники процесса не могут адекватно оценить заключение, поскольку не обладают специальными знаниями, которые присущи эксперту. Определение относимости, как правило, затруднений не возникает, критерием выступает факт, входят ли обстоятельства, установленные экспертом, в предмет доказывания по делу.

А. В. Победкин относит заключение эксперта к первоначальным доказательствам, так как оно «содержит синтезированное знание, которого ранее в таком виде не существовало» [5, с. 60]. Факты, имеющие значение для разрешения уголовного дела по существу, могут содержаться как в исследовательской части, так и в выводах. Отражение хода и результатов исследования представленных в распоряжение эксперта объектов в сознании эксперта и его последующая объективизация в заключении как процессуальном документе урегулированы нормами УПК РФ. Соблюдение законодательной процедуры назначения и производства экспертизы, правомерное использование методик исследования в конкретной ситуации – все это обуславливает обоснованность и правильность экспертных выводов.

Обобщая изложенное, законодательное урегулирование процедуры получения экспертного заключения, научная обоснованность методик, обуславливающая объективность и проверяемость выводов, в совокупности с профессиональными умениями и навыками, которыми обладает эксперт как сведущее лицо, на наш взгляд, существенно повышают доказательственную силу указанного процессуального документа. При этом «доказательственная сила» и «доказатель-

ственное значение» в данном контексте не являются тождественными понятиями. Все доказательства должны оцениваться в совокупности, не противоречить друг другу, отвечая требованиям достаточности, что находится в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М. : Юридическая литература, 1979.
2. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.
3. Орлова Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.
4. Томин В. Т. Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография / под ред. проф. В. Т. Томина. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2015.
5. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

Косолапова К. С.¹,

*слушатель Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Андреев А. В.,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

На сегодняшний день в научном сообществе существует довольно большое количество мнений относительно предмета и содержания уголовно-процессуальной политики. Данное понятие в общем плане можно раскрыть как системную и целенаправленную деятельность органов власти, которая ориентирована на регулирование уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 87–88]. Такое определение довольно универсально, но в то же время в рамках заявленного исследования является достаточным, так как наибольшее внимание хотелось бы сконцентрировать не на понятии уголовно-процессуальной политики, а на том, как она определяется в отношении предпринимателей и в дальнейшем в отношении них функционирует.

Уголовно-процессуальная политика включает в себя несколько уровней. Одни ученые выделяют три уровня: доктринальный, законодательный и правоприменительный. Другие настаивают на том, что их четыре: теоретико-познавательный, концептуальный, законодательный и управленческий. А иные считают, что можно выделить и пять уровней: доктринальный, директивный, законодательный, организационно-управленческий и правоприменительный [6, с. 88]. По нашему мнению, все эти подходы имеют право на существование, но первый является наиболее оптимальным. Таким образом, опираясь на трехступенчатую модель уголовно-процессуальной политики разберем ее эффективность в отношении предпринимателей.

На доктринальном уровне происходит становление теоретических основ. Он представляет собой процесс формирования исходного замысла всей последующей в данном направлении деятельности. Главные приоритетные направления деятельности в отношении предпринимателей формируются в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегических документах, в выступлениях первых лиц государства на съездах и форумах федерального и международного уровня. Примерно с 2009 г. началась либерализация уголовно-процессуальных норм в отношении

¹ © Косолапова К. С., 2025.

предпринимателей, и сохраняется подобная тенденция и в настоящее время. В рамках своего выступления на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей, который состоялся в апреле 2024 г., Президент Российской Федерации заявил, что государство будет продолжать поддерживать бизнес. Такая позиция объясняется тем, что современный бизнес нацелен не только на достижение собственной выгоды, но и на инвестирование социальных и кадровых проектов, а также на развитие инфраструктуры, что положительно влияет на благосостояние граждан и всего государства в целом [6]. В связи с этим поддержка предпринимателей уже не первый год остается одним из приоритетных направлений государственной политики, что положительно сказывается на развитии предпринимательской деятельности. Так, в январе 2024 г. количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации составило 4 159, 9 тыс. Этот же показатель на 2021 г. составлял 3 562, 9 тыс., 2022 г. – 3 587,7 тыс., 2023 г. – 3 764,6 тыс. [7]. Таким образом, доктринальный уровень носит значимый характер, определяя основные тенденции развития законодательства в конкретных отраслях деятельности, но так ли все хорошо работает на других уровнях?

Законодательный уровень уголовно-процессуальной политики основное свое выражение находит в нормах уголовно-процессуального законодательства. Основные приоритеты формирующихся общественных отношений в таком случае определяются назначением и принципами уголовного процесса. В настоящий момент уголовно-процессуальный кодекс содержит целый ряд статей, регламентирующих особый порядок уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей, среди которых есть нормы, касающиеся порядка возбуждения уголовного дела, прекращения уголовного преследования, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и особенностей изъятия электронных носителей информации. В то же время, стоит оценить данные нормы с точки зрения назначения и принципов уголовного судопроизводства.

Начнем с того, что назначение уголовного судопроизводства строится на двух началах: защите прав и законных интересов лиц и организаций, которые являются потерпевшими от преступления и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В то же время мы видим, что нормы, закрепляющие особый порядок производства в отношении предпринимателей, направлены исключительно на защиту прав предпринимателей-подозреваемых (обвиняемых). Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что очень часто именно организации являются потерпевшими от преступлений, но отдельных норм регламентирующих положение предпринимателей-потерпевших в качестве обеспечения для них дополнительных гарантий среди существующих норм мы не наблюдаем. Совершенно не раскрытым наш взгляд остается вопрос о признании потерпевшим юридического лица. В этом случае его интересы представляет доверенное лицо – представитель потерпевшего. УПК РФ закрепляет за представителями те же процессуальные права, что и за представляемыми ими лицами. Если в ходе предварительного расследования представитель потерпевшего будет давать показания, то при оформлении прото-

кола данного следственного действия наиболее верно оформить его как «Протокол допроса представителя потерпевшего», вместе с тем, в качестве доказательств по уголовному делу допускаются показания потерпевшего, свидетеля, при этом показаний представителя потерпевшего в этом перечне нет. В связи с чем возникает вопрос, как с юридической точки зрения наиболее грамотно оформить протокол допроса представителя потерпевшего?

Теперь рассмотрим законодательный уровень уголовно-процессуальной политики с точки зрения существующих принципов. Принцип законности гласит, что нарушение норм УПК РФ влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Изъятие электронных носителей информации производится только при участии специалиста, что регламентирует ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. При этом, есть несколько судебных решений, когда доказательства в виде электронных носителей информации признавали допустимыми несмотря на то, что их изъятие производилось без участия специалиста. Такие решения были обусловлены тем, что в процессе изъятия носителей не происходило модификации хранящейся на них информации, и, следовательно, участие специалиста было необязательным. Таким образом, мы видим, что уголовно-процессуальная политика, осуществляемая в отношении предпринимателей, довольно противоречиво выражается на законодательном уровне и в некоторой степени противоречит основным началам. Подобные противоречия между нормами порождают разночтения и произвольное применение некоторых норм, что является недопустимым и требует реформирования.

Правоприменительный уровень включает непосредственную деятельность компетентных органов и должностных лиц на основании принятых норм и дальнейшую оценку такой деятельности. В рамках правоприменительной практики основная проблема заключается в том, что гарантии, предусмотренные для предпринимателей, не всегда позволяют полно и всесторонне исследовать все обстоятельства совершенного преступления в связи с чем истинное назначение уголовного судопроизводства не реализуется в полном объеме [3, с. 126]. Наличие подобной тенденции обуславливается в значительной степени тем, что имеются противоречия на законодательном уровне. И все это в своей совокупности приводит к тому, что права и законные интересы предпринимателей не могут быть реализованы в полном объеме.

В связи с вышеизложенным полагаем, что эффективной реализации уголовно-процессуальной политики в отношении предпринимателей возможно достичь лишь путем применения взаимосвязанных системных изменений, которые эффективно действуя на одном уровне, будут обеспечивать бесперебойную работу всех последующих уровней. Так, на доктринальном уровне наибольшую эффективность на наш взгляд поможет обеспечить дорожная карта. Ее применение позволит законодателю сформировать четкое представление о возможных способах реализации уголовно-процессуальной политики в отношении предпринимателей. Грамотно выстроенная теоретическая основа создаст условия для достижения целей политики и на других уровнях. Так, на законодательном уровне сразу станет очевидно, что необходимо предусмотреть отдельные гарантии для

предпринимателей-потерпевших и, в целом, проводить точечную работу в отношении предпринимателей в зависимости от их индивидуальных особенностей и организационной структуры. И только создав отлаженный механизм на законодательном уровне возможно добиться успеха на правоприменительном. Поэтому необходимо понимать, что уголовно-процессуальная политика в любом направлении должна представлять собой четкую, слаженную и целенаправленную работу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
3. Панфилов П. О. О роли процессуальной формы при реализации уголовно-процессуальной политики в сфере экономики // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 125–128.
4. Победкин А. В., Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М. : Юрлитинформ, 2024.
5. Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.
6. Владимир Путин принял участие в работе ежегодного съезда Российского союза промышленников и предпринимателей // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70688/>.
7. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/.

Кривенцов Н. М.¹,

*слушатель Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Григорьева Н. В.,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

За последнее время многие сферы общественной жизни затронул такой процесс, как цифровизация, который тесно связан с информационными технологиями. Данный процесс коснулся и уголовного судопроизводства, в частности, электронного документооборота.

Для начала необходимо разобраться в понятийном аппарате. Так, термин «информационные технологии» закреплен в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации и информационных технологиях), в котором под информационными технологиями понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов».

Важно отметить, что единого закона, регулирующего электронный документооборот в Российской Федерации нет. Различные аспекты данного вопроса затрагивают многие федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, приказы различных ведомств, в частности, приказ Росстандарта от 8 ноября 2013 г. № 1465-ст «Об утверждении национального стандарта», который утверждает ГОСТ Р 53898–2013 «Системы электронного документооборота. Взаимодействие систем управления документами. Технические требования к электронному сообщению».

Увеличение роли электронного документооборота в судопроизводстве (как гражданском, так и уголовном) вступает в противоречие с традиционной формой ведения и передачи документов – «бумажной». В связи с этим требуется пересмотреть некоторые нормы законодательства, касающиеся данного вопроса.

Важность и необходимость развития электронного документооборота подтверждается действиями правительства и законодательных органов. В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы, России на 2013–2020 гг.» внимание акцентируется на получении и обмене информацией с использованием современных электронных средств связи [1]. Также в постановлении Правитель-

¹ © Кривенцов Н. М., 2025.

ства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» ставится цель создания условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе, а электронный документооборот является одним из ключевых направлений в данной области.

Для начала необходимо понять, что понимается под электронным документом и чем он отличается от электронного процессуального документа. Для ответа на данный вопрос следует обратиться к Закону об информации и информационных технологиях, а именно к п. 11.1 ст. 2 указанного нормативного правового акта, где под электронным документом понимается: «документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Термин «электронный документ» в уголовно-процессуальном законодательстве не определен. Из анализа норм УПК РФ можно сделать вывод, что законодатель широко понимает данное понятие для увеличения охвата различных видов документов (от вещественных доказательств до процессуальных документов), так, в ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, ст. 82, ч. 8 ст. 166 УПК РФ, упоминается термин «электронный носитель информации». Такой подход прослеживается и в позиции Верховного Суда Российской Федерации. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» под электронным документом понимается «документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [2].

Дефиниция, касающаяся процессуального документа, содержится в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 [2]. Так, под процессуальным документом в тексте вышеупомянутого приказа понимается приобщенный к материалам судебного дела документ, в котором отражены сведения, имеющие значение для дела, составленный в письменной форме уполномоченным на то должностным лицом. В научной среде дают схожее определение, так, по мнению Н. В. Григорьевой, под процессуальным документом понимается «документ, составленный в связи с производством по уголовному делу должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство либо действующим по его поручению, а равно осуществляющим контрольно-надзорные функции» [4, с. 104]. Отсюда можно сделать вывод, что важным отличительным признаком процессуального документа является субъект его составления, т. е. документы, составленные защитниками, представителями процессуальными называться не могут.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что под электронным процессуальным документом следует понимать документ, составленный в электронной форме уполномоченным лицом в соответствии с УПК РФ, с помощью

ЭВМ в целях передачи и обработки информации в цифровом пространстве [5, с. 244].

Законодательство в области уголовного судопроизводства также направлено на цифровизацию этой сферы. Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, затрагивающие несколько статей, так, была изменена ст. 222 УПК РФ. Временные изменения предоставляют участникам уголовного процесса право оформлять обвинительные заключение, постановление и акт, а также другие процессуальные документы в виде электронного документа. Но такие документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью, что закреплено в ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ. Также была дополнена гл. 56 новой ст. – 474.2, касающейся порядка использования электронных документов в ходе досудебного производства.

Таким образом, Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ внесены изменения, позволяющие составлять некоторые документы в электронном виде. Например, ходатайство, заявление (кроме заявления о преступлении), жалобу, представление и требование можно подать в форме электронного документа. Также копии таких процессуальных документов, как обвинительные постановления, заключение, акт, а также копии других документов, могут быть оформлены в электронной форме. Для обеспечения их юридической силы и подлинности требуется заверить их усиленной квалифицированной электронной подписью.

Следовательно, отсюда можно сделать вывод о том, что это всего лишь один из шагов на пути к полному переходу к электронному документообороту. А связано это с тем, что в настоящий момент в электронной форме оригиналы процессуальных документов составлять не могут, это применимо только к их копиям.

В ходе прохождения преддипломной практики, изучения деятельности следственного подразделения и опроса некоторых сотрудников в г. Москве было установлено, что основной документооборот производится на бумажных носителях. В некоторых случаях обмен информацией, например, с кредитными организациями, производится в электронной форме. Но в последующем данные документы необходимо перенести на бумажный носитель для включения в материалы уголовного дела, которое до сих пор ведется не в электронной форме.

На необходимость перехода к электронному документообороту указывала М. О. Медведева. Она предлагает дополнить гл. 56 УПК РФ статьей, которая будет касаться электронного и бумажного документооборота на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства [5, с. 13]. Так, М. О. Медведева предложила свой вариант содержания новой статьи, основные аспекты которой заключается в следующем:

Во-первых, законодательно закрепить, что в уголовном судопроизводстве электронный документ равнозначен по юридической силе бумажному документам.

Во-вторых, электронный документооборот будет включать в себя и электронное уголовное дело, доступ к которому будет открыт для участников уголовного судопроизводства в пределах предоставленных прав.

В-третьих, документы уголовного дела должны храниться в системе уголовного дела и дублироваться в бумажном виде.

В-четвертых, различные процессуальные документы должны будут составляться в электронном виде, а также быть подписаны электронной цифровой подписью соответствующего должностного лица с последующим дублированием на бумажный носитель.

В-пятых, в случае изготовления бумажного документа на основе электронного, их юридическая сила будет равна.

В-шестых, участники уголовного судопроизводства получают возможность подавать жалобы, ходатайства и возражения, отправляя электронные версии соответствующих документов, подписанные электронной цифровой подписью, в систему электронного уголовного дела.

Из анализа содержания статьи, предложенной автором, можно сделать вывод, что часть идей уже нашла свое отражение в новой редакции УПК РФ, но есть и те аспекты, которые так и не были пересмотрены законодателем.

Таким образом, понятия «электронный документ» и «электронный процессуальный документ» в уголовно-процессуальном законодательстве не равнозначны. Так, электронный документ является более широким понятием и включает в себя электронный процессуальный документ. Некоторые аспекты цифровизации уже затронули досудебные стадии уголовного судопроизводства. В форме электронного документа могут быть составлены ходатайство, заявление (кроме заявления о преступлении), жалоба, представление, требование. В электронной форме могут быть вынесены копии процессуальных документов. В какой-то степени облегчился процесс сбора доказательств и обмена информацией, но полученные сведения все равно нужно дублировать в традиционной (бумажной) форме. Поэтому о полном переходе на электронный документооборот в том виде, в котором об этом говорится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», говорить преждевременно.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы"» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

3. Григорьева Н. В. Современный подход к определению процессуального документа в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 102–105.

4. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

5. Шин А. К. Об электронном процессуальном документе // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 240–245.

Крюченкова А. А.¹,

*курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Ильяшевич Т. А.,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Верховенство закона является одним из признаков правового государства и означает, что правовые отношения субъектов права, от граждан до государственных органов, подчиняются в первую очередь высшим законодательным актам страны. Являясь универсальным принципом права, законность выступает высшей мерой регулирования общественных отношений и вытекает из ст. 15 Конституции Российской Федерации [1].

В настоящее время принцип законности требует переосмысления с учетом новых реалий, связанных с развитием технологий и цифровых инноваций во всех сферах общественной жизни, в том числе в деятельности правоохранительных органов и суда. В связи с этим возникает необходимость изучения влияния на него использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве.

Искусственный интеллект (ИИ) – это одна из современных технологий, которая разрабатывается и активно применяется во всех областях общественной жизни. И если машина может успешно заменить человека на производстве, то почему она не может сделать этого в зале суда? Проблемы внедрения ИИ в уголовное судопроизводство как инструмента, ускоряющего судебное разбирательство, широко обсуждаются во всем мире.

Основоположником введения термина «искусственный интеллект» является Джон Маккарти, который в 1956 г. на исследовательской диаграмме описал его как объект, «позволяющий машине вести себя таким образом, что ее можно было бы назвать разумной, если бы человек вел себя подобным образом» [4].

Важным этапом в развитии ИИ стала разработка Эдвардом Фейгенбаумом «экспертных систем», имитирующих принятие решений человеком, который в 1994 г. был удостоен премии Тьюринга [4].

Однако на сегодняшний день ИИ в рамках уголовного судопроизводства недостаточно исследован, несмотря на то, что эта тема горячо обсуждается. Стоит отметить, что в юридическом сообществе отсутствует конкретное законодательное определение данного понятия, а также профессиональное отношение относительно необходимости и возможности его применения в уголовном судопроизводстве.

¹ © Крюченкова А. А., 2025.

Для эффективного использования ИИ в уголовном судопроизводстве необходимо разобраться какими принципами нужно руководствоваться.

Следует отметить, что Руководство этики адекватного искусственного интеллекта установило, что надежный ИИ должен руководствоваться основополагающими принципами: законность, справедливость, этичность, надежная технологическая поддержка [5]. Данное Руководство использовалось в пробном режиме в деятельности судебных органов некоторых европейских государств, в результате чего был подготовлен отчет об искусственном интеллекте в уголовном судопроизводстве. В данном отчете особое место занимает положение об использовании искусственного интеллекта в уголовно-процессуальных отношениях.

Исследуя факторы и возможности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, представляется возможным выделить некоторые ключевые области его применения, которые будут осуществляться в строгом соответствии с принципами отправления правосудия.

Как показала нам пандемия COVID-19, при использовании цифровых технологий необходима разработка единой цифровой платформы для судов с высоким уровнем защиты каналов передачи информации, а также независимого сервера для хранения информации о каждом конкретном деле. Также важно учитывать специфику дел, в которых судебные заседания могут проводиться в закрытом режиме (например, дела о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности личности, по делам о государственных тайнах и т. д.), поскольку этот вопрос должен регулироваться отдельно в законе.

Всем участникам уголовного процесса должно быть гарантировано право на защиту. Как правило, защитнику необходимо также предоставить отдельную комнату с установленным подключением к Интернету, чтобы он мог свободно общаться со своим клиентом. В данном случае обвиняемому также должно быть предоставлено его право на свободное изложение обстоятельств события преступления, так как он участвует в судебном заседании в режиме видео-конференц-связи, находясь при этом под наблюдением сотрудников пенитенциарных учреждений.

Английское научное издание *New Scientist* в публикации «Насколько умен ChatGPT на самом деле – и как мы оцениваем интеллект в ИИ?» пишет, что «в современном обществе существует множество идей о том, что в течение нескольких лет роботы, оснащенные мощным программным обеспечением, заменят судей и смогут выносить судебные решения вместо них, которые, более того, будут более беспристрастными и безошибочными, чем приговоры, выносимые живыми судьями...» [3]. Сторонники данной идеи уверены, что различные субъективные факторы, такие как физическое состояние, личные предпочтения или неприязнь к участникам судебного процесса, оказывают значительное влияние на решения, принимаемые судьей.

В соответствии со ст. 17 УПК РФ оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению:

1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному

на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [2].

То есть, любое доказательство по уголовному делу должно учитываться судьей ни только с точки зрения норм права, но и с точки зрения факторов, повлиявших на восприятие уголовного правонарушения судьей, сформировавшихся в процессе его воспитания, получения юридического образования, семейных и общественных отношений.

Кажется, что ни одна сложная автоматизированная машина не может быть наделена чувством ответственности, сострадания, пониманием текущей социальной ситуации и, тем более, проникать в глубокие отношения между людьми. Более того, при вынесении приговора судья решает судьбу реального живого человека с учетом его семейного положения, обстоятельств, предшествовавших совершению преступления, а также последующих условий отбывания наказания.

Представляется, что современные технологии, независимо от того, насколько быстро они внедряются, не смогут заменить судью при выполнении им процессуальных функций по отправлению правосудия. Необходимо также учитывать важный этап формирования законного приговора, когда судья, следуя своему внутреннему убеждению, должен обосновать свою позицию относительно применения определенных норм материального и процессуального уголовного права. Даже учитывая тот факт, что робот будет обладать огромным ресурсом судебных решений, которые человек не сможет удержать в памяти, трудно представить проявление принципов справедливости и гуманизма, когда человека признают виновным или невиновным, выносят ему приговор или оправдывают. Естественно, возникают многочисленные вопросы, касающиеся судебной практики рассмотрения уголовных дел с использованием технологий искусственного интеллекта в будущем: сможет ли робот-судья оценить духовные страдания и моральный вред, причиненный потерпевшим?

Программы по использованию технологий ИИ в уголовном судопроизводстве получают все более глубокое развитие, хотя говорить о полной автоматизации судебной деятельности пока преждевременно в силу вышеупомянутых объективных причин. Цифровые технологии в современном уголовном процессе являются скорее дополнительными инструментами, помогающими судьям в обеспечении качественного отправления правосудия и эффективной защиты прав и интересов граждан. Специфика уголовно-процессуальных отношений свидетельствует о том, что только независимая судебная власть в лице судей, а не роботов-автоматов, способна выносить справедливые судебные решения и разрешать вопросы, связанные с виновностью человека, признавая его виновным или оправдывая лицо, поскольку моральная оценка события, восстановление справедливости относится к сфере человеческой деятельности. Это сила человеческого разума, который может распознать и юридически правильно оценить событие преступления, недоступное ИИ. А нарушение принципа свободы оценки доказательств, представляет собой непосредственное нарушение принципа законности, который является основополагающим.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты) / [К. Е. Коваленко и др.] // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 4.
4. Миндигулова А. А. Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития // Социология. 2023. № 5.
5. Шляпников В. В. Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта // Идеи и идеалы. 2023. № 2-2.

Лисова А. В.¹,

*слушатель Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Ендольцева А. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

В уголовном правосудии России принято считать, что назначение справедливого наказания лицу, совершившему общественно-опасное деяние, это наиболее эффективный способ реализации сущности правосудия, поскольку интересы сторон уголовных правоотношений при этом полностью удовлетворены. Однако стоит сказать, что данная концепция учитывает в первую очередь публичные, а не частные интересы участников уголовного процесса, ориентируясь на то, что защита прав потерпевших от преступлений достигается именно уголовным преследованием и назначением виновным справедливого наказания (ч. 2 ст. 6 УПК РФ) [2]. Однако при этом в назначении уголовного судопроизводства не идет речь об обеспечении потерпевшим компенсации причиненного преступлением вреда, хотя это закреплено в ст. 52 Конституции Российской Федерации [1].

С одной стороны, использование карательных методов применительно к преступнику в целом реализует назначение уголовного судопроизводства, но с другой стороны, использование таких методов не учитывает потребности и интересы участников уголовного процесса. Данная концепция лишает обвиняемого возможности загладить свою вину перед потерпевшим иными способами, связанными с применением альтернативных наказания мер, и не застраховывает общество от совершения данным лицом рецидива.

Именно поэтому, учитывая, что на сегодняшний момент происходит гуманизация уголовного процесса, исследователи стали искать альтернативные методы реагирования на преступление и причиненный в результате его совершения вред, входящие в так называемую восстановительную юстицию.

Одним из таких институтов является институт медиации, под которым понимается способ урегулирования правовых споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4].

Проанализировав судебную практику, стоит отметить, что в некоторых регионах нашей страны, суды прибегают к разрешению уголовно-правового конфликта путем применения процедуры медиации, где заключаются медиативные

¹ © Лисова А. В., 2025.

соглашения и суды прекращают уголовное преследование в отношении обвиняемого. Так, в Чаплыгинском судебном участке № 1 Чаплыгинского судебного района Липецкой области уже длительное время при рассмотрении уголовных дел проводятся примирительные процедуры посредством применения процедуры медиации. Однако стоит также подчеркнуть, что институт медиации закреплен сегодня в России в гражданском и арбитражном процессе, но в уголовном напрямую не предусмотрен. Между учеными ведутся активные дискуссии по этому поводу, но внедрять данный институт в уголовное судопроизводство законодатель не торопится. Отношение к медиации самое разное – одни ее превозносят, другие же критикуют ее как демагогию.

Рассмотрим некоторые проблемы и перспективы внедрения института медиации в уголовный процесс.

1. *Карательное правосудие как проблема внедрения медиации.* В традиционном правосудии внимание направлено на событие преступления, то есть нарушение лицом нормы, запрещенной законодательством той или иной страны, при этом интересы потерпевшей стороны как бы сводятся к минимуму и центром внимания становится именно государство, т. е. карательное правосудие акцентирует внимание лишь на преступном деянии и наказании преступника. Восстановительное правосудие направлено, прежде всего, на примирение сторон с добровольным возмещением вреда, причиненного преступлением, и стремится к удовлетворению интересов каждой стороны уголовно-правового конфликта [5, с. 65]. Именно поэтому предлагается данные модели совместить, так как полное вытеснение карательного правосудия нецелесообразно и в принципе невозможно, отсюда теряется смысл всего уголовного процесса при наличии уголовного закона с его санкциями. Концепция, которая подошла бы для уголовного судопроизводства в России не может полностью вытеснить карательное правосудие, именно поэтому предлагаемая модель видится автономной от официального решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по факту сообщения о преступлении. В соответствии со ст. 144 УПК РФ лицо, обладающее правом возбудить уголовное преследование, имеет некоторое определенно обозначенное время, в рамках которого необходимо принять официальное решение [7, с. 318]. Именно в этот период может быть проведена процедура медиации для достижения ее целей, которые, несомненно, важны и для уголовного судопроизводства, для чего должны привлекаться специализированные организации как официальные посредники в примирении сторон.

2. *Материально-правовая основа как перспектива внедрения медиации.* Необходимо отметить, что предпосылки для развития института медиации уже есть. Элементы медиативности предусматриваются в ст.ст. 75, 76 УК РФ и соответственно ст.ст. 25, 28 УПК РФ, причем в последние годы случаи применения института медиации имеются.

В ст. 76 УК РФ есть норма об уголовном компромиссе, но она не императивная, существует ряд условий ее применения (в частности, совершение лицом преступления небольшой и средней тяжести впервые) [3]. Анализируя ст. 25 УПК РФ, стоит сказать, что в данной статье закрепляется лишь установленное законом право прекратить уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого)

в связи с применением сторон, однако в статье не прописана сама процедура примирения [2]. Сейчас она за рамками уголовного процесса.

Если внедрять институт медиации в уголовный процесс, то следует акцентировать внимание на то, что разработки лишь самой процедуры примирения сторон с помощью медиации недостаточно. Необходимо прямое закрепление данного института либо в отдельную главу УПК РФ или хотя бы самостоятельную статью, где будут прописаны основания для применения медиации, ее процедура, правовые последствия и т. д. При этом возникают вопросы о способах закрепления механизма медиации по уголовным делам в законе; возможных формах (моделях) медиации в рамках уголовного процесса Российской Федерации; условиях передачи уголовных дел в службу медиации и порядке разрешения дел после проведения медиации; основных принципах деятельности медиатора в уголовном судопроизводстве; процессуальном статусе медиатора в уголовном процессе и т. д. [6, с. 49]. Эти вопросы требуют самостоятельного их исследования, что уже происходит, с апробацией его результатов.

3. *Принцип целесообразности как перспектива внедрения медиации.* Принцип целесообразности, или дискреционности, необходимо понимать, как предоставленное законом право выбора наиболее оптимальной из предусмотренных законом для данного конкретного случая формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности и способа разрешения уголовно-правового конфликта, с целью реализации назначения уголовного судопроизводства [6, с. 48].

Стоит также отметить, что институт медиации активно и успешно развивается только в тех государствах, где принцип целесообразности закреплен в уголовном процессе в качестве основного. Во Франции, прокуратура в 28 % случаев отказывает в возбуждении уголовного преследования по мотивам нецелесообразности. В Германии активно применяется институт медиации в ювенальной юстиции, при этом каждое второе уголовное дело в отношении несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, прекращается по причине нецелесообразности.

В данном случае принцип целесообразности стоит понимать, как право лица, ведущего расследование по уголовному делу, выбрать оптимальный путь реагирования на преступление: т. е. не затрачивать время для расследования «очевидных» нетяжких преступлений (в данном случае должны учитываться такие особенности как: впервые совершенное преступление небольшой и средней тяжести, стороны не возражают примириться таким способом).

4. *Низкая правовая осведомленность о применении данной процедуры как проблема внедрения медиации.* К сожалению, пропаганда института медиации сегодня оставляет желать лучшего. Ситуация осложняется также тем, что медиатор фактически выступает конкурентом адвоката. Поэтому адвокаты крайне редко рекомендуют прибегать к процедуре медиации. И в такой ситуации очень важно, чтобы участники уголовного процесса имели достаточно ясное и полное представление об этом правовом институте, и чтобы инициатором применения медиации в досудебном уголовном производстве был следователь, дознаватель, орган дознания. Представляется, что решение данной задачи возможно посредством

усиления информирования населения о таком способе решения уголовно-правовых конфликтов. При этом особое внимание следует уделить информированию населения посредством возможностей СМИ (телевидение, радиовещание), это могут быть также стенды с соответствующей информацией в зданиях правоохранительных органов, судах. Кроме того, следует разъяснять эти вопросы участникам уголовного судопроизводства в ходе ведения уголовного дела (на примере разъяснения потерпевшему права на подачу гражданского иска).

5. *Отчетность как проблема внедрения медиации.* В настоящее время не теряет своей актуальности высказывание заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. Т. Томина, который отмечал, что система уголовной юстиции ориентирована не на борьбу с преступностью и восстановление социальной справедливости, а на получение положительных статистических показателей. Так он говорил о том, что прекращение уголовного дела расценивается как отрицательный результат расследования. Однако стоит отметить, что УПК РФ закрепляет ряд дисcretionных норм, по которым прекращение уголовного дела и (или) уголовное преследование является законным и обоснованным, поэтому данное решение должностного лица некорректно рассматривать в качестве отрицательного результата расследования [5, с. 66].

Таким образом, необходимы изменения существующих критериев оценки работы сотрудников правоохранительных органов, в частности, лиц, осуществляющих предварительное расследование, деятельность которых по уголовным делам, прекращенным на стадии предварительного расследования по дискреционным основаниям, необходимо оценивать нейтрально и не считать отрицательным показателем их работы.

6. *Организационные аспекты как проблема внедрения медиации.* Во-первых, встает вопрос об оплате труда медиаторов. Предположим, что расходы должны нести стороны возникшего конфликта. Однако понимаем, что вступление в уголовно-процессуальные правоотношения лиц, вовлеченных в уголовный процесс в связи с совершением преступления, является для них безусловно бесплатным, и поднимать вопрос об оплате ими услуг медиатора было бы неверно. Речь должна идти о том, чтобы оплата услуг медиатора осуществлялась за счет государства, а эти расходы были признаны процессуальными издержками.

Во-вторых, проблемой является и недостаточный уровень подготовки медиаторов. Поскольку институт медиации относительно нов для распространения в сфере уголовных правоотношений, потребуется достаточно много времени для того, чтобы деятельность медиаторов стала практикоориентированной и эффективной для использования процедуры медиации в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-правовых конфликтов, связанных с причинением вреда потерпевшему [5, с. 66]. Полагаем, что необходимо ввести реестр профессиональных медиаторов в органах Министерства юстиции Российской Федерации.

В заключение хотелось бы сказать, что нами были выделены лишь некоторые проблемы, которые препятствуют внедрению института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации. Доктор юридических наук, профессор

Ю. В. Голик отметил, что «не надо подгонять этот процесс внедрения медиации в нашу жизнь, но его не надо и тормозить».

Предполагается, что внедрение института медиации значительно упростит уголовный процесс. Несмотря на расходы на оплату труда медиаторов произойдет удешевление всей системы уголовного судопроизводства. Снизится градус напряженности в обществе при надлежащей подаче соответствующей информации в СМИ, а также повысится рост доверия граждан к государству и его правоохранительным органам.

Целесообразно для начала попробовать внедрить медиативные процедуры в сферу ювенальной юстиции. Для этого полагаем возможным порядок их применения закрепить в гл. 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

5. Абоян А. А. Проблемы внедрения процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020.

6. Валеев А. Т. Медиация в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. С. 47–51.

7. Шестакова Л. А. Возможно ли в России восстановительное правосудие? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. 2012. С. 315–319.

Лукашенко П. П.¹,
курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Ильяшевич Т. А.**,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Основывается уголовное судопроизводство в Российской Федерации на Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), а именно весь уголовный процесс базируется на гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» [5]. Одним из основных и всеобъемлющих принципов является законность. Принцип законности, который является основополагающим в правовой системе, реализуется через строгое и точное соблюдение законов всеми участниками общественных отношений. Это положение закреплено в ст. 15 Конституции Российской Федерации.

В уголовно-процессуальном праве существует множество подходов к пониманию законности. М. С. Строгович утверждал «принцип законности в уголовном процессе – это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов» [8, с. 175]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что принцип законности просматривается во всех принципах, закрепленных в УПК РФ.

На основе данного положения рассмотрим принцип законности в рамках реализации принципа презумпции невиновности.

Слово «презумпция» происходит от лат. *praesumptio*, и имеет несколько значений. В правовой теории чаще всего употребляется такое значение как предположение, из чего мы можем сделать вывод, презумпция – это предположение, которое считается истинным до тех пор, пока ложность такого предположения не будет бесспорно доказана. Под понятием «невиновность» же мы можем подразумевать некоторое положение лица, при котором он не причастен к определенному обстоятельству или деянию, или же по-другому, не имеет вины по данным обстоятельствам [5]. Раскрывая сущность принципа презумпции невиновности, можно сказать, что он также является одним из фундаментальных принципов, гарантирующих справедливое правосудие. Его суть заключается

¹ © Лукашенко П. П., 2025.

в том, что пока вина человека не доказана в установленном законом порядке, он считается невиновным. Данный принцип имеет отражение в общепризнанных нормах международного права, а также в ст. 49 Конституции Российской Федерации, что говорит о его важности и необходимости соблюдения в различных сферах правовых отношений.

УПК РФ, основываясь на всеобщих и общеобязательных положениях нормативно правовых актов, в данном случае, на упомянутой ранее ст. 49 Конституции Российской Федерации, дает наиболее развернутое определение презумпции невиновности, что означает окончательное нормативное правовое оформление данного принципа, который является гарантом законности и обеспечения прав личности, и исключает необоснованное обвинение и осуждение.

В ходе уголовного процесса, когда лицо обвиняется в совершении преступления, перед органами следствия стоит задача доказать его вину. Однако обвиняемый имеет широкий спектр прав, которые являются гарантией реализации принципа презумпции невиновности.

Благодаря правам, закрепленным в УПК РФ, обвиняемый может оспорить обстоятельства, на которых основано подозрение или обвинение, и избежать необоснованного обвинения.

Однако переходя к реализации данного принципа в практической деятельности, возникают некоторые существенные проблемы. Данные проблемы могут возникнуть, и возникают, как на этапе досудебного производства, так и в судебном производстве.

В качестве первой проблемы, возникающей в процессе досудебного производства, можно выделить нецелесообразное применение мер процессуального принуждения. Особенно ярким примером является мера пресечения – заключение под стражу. Как устанавливает ст. 108 УПК РФ заключение под стражу применяется к подозреваемому или обвиняемому, который совершил преступление средней, а в исключительных случаях и небольшой тяжести. Но следует учитывать, что могла иметь место следственная ошибка, вследствие чего было неправильно установлено лицо, которое привлекли в качестве подозреваемого или обвиняемого. На основании этого можно сделать вывод, что человек, который подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести, может быть помещен под стражу и фактически лишен свободы. Это противоречит принципу презумпции невиновности и положению о законности при рассмотрении уголовных дел, которые закреплены в ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

При сопоставлении презумпции невиновности и досудебного соглашения о сотрудничестве так же возникают проблемы. Статья 317.1 УПК РФ устанавливает порядок рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако важно заметить, что УПК РФ не закрепляет гарантии удовлетворения данного ходатайства. И тогда в данном случае возникает вопрос, что делать лицу, уполномоченному вести расследование, с предоставленной ему информацией, когда ходатайство о заключении досудебного соглашения не было удовлетворено, ведь главное, что подозреваемый или обвиняемый, сообщивший данную информацию, должен быть уверен, что она не будет использована против него. В данной ситуации, обладая такой информацией, следователь все равно

будет выстраивать свои действия вокруг сообщенной ему информации, что будет противоречить принципу презумпции невиновности.

Также можно отметить, что до непосредственного рассмотрения уголовного дела судом, решение о достаточности собранных доказательств принимается прокурором при утверждении обвинительного заключения. В таком случае как суд должен относиться к виновности обвиняемого? Исходя из того, что суд должен руководствоваться принципом презумпции невиновности, обвиняемый будет признан виновным или невиновным только после рассмотрения представленных обеими сторонами доказательств.

Рассматривая роль прокурора в рамках судебного заседания, можно сказать, что она заключается в поддержании обвинения, подтверждении виновности лица в совершении преступного деяния, в ином случае, если данная виновность не будет достаточным образом обоснована, то уголовное дело будет возвращено следователю. В данной ситуации возникает проблема субъективности. Хотя прокурор и исходит из совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, но оценка является субъективной и может влечь за собой наличие факта действия лица вопреки закрепленным в УПК РФ нормам, в данном случае нарушение принципа презумпции невиновности.

Делая выводы, можно сказать, что принципы, закрепленные в УПК РФ, безусловно, являются основополагающими в рамках реализации уголовного судопроизводства. Входя в систему, все принципы уголовного судопроизводства имеют прочную взаимосвязь. Выделяя основополагающую роль принципа законности, мы говорим о его безусловном проникновении на все стадии и все этапы уголовного процесса. Нарушая соблюдение того, или иного принципа, мы ставим под угрозу законность действий, производимых должностным лицом. Данный факт находит свое отражение и при нарушении принципа презумпции невиновности, что прямо закреплено законодателем в соответствующих статьях: ч. 4 ст. 14 УПК РФ «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях» прямо влечет нарушение ч. 4 ст. 7 УПК РФ «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными».

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. URL: <https://clck.ru/3EboKn>.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/2540295/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

5. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.

6. Дятчина Д. А. Принцип презумпции невиновности: проблемы реализации // Молодой ученый. 2023. № 9. С. 261–262.

7. Нагаев А. М. Особенности и проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 401–411.

8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М., 1986.

Макаров Д. А.¹,
соискатель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Как известно, уголовное судопроизводство представляет собой строго регламентированную законом деятельность, содержанием которой является обнаружение признаков преступления, возбуждение уголовных дел, проведение предварительного расследования, а также судебное рассмотрение и разрешение уголовных дел с тем, чтобы лицо, действительно совершившее преступление, было подвергнуто справедливому наказанию, а лица, непричастные к его совершению, ограждены от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Доказывание составляет основу всего уголовного судопроизводства, вне зависимости от того, на каких стадиях осуществляется движение уголовного дела. Доказывание начинается с момента поступления сообщения о преступлении и продолжается вплоть до полного исчерпания уголовно-процессуальных отношений.

Доказывание в соответствии со ст. 85 УПК РФ состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего кодекса [3]. Все эти, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, устанавливаются посредством доказательств. Если выразиться образно, то обстоятельства, подлежащие доказыванию, представляют собой определенную установленную законом форму, тогда как доказательства – это содержание, внутреннее наполнение данной формы.

При изучении содержания российского уголовно-процессуального законодательства обращает внимание то, что понятию доказательств во все века уделялось весьма пристальное внимание.

Так, в Актах Земских соборов (гл. VII, ст. 30) в качестве одного из наиболее важного доказательства выступало «крестное целование» [1, с. 279]. Особое значение здесь имел не сам факт крестного целования, а те сведения, которые сообщало лицо после выполнения данного обряда.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. весьма пристальное внимание было уделено исследованию таких доказательств, как показания свидетелей и потерпевших. В частности, в ст. 93 содержался перечень лиц, которые не могли допускаться к свидетельству ни при каких обстоятельствах [2, с. 129].

После 1917 г., в первый период существования Советской власти, действовали прежние законы с учетом некоторых новых реалий. В первом послереволюционном законе, который был полностью посвящен уголовному судопроизводству, вопросы доказательств и доказывания были прописаны достаточно обширно.

¹ © Макаров Д. А., 2025.

В ст. 61 УПК РСФСР 1922 г. сформулировано важное, концептуальное правило, согласно которому суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускалась [4].

Наряду с этим обобщающим определением в ст. 62 было указано, доказательства являются показания свидетелей, экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, а также личные объяснения обвиняемого. Этот перечень был открытым, то позволяет внести его практически те же носители информации, которые признаются доказательствами и в настоящее время.

Аналогичным образом понятие доказательств было сформулировано и в УПК РСФСР 1923 г. [5]

В УПК РФ 1960 г. доказательства были определены как «любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 69) [6].

На первый взгляд, с принятием УПК РФ существенных изменений в определении понятия «доказательства» не произошло. В ст. 85 данного акта указано, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Вместе с тем сравнение с предыдущей версией определения доказательств позволяет сделать вывод о том, что законодатель изменил и многие существенные их признаки, а это требует дополнительных пояснений.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что в УПК РСФСР 1960 г. доказательства были обозначены как любые фактические данные. Сам термин «фактические данные» вызывал множеств споров как в уголовно-процессуальной науке, так и в правоприменительной практике.

Вместе с тем термин «фактические данные» так и не устоялся, под ним понимались и сами факты, и сведения о фактах, единство фактов и данных и т. п. Поэтому при очередной реформе законодатель отказался от данного термина как от чрезмерно дискуссионного, заменив его на термин «сведения».

В настоящее время, как уже было указано, доказательствами предложено считать «любые сведения».

На первых порах этот термин всем понравился, однако несколько позже в литературе появились различные точки зрения относительно того, почему все доказательства, в том числе вещественные, обозначены как «сведения», а также почему к ним применяется прилагательное самого широкого плана – «любые».

Прежде всего, понимая под доказательствами «сведения», законодатель имел в виду их информационную природу, то, что они имеют смысл и значение для

уголовного дела не сами по себе, а лишь в случаях, когда их формой и (или) содержанием они позволяют установить или опровергнуть искомые обстоятельства.

Понятие «любых сведений» имеет определенную историю. Как уже упоминалось, в УПК РСФСР 1922 г. было указано, что суд не ограничен никакими формальными доказательствами», т. е. имелось в виду, что применительно к доказательствам» термин «любые», во-первых, отрицал формальные доказательства, использовавшиеся в западном уголовном процессе, и, во-вторых, подтверждал независимость и прерогативу суда в уголовно-процессуальном познании.

Однако в том виде, в котором это закреплено в ст. 85 УПК РФ, слова «любые сведения» незаметно, но существенно изменили свое содержание. Понятие «любые» стало означать, что законодатель и вслед за ним правоприменитель якобы имеют в виду, что к ним (как к видам, так и к содержанию), якобы не предъявляются никакие требования. Но это не так, ведь далее в тексте УПК РФ содержится масса требований, предъявляемых как к доказательствам в целом (ст. 88), так и к каждому виду доказательств в отдельности (ст.ст. 76–84). Поэтому целесообразным, на наш взгляд, было бы заменить термин «любые» на «предусмотренные законом» сведения. Это будет более полно отражать требования действующего законодательства к форме и содержанию доказательств.

Также имеются определенные возражения и относительно понятия «сведения». Доказательства, действительно, имеют важную информационную составляющую, однако «сведения» – это термин, который в большей мере относится к доказательствам, извлекаемым из сознания того либо иного человека, т. е. к показаниям.

Перечень доказательств, используемых в уголовном судопроизводстве, приведен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. С одной стороны, данный перечень закреплен в законе исчерпывающим образом, но, с другой, он имеет и тенденцию к расширению. Так, в перечне указано, что доказательствами в числе прочих могут выступать «иные документы». При этом доказательствами могут быть документы, как составленные специально в связи с производством по уголовному делу, так и неофициальные (например, письма, телеграммы). Однако и в том, и в другом случае они должны быть составлены в рамках действующего законодательства и приобщены к уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ.

В настоящее время в науке выделяется ряд оснований для классификации доказательств. В числе прочего в зависимости от природы носителей доказательственной информации они подразделяются на личные (когда носителем является живой человек, например, показания) и вещественные (когда информация содержится на материальном носителе – предмете). Вместе под данное основание не подпадают документальные носители информации, когда интерес представляет как сама документальная форма, так и ее содержание. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть по данному основания подразделение доказательств на три группы:

- 1) доказательства, носителями которых являются живые лица (личные);
- 2) доказательства, свойства которых проявляются в неодушевленных предметах (вещественные);

3) доказательства, зафиксированные в документах, составленных как в связи с производством по уголовному делу, так и вне такого производства (документальные доказательства).

Таким образом, по нашему мнению, возникла необходимость уточнить понятие доказательств, применяемых в уголовном судопроизводстве, а также скорректировать классификацию доказательств в зависимости от носителя соответствующей информации.

Список литературы

1. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Том 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1985.

2. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Том 8. Судебная реформа / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1991.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 февраля 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

*Макарова С. А.*¹,
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: *Панфилов П. О.*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Принципы уголовного судопроизводства призваны обеспечить единую уголовно-процессуальную форму производства по делу, а также объективность и справедливость рассмотрения уголовного дела, недопущение нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, восстановление социальной справедливости и вынесение справедливого наказания виновному в совершении преступления лицу.

Одним из ключевых принципов любых видов судопроизводства является законность, понимание которого в уголовно-процессуальной деятельности имеет существенные особенности.

Принцип законности закреплен в ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» [1]. То есть, можно сказать, что принцип законности в уголовном судопроизводстве означает точное соблюдение должностными лицами и органами государственной власти, осуществляющими уголовное судопроизводство, предписаний нормативных правовых актов и недопустимость их нарушения. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Э. М. Мурадян о том, что «сила и назначение суда – в опоре на закон, в утверждении начала законности как справедливости. В идеале власть суда – власть закона, приведенного в результативное действие» [5, с. 344].

Реализация принципа законности в уголовном судопроизводстве представляется нам в виде принятия не противоречащих Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, регулирующих осуществление уголовного судопроизводства, их верном толковании уполномоченными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство и в применении данных нормативных правовых актов уполномоченными должностными лицами при осуществлении уголовного судопроизводства. Следует сказать о том, что реализация принципа законности уголовного судопроизводства позволяет обеспечить одинаковые условия для всех лиц, участвующих в нем, что обуславливает высокую значимость данного принципа.

¹ © Макарова С. А., 2025.

Рассмотрим особенности реализации принципа законности уголовного судопроизводства в Российской Федерации. В первую очередь стоит отметить, что все возможные процессуальные действия, производимые уполномоченными должностными лицами в рамках уголовного судопроизводства и направленные на сбор и оценку доказательств, вынесение различных постановлений и решений, применении тех или иных процессуальных мер к различным участникам уголовного судопроизводства, содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) [2, ч. 3 ст. 7], отступление от которых уполномоченными должностными лицами приводит к их незаконности и недействительности.

Статья 7 УПК РФ устанавливает, что «нарушение норм УПК судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств». Отступление уполномоченным должностным лицом от данных правил, являющихся нормативными предписаниями, влечет незаконность его действий и незаконность полученных доказательств по уголовному делу, что также нарушает принцип законности уголовного судопроизводства.

Часть 4 ст. 7 УПК РФ гласит, что «определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными». То есть, данное предписание устанавливает в качестве обязательного требования к решениям уполномоченных должностных лиц, выраженными в ходе вынесения постановления или определения, их соответствия нормативным правовым актам, устанавливающим как виды данных постановлений (уполномоченное должностное лицо не может выносить постановление о принятии им решения, не предусмотренного законодательством), так и необходимые условия их принятия (например, необходимость участия понятых, факт совершенного преступного деяния и т. д.).

Части 1 и 2 ст. 7 УПК РФ гласят, что «суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта УПК, принимает решение в соответствии с УПК», т. е. законодатель выделяет УПК РФ как единый нормативный правовой акт, регулирующий само осуществление уголовного судопроизводства и содержащий нормативные предписания, обязательные для исполнения всеми его участниками. Допустимость пользования лишь предписаниями УК РФ при противоречии ему иных нормативных правовых актов подчеркивает данное убеждение.

Важно выделить особенности действия уголовно-процессуального закона во времени и пространстве. Так, производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с УПК РФ, если международным договором Российской Федерации не установлено иное (ч. 1 ст. 2 УПК РФ). При производстве по уголовному

делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено УПК РФ.

Принцип законности уголовного судопроизводства также тесно связан с принципом независимости судей, заключающимся в том, что при рассмотрении уголовного дела и принятии по нему решения судья руководствуется лишь законом и своим внутренним убеждением, при этом никто не способен повлиять на него. Законность в данном случае выступает в том, что суд является правовым механизмом, действующим и опирающимся при осуществлении своей деятельности лишь на основе нормативных правовых актов, что позволяет избежать властного произвола и несправедливости при принятии судебных решений по уголовным делам.

Организационный аспект принципа законности выражается в организации осуществления уголовного судопроизводства на основе точного соблюдения регулирующих данные вопросы нормативных правовых актов, что выражается в следующем:

- суд действует на основе закона и рассматривает определенную категорию уголовных дел, определенных законодательством в соответствии с подсудностью судов;
- весь ход уголовного судопроизводства регламентирован законодательством;
- участники уголовного судопроизводства вправе обжаловать решения суда, кажущиеся им незаконными.

Таким образом, принцип законности уголовного судопроизводства означает точное соблюдение должностными лицами и органами государственной власти, осуществляющими уголовное судопроизводство, предписаний нормативных правовых актов и недопустимость их нарушения. Реализация принципа законности в уголовном судопроизводстве представляется нам в виде принятия не противоречащих Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, регулирующих осуществление уголовного судопроизводства, их верном толковании уполномоченными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство и в применении данных нормативных правовых актов уполномоченными должностными лицами при осуществлении уголовного судопроизводства. Отличительной особенностью реализации принципа законности в Российской Федерации является четкое регулирование осуществления уголовного судопроизводства в УПК РФ, устанавливающим правила производства следственных и процессуальных действий и критерии законности доказательств по уголовному делу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

3. Основной закон Федеративной Республики Германия (вместе с Извлечением из Конституции Веймарской республики от 11 августа 1919 г.) : принят 23 мая 1949 г. (с изм. и доп. от 29.07.2009) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.

4. Дикова И. В. Принцип законности как основа судебной власти // Закон и право. 2021. № 3. С. 33–34.

5. Мурадян Э. М. Судебное право. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

Максимов Н. Р.¹,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Российская Федерация, являясь одним из мировых «центров силы», традиционно играет одну из важнейших ролей в общемировой политике, осуществляя взаимодействие со многими государствами мира во всех сферах. Одной из наиболее важных областей, в которой Россия в настоящий момент активизировала свою деятельность, является международное сотрудничество в борьбе с преступностью, наиболее важным из которых, по мнению автора, является международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства.

Среди направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства выделяется:

- правовая помощь по уголовным делам;
- производство экстрадиции (выдачи) лица;
- передача лица для дальнейшего отбывания наказания в государство, гражданином которого он является;
- передача производства по уголовному делу иностранному государству [7].

При этом в настоящее время проявляется необходимость выделения международного сотрудничестве в области уголовного судопроизводства еще одного направления – международного сотрудничества при собирании доказательств. Особенность данной деятельности заключается в том, что ввиду того что, по сути, все уголовное судопроизводство является облаченным в установленную законом форму процессом доказывания, и достижение целей уголовного судопроизводства без доказывания невозможно, собирание доказательств так или иначе может охватывать все вышеуказанные направления международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере.

Учитывая ключевой для осуществления уголовного судопроизводства характер доказательственной деятельности, автору видится необходимой детальная проработка теоретических и практических положений, связанных с процессом собирания доказательств в рамках реализации тематических международных договоров Российской Федерации и ч. 5 УПК РФ. При этом наиболее важными автору видятся именно теоретические положения, разработка которых позволила

¹ © □ Максимов Н. Р., 2025.

бы определить место международного сотрудничества при собирании доказательств в системе международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства.

Обнаруживается необходимость совершенствования уголовно-процессуальных средств, применяемых участниками уголовного судопроизводства в случае их обращения к компетентным органам иностранных государств в рамках производства предварительного расследования по уголовному делу. Наиболее важными в данном контексте являются вопросы получения доказательств путем направления запроса о правовой помощи в орган предварительного расследования иностранного государства. Так, в настоящее время отсутствует механизм приобщения информации, полученной в результате исполнения запроса о правовой помощи по уголовному делу, в качестве доказательства, а также правовой статус подобных сведений в целом, в частности, ее соответствие требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Разработка понятийного аппарата требует, в первую очередь, обращения к более общему определению – международному сотрудничеству в области уголовного судопроизводства. Законодатель, закрепив данное понятие в уголовно-процессуальном законе, не установил его определения, в результате чего к настоящему времени наука сформулировала ряд доктринальных определений, при этом разные ученые акцентировали внимание на разных аспектах деятельности.

А. Г. Волеводз акцентирует свое внимание на том, что международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства представляет собой деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, направленных на оказание содействия в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, относя деятельность в рамках иных стадий к группе «других мер, необходимых для правильного разрешения уголовных дел» [5, с. 65].

Н. Н. Мазаева же в первую очередь позиционирует международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства как составную часть отрасли международного права – права международного сотрудничества в борьбе с преступностью [6, с. 65].

Учитывая, что в подавляющее большинство доказательств по уголовному делу собирается именно на досудебной стадии производства, автор полагает целесообразным, соглашаясь с позицией А. Г. Волеводза, выдвинуть тезис о том, что при изучении вопросов международного сотрудничества при собирании доказательств, стоит сосредоточить основное внимание именно на досудебном уголовном производстве, при этом, формулируя теоретические положения о данной деятельности, следует учитывать ее место в системе уголовно-процессуальной и юридической науки в целом, а именно части международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства – раздела уголовно-процессуального права, который, в свою очередь, представляет собой направление международного сотрудничества в борьбе с преступностью – отрасли международного права.

Нахождение данной области юридического научного знания на стыке двух правовых систем – национального и международного права, необходимо учитывать и при проведении всех дальнейших как теоретических, так и практических исследований.

Говоря о принципах международного сотрудничества при собирании доказательств в досудебном уголовном производстве, следует также иметь в виду, что они будут позиционироваться как специальные по отношению как к общепризнанным принципам международного права, закрепленным Уставом Организации Объединенных Наций (ООН) 1945 г. [2], так к фундаментальным началам российского уголовного судопроизводства. Здесь необходимо указать и на проблему, заключающуюся в отсутствии систематизации законодательства, определяющего порядок осуществления взаимодействия между компетентными органами и должностными лицами при собирании доказательств. Во-первых, это связано с различными подходами к определению понятия источника уголовно-процессуального права. Так, УПК РФ в ч. 3 ст. 1 прямо указывает на то, что нормы международного права являются частью уголовно-процессуального законодательства [1]. Однако нормы международного права могут быть представлены рядом источников, начиная от вышеупомянутого Устава ООН, верховенство которого в правовом регулировании международных отношений не подвергается сомнению, заканчивая различными нормами так называемого «мягкого права» – международных актов, формально содержащих в своем тексте те или иные положения, имеющие значения для осуществления уголовного судопроизводства, но при этом никак не обеспечивающие их исполнение, т. е. являющиеся сугубо декларативными. С точки зрения международного права, следует отметить наличие в научной доктрине нескольких видов международных договоров – межгосударственные, межправительственные и межведомственные. Указанная ранее ст. 3 УПК РФ определяет, как источники уголовно-процессуального права международные договоры, заключенные только от имени Российской Федерации, при том, что к нормам международного права относятся все виды международных соглашений. Также имеет место и мнение, согласно которому нормы международного права в целом не являются источниками уголовно-процессуального права ввиду их непрямого действия на территории Российской Федерации, однако, автор не согласен с данной позицией ввиду особенностей юридической конструкции тематических международных договоров в области уголовного судопроизводства, изобилующих отсылочными к национальному законодательству нормами, как, например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (Кишиневская конвенция) [3]. Систематизация источников международного сотрудничества при собирании доказательств также необходима ввиду постоянно изменяющейся международной обстановки.

Немаловажным автору видится и проработка вопросов о применении нетрадиционных форм взаимодействия участников уголовного судопроизводства на приоритетном для внешней политики Российской Федерации направлении – Содружестве Независимых Государств (СНГ). Актуальность данному вопросу добавляет и тот факт, что, являясь на данный момент с точки зрения международного права международной организацией в чистом виде, руководители государств – участников СНГ позиционируют Содружество как интеграционное объединение, стремясь к экономическому объединению как в своих заявлениях, так

и на практике [4]. В контексте уголовного судопроизводства для достижения целей формирования интеграционного экономического пространства автор считает необходимым перенимать опыт единственного на сегодняшний день интеграционного объединения – Европейского союза (ЕС), сформировавшего подобие единого уголовно-процессуального пространства на территории государств-участников. Так, на территории ЕС с 2017 г. действует Директива Европарламента и Совета ЕС о Европейском ордере на производство следственных действий, которая ставит своей основной целью именно получение доказательств, а также обеспечение унификации материалов при направлении запросов об оказании содействия при расследовании уголовных дел.

Подводя итог, следует отметить, что в доктрине уголовного процесса до сих пор недостаточно разработаны теоретические положения о международном сотрудничестве органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, при собирании доказательств на досудебном этапе, в частности:

- выработка понятия международного сотрудничества при собирании доказательств в досудебном производстве;
- разработка системы специальных принципов собирания доказательств, основанных как на фундаментальных началах российского уголовного судопроизводства, так и на системе норм международного права – общепризнанных принципах международного права, установленных Уставом ООН 1945 г., а также отраслевых принципах права международного сотрудничества в борьбе с преступностью;
- систематизация нормативно-правовой базы указанной деятельности, которую составляют, помимо Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства и федеральных законов России, также и множество двусторонних и многосторонних международных договоров разных уровней, ратифицированных Российской Федерацией;
- определение форм осуществления сотрудничества участников уголовного судопроизводства;
- определение круга субъектов, принимающих участие в деятельности по направлению и исполнению запросов о правовой помощи по уголовным делам в досудебном производстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Устав Организации Объединенных Наций : принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406603/.

4. Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/113064/?ysclid=m3q1nfh1sp686492708>.

5. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

6. Мазаева Н. Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

7. Королев И. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Государственная служба и кадры. 2019. № 1.

8. Чекотков А. Ю. Европейский ордер на производство следственных действий: первый опыт правоприменения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1.

9. Уголовный процесс (проблемы теории и практики) : учебник для подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2016.

Мулинов Д. А.¹,

*студент факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

Филиппова И. И.²,

*студент факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исследователи отмечают стремительный переход от аналоговой к цифровой криминалистике, но расходятся во мнениях относительно соотношения понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация». Изначально под цифровой трансформацией подразумевался переход от аналоговых данных к цифровым, теперь это называется дигитализацией [3, с. 209].

Термины «цифровая трансформация» и «цифровизация» часто используются как взаимозаменяемые, однако последние изменения в правоприменительной практике и появляющиеся концепции указывают на необходимость их разграничения. Цифровая трансформация рассматривается как вызов на ближайшие годы, причем социальные и экономические изменения начинаются медленно, но набирают обороты. Цифровизация рассматривается как технологическая тенденция, стимулирующая инновации и разрушения в отраслях и обществе, и имеет более высокий статус, чем цифровая трансформация.

Цифровизация представляет собой интеграцию множества технологий в повседневную жизнь. Она влияет на личные и профессиональные отношения, государственные услуги и многое другое. Ученые рассматривают цифровизацию как внедрение и расширение использования компьютерных технологий. Другие определяют ее как способность превращать физические продукты в цифровые, что дает определенные преимущества. В криминалистике эксперты выступают за оцифровку объектов и предметов для анализа и представления мест преступлений в цифровой форме, включая качественные и количественные аспекты [2, с. 263].

Уделение внимания цифровизации в криминалистике может привести к таким практическим результатам, как автоматизация методов расследования. Однако чрезмерное внимание к ней не учитывает необходимость сочетания типичности и нетипичности в расследовании. Цифровизацию часто чрезмерно упрощают, а ее истинная суть – это система приемов, средств, технологий и рекомендаций по обнаружению электронных носителей, извлечению информации и повышению эффективности расследования, как предлагает Н. Г. Шурухнов [6, с. 252].

¹ ©□ Мулинов Д. А., 2025.

² ©□ Филиппова И. И., 2025.

Цифровизация в судебной экспертизе является чрезмерно упрощенной, часто фокусируясь исключительно на возможностях технологии, а не на ее интеграции с человеческим опытом и процессуальным контекстом.

Цифровизация насыщает следственную деятельность цифровыми технологиями, что приводит к качественному изменению этого явления. Накопление фундаментальных технологий, включая блокчейн, искусственный интеллект, облачные вычисления и кибербезопасность, создает новую технологическую основу для адаптации традиционных правовых институтов к цифровой экосистеме. Правильная интеграция цифровых систем повышает эффективность и воспроизводимость, способствуя цифровой трансформации судебно-экспертных лабораторий.

Цифровая трансформация – это постепенный процесс, включающий материальные, теоретические и ментальные изменения. Она включает в себя применение цифровых технологий во всех аспектах жизни общества и организации, что приводит к изменению методов работы, ролей и бизнес-предложений. В процессе исследования цифровая трансформация требует не просто цифровизации, она включает в себя новые учения, концепции, инструменты и практические разработки, связанные с IT-технологиями, трансформируя существующие разработки и подходы к управлению [1, с. 453].

Цифровая трансформация оказывает значительное влияние на процесс расследования, и масштабные изменения уже происходят. Содержание концепции в настоящее время обсуждается, и Е. Тюрина называет в качестве ключевых компонентов искусственный интеллект, дополненную реальность и прогнозирование.

Разработка частной теории использования цифровых технологий и работы с электронной информацией имеет решающее значение. Анализировать электронно-цифровую информацию, ее носители, виды и способы использования в расследованиях. Создавайте прогностические целевые программы для предотвращения и пресечения преступлений. Рассматривать киберпространство как место происшествия для некоторых преступлений. Развивать активное использование устройств информационных технологий, новых концепций ИТ и компьютерной моделированной реальности для расширения возможностей расследования.

Предложенная авторами частная теория электронно-цифровой криминалистики служит идеологической основой криминалистической деятельности в эпоху цифровой трансформации. Данная теория охватывает несколько групп закономерностей, в том числе возникновение и перемещение криминалистически значимой электронной информации, преступную деятельность с использованием техники, сбор и исследование цифровых следов, криминалистическое обеспечение следственных действий [5, с. 530].

Внедрение цифровых технологий переросло рамки классической криминалистики, что потребовало создания новой единой научной и образовательной области с появлением таких специализаций, как цифровая криминалистика. Развитие научного прогнозирования в основном было направлено на предсказание эволюции преступности и методов борьбы с ней, но сегодня технологии анализа больших данных открывают возможности для прогнозирования территориальных и временных изменений в преступности, совершения конкретных преступлений

и анализа персональных данных. Чтобы использовать эти возможности, правоохранительные органы должны повысить свою датацентричность и изучать весь массив информации, производимой обществом.

Цифровая трансформация следствия требует изменения мышления следователя, рассмотрения новых форм информации, инструментов и возможностей. Криминалистическое мышление предполагает познание значимых явлений, событий и фактов и проектирование модели оптимальных решений. Криминалистическое мышление должно предшествовать уголовно-правовой характеристике негативного явления. Скорость изменения технологий и концепций опережает развитие законодательства, что обуславливает необходимость использования методов прогнозирования преступлений, связанных с электронными технологиями. Процесс расследования трансформируется с появлением электронных интеллектуальных помощников, программных комплексов и автоматизированных методов, которые помогают в криминалистическом осмыслении и планировании расследования.

Алгоритмизации следственной деятельности ученые уделяют особое внимание с конца прошлого века, применяя программно-целевую методологию. Однако такой подход может негативно сказаться на инициативе и творческом мышлении следователя. Развитие технологий позволяет добиться синергии между человеческим и машинным подходом к решению проблем, что может быть использовано в процессе расследования. Нейронные сети, нейроинтерфейсы и искусственный интеллект могут быть использованы для более эффективного расследования преступлений. Некоторые авторы предлагают использовать роботизированные комплексы в качестве киберследователей, вспомогательных инструментов для следователей, а не заменять их.

В рамках цифровой трансформации в процессе расследования используются программно-аппаратные комплексы, беспилотные устройства и аналитическое программное обеспечение, облегчающее сбор информации. Появляются новые понятия, такие как большие данные, виртуальная реальность, электронные доказательства, что меняет следственные действия. Президент Путин подчеркивает необходимость проведения дистанционных следственных действий, в том числе электронных. Следственные действия с электронными данными, такие как «электронный осмотр» и «контроль электронных предметов», требуют регулирования.

Цифровая трансформация следствия направлена на переход от традиционного документооборота и учета к цифровому, улучшение межведомственного взаимодействия и использование автоматизированного программного обеспечения для повышения эффективности расследования. Ключевыми целями также являются декриминализация киберпространства и анализ больших данных. Перед научным сообществом стоят задачи по разработке новых информационных форм, интеграции новых следственных действий и обучению будущих сотрудников цифровым компетенциям. Ожидается, что единая экосистема будет управлять процессами в режиме реального времени, а средства автоматизации будут легко интегрироваться друг с другом [4, с. 65].

Цифровая трансформация следственного процесса – актуальная тенденция в сфере раскрытия и расследования преступлений, однако термин «цифровизация» не полностью отражает масштаб происходящих изменений.

Цифровая трансформация процесса расследования обусловлена концептуально-теоретическим развитием единой частной теории, практическими рекомендациями по работе с новыми формами информации, новыми технологиями роботизации и автоматизации, развитием платформы для коммуникаций правоохранительных органов, уголовно-процессуальным развитием, внедрением электронного правосудия и электронных следственных действий.

Концептуальный подход на досудебном этапе должен быть ориентирован на центрирование данных, перевод актуальной информации в фактическую и использование электронных платформ для оптимальной коммуникации между правоохранительными органами, государственными учреждениями и общественностью.

Список литературы

1. Бахтеев Д. В. Криминалистическое мышление и мультидисциплинарный подход к его изучению // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 24 (4). С. 449–455.
2. Бессонов А. А. Конституция Российской Федерации и современный правопорядок // Большие данные (Big data) в криминалистике : сборник научных трудов. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 261–265.
3. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение / [И. М. Зайченко и др.] // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 205–212.
4. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 52–65.
5. Смушкин А. Б. Объект и предмет электронной цифровой криминалистики // Технологии XXI века в юриспруденции : сборник научных трудов / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 530–541.
6. Шурухнов Н. Г. Этапы цифровизации непосредственного производства следственных и иных процессуальных действий // Вестник Томского государственного университета. 2018. С. 252–255.

*Мухамадеев Д. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Оформление процессуальных действий и решений уполномоченными должностными лицами является неотъемлемым атрибутом уголовно-процессуальной деятельности. Цель оформления процессуальных действий и решений обусловлена необходимостью доказывания по уголовному делу, а также обеспечением прав участников уголовного судопроизводства, в связи с чем лицо, уполномоченное осуществлять производство по уголовному делу, должно надлежащим образом обеспечить процессуальное оформление своей служебной деятельности. Несоблюдение требований по оформлению процессуальных действий и решений ведет к нарушению принципа законности при производстве по уголовному делу, что влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Стоит отметить, что абсолютно все уголовно-процессуальные документы, составленные следователем в ходе производства по уголовному делу, должны соответствовать определенным правовым канонам. В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановления следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Как верно заметил С. Б. Россинский, требование законности любого уголовно-процессуального документа, составленного следователем, связано с существованием процессуальной формы, которая, предполагает всеобщий, единый и обязательный порядок производства по уголовному делу [7, с. 140–144], что дает возможность определять уголовно-процессуальные акты из большого количества других решений, принимаемых правоохранительными и судебными органами. Продолжая эту мысль, О. В. Мичурина отмечает, что форма, как установленный в законе порядок по уголовному делу, в равной степени обязательна для государственных органов и должностных лиц, а также других лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу. Она обуславливается, с одной стороны, публичным характером уголовного процесса, а с другой его состязательностью [5, с. 111].

Из всех требований, предъявляемых к процессуальным решениям, в том числе к постановлениям следователя, законность является, пожалуй, самым важным. Не умаляя значимости обоснованности и мотивированности, отметим, что несоблюдение законности имеет самые негативные последствия, которые выражаются в уголовно-процессуальных нарушениях и влекут за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Между тем обоснованность и мотивированность тоже отражаются на законности.

¹ © Мухамадеев Д. А., 2025.

Обоснованность при составлении уголовно-процессуального документа следует понимать, как соответствие выводов, которые в нем содержатся, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным исходя из совокупности доказательств, подтверждающих его необходимость. Уголовно-процессуальные документы должны быть обоснованными, содержать выводы, которые полностью соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела. Основываясь на ч. 1 ст. 17 УПК РФ, основной чертой обоснованности любого уголовно-процессуального документа, составленного следователем, является его внутреннее убеждение, базирующееся на совокупности имеющихся доказательств и при руководстве законом и совестью. Следует учитывать взаимосвязь между законностью и обоснованностью. Обоснованный уголовно-процессуальный документ, который не соответствует положениям уголовно-процессуальной формы, является незаконным и не может иметь юридическую силу в части регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. Что касается мотивированности, то она всегда связана с законностью и обоснованностью, и предполагает изложение причин принятия того или иного процессуального решения.

Требование законности любого уголовно-процессуального документа, составленного следователем путем оформления процессуальных действий и решений при производстве по уголовному делу, находится в неразрывной взаимосвязи с требованиями обоснованности и мотивированности, которые органично входят в него по своему значению и содержанию. Нарушение соблюдения указанных требований при оформлении процессуальных действий и решений, влечет за собой недействительность последствий правового характера, принятых таким образом решений, а также негативные последствия, в виде привлечения к ответственности следователя, в случаях, когда принятые решения привели к несоблюдению и ограничению прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Как справедливо указывают Н. С. Манова и П. В. Фомичев, фиксация процессуальных действий и решений в установленной законом процессуальной форме, которая отражает существо соответствующего решения, обеспечивает возможность проверки допустимости полученных доказательств, упорядочивает и дисциплинирует деятельность лиц, производящих расследование, способствует повышению его качества, формирует единообразную следственную практику документирования (оформления) процессуальных действий и решений [4, с. 211].

Рассматривая проблемы обеспечения законности при оформлении следователем процессуальных действий и решений по уголовному делу, необходимо также учитывать такой критерий составления уголовно-процессуальных документов, как процессуальная самостоятельность следователя в принятии им решений по уголовному делу. В этой части стоит отметить высказывание П. Е. Кондратьева, что усмотрение правоприменителя при принятии уголовно-правовых решений необходимо рассматривать не как отступление от принципа законности, а как необходимый и социально оправданный элемент правоприменительной деятельности. Поэтому требуется не отказ от него, а ввод регуляторов, не допускающих перерастания допустимого усмотрения в произвол [3, с. 28–29]. Следователь, осуществляющий производство по уголовному делу, преобразует

свое властное волеизъявление в соответствующую процессуальную форму – в уголовно-процессуальный документ, который должен соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, и отражать фактические обстоятельства по уголовному делу.

Помимо вышеуказанных, в уголовно-процессуальном законодательстве подробно отражены требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным документам, составляемым следователем, касаясь их структуры, содержания, составных элементов и способов изготовления. Принятие УПК РФ в 2001 г. действий и решений. Однако в 2007 г. эта форма была отменена, что привело к появлению новых, нестандартных процессуальных действий и решений, а также к возникновению различных доктринальных и практических требований к их оформлению. В ст. 474 УПК РФ речь идет об оформлении процессуальных действий и решений посредством процессуальных документов, которые могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом, а также написаны от руки. При этом составление процессуального документа в виде постановления или протокола является хоть и основным, но не единственным результатом оформления процессуальных действий и решений. Необходимо также учитывать: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, другие носители информации (к примеру, электронные носители информации, предоставленные операторами сотовой связи или банковскими организациями), чертежи, планы, схемы, приобщенные к материалам уголовного дела, а также иные документы.

Нельзя игнорировать, что в настоящее время во все сферы общественной жизни внедряются информационные технологии, в том числе и в уголовное судопроизводство. За последние три года в уголовно-процессуальное законодательство активно вносились изменения и дополнения, касающиеся использования электронных документов и других форм дистанционного порядка производства по уголовному делу (Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2]).

Например, требования к протоколу допроса, составленному типографским или рукописным способом, закреплены в ст. 166 УПК РФ и являются общими. Однако если допрос осуществляется с использованием систем видео-конференц-связи, следователь должен соблюдать как общие, так и специальные требования, предусмотренные ст. 189.1 УПК РФ. При этом не все вопросы соотношения общей и специальной нормы до конца разрешены. Так, процессуалистами отмечается серьезная проблема, связанная со сложностями оформления протокола дистанционного допроса, когда следователь вынужден ожидать его получения по почте в бумажном формате от должностного лица, выполняющего поручение по месту нахождения допрашиваемого лица, с собственноручной подписью последнего. В рамках электронного уголовного дела не возникло бы затруднений в процессуальном оформлении результатов следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи [6, с. 20]. Аналогичные проблемы связаны и с двумя другими следственными действиями (очная ставка и предъявление

для опознания), которые законодатель допускает производить с использованием систем видео-конференц-связи.

Другим примером является положение ст. 474.2 УПК РФ, в котором прямо указывается: «Порядок подачи... документов прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, требования к форматам ходатайства, заявления, жалобы, представления, требования и используемым техническим средствам могут определяться...» самими органами. То есть, законодательно закреплена возможность устанавливать требования к порядку составления, содержанию и техническим средствам по оформлению процессуальных документов в электронном виде в различных государственных органах. Также анализируя положения вышеописанной статьи можно прийти к выводу, что копия обвинительного заключения, изготовленная в форме электронного документа, подписывается только лицом, его изготовившим, т. е. следователем, хотя согласно ст. 222 УПК РФ, копию обвинительного заключения, после его утверждения, вручает прокурор. Таким образом, по общему правилу, копия обвинительного заключения, изготовленная типографским способом, должна быть подписана как следователем, так и прокурором.

Считаем, что такой подход может привести к чрезмерной дифференциации требований к оформлению уголовно-процессуальных документов, что, в свою очередь, может увеличить количество процессуальных проблем, связанных с обеспечением законности при оформлении следователем процессуальных действий и решений. Ведь правоприменитель в большинстве случаев будет исходить из личного усмотрения, коль данное требование четко не регламентировано законом. Надзирающий прокурор, руководитель, осуществляющий процессуальный контроль, суд, могут признать незаконным результат такого процессуального оформления. Что повлечет в свою очередь признание полученных доказательств недопустимыми.

Безусловно, мы не ратуем за жесткую формализацию порядка оформления следователем процессуальных действий и решений по уголовному делу. Заформализованность, также как и неурегулированность, тоже имеет негативные последствия. Правоприменитель испытывает не менее серьезные затруднения, если действует в жестких рамках, механически по определенному алгоритму. Но все же определенные рамки такой деятельности должны быть установлены в законе, а также выработаны доктринально. Данный вопрос требует особого внимания со стороны ученых и практиков. Именно от грамотного оформления процессуальных действий и решений зависит, насколько качественно будет осуществлено следователем производство по уголовному делу, собрана доказательственная база, что приведет в свою очередь к принятию судом законного, обоснованного и справедливого приговора, а также иного судебного решения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465608/.
3. Кондратьев П. Е. О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. М., 1987.
4. Манова Н. С., Фомичев П. В. Решение о производстве следственного действия как процессуальное основание его проведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 206–212.
5. Мичурина О. В. Концептуальный подход к исследованию формы досудебного производства по уголовному делу: от идей до их воплощения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 110–115.
6. Мичурина О. В., Мичурин В. С. Использование электронных документов вне электронного уголовного дела – прогрессивный тупик // Российский следователь. 2024. № 6. С. 18–21.
7. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3.

Павлов В. Ю.¹,

*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Иванов Д. А.,
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ПРИЗНАНИЯ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

Множественность объектов материального мира, имеющих отношение к расследуемому деянию, их разнообразная форма и состояние не только существенно расширяют, но и требуют от лица, осуществляющего производство по уголовному делу, комплексных следственных и иных процессуальных действий при их собирании, проверке и оценке на предмет относимости и допустимости к совершенному противоправному деянию полученных сведений в соответствующей процессуальной форме в целях их приобщения в качестве вещественных доказательств.

Считаем необходимым и своевременным затронуть проблему сроков признания объектов материального мира вещественными доказательствами. В теории и практике в настоящее время возникает множество вопросов относительно данного аспекта ввиду того, что в действующем уголовно-процессуальном законе нет единого подхода к реализации данных полномочий лицом, осуществляющим предварительное расследование, и данные сроки либо вообще не установлены (по преступлениям общеуголовной направленности) либо четко прописаны (по преступлениям в сфере экономики).

Обусловлено это еще тем, что с одной стороны, нецелесообразно затягивать момент вынесения соответствующего постановления, а с другой стороны, как справедливо отмечает Т. А. Григорян «преждевременное признание вещественным доказательством, может послужить принятию незаконного решения, отчего может быть нарушены права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса» [1, с. 489–490].

По мнению Л. В. Поповой, «подобная ситуация складывается по двум причинам: отсутствие четких оснований для продления срока, необходимого для признания изъятых объектов вещественными доказательствами; неэффективность процессуального контроля, который следует заменить судебным» [2, с. 220]. В целом соглашаясь с данным предложением, все же следует акцентировать внимание и на важности процессуального контроля со стороны руководителя след-

¹ © Павлов В. Ю., 2025.

ственного органа. При должном его осуществлении сроки признания вещественных доказательств не будут нарушаться, а если же такие случаи все же будут иметь место, то однозначно, судебный контроль необходим и обоснован.

Опрос следователей показал, что абсолютное большинство из них соблюдают сроки признания объектов материального мира вещественными доказательствами и взысканий от руководства по данным основаниям не имеют (96,7 % опрошенных).

В настоящее время буквальное толкование норм ч. 2 ст. 81 и ч. 2 ст. 811 УПК РФ приводит нас к выводу о несоответствии требований по срокам признания различных объектов материального мира вещественными доказательствами. Так, исходя из положений ч. 2 ст. 811 УПК РФ следует, что предметы по уголовным делам по преступлениям общеуголовной направленности признаются вещественными доказательствами после их осмотра без установления конкретных сроков.

Здесь можно утверждать о том, что следователь может осмотреть объекты материального мира, изъятые в ходе производства различных следственных действий, а затем, например, в случае необходимости, направить их на экспертное исследование. В свою очередь всем известно, что некоторые экспертизы в силу разного рода объективных причин могут производиться в течение нескольких месяцев. После производства экспертизы следователь, получив заключение эксперта и непосредственно сами упакованные и опечатанные объекты, обязан произвести их повторный осмотр с участием понятых. Таким образом, только после проведенного осмотра он может принять решение. Что данные объекты имеют отношение к расследуемому событию и признать их вещественными доказательствами. Весь этот процесс может занимать период до 8–10 месяцев, и на практике, как нами было установлено, такие случаи далеко не единичные.

В ходе изучения материалов уголовных дел нами установлены и негативные тенденции, которые приводят к выводу о том, что следователи зачастую пренебрегают требованиями, регламентирующими необходимость своевременно признавать объекты материального мира вещественными доказательствами и определять их дальнейшую судьбу хранения. Данные факты влекут принятие необоснованных решений о приостановлении предварительного следствия на основании ст. 208 УПК РФ.

Так, при изучении материалов уголовных дел, нами установлено, уголовное дело № XXXXX возбуждено 22.06.2023 СУ УМВД России по г. Астрахани по ч. 1 ст. 186 УК РФ по факту сбыта неустановленным лицом заведомо поддельной денежной купюры номиналом 1 000 рублей. В ходе предварительного следствия сотрудниками ОЭБиПК УМВД России по г. Астрахани по поручению следователя допрошены два свидетеля, а также на имя начальника отдела полиции № 3 УМВД России по г. Астрахани внесено формальное представление об усилении контроля за работой участковых уполномоченных полиции. Иные процессуальные действия не проводились. 22.08.2023 предварительное следствие по названному уголовному делу приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. 28.11.2023 руководителем следственного органа постановление о приостановлении предварительного следствия отменено, расследование возобновлено.

По уголовному делу проведена технико-криминалистическая судебная экспертиза, денежный билет направлен в ЭКЦ МВД России для постановки на федеральный учет (возвращен 29.02.2024). 28.12.2023 предварительное следствие по уголовному делу повторно приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Только 06.06.2024 руководителем следственного органа постановление о приостановлении предварительного следствия отменено, расследование возобновлено, купюра осмотрена, признана вещественным доказательством и сдана в камеру хранения. Таким образом, с момента изъятия денежной купюры до признания ее вещественным доказательством прошло более 11 месяцев. Аналогичные нарушения выявлены нами и по другим уголовным делам в различных следственных подразделениях.

Нарушение требований ст.ст. 81, 811 УПК РФ, определяющих порядок признания и хранения вещественных доказательств, приводят и к последствиям в виде возвращения прокурорами уголовных дел для производства дополнительного расследования. Так, уголовное дело № XXXX возвращено для производства дополнительного расследования следователю СО ОМВД России по району Южное Тушино г. Москвы, в связи с тем, что следователем было вынесено постановление об удовлетворении ходатайства потерпевшего Н. о приобщении к материалам уголовного дела товарных чеков на похищенное имущество, однако они не осмотрены, вещественными доказательствами не признаны, к материалам уголовного дела не приобщены. Аналогично, уголовное дело № XXXXX по обвинению Л. возвращено на дополнительное расследование в связи с тем, что в нарушение требований ст. 81 УПК РФ не проведен осмотр видеозаписи, последняя не признана вещественным доказательством и не приобщена к материалам уголовного дела.

Совсем иначе обстоят дела с предметами, документы, электронными носителями информации, изъятыми по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Так, исходя из положений ст. 811 УПК РФ, предметы, документы, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, признаются вещественными доказательствами в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия с некоторыми исключениями, связанными с их большим количеством (30 суток) или необходимостью производства экспертизы (трое суток).

Здесь мы видим разный подход законодателя к процессуальному порядку признания вещественными доказательствами различных объектов, исходя из категории совершенных уголовно наказуемых деяний. Данный подход нуждается в совершенствовании и единой унификации.

Поэтому с целью приведения в соответствие норм действующего уголовно-процессуального закона следует внести изменения в действующую редакцию ч. 2 ст. 81 УПК РФ. В частности, предлагается изложить ее в следующей редакции: «Постановление о признании вещественными доказательствами предметов, указанных в части первой настоящей статьи, выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия. В случае, если для осмотра изъятых предметов ввиду их большого количества или по другим объективным причинам требуется больше времени, по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя

этот срок может быть продлен еще на 30 суток соответственно руководителем следственного органа или начальником органа дознания. В случае, если для признания таких предметов и документов вещественными доказательствами требуется назначение судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта. Порядок хранения вещественных доказательств устанавливается настоящей статьей и статьей 81 настоящего Кодекса».

Убеждены, что внесение данных изменений положительно скажется на единообразном подходе и практике признания различных объектов материального мира вещественными доказательствами независимо от состава конкретного уголовно наказуемого деяния.

Список литературы

1. Григорян Т. А. К вопросу о приобщении и сохранности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов / [сост. Д. А. Иванов]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

2. Попова Л. В. Некоторые проблемы реализации требований статьи 81.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6.

Платонов В. В.¹,

аспирант кафедры уголовно-процессуального права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАДЛЕЖАЩАЯ ФИКСАЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В современных условиях в качестве доказательств по уголовным делам все чаще применяются электронные доказательства. Это обусловлено, в первую очередь, динамичным развитием телекоммуникационных, цифровых технологий. Каждое доказательство должно быть проверено с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также достаточности для разрешения уголовного дела. В качестве одного из требований допустимости доказательства в уголовно-процессуальной науке выделяется «надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного), используемого как средство получения доказательств» [1], предусматривающий, в том числе, фиксацию.

На актуальность вопроса закрепления электронных доказательств обращает внимание О. А. Малышева, отмечая, что «несмотря на раскрытие рядом ученых отдельных вопросов по правилам получения, закрепления, оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, ... проблемы практического характера в досудебном уголовном производстве по-прежнему существуют» [3, с. 46–47]. С вышеуказанной позицией ученого сложно не согласиться, принимая во внимание особенности цифрового происхождения, среды существования и хранения электронных сведений, а также возможность их изменения, замены, уничтожения, что в совокупности обуславливает необходимость надлежащей фиксации электронных доказательств.

В качестве электронных доказательств по уголовному делу используются: электронные файлы, переписки в мессенджерах и социальных сетях, банковские выписки, данные из облачных хранилищ и т. д., что свидетельствует о значительном их многообразии. Вместе с тем, электронное доказательство не выделяется в качестве самостоятельного вида доказательства, предусмотренного в ст. 74 УПК РФ. Таким образом, в правоприменительной практике электронные доказательства относят либо к вещественным доказательствам, либо к иным документам. Изучение материалов уголовных дел показало, что фиксация электронных доказательств, происходит в результате производства различных процессуальных и следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что существующий порядок фиксации электронных доказательств заключается в том, что основным способом фиксации является составление письменных протоколов

¹ © Платонов В. В., 2025.

следственных действий, предусмотренных УПК РФ, а также в качестве дополнительного выступает приобщение электронных носителей в качестве приложений с сохраненной цифровой информацией.

Представляет интерес сущность фиксации электронных сведений, как доказательства. Показательна в данном случае позиция В. Б. Вехова, выделяющего четыре последовательных этапа: перекодирование компьютерной информации; изъятие компьютерной информации на оригинальном устройстве, либо ее копирование; обеспечение хранения доказательственной компьютерной информации и ее электронного носителя для неоднократного использования в доказывании; фиксация путей и способов ее получения [2, с. 157–158].

Предложенный подход ученого полагаем возможным использовать применительно к вопросу фиксации электронных доказательств. Анализ материалов правоприменительной практики показал, что перекодировка доказательственной электронной информации, которая содержится в оригинальном виде (на электронном носителе, в облачном хранилище и т. д.), осуществляется в форму, которая доступна для обозрения участниками уголовного судопроизводства (отображение на электронном устройстве, распечатывание скриншота). К примеру, в ходе доследственной проверки по факту незаконного оборота наркотических средств был осмотрен мобильный телефон, в котором обнаружены сведения о местах хранения наркотиков [4]. Данная информация, содержащаяся в памяти электронного устройства, была зафиксирована в результате фотографирования экрана мобильного телефона и приобщена в форме фототаблицы к протоколу осмотра предмета. Считаем, что выделение перекодирования электронной информации в доступный вид является необходимым этапом фиксации электронного доказательства, так как в его отсутствии сведения, хранящиеся в электронном виде, могут остаться недоступными для восприятия. Показательными в данном случае являются исходные коды интернет-сайтов, криптографическая информация и т. д., для познания которых требуются специальные знания. Поэтому перекодирование электронной информации является необходимым этапом для дальнейшего использования в доказывании электронного доказательства.

В качестве второго этапа выделим изъятие электронной информации на оригинальном устройстве либо ее копирование. Мы указывали, что нередко электронная информация располагается в облачном хранилище, что не позволяет изъять первоисточник. К примеру, в ходе осмотра ноутбука было обнаружено приложение с доступом в облачное хранилище iCloud, анализ которого показал наличие электронной информации, имеющей доказательственное значение для уголовного дела. В связи с особенностями функционирования iCloud изъятие первоисточника не представлялось возможным, поэтому было принято решение о копировании электронных документов на электронный носитель [5].

Третьим этапом фиксации электронного доказательства является обеспечение хранения доказательственной электронной информации и ее электронного носителя для неоднократного использования в процессе доказывания. Сохранение электронной информации в неизменном виде является необходимым для признания в последующем электронного доказательства допустимым и его соот-

ветствие требованию аутентичности. В процессе обеспечения хранения электронной информации необходимо предусмотреть ее соответствующую защищенность (использование электронно-цифровой подписи, шифрование и т. д.), что позволит исключить внесение изменений, искажение, удаление сведений, представляющих значение для уголовного дела. Анализ правоприменительной практики показывает, что приобщаемые к материалам уголовных дел сведения о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами не содержат в себе каких-либо дополнительных мер защищенности, которые бы исключили возможность внесения изменений в их содержания со стороны обвинения. При этом у стороны защиты отсутствует возможность проверки указанных сведений, в связи с тем, что ее получение ограничивается законодательством. Наличие дополнительных мер защиты электронной информации позволило исключить ее искажение должностными лицами, осуществляющими расследование уголовных дел, что обеспечит объективность в установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Поэтому использование ключей шифрования, защищенных электронных носителей является необходимым средством обеспечения хранения электронной информации.

Четвертым этапом выступает фиксация информации о путях и способах получения электронных сведений, как необходимое условие признания доказательства допустимым. Анализ материалов следственной практики показывает, что нередко должностные лица в ходе составления протоколов следственных действий игнорируют соблюдение указанного этапа, ограничиваясь лишь фиксацией электронной информации, имеющей доказательственное значение. К примеру, согласно протоколу осмотра предметов был осмотрен мобильный телефон, в котором обнаружены скриншоты, имеющие доказательственное значение, которые зафиксированы путем фотографирования [4]. Согласно приобщенной фототаблицы к протоколу осмотра предмета видно, что фиксация скриншота была сделана не с дисплея мобильного телефона, а иного устройства, схожего с экраном монитора. Вместе с тем, сомнения в достоверности обнаружения данных сведений именно в памяти мобильного телефона усиливаются отсутствием указания в протоколе осмотра пути и способа обнаружения, что не позволяет проверить наличие в конкретном месте данной информации. Считаем, что лишь обнаружение электронной информации, без указания пути обнаружения является ненадлежащим способом фиксации, что должно влечь признание протокола и электронного доказательства недопустимыми.

Таким образом, с учетом анализа научных позиций ученых, результатов эмпирического исследования, считаем возможным определить, что фиксация электронных доказательств происходит в результате производства различных процессуальных и следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Существующий порядок фиксации электронных доказательств заключается в том, что основным способом фиксации является составление письменных протоколов следственных действий, предусмотренных УПК РФ, а также в качестве дополнительного выступает приобщение электронных носителей в качестве приложений, с сохраненной цифровой информацией.

Обеспечение надлежащего порядка фиксации следователем электронных доказательств по уголовному делу в досудебном производстве обеспечивается выполнением последовательных этапов:

1) перекодирование электронной информации, содержащейся в оригинальном виде (на электронном носителе, в облачном хранилище и т. д.) в форму, которая доступна для обозрения участниками уголовного судопроизводства;

2) изъятие электронной информации на оригинальном устройстве либо ее копирование;

3) обеспечение хранения и защищенности доказательственной электронной информации и ее электронного носителя для неоднократного использования в доказывании;

4) фиксация путей и способов получения электронной информации.

Список литературы

1. Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11). С. 155–158.

2. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 1995.

3. Малышева О. А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сборник статей. Ижевск, 2024.

4. Материалы уголовного дела № 12401460024000312. СУ УМВД России по Наро-Фоминскому городскому округу Московской области.

5. Материалы уголовного дела № 12401520001000601. СУ УМВД России по г. Омску.

Савинкин Ю. А.¹,
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Семенкова Е. В.**,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛА МИРАНДЫ В РОССИИ

Задержание подозреваемого в совершении преступления является особой процедурой, имеющей огромное значение для дальнейшего хода досудебного расследования. При задержании, практически любой подозреваемый, не ожидающий что в отношении него может быть осуществлено задержание (в ряде случаев – с применением мер физического воздействия), находится в состоянии психологической фрустрации. Именно признательные показания задержанного после задержания, в ряде случаев, становятся важнейшими доказательствами его виновности в совершении преступления. Исходя из вышеизложенного, крайне важным представляется наличие законодательных положений, направленных на недопущение использования шокового состояния подозреваемого и его незнания положений законодательства на таком важном этапе уголовного процесса как задержание.

Правило Миранды впервые было установлено в США в 1966 г. вследствие решения Верховного Суда США по делу «Миранда против Алабамы» [2]. Несмотря на то, что вышеуказанное правовое регулирование возникло в правовой семье общего права, на сегодняшний день применение данного правила характерно для правового регулирования и в семье континентального права, в том числе – и в Российской Федерации.

В контексте прав подозреваемого при задержании в России, исследователи обращают внимание, прежде всего на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 11-П8, называя его «российским правилом Миранды» [3]. Вместе с тем, постановление касается лишь одного из аспектов «правил Миранды», а именно обязательности участия защитника на раннем этапе рассмотрения дела.

Действующее уголовно-правовое регулирование гарантирует подозреваемому широкий спектр прав для защиты своих интересов. Так, в соответствии со ст. 46 УПК РФ, к важнейшим правам подозреваемого относится:

- право знать, в чем он обвиняется;
- право давать пояснения либо отказываться от дачи пояснений;
- право пользоваться помощью защитника и иметь конфиденциальное свидание с ним до первого допроса.

¹ © Савинкин Ю. А., 2025.

В данном аспекте нужно отметить, что российское законодательство предоставляет подозреваемому более сильную правовую гарантию, чем оригинальное правило Миранды, используемое в США. Вместе с тем, фактическое применение правила Миранды в Российской Федерации сопряжено с некоторыми сложностями. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ, после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более трех часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права. Исходя из этого можно сделать вывод, что права подозреваемого ему разъясняются после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Таким образом, между фактическим задержанием лица и разъяснением ему его прав может пройти до трех часов времени. Безусловно, любые показания и объяснения подозреваемого, не занесенные в протокол не будут иметь юридической силы, однако могут существенно осложнить дальнейшее осуществление им правовой защиты. Именно поэтому оригинальное «правило Миранды», предусматривает четкую формулу разъяснения прав до момента первого допроса.

В случае с российским правовым регулированием, существует несколько правовых проблем, которые существенным образом влияют на возможность осуществления эффективной реализации правила Миранды в России.

Во-первых, правило Миранды в своей оригинальной интерпретации представляет собой короткую и понятную даже лицу без юридического образования формулу, гарантирующую базовые права подозреваемого в случае его задержания. В случае же с положением ч. 1 ст. 92 УПК РФ, подозреваемому должны быть разъяснены все права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, что очевидно размывает концентрацию подозреваемого, находящегося в критической для себя ситуации.

Во-вторых, российское законодательство не содержит обязательства зачитывать права подозреваемому. Вследствие вышеизложенного, на практике, следователь (дознаватель) просто дает подозреваемому протокол задержания, в котором разъясняются в письменной форме его права, однако устного разъяснения прав не происходит. Такая ситуация приводит к тому, что, несмотря на формальное выполнение требований уголовно-процессуального законодательства, на самом деле подозреваемый не в полной мере может успешно защищать свои права.

Как в свою очередь отмечает О. А. Науменко, на практике возникает немало сложностей при обеспечении прав подозреваемого, когда уголовное дело не возбуждено, осуществляется предварительная проверка и лицо задержано «по горячим следам». В течение трех часов сложно произвести необходимые следственные действия, собрать достаточные доказательства для возбуждения уголовного дела, и обеспечить права подозреваемого в полном объеме [4]. Кроме того, задержать лицо, совершившее преступление может и обычный гражданин, не обладающий правомочиями на применение мер уголовно-процессуального принуждения [5].

Таким образом, соглашаясь с мнением исследователей, считаем, что уведомление в течение трех часов о всех правах подозреваемого, в том числе о праве подозреваемого знать о том, в чем именно он подозревается не всегда является

возможным. Исходя из вышеизложенного, представляется более правильным сконцентрироваться на этапе задержания лица на лаконичном изложении подозреваемому его основных прав, по аналогии с оригинальным правилом Миранды.

Следует отметить, что в российском законодательстве существует определенная конкуренция норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства о правоохранительных органах. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 14 Федерального закона «О полиции» установлена обязанность сотрудников полиции разъяснить задержанному лицу его право на юридическую помощь, право на услуги переводчика, право на уведомление близкого родственника (родственника) или близкого лица о факте его задержания, право на отказ от дачи объяснения [1]. Некоторые исследователи рассматривают данную правовую норму в качестве имплементации правила Миранды в данный федеральный закон [6].

Указанная выше процедура, по своей форме, близка к оригинальному правилу Миранды. Вместе с тем, задержание имеют право проводить и сотрудники иных силовых органов, однако в отношении данных сотрудников соответствующими законами не предусмотрена их обязанность разъяснения прав задержанных. Во-вторых, такое разъяснение осуществляется во внепроцессуальном порядке и касается как случаев задержания лица за совершение преступлений, так и случаев задержания лица в случае совершения административных правонарушений. Таким образом, несоблюдение вышеуказанной правовой нормы может привести к дисциплинарным последствиям для сотрудника полиции, однако не приведет к каким-либо процессуальным последствиям, например, к признанию тех или иных доказательств, полученных после задержания такого лица недопустимыми. Таким образом, значение несоблюдения данной процедуры, с точки зрения защиты прав задержанного, сводится к минимуму, что противоречит объективно существующей важности имплементации аналога «правила Миранды» в действующее правовое регулирование.

Исходя из вышеизложенного, практика применения правила Миранды в России сопряжена с определенными трудностями, связанными с несовершенством правового регулирования данного вопроса. Для разрешения вышеуказанных проблем, предлагается внести изменения в действующее законодательство, путем установления обязанности следователя (дознателя) при осуществлении юридического задержания лица прочитать краткую формулу прав подозреваемого и спросить подозреваемого, понятны ли ему его права. Текст такой формулы целесообразно включить в УПК РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165.
2. Пастухов П. С. Эволюция прав подозреваемого при допросе в досудебном уголовном производстве США // Пермский юридический альманах. 2022. № 5.

3. Смолькова И. В. «Правила Миранды»: история возникновения и реализации в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (39).

4. Науменко О. А. Подозреваемый при производстве предварительного следствия и дознания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4.

5. Сумин А. А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.

6. Жигачёв Г. А., Ефимушкин В. М. Конфликтологический анализ проекта федерального закона «О полиции» // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 16.

Сиворакша В. В.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

МОТИВИРОВАННОСТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Уголовно-процессуальным законом Российской Федерации регламентировано, что все определения и постановления должностных лиц и органов уголовного судопроизводства должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Соблюдение указанных требований является важной процессуальной гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. И хотя название ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» дает отсылку лишь к предварительному расследованию и судебному производству, однако, очевидно, что законодатель имел в виду весь уголовный процесс в целом. В связи с чем справедливо относить названный принцип и к стадии возбуждения уголовного дела. Говоря об аргументации, как о явлении, через которое проявляется законность, обоснованность и мотивированность процессуальных документов, В. Н. Бибило также относит его как к досудебной, так и к судебной части уголовного процесса [1, с. 66–67]. Еще более широко понимает данную норму Н. Л. Серб, которая считает, что названным требованиям должны отвечать не только постановления и решения, но и все иные акты, которые выносятся в ходе уголовного судопроизводства [2, с. 59–60].

Рассматривая положения ст. 7 УПК РФ в качестве общего требования ко всем процессуальным решениям, принимаемым на всех стадиях судопроизводства, считаем, что их мотивированность должна выступать неотъемлемым условием при вынесении постановления или определения, несмотря на то, что в некоторых нормах закона, регламентирующих тот или иной порядок принятия решения, это напрямую не указано. К примеру, в ч. 4 ст. 162 УПК РФ говорится о том, что первоначальный срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа, но никаких дополнительных пояснений в части причин, позволяющих принять такое процессуальное решение, в законе не указано. Вместе с тем, очевидно, что без объективных причин такое продление будет невозможным. В данном случае, в качестве «сущностного» основания продления выступает невозможность принятия законного и обоснованного решения

¹ © Сиворакша В. В., 2025.

по сообщению о преступлении в первоначальный (или продленный) срок, а мотивировка заключается в приведении в ходатайстве о продлении соответствующих доводов, подтверждающих эту невозможность.

Сказанное в равной степени относится и к стадии возбуждения уголовного дела. Так, ч. 3 ст. 144 УПК РФ определяет порядок продления срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток и до 30 суток. В первом случае, аналогично с продлением срока предварительного следствия до трех месяцев, не предусмотрены конкретные обстоятельства, позволяющие реализовать данную процедуру. Указано лишь на необходимость мотивировать соответствующее ходатайство. Тогда как в части продления этого срока до 30 суток перечень таких условий четко определен: необходимость производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, мы видим, что с увеличением «истребуемого» к продлению срока требования усиливаются, а значит, мотивировка постановления предполагает большую обоснованность и детализированность, при этом в постановлении должны быть указаны конкретные доводы, позволяющие принять законное решение о продлении срока. Совершенно верной видится в этой связи позиция А. В. Миликовой о том, что «благодаря соблюдению требования мотивированности появляется возможность проверить законность и обоснованность уголовно-процессуальных актов» [3, с. 80].

Говоря о доводах, на основании которых принимается решение о продлении срока проверки сообщения о преступлении, следует сказать, что, несмотря на наличие в законе соответствующего требования, зачастую на практике встречается сугубо формальный подход к формулировке описательно-мотивировочной части постановлений. Так, в проведенном нами исследовании, в 108 случаях из 316 в постановлении о продлении срока до 10 суток указывается лишь на «необходимость дальнейшего проведения проверки», что выглядит неубедительно и, очевидно, никак не коррелируется с замыслом законодателя о мотивированности принимаемых решений. Такой подход может быть вызван несколькими факторами:

- отсутствием в законе конкретного перечня обстоятельств, позволяющих продлить срок проверки сообщения о преступлении до 10 суток;
- изначальным пониманием лица, проводящего проверку, того факта, что 10 суток для принятия решения будет не достаточно ввиду специфики самого деяния или других обстоятельств, из-за чего он вновь обратится с ходатайством о продлении этого срока до 30 суток, а потому и действует формально;
- субъективное отношение должностного лица к вынесению ходатайства о продлении срока как к формальной процедуре.

Однако, чем бы не были вызваны причины такой практики правоприменения, сложно опровергнуть тот факт, что подобные процессуальные решения подрывают авторитет правоохранительных органов и вызывают сомнения в их законности. Согласимся с А. В. Петровым в том, что «мотивированность должна порождать мнение о том, что принятое решение продиктовано не субъективной позицией, а законностью и обоснованностью». Прав данный автор и в том, что

мотивировка решения должна носить конкретный характер, поэтому её ограничение формальным воспроизведением предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований и условий применения тех или иных мер или совершения тех или иных действий является недопустимым [4].

Вместе с тем, полагаем, что включение в ст. 144 УПК РФ четкого перечня процессуальных действий, позволяющих продлить срок до 10 суток, будет излишним, а потому единственным, на наш взгляд, способом обеспечения законности при принятии соответствующего решения является укрепление собственной правовой «осознанности» должностных лиц и усиление процессуального контроля со стороны субъектов, уполномоченных продлевать срок проверки сообщения о преступлении. Применительно к стадии возбуждения уголовного дела именно процессуальный контроль и надзор представляют собой действенный инструмент обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [5, с. 145].

Подводя итог сказанному, считаем, что предусмотренное ст. 7 УПК РФ требование о законности, обоснованности и мотивированности принимаемых решений является одним из общих условий для реализации процедуры продления срока, в том числе, и в стадии возбуждения уголовного дела. А предусмотренные законом конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления, являются «специальными» условиями, которые применительно к продлению срока проверки сообщения о преступлении предусмотрены только в случае продления срока до 30 суток. При этом надлежащий процессуальный контроль и надзор, а также личная ответственность должностных лиц при принятии процессуальных решений могут способствовать должной реализации требований ст. 7 УПК РФ.

Список литературы

1. Бибило В. Н. Значение аргументации в уголовно-процессуальной деятельности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 1. С. 65–71.
2. Серб Н. Л. Требования, предъявляемые к актам органов предварительного расследования // Закон и право. 2011. № 11. С. 59–61.
3. Миликова А. В. Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным актам резолютивного характера органов предварительного следствия // Юристы-Правоведь. 2019. № 3 (90). С. 78–82.
4. Петров А. В. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. 2014. № 2 (952). С. 3–4.
5. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2017. № 4.

*Сливинская Н. Ю.*¹,

*аспирант кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики*

*Московского государственного института
международных отношений (университета)*

Министерства иностранных дел Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ УГАНДА

Формирование устойчивой правовой основы многостороннего и двустороннего сотрудничества между государствами в борьбе с преступностью является приоритетной целевой задачей всего мирового сообщества [1]. Ключевую роль во всестороннем сопровождении соответствующей деятельности осуществляет Организация Объединенных Наций (ООН). Так, в Декларации принципов и программе ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия 1991 г. была эксплицирована приверженность государств обеспечить разработку механизмов, позволяющих обеспечить эффективное сотрудничество в области борьбы с преступностью в целом, и укреплении действующей системы уголовного правосудия. Государства также выразили намерение осуществить разработку программы мер для совершенствования действующих способов оказания взаимной правовой помощи и координации совместных усилий в борьбе с отдельными видами преступлений. В Декларации также отмечено, что современная преступность носит характер интернациональный характер, уголовные нарушения приобрели характер международных, в связи с чем необходимо модернизировать порядок сбора доказательств, процедур выдачи лиц, совершивших преступления, наладить порядок оказания взаимной правовой помощи, гармонизировать и унифицировать правовую основу для сотрудничества между государствами [2]. Аналогичные положения в рамках 69 сессии установлены в проекте резолюции Генеральной Ассамблеи о международном сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам [3]. Особый упор сделан создание прочной основы борьбы с отдельными видами преступлений и создание региональных сетей, которые обеспечивали бы своевременное реагирование и борьбу с транснациональной организованной преступностью.

В настоящее время международное сотрудничество является «неотложной необходимостью», которая требует обратить пристальное внимание государств на вопросы, касающиеся гармонизации национального законодательства в области регулирования отдельных направлений сотрудничества – выдачи лиц, для осуществления судебного преследования, передаче производства по уголовным делам, передаче осужденных лиц для привлечения к ответственности, признании и приведении в исполнение решений иностранных судебных органов, сотрудничества с органами международной уголовной юстиции. Правовой основой данным механизмам служат международные договоры глобального и регионального

¹ Сливинская Н. Ю., 2025.

уровней, что в совокупности порождает потенциал для организации всестороннего сотрудничества в области организации расследования и осуществления уголовного преследования лиц, совершивших тяжкие преступления по международному праву, на наднациональном уровне [4]. Следует отметить, что большинство международных договоров, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений, регулируют такое важное с точки зрения сотрудничества международное обязательство как выдавать или осуществлять судебное преследование (лат. *aut dedere aut judicare*). Как было отмечено в докладе рабочей группы Комиссии международного права, обязательство играет ключевую роль для «прогрессивного развития и кодификации международного права», так как оно обладает амбивалентной правовой природой и с одной стороны выступает договорным обязательством и гарантом его соблюдения служит принцип *res sunt servanda*, а с другой стороны является действующим квалифицированным обязательством *erga omnes* и носит характер обязательства по международному обычному праву. Правильная квалификация обязательства и его соответствующая имплементация в положения национального законодательства служат позитивным фактором к повышению качества сотрудничества между государствами в уголовных вопросах [5].

Соответствующие тезисы представляется интересным рассмотреть на примере страны смешанной правовой семьи – Республике Уганда – государстве, расположенном в Восточной части Африки.

В отношении регулирования вопросов сотрудничества, следует заметить, что Уганда является членом Африканского союза и членом Британского Содружества Наций. Так, п. «е» ст. 3 Устава Африканского союза устанавливает обязательство Союза поощрять международное сотрудничество, которое основано на принципах, установленных Уставом ООН и Всеобщей Декларацией прав человека [6]. В рамках Содружества Наций разработано типовое законодательство, которое регулирует вопросы выдачи, оказания взаимной правовой помощи и порядок сотрудничества с органами международной уголовной юстиции, в данном случае с Международным уголовным судом. Так, Лондонская схема [7] регулирует вопросы выдачи между государствами Содружества при соблюдении базовых принципов (например, принципа двойной криминальности или минимального размера наказания). Аналогичная Схема [8] предусматривает классический порядок оказания взаимной правовой помощи по запросу компетентных органов запрашивающего государства Содружества, например, установление личности преступника и его местонахождение, вручение материалов дела, допрос свидетелей, проведение обыска и выемки, получение доказательств и др. В целях упрощения процедуры имплементации положений Римского статута Международного уголовного суда [9], Содружеством был разработан Типовой закон, который позволяет сформировать паритет положений национального законодательства государств Содружества. Типовой закон служит функциональной правовой базой для обеспечения альтернативы обязательству «*aut dedere aut judicare*» как в части выдачи, так и в части судебного преследования, поскольку его положения регулируют институт передачи лица, совершившего тяжкие преступления

по международному праву, в МУС в целях осуществления судебного преследования.

Необходимо отметить, что Уганда имплементировала положения большинства секторальных конвенций глобального и регионального уровней, направленных на борьбу с международными преступлениями и преступлениями международного характера, которые регулируют разные направления международного сотрудничества. Так, ст. 19 Закона о борьбе с торговлей людьми от 23 октября 2009 г. [10] предусматривает осуществление экстерриториальной юрисдикции. Другими словами, действие закона распространяется на преступления совершенные за пределами территории Уганды, если лицо, которое совершило преступление:

- а) является гражданином Уганды или лицом, постоянно проживающим на ее территории;
- б) пострадавшее лицо является гражданином Уганды;
- в) часть или большая часть преступления была совершена на территории Уганды.

Закон также регулирует процедуру выдачи и процедуру конфискации доходов, полученных от торговли людьми. Часть 6 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах (контроль) от 16 января 2019 г. [11] посвящена международному сотрудничеству в области проведения расследования и осуществления уголовного преследования. Статья 59 Закона устанавливает процедуру подачи запросов о правовой помощи как для запрашивающего государства, так и для компетентных органов Уганды, при подаче запроса в компетентные органы другого государства. Часть 4 Закона регулирует процедуру подачи запроса о сборе доказательств на территории Уганды и об использовании доказательств, полученных на территории другого государства, в Уганде, о предоставлении ордера на обыск или об осуществлении иных следственных действий на территории Уганды, а также транзитную передачу лица через территорию Уганды.

В рамках рассмотрения вопроса об оказании взаимной правовой помощи, стоит также отметить, что Уганда является участницей Международной конференции по району Великих озер, правовая повестка протоколов которой также регулирует вопросы сотрудничества между государствами. Так, Протокол о судебном сотрудничестве от 1 декабря 2006 г. [12] в своих положениях регулирует механизм обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование: в случае, если государство не выдает лицо по запросу запрашивающего государства, оно обязано передать такое лицо своим компетентным органам для осуществления судебного преследования. В Протоколе подробно изложены правила подачи запроса о выдаче и процедура выдачи лиц. Аналогичные положения установлены в Протоколе о предупреждении преступления геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности и всех форм дискриминации и наказания за них от 29 ноября 2006 г. [13]. Протокол также регулирует порядок направления запросов об оказании взаимной правовой помощи и порядок передачи лиц, совершивших преступления в МУС.

Институт выдачи в Республике Уганда регулируется положениями Закона о выдаче 1964 г. (гл. 117) [14]. Приложение № 1 к Закону устанавливает перечень преступлений, за которые предусмотрена выдача. Список данных преступлений

в контексте ст. 28 может меняться в зависимости от двусторонних соглашений о выдаче или по усмотрению Министра юстиции. Важно отметить, что Закон 1964 г. – это универсальный закон о выдаче, в том понимании, что, если каким-либо государством была достигнута договоренность с Угандой о выдаче лица, совершившего преступление, в отсутствии действующего двустороннего договора о выдаче с таким государством, то выдача осуществляется на основании ст. 2 Закона по решению Министра юстиции Уганды. Уганда подписала договоры о выдаче с более чем 50 странами [15], среди которых Руанда, Конго, Танзания. Следует заметить, что Законом также установлена:

а) возможность признания ордеров, выданных компетентными органами запрашивающего государства;

б) порядок оказания взаимной правовой помощи: порядок приема доказательств, полученных на территории запрашивающего государства, порядок получения доказательств компетентными органами запрашивающего государства на территории Уганды и др.

Закон о тюрьмах от 24 мая 2006 г. [16] регулирует процедуру передачи осужденных лиц для отбывания наказания на территории запрашивающего государства. Лицо, которое не является гражданином Уганды, но было осуждено на ее территории, на основании положений действующего Закона, решения Министра юстиции, может быть передано по запросу на территорию государства гражданства лица для отбывания наказания. Более подробно институт передачи осужденных урегулирован Законом о передаче осужденных от 27 июля 2012 г. [17], положения которого предусматривают механизм передачи осужденных лиц на территорию Уганды или за ее пределы, в частности: лиц, которые подлежат передаче, общие требования к передаче и условия ее осуществления, перечень документов, которые должны быть переданы вместе с запросом, чтобы запрос был удовлетворен. Особое внимание уделено порядку транзита через территорию Уганды на территорию любого государства Содружества. Несмотря на то, что положения Закона применимы к запросам, поступающим от компетентных органов любого государства, презюмируется, что между Угандой и государством, не входящим в Содружество, должно быть заключено соответствующее соглашение о передаче осужденных лиц, причем такое соглашение должно содержать положения, адаптированные под законы запрашивающего государства.

Целесообразно заметить, что вопрос передачи производства по уголовным делам в Уганде до сих пор не урегулирован. Известно, что существует законопроект 2012 г., однако реализация подобного законопроекта может нанести значительный ущерб консолидированному фонду, что запрещено ст. 93 Конституции Уганды [18].

Сотрудничества с органами международной уголовной юстиции регулируется положениями Закона о Международном уголовном суде 2010 г. Закон устанавливает порядок направления запросов об оказании взаимной правовой помощи Угандой в МУС и процедуру исполнения запросов, поступающих от МУС (ч. 3), процедуру передачи лица по запросу о правовой помощи МУС (ч. 4), виды мер процессуального принуждения, применимых к лицу, в отношении которого

подан запрос МУС, транзитная передача. Следует отметить, что Законом установлена возможность МУС инициировать проведение расследования на территории Уганды. Отдельно установлено право Министра юстиции подать запрос об оказании правовой помощи в МУС и критерии для направления срочных запросов о предоставлении правовой помощи по уголовным делам.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, представляется возможным прийти к выводу о том, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является краеугольным камнем в отношении формирования гибкого механизма, обеспечивающего неотвратимость наказания. Действующие на сегодняшний день на основании международных договоров глобального и регионального уровней направления международного сотрудничества обеспечивают основу для эффективной борьбы с преступностью как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Республика Уганда является членом региональных правительственных и неправительственных организаций, стороной большинства действующих ныне международных договоров глобального и регионального уровней. Анализ национального законодательства государства показал, что в Уганде сформировалась устойчивая правовая база для организации всестороннего сотрудничества по таким направлениям как выдача лиц для осуществления судебного преследования, выдача осужденных лиц, сотрудничество с органами международной уголовной юстиции. Большинство «конвенционных» законов устанавливают экстерриториальную юрисдикцию и предусматривают возможность сотрудничества с государствами посредством специальных соглашений даже в отсутствии двусторонних договоров по отдельным направлениям сотрудничества, что безусловно свидетельствует о позитивной тенденции государства совершенствовать действующие и разрабатывать новые механизмы для организации комплексного сотрудничества с компетентными органами государств по уголовным вопросам.

Список литературы

1. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1848385/.
2. Декларация принципов и программа действий программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятая резолюцией 46/152 Генеральной Ассамблеи 18 декабря 1991 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml.
3. Международное сотрудничество по уголовно-правовым вопросам : записка Секретариата 25 сентября 2014 г. A/C.3/69/L.4 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/549/63/pdf/n1454963.pdf>.
4. Международное сотрудничество: пособие по оценке систем уголовного правосудия // Официальный сайт ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_4_ebook.pdf.
5. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование («aut dedere aut judicare») в международном праве (приложение) // Официальный сайт ООН. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/annex.pdf>.

6. Constitutive Act of the African Union 2000 // African Union: official website. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf.

7. Commonwealth Secretariat. Commonwealth Schemes for International Cooperation in Criminal Matters, 2017. URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/key_reform_pdfs/P15370_13_ROL_Schemes_Int_Cooperation.pdf.

8. Compendium of regional and international agreements on extradition and mutual legal assistance in criminal matters // UN: official website. Vienna. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Compendium_Mauritius_Seychelles/Compendium_Mauritius_Seychelles.pdf.

9. Commonwealth Secretariat. Model Law – Rome Statute of the International Criminal Court. 2017. URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/key_reform_pdfs/P15370_ROL_Model_Rome_Statute.pdf.

10. Prevention of trafficking in persons Act on 23rd October 2009 // Uganda Legal Information Institute. URL: <https://ulii.org/akn/ug/act/2009/7/eng@2009-10-23>.

11. Narcotic drugs and Psychotropic substances (control) Act on 16th January 2019 // Uganda Legal Information Institute. URL: <https://ulii.org/akn/ug/act/2016/3/eng%402016-02-05>.

12. International Conference on the Great Lakes Region: Protocol on Judicial Cooperation on 1st December 2006 // International Conference on the Great Lakes Region. URL: http://www.icglr.org/images/pdf_files/protocol_on_judicial_cooperation.pdf.

13. International Conference on the Great Lakes Region: Protocol for the prevention and the Punishment of the crime of genocide, war crimes and crimes against humanity and all forms of discrimination on 29th November 2006 // International Conference on the Great Lakes Region. URL: http://www.icglr.org/images/pdf_files/protocol_for_the_prevention_of_the_crime_of_genocide_war_crimes_and_crimes_against_humanity_and_all_forms_of_discrimination.pdf.

14. Chapter 117 The extradition Act on 20th July 1964 // Uganda Legal information institute. URL: <https://ulii.org/ug/legislation/consolidated-act/117>.

15. Iol news: website. URL: <https://www.iol.co.za/sport/soccer/africa/uganda-and-rwanda-sign-extradition-treaty-248360>.

16. Prison Act on 24th May 2006 // Uganda Legal information institute. URL: <https://ulii.org/ug/legislation/act/2015/2006-12>.

17. Transfer of convicted offenders Act on 27th July 2012 // Uganda Legal information institute. URL: https://ulii.org/system/files/legislation/act/2012/2/transfer_of_convicted_offenders_act_no_2_of_2012__93763.pdf.

18. Constitution of the Republic of Uganda on 22nd September 1995 // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/3ae6b5ba0.pdf>.

19. International Criminal Court Act on 25th May 2010 // Uganda Legal information institute. URL: <https://ulii.org/ug/legislation/act/2015/11-4>.

*Сологубов А. Ю.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России*

ПОДАЧА И РАССМОТРЕНИЕ ОБРАЩЕНИЙ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СМЕШЕНИЯ И ПОДМЕНЫ ПРОИЗВОДСТВ

В ходе предварительного расследования невластные участники уголовного судопроизводства (потерпевшие, подозреваемые (обвиняемые), защитники (адвокаты), свидетели и иные) обращаются к лицам, ведущим производство по уголовному делу с различными видами прошений, в числе которых наиболее часто используемыми являются: заявление, жалоба, ходатайство. В большинстве своём, первая группа участников не имеет юридических знаний, не осведомлена о процессуальных порядках подачи обращений, что приводит к смешению и подмене административно-процессуальных процедур с уголовно-процессуальными. Происходит не только путаница, но и частые злоупотребления, ведущие к увеличению сроков рассмотрения обращений, затягивающих их разрешение, в результате которых происходит попрание прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Виной этому, с одной стороны, выступают выявленные и описанные нами причины, с другой несовершенство законодательства, отсутствие должных механизмов и т. д.

Один из признаков процессуальных обращений, выделяемых нами, - процессуальный характер, то есть закрепление права и порядка обращения в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее - УПК РФ). Данный признак отграничивает обращения, поданные в рамках уголовного судопроизводства или в связи с его началом (заявление о преступлении, явка с повинной) от обращений, поданных в порядке Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которых возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. На процессуальный характер обращений указывает и ст. 19 УПК РФ, содержащая формулировку «Действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя... могут быть обжалованы в порядке, установленном настоящим Кодексом», точно также и Закон № 59-ФЗ не распространяет свое действие на обращения, подлежащие рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами – гласит ч. 2 ст. 1 Закона № 59-ФЗ.

Предлагается рассмотреть несколько направлений нарушений, подмен и злоупотреблений данных порядков:

¹ © Сологубов А. Ю., 2025.

1. Властный субъект сознательно рассматривает обращение в порядке Закона № 59-ФЗ, по причине того, что сроки значительно больше, а соответственно и времени на ответ (подчеркнем, что именно ответ!) гораздо больше. Так, жалоба, поданная в порядке ст. 124 УПК РФ должна быть разрешена в течение трех суток со дня ее подачи, в исключительных случаях такой срок может продляться до 10. В то время как, согласно п. 1 ст. 12 Закона № 59-ФЗ такой срок составляет 30 суток. В этой связи О. В. Химичева подчеркивает регламентированность в самом общем виде ст. 124 УПК РФ, что допускает возможность нарушения прав заявителей. К таким нарушениям она относит попытки руководителей следственных органов рассматривать жалобы на незаконные или необоснованные действия или решения по уголовному делу, не в уголовно-процессуальном порядке, а как обычные обращения граждан в порядке, регламентированном Законом № 59-ФЗ, с соответствующим увеличением срока их рассмотрения и неприятием процессуального решения по жалобе [7, с. 207].

Аналогичной позиции придерживается С. В. Рудакова, отмечая, что ст. 124 УПК РФ не регулирует порядок приема жалоб, хотя эти действия имеют значение юридического факта, влекут правовые последствия. Результатом рассмотрения становится не процессуальное постановление, как это требуется в соответствии с ч. 2 ст. 124 УПК РФ, а «ответ на обращение» [4, с. 290].

О. А. Максимов пишет: возможность двойных стандартов при работе с жалобами по уголовному делу как правило ведет к избранию пути наименьшего сопротивления, который одновременно является и путем наименьшего обеспечения гарантий прав лиц, вовлекаемых в уголовный процесс [1, с. 218].

Результаты интервьюирования практических работников демонстрируют отсутствие единого мнения в порядке рассмотрения жалоб по уголовному делу: 52 % отмечают, что такие жалобы рассматриваются в порядке Закона № 59 и решением выступает ответ на обращение, 36 % указали – жалоба разрешается в порядке УПК РФ (гл. 16) вынесением постановления, 12 % вовсе затруднились с ответом.

В данном случае нарушается принцип законности, так как при рассмотрении и разрешении таких обращений применяется федеральный закон, регламентирующий иные виды обращения, нормы об их подачи, рассмотрении и разрешении, другие сроки, а также гарантии лиц, подающих данные прошения.

Еще одну проблему высказывает Г. А. Топорков, будучи следователем, он изложил проблемные вопросы правоприменения института ходатайств. В частности, автор указывает, что на практике при проведении процессуальных проверок поданные ходатайства (обращения) облекаются в форму заявлений, далее приобщаются к материалам проверки и должностным лицом принимается одно из возможных решений:

- 1) о выполнении заявленных требований;
- 2) о не выполнении, в результате чего дается простой письменный ответ, отличающийся по своей форме от требований, предъявляемых для разрешения ходатайств [6, с. 129].

2. Незнание невластными участниками уголовного судопроизводства порядка обращения к следователю/дознавателю, руководителю следственного органа, начальник подразделения дознания и т. д.

Результаты интервьюирования практических работников показывают, что зачастую жалобы подаются в рамках Закона № 59-ФЗ, а именно: 27 % респондентов указали, что такие случаи редки в их практике и встречались с таким 1–2 раза, 27 % указали на частую подачу, по каждому третьему уголовному делу, еще 27 % отметили, что лично не встречали, однако осведомлены о существовании подобной практики от своих коллег, 7 % отметили, что такие жалобы подаются постоянно, по каждому уголовному делу и 12 % затруднились с ответом. Властные участники должны разъяснить порядок, процедуру и форму подачи того или иного обращения. Жалоба, поданная не в порядке УПК РФ, должна быть возвращена с одновременным разъяснением порядка.

3. Несвершенство «цифровых процедур» подачи уголовно-процессуальных обращений. По результатам анкетирования выявлено: 65 % опрошенных отмечают подачу «электронных обращений» в орган предварительного расследования посредством направления через сервис электронного документооборота (СЭД), 41 % – сайты территориальных органов МВД России, и лишь по 9 % анкетированных отметили – мессенджеры и на личные электронные адреса.

В более ранних публикациях автора отмечалось [5, с. 268–269], что заявление, поданное посредством сайтов территориальных органов (в порядке Закона № 59-ФЗ), должно выступать сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, полученным из иных источников, отвечающим признакам п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Частично на это указывает и ч. 1 ст. 11 Закона № 59-ФЗ, регламентирующая, что обращение содержащее сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем подлежит направлению в государственный орган в соответствии с его компетенцией. В дальнейшем, при проверке оно может быть положено в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Данное заявление должно быть проверено и если обнаруживаются признаки преступления, то лицом, получившим данное сообщение составляется рапорт об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 143 УПК РФ. Однако, результаты анкетирования показывают, что 30 % практических работников разрешают данное заявление в порядке Закона №59-ФЗ – решением выступает ответ на обращение.

Сделаем еще одно предположение о высказанных нами проблемах в части личности заявителя. Если данные такого лица не персонифицированы, значит гражданин может указать любые данные, которые будут вымышленными и несоответствующими действительности – подпадает ли данный случай под действие нормы об анонимном заявлении? Ответить на данный вопрос стоит утвердительно и положительно. Наши выводы подтверждаются доводами ученых, заявляющих, что уголовное судопроизводство – не обычная рутинная технология, иницируемая практически в автоматическом режиме путем подачи через интернет-портал непроверенного обращения должным образом неотождествленного лица [8, с. 440].

Следует поддержать позицию, провозглашаемую профессором С. Б. Россинским [3, с. 46]. Закреплять в УПК РФ правила и порядок подачи обращений в орган предварительного расследования вряд ли целесообразно, да и ни к чему перегружать кодекс нормами делопроизводства. В других своих публикациях указанный ранее автор также совершенно справедливо заявляет, что нужно не «разжевывать» элементарные правила делопроизводства, составления юридических документов в тексте федерального закона, а задуматься о профессиональной пригодности соответствующего субъекта, о целесообразности его нахождения на государственной службе и наделения юрисдикционными или надзорными полномочиями по уголовному делу [2, с. 370]. Уголовное судопроизводство, по отношению к иным формам производств (административных, гражданских), обладает ярко выраженной степенью государственного принуждения, помимо процессуальных, в процессе наиболее существенно затрагиваются конституционные права личности, поэтому необходимо достаточно тщательно подходить к подбору правоприменителей (органов предварительного расследования), дабы избежать подобных ошибок.

Таким образом, рассмотрение обращений в рамках уголовного производства по Закону № 59-ФЗ грубейшее нарушение и некомпетентность должностных лиц органов, осуществляющих досудебное производство. Указанный механизм должен реализовываться на должном уровне, исключая злоупотребления, подмены и ошибки.

Описанные проблемы требуют обстоятельного и глубоко продуманного правового регулирования. Одним из перспективных путей решения, указанного нами третьего направления (несовершенство «цифровых процедур») автор настоящей статьи видит в создании цифровой платформы, посредством которой участники уголовного судопроизводства смогут направлять обращения в орган предварительного расследования. Платформа позволит аккумулировать в себе «инструкции» по правильному выбору порядка обращения, адресатам к которым можно подать обращения в рамках расследуемого уголовного дела или вовсе в связи с его началом. Среди практических работников нет однозначного мнения по вопросу выбора цифровой платформы. 42 % ратуют за создание отдельного приложения, 33 % склоняются к «Единому порталу государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – портал Госуслуги), 12 % респондентов выбрали вариант ГАС РФ «Правосудие», и 12 % затруднились в ответе на поставленный вопрос. Причиной выбора большинством отдельного сайта, думается, выступает обособленная от всех государственных и муниципальных структур платформа, представляется, что она будет находиться в ведении одного ведомства – Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые будут ответственны за регистрацию поступивших обращений, дальнейшее производство по ним и т. д. Однако, возникает вполне логичные вопросы: как авторизовывать граждан, присваивать им персональные учетные записи, выдавать электронную подпись и т. п. Думается, портал госуслуг способен в полной мере разрешить полный спектр такого рода вопросов. Отдельные вопросы по приему и регистрации процессуальных обращений стоит обособить в специальный раздел.

Список литературы

1. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023.
2. Россинский С. Б. О «технических» проблемах законотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : Сборник научных трудов. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 364–370.
3. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.
4. Рудакова С. В. Уголовно-процессуальное обжалование и ее система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2023.
5. Сологубов А. Ю. Цифровая трансформация института обращений в органы предварительного расследования: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 265–275.
6. Топорков Г. А. Проблемы правоприменения института ходатайств в уголовном процессе // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России. Предварительное следствие от Петровских реформ до наших дней : сборник научных трудов. Хабаровск : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022.
7. Химичева О. В. Тезисы о совершенствовании института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник научных трудов. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2020. С. 204–208.
8. Химичева О. В., Шаров Д. В. О проблемах начала уголовного производства в контексте обеспечения прав его участников // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 434–441.

Старкова Ю. Н.¹,
слушатель Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Емельянова Н. Ю.,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ОСНОВАНИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

В научных работах зачастую следственные действия именуют как «сердцевина» уголовного процесса, поскольку являются доказательственной деятельностью. Объективные исторические предпосылки позволяют условно разделить на несколько этапов тенденцию становления и развития института следственных действий.

Первый этап формирования рассматриваемого института связан с русским письменным памятником обычного права – Русской правдой. В этом историческом нормативно-правовом акте содержались системы методов расследования, характерных для следственных действий современного мира и действующих до 1947 г. [4. с. 96].

В Русской Правде были закреплены такие понятия, как допросы «видоков» и «послухов», «гонение следа». «Видоки» и «послухи» – лица, которые являлись фактическими очевидцами событий, свидетельствующих и участвующих в процессе.

Понятие «гонение следа» в современном мире – выполнение неотложных следственных действий, иначе говоря, следственно – розыскное действие.

Второй этап становления института следственных действий можно отнести к периоду действия Судебников 1497 и 1550 гг., которые закрепили положение о том, что суд сам должен был добывать доказательства вины лица.

Допрос свидетелей, обвиняемого, проведение пыток, очных ставок, «повальных обысков» – все это возлагалось на судий [6, с. 85].

В данный период существовали следующие следственные действия: повальные обыски, отыскание вещественных доказательств, получение «присяги», допросы свидетелей, всевозможные пытки.

30 марта 1716 г. Петр I утвердил Воинский Устав, закреплявший следственные действия – назначение судебной и медицинской экспертизы.

Согласно Своду законов Российской империи от 1832 г. уголовное судопроизводство было разделено на три этапа: предварительное и формальное следствие, суд, исполнение.

Целью предварительного следствия являлось установление событий противоправного деяния, раскрытие преступления и изобличение виновного.

Под изобличением понималось исследование первичных доводов и причин.

¹ © Старкова Ю. Н., 2025.

В ходе предварительного следствия проводились такие следственные действия, как освидетельствование, осмотр, допрос подозреваемого, выемка и обыск [3, с. 56].

В анализируемом Своде законов была предпринята попытка систематизировать нормы о следственных действиях в отдельные разделы с указанием порядка производства.

Упорядоченный, внутренне согласованный комплекс процессуальных действий, который направлен на собирание доказательств, прослеживается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В тексте этого нормативно-правового акта довольно часто упомянуты термины «следственные действия», но законодатель не представлял никаких четких понятий и перечислений.

В Уставе уголовного судопроизводства было отражено судебное направление – контроль за законностью и обоснованностью ограничения прав личности на неприкосновенность жилища.

Данное направление получило развитие, поскольку следственные действия (осмотр, обыск, выемка) стали активно проводиться на жилой территории, где собственниками являются граждане [7, с. 16].

В октябре 1917 г. после Октябрьской революции декретами Советского Союза отменили действие «царских» законов в России. Вопросы уголовно-процессуального характера регулировались различными указами, постановлениями и инструкциями.

Постановление от 16 декабря 1917 г. «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» закрепило положение о том, что обыск, выемка и любые другие следственные мероприятия проводились только по ордерам следственного и судебного учреждения, предусмотренных в выше указанном постановлении.

Приказ от 30 сентября 1919 г. «Об утверждении и введении в действие положения о военных следователях» раскрывает сущность контрольной деятельности коллегии за законностью и обоснованностью решений, касающихся осуществления осмотра и выемки следователем почтовых отправлений, а также телеграфных сообщений.

В настоящее время эти признаки судебного контроля закрепляются в нормах статьи 165 УПК РФ [1].

Введенный в силу с 1 июля 1922 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предусматривал очередность проведения следственных действий, явно противоречащих логике следствия.

Например, обыск и изъятие осуществлялись в рамках одного следственного действия, т. е. обыск осуществлялся в случае отказа лица добровольно выдавать требуемое.

Основные изменения в развитии системы следственного действия произошли в 1960 году, когда был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Далее Закон СССР от 12 июня 1990 г. «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» дополнили нормой, которая устанавливает порядок производства прослушивания телефонных и других видов переговоров.

Концепция реформы судебной власти, которая была одобрена в октябре 1991 г. Верховным Советом РСФСР, основные идеи направила на формирование независимой судебной власти [4, с. 23].

Принятие Конституции Российской Федерации связано с дальнейшим глобальным расширением сферы судебной защиты.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1993 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» было уделено особое внимание отсутствию соответствия в процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Судам предложили принимать к рассмотрению следственные материалы по ходатайству об осмотре и выемке почтовых и телеграфных сообщений, об осмотре жилища, вопреки проживающего лица, об уголовном аресте и прослушивании телефонного разговора.

С 1 января 2004 г. было принято решение суда о проведении осмотра жилища при отсутствии согласия проживающего в нем лица, о проведении обыска, выемки, а также о выемке предметов и документов, содержащих информацию по вкладам и счетам банка в кредитной организации.

Таким образом, можно сделать выводы, что становление института следственных действий развивалось не одно столетие. В настоящее время в УПК РФ можно наблюдать организованную систему следственных действий.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям / под ред. Г. Ю. Касьяновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АБАК, 2024.
2. Архипова Ю. Е. Историческое исследование возникновения института судебного следствия, сравнительный анализ его становления // Молодой ученый. 2022. № 14 (409). С. 147–150.
3. Воскобитова Л. А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2023. № 1. С. 94–99.
4. История судебной системы в России : учебное пособие / [А. А. Демичев и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2023.
5. Кожевников М. В. История советского суда 1917–1956 годы. М. : Госюриздат, 1957.
6. Уварова И. А. Уголовный процесс: учебный курс. М. : Московский университет имени С.Ю. Витте, 2020.
7. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция» : учебное пособие. М.: Проспект, 2023.

*Сучкова Е. А.¹,
адъюнкт Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Установление истины по уголовному делу невозможно без осуществления уголовно – процессуального доказывания. Институт доказательств занимает одно из ведущих мест в науке уголовного процесса и криминалистики. Указанное обусловлено наличием множества проблем, возникающих в процессе оценки доказательств. Так, доказательствами признаются те сведения и материалы, которые соответствуют критериям относимости, допустимости и достоверности. Однако некоторые доказательства могут быть получены с нарушением уголовно-процессуального законодательства в виду подмены следственных действий.

Перечень сведений, собираемых при расследовании неправомерного оборота средств платежей достаточно обширен в силу того, что предусматривает различные способы совершения преступления. В настоящее время преступление о неправомерном обороте средств платежей совершается путем приобретения и сбыта электронных средств или электронных носителей информации. Данная тенденция связана с особенностями оформления расчетных счетов на юридическое лицо или индивидуального предпринимателя. Завладение средствами доступа осуществляется путем прохождения официальной процедуры оформления расчетного счета. Противоправные действия выражаются в предоставлении номинального пакета документов в офис банка, где содержится доказательственная информация. В последующем, на таких документах как: заявлении (заявке) об оформлении карточки с образцами его подписи и оттиска печати; заявлении о присоединении (об открытии банковского счета; заявлении (заявке) на подключение юридического лица к системе дистанционного банковского обслуживания банка; решении единственного учредителя юридического лица; заявлении о банковском обслуживании; на заявлении о получении корпоративной карты на бланке сведений о юридическом лице имеется подпись виновного лица, которую оставляет в качестве руководителя организации или предприятия. Для подтверждения принадлежности подписи субъекту в большинстве случаев назначается почерковедческая экспертиза, которая позволяет устанавливать принадлежность подписи, имеющейся на документах, виновному лицу. Судебная почерковедческая экспертиза назначается в соответствии со ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В настоящее время субъект расследования редко назначает данный вид экспертизы в виду отсутствия нужды в данной процедуре, ведь большинство виновных лиц признается в совершении преступления и дает признательные показания. Однако, существуют ситуации, когда расследование осуществляется в условиях, когда лицо

¹ © Сучкова Е. А., 2025.

не признается в совершении преступления и отрицает факт принадлежности подписи на имеющихся документах, оформленные в определенный период виновным лицом. В таком случае складывается реальная необходимость назначения судебной почерковедческой экспертизы. Положительные результаты проведенного исследования в виде заключения эксперта позволит приобщить к уголовному делу в качестве доказательства.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству доказательством признаются показания подозреваемого, а также свидетелей. При расследовании уголовных дел информация о преступной деятельности исходит от сотрудников банка, которые непосредственно регистрируют подставных лиц – заявителей и тем самым фиксируют сам факт совершения преступления. Объясняется тем, что после оформления расчетного счета виновное лицо передает полученные электронные средства третьим лицам за вознаграждение. Так, С.Ю.М. являясь подставным лицом – директором и учредителем ООО «КОНКОРД», открыл расчетные счета в банках АО «Райффайзенбанк», ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО «Росбанк» и передал лицам банковские карты и пакеты документов, содержащие информацию (логины и пароли) для доступа к системе дистанционного банковского обслуживания [1].

Следовательно, сотрудник банка в процессе дачи показаний предоставляет сведения, которые относятся к банковской деятельности, а значит должны быть оформлены и зафиксированы законным способом. Можно согласиться с мнением М. С. Строговича о том, что именно носители являются источником доказательств [2, с. 288–289]. Однако, до сих пор указанные лица, как источники доказательств, при расследовании уголовных дел не имеют определенного статуса, который позволяет разьяснять определенные аспекты оформления расчетных счетов опираясь на утвержденные положения банка о порядке регистрации клиента. В настоящее время они признаются свидетелями и дают показания приобретая права и обязанности свидетеля, что достаточно категорично. Ведь, лицо не может быть признано свидетелем, когда таковым вовсе не является. Согласно ст. 56 УПК РФ свидетелем признает лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. На момент совершения преступления виновным лицом банковский сотрудник не наблюдает сам факт совершения преступления и в том числе его подготовку. Сотрудник выполняет обязанности, которые закреплены его должностной инструкцией и не предполагает, что на данный момент лицо совершает преступление.

Соответственно, в ходе складывающихся следственных ситуаций, которые могут быть как очевидными, так и неочевидными, может возникнуть проблема, связанная с разьяснением некоторых положений относительно банковского обслуживания и регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя. В настоящее время, следователь может получить указанные сведения только в рамках допроса банковского сотрудника в качестве свидетеля, путем разьяснения ему прав соответствии со ст. 56 УПК РФ. Свидетелю разьясняются права и обязанности, предусмотренные ст. 56 УПК РФ и допрашивается с соблюдением требований ст. 79, ст.ст. 187–191 и 278 УПК РФ. Кроме этого, анализируя

статус свидетеля мы можем уточнить, что это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний [3]. Наша же цель заключается в получении специальных знаний, касающихся банковского дела или налогового учета, а цель допроса свидетеля – это фиксация каких-либо обстоятельств, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Указанное не относится к специалисту, который наделен иными правами и статусом в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, указанную проблему возможно решить путем признания банковского или налогового сотрудника специалистом, который обладает специальными знаниями в области банковского дела или налогового учета. Однако в данном случае уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, предусматривающую допрос специалиста в целом, а консультативная помощь может по-разному интерпретироваться в соответствии с законодательством, права специалиста согласно ч. 3 ст. 58 УПК РФ не содержат конкретного указания на право специалиста дачи показаний в ходе предварительного расследования относительно обладающих им познаний. Кроме этого права специалиста ограничиваются правами защитника, следователя или суда, а именно тем, что указанные субъекты имеют право привлекать для участия на определенной стадии уголовного судопроизводства, то есть указанное является их правом, но не правом специалиста. Следовательно, в целом допрос специалиста как отдельное следственное действие не предусмотрено в процессуальном законодательстве. А показания специалиста являются доказательством в соответствии со ст. 80 УПК РФ. Следовательно, законность полученных показаний у указанных субъектов ставится под сомнение. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о дополнении Уголовно-процессуального кодекса нормой, которая бы регулировала порядок получения показаний специалиста, что позволило бы увеличить арсенал следователя в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей.

Тем самым, в рамках законного следственного действия (допроса специалиста), не нарушая основные принципы уголовного судопроизводства, получение показаний сводится к установлению и фиксации следующих обстоятельств:

- особенностей процедуры оформления банковского счета;
- количества и вида документов, предоставляемых руководителем организации или индивидуальным предпринимателем;
- наличия или отсутствия требований к заявителю относительно оформления расчетных счетов (необходим ли какой-либо временной промежуток времени для оформления расчетного счета, заявитель может обратиться сразу после создания организации и становлении руководителем или необходим временной промежуток времени);
- документы, на которых при оформлении расчетного счета подпись заявителя обязательна;
- фиксируется ли каким-либо образом заявитель с помощью фотосъемки.

В ином случае при оставшейся тенденции допроса сотрудника банка в качестве свидетеля можно говорить о подмене следственных действий, которая запрещается уголовно-процессуальным законодательством. Следовательно, полученные показания признаются недопустимыми.

Введение обязательной процедуры присвоения статуса специалиста банковского сотрудника и соответственно отдельно закрепленного следственного действия – допрос специалиста, позволит расширить перечень доказательств, используемых при доказывании. Присвоение статуса специалиста указанным лицам, может осуществляться путем вынесения постановления о допуске лица в качестве специалиста по уголовному делу. Следовательно, необходимо также ввести норму в уголовно-процессуальном законодательстве, касающейся процедуры введения банковского сотрудника для участия в уголовном деле в статусе специалиста. В таком случае следователь сможет полноценно получать показания банковского сотрудника в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, в ходе расследования уголовных дел о неправомерном обороте средств платежей необходимо обратить внимание на получение показаний банковских сотрудников в качестве свидетелей, а не в качестве специалистов. При возможном урегулировании указанного вопроса, позволит следователю законно и обоснованно получать доказательства, которые являются ключевыми в ходе расследования данного вида преступлений.

Список литературы

1. Приговор Советского районного суда г. Тулы по делу № 1-105/2024. URL: <https://судебныерешения.рф/84859103/extended>.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.

*Тимофеева В. Д.¹,
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Семенкова Е. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Законодательство, принятое в настоящее время, не содержит понятия признания вины. Как правило, в научных трудах и правовых актах можно встретить ссылки на то, что наличие данного обстоятельства является необходимым условием для применения некоторых мер уголовно-правового характера. Для того чтобы правильно определить правовое значение признания вины лицом, совершившим правонарушение, необходимо учесть его предысторию. Обязательность признания вины в связи с применением отдельных мер уголовно правового характера была отчасти объяснима до тех пор, пока в прежнем уголовном законодательстве не было сформулировано четкого определения этого понятия (в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., УК РСФСР 1960 г.) наряду с явкой повинной, предусматривалось другое обстоятельство «чистосердечное раскаяние». При учете данного обстоятельства в процессе судебного разбирательства возникал вопрос о признании вины лицом, совершившим правонарушение.

В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, датированном 14 мая 1997 г., было указано, что под чистосердечным раскаянием в контексте ст. 38 УК РСФСР следует понимать «такие обстоятельства, при которых виновный по собственной инициативе в процессе предварительного следствия или в суде рассказывает обо всех обстоятельствах дела, отрицательно оценивает свои действия» [2, с. 73–80]. Тогда как, ст. 77 УПК РФ разъясняет, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

С. В. Корнакова вполне справедливо связывает вину с конституционным положением о презумпции невиновности [3, с. 110–118]. Активное раскаяние проявляется в добровольном признании виновности, что влечет за собой сотрудничество с органами дознания для облегчения расследования и раскрытия преступления, а также в возмещении ущерба, нанесенного преступлением, тем самым подтверждая участие в преступлении. Следует подчеркнуть, что испытываемое чувство сожаления не обязательно совпадает с раскаянием, и оно

¹ © Тимофеева В. Д., 2025.

не имеет юридического значения для определения наличия активного раскаяния с точки зрения уголовного права.

В ходе исследования такого понятия как «признание вины», главным объединяющим моментом стало то, что лицо должно осознавать именно противоправность совершенного деяния. В уголовном праве признание вины в совершённом им преступлении, особенно когда это сопровождается выражением раскаяния, часто приводит к реализации законодательных механизмов, направленных на смягчение уголовной ответственности. Одним из инструментов смягчения наказания служит реализация дознания в сокращенной форме. В данной процедуре, при условии согласия обвиняемого на сокращенный порядок, законодательство предусматривает снижение максимально возможного наказания наполовину (согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ). Согласно п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, из трех обязательных условий для проведения дознания в упрощённой форме, ключевую роль играет признание подозреваемым собственной вины. Инициатива проведения дознания в сокращенной форме должна исходить от самого подозреваемого. Таким образом, можно утверждать, что в данной ситуации подозреваемое лицо фактически заключает соглашение, признавая свою вину и противоправность своих действий [4, с. 80–86].

В процессуальной литературе существует множество мнений относительно данного условия. Некоторые авторы настаивают на том, что признание вины следует рассматривать в качестве одного из доказательств, подлежащего анализу в рамках общего комплекса доказательственной базы и обстоятельств, связанных с делом. О. В. Качалова, разделяя указанную позицию, отмечает, что «специфика, связанная с субъектом, дающим показания, не предопределяет особого статуса показаний, но компенсируется правилами оценки этого вида доказательств и функциями, выполняемыми этим видом доказательств» [5, с. 62–67]. В самом деле, признание вины как элемент доказательной базы неизменно привлекает повышенное внимание. Это обусловлено, прежде всего, принципами оценки доказательств, в том числе заявлений лица, находящегося под подозрением. Вдобавок, не редко признание вины оказывается единственной уликой, позволяющей заключить о наличии субъективной стороны преступления, учитывая, что намерение преступника часто не поддается определению через его внешние проявления. Следует также принимать во внимание, что в процессе оценки признательных показаний обвиняемый стремится к достижению наиболее благоприятного результата для себя, что влечет за собой сомнения в достоверности и полноте его свидетельств. К тому же, рамки доказательства в данном методе следствия ограничены: дознавателю не предписано выяснение всех деталей, обозначенных в ст. 73 УПК РФ. Его задача заключается в сборе доказательств, достаточных для установления события преступления, его характера и объема причиненного вреда, а также виновности лица в совершении преступления с учетом особенностей, предусмотренных ст. 226.5 УПК РФ. В ходе расследования дознаватель освобождается от необходимости устанавливать обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, а также те, которые могут привести к освобождению от уголовной ответственности и наказания, или обстоятельства, смягчающие

и отягчающие ответственность, и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 73 УПК РФ). В этой связи А.В. Боярская высказывает мнение о том, что применение упрощённых процессуальных форм, характеризующихся сокращением объема доказательств, установленного ст. 73 УПК РФ, является неприемлемым.

О. В. Качалова критикует процесс доказывания в рамках сокращенного дознания как неполноценный, подчеркивая риск возникновения ошибок и злоупотреблений, особенно когда признание вины со стороны подозреваемого становится центральным элементом. Она указывает на опасность, что такое признание, полученное незаконным путем, может остаться без должной проверки в последующих стадиях судебного разбирательства, что подрывает доверие к объективности и справедливости судебных решений, основанных на формальном признании вины [5, с. 36].

В ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ подчеркивается необходимость фиксации признания вины подозреваемым до проведения его первого допроса, что предполагает получение объяснений от него. Однако необходимо осознавать, что такие объяснения не являются доказательствами и должны быть подтверждены в ходе допроса, о чем должно быть засвидетельствовано в протоколе. Более того, возражения подозреваемого по поводу квалификации его действий, как указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, могут быть выявлены только после официального начала производства по уголовному делу. Следовательно, получение объяснений от подозреваемого, учитывающих эти моменты, должно предшествовать началу уголовного преследования.

И. В. Чаднова выражает мнение о том, что расширенные полномочия дознавателя, вкупе с минимальными временными рамками при проведении сокращенного дознания, могут способствовать формированию ситуации, в которой признание подозреваемым своей вины становится определяющим в доказывании. А. В. Смирнов считает, что признание виновности лицом практически отрезает ему дальнейший путь к отступлению. Поскольку признание остается признанием. Кроме того, он замечает, что настоящие виновные смогут за счет такого признания наполовину гарантированно «срезать» себе срок наказания, что практически равнозначно принятию другого, в два раза более либерального уголовного кодекса. Целью оптимизации производственных процедур является упрощение стандартных операций для повышения скорости производственного процесса. Возможность применения сокращенного дознания обусловлена отсутствием юридических сложностей в уголовном деле и однозначностью данных, полученных в ходе предварительного расследования о совершенном преступлении, что исключает сомнения в виновности лица, подозреваемого в его совершении.

Полагаем, что фундаментальным критерием для функционирования института сокращенного дознания является признание вины самим подозреваемым. Согласно Толковому словарю В. И. Даля признание означает «брать за истину, сознавать, сознаться, покаяться, виниться», а вина означает «провинность, проступок, преступление, прегрешение, грех». Таким образом, проведение расследования уголовного дела в условиях отсутствия признательных показаний со стороны подозреваемого, то есть его признания в совершении преступления,

в сокращенном порядке оказывается нецелесообразным. Это связано с тем, что бремя доказывания вины возлагается исключительно на обвинение. Доказать вину с использованием сокращенных уголовно-процессуальных средств становится затруднительно, поскольку защита может оказывать сопротивление, предлагая различные версии, проверка которых входит в компетенцию дознавателя. При этом дознаватель может не уложиться в установленные сроки [6, с. 224–228]. Сокращенное дознание следует использовать в отношении простых уголовных дел, как правило, совершенных при явных обстоятельствах, не требующих сложных и затратных процедур.

О. В. Мичурина, высказывает мнение о том, что имеющийся в уголовно-процессуальном законодательстве комплекс процедур, сопровождающих признание подозреваемым своей вины, адекватно уравнивает возможные риски ограничения его прав и законных интересов. Несмотря на это, необходимо понимать, что признание вины не всегда является объективным и достоверным, что делает несколько уязвимым в этом аспекте принятие решения о производстве дознание в сокращенной форме. [7, с. 104–109]. Таким образом, признание подозреваемым своей вины, является фундаментальным основанием для производства дознания в сокращенной форме, без которого осуществления производства в упрощенной форме невозможно.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
2. Азаров В. А., Боярская А. В. Уголовно-процессуальное познание и его современная направленность // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 28. Вып. 1.
3. Корнакова С. В. Некоторые суждения о несовершенстве норм УПК РФ, касающихся признания вины обвиняемым // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4 (26).
4. Горбенко Т. В. Отдельные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник трудов конференции. 2022.
5. Качалова О. В. Пределы упрощения уголовного судопроизводства: критический анализ // Российское правосудие. 2023. № 3.
6. Реброва В. С. Институт дознания в сокращенной форме: направления совершенствования // Закон и право. 2024. № 8.
7. Мичурина О. В. Признание подозреваемым своей вины как одно из условий для производства дознания в сокращенной форме // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 16 (2).

*Тютерева Ю. С.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

*Научный руководитель: Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ДИСТАНЦИОННЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ОТ ИДЕИ ДО ЗАКОННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство стали предметом научных исследований уже более 20 лет назад. Нельзя не согласиться с тем, что высказанные в начале 2000-х гг. идеи относительно цифровой трансформации уголовного процесса воспринимались как нечто «дикийнкое», стоящее «на грани фантастики». Между тем, именно эти идеи оказались очень прогрессивными и легли в основу научных исследований последних лет в области цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Хочется вспомнить высказывание великого французского писателя Оноре де Бальзака: «Истинный ученый – это мечтатель». Одними из первых диссертационных исследований, посвященных общим проблемам информационного обеспечения уголовного судопроизводства, стали работы: С. В. Зуева «Информационное обеспечение уголовного процесса», С. В. Клементьева «Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса», И. Н. Яковенко «Современное состояние и перспективы использования информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений» и др. Неотъемлемой составляющей изучения общих проблем информационного обеспечения уголовного процесса, стало рассмотрение отдельных форм дистанционного порядка производства по уголовному делу: А. Е. Федюнин «Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства», Е. А. Архипова «Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование».

Сегодня, исследования, посвященные информационным технологиям в уголовном судопроизводстве, набирают все большую популярность, а идеи о его цифровой трансформации прочно укоренились в сознании не только научного сообщества, но также правоприменителя и законодателя. Отдельные ученые совершенно справедливо отмечают, что «как бы не сопротивлялась консервативно настроенная юридическая общественность цифровым преобразованиям в сфере уголовного судопроизводства – они неизбежны», а трансформация уголовно-

¹ © Тютерева Ю. С., 2025.

процессуального законодательства в области использования цифровых технологий – наиболее актуальный процесс на сегодняшний день [2, с. 120]. Тем не менее, так было не всегда. Долгие годы законодатель «откладывал» решение вопросов о применении дистанционных процедур при производстве по уголовному делу, несмотря на поступающие проекты федеральных законов.

Серьезным шагом на пути к обеспечению стандартов справедливого судебного разбирательства стало принятие федерального закона от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ, которым впервые в уголовном судопроизводстве была предусмотрена возможность допроса судом свидетеля и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи [4]. Это выразилось в том, что ст. 240 УПК РФ дополнили ч. 4 и ввели ст. 278.1 УПК РФ, закрепляющую особенности производства такого допроса. Между тем, законодатель не спешил с внедрением дистанционных процедур на предварительном расследовании.

Весомым аргументом в пользу введения дистанционной формы производства по уголовному делу на предварительном расследовании послужила пандемия (COVID-19). Сложная эпидемиологическая обстановка потребовала от законодателя безотлагательного разрешения. На расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил «передовые технологии затрагивают все сферы нашей жизни, в этой связи важно проработать вопрос о включении в уголовный процесс новых форм собирания доказательств, в том числе в тех случаях, когда участники следственных действий объективно не могут явиться к месту их проведения». Отметим, что уголовно-процессуальный закон имел качественные предпосылки для формирования дистанционного порядка производства по уголовному делу в ходе досудебного производства благодаря отработанному механизму судебного порядка получения доказательств в дистанционном порядке. Кратко восстановим хронологию законотворческих событий:

– 30 декабря 2021 г. был принят Федеральный закон № 501-ФЗ, допускающий применение систем видео-конференц-связи в ходе производства следователем или дознавателем допроса, очной ставки, предъявления для опознания [5];

– 29 декабря 2022 г. Федеральным законом № 610-ФЗ были расширены возможности участия в судебном разбирательстве с использованием систем видео-конференц-связи. Законодатель допустил применение указанной технологии не только для производства допроса, но и иных судебных действий, не ограничивая при этом круг участников. В том числе были расширены возможности использования электронных документов в уголовном судопроизводстве [6];

– 25 декабря 2023 г. был принят Федеральный закон № 672-ФЗ, устранивший дисбаланс в правоприменении электронных документов на различных стадиях уголовного судопроизводства [7];

– 8 августа 2024 г. опубликован Федеральный закон № 267-ФЗ, согласно которому, предлагаются дополнения в части закрепления возможности проведения конфиденциальных свиданий подозреваемого, обвиняемого с защитником путем использования систем видео-конференц-связи [8].

Представляется, что дистанционный порядок производства является интенсивно развивающимся институтом уголовно-процессуального права. Напомним,

что институт права (правовой институт) - одно из центральных юридических понятий, представляющий собой совокупность норм права, направленных на регулирование однородных общественных отношений. Закрепляя в уголовно-процессуальном кодексе нормы, посвященные особенностям производства следственных, судебных и иных процессуальных действий путем использования систем видео-конференц-связи, а также порядку использования электронных документов в ходе досудебного и судебного производств, законодатель тем самым стремится урегулировать однородные по своему содержанию общественные отношения. На основании чего можно утверждать, что дистанционный порядок производства по уголовному делу – интенсивно развивающийся правовой институт.

Между тем, цифровизация уголовного судопроизводства представляет собой сложный процесс с различных точек зрения: нормативной, доктринальной, технической. Расширение возможностей дистанционного участия в ходе производства по уголовному делу «должно происходить с безусловным сохранением всех имеющихся процессуальных гарантий законности (или даже их повышением)» [3, с. 109]. А. В. Победкин, Ю. В. Гаврилин совершенно справедливо отмечают «требуется тщательное научное осмысление и обоснование принципов, пределов, а также направлений использования в уголовном судопроизводстве информационных технологий» [1, с. 28]. Обеспокоенность научного сообщества относительно чрезмерного внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство вполне обоснована. В силу консервативности уголовного судопроизводства, оно менее расположено к цифровой трансформации в сравнении с иными видами судопроизводств. Однако консервативность уголовного судопроизводства не его порок, а его достижение. Уголовное судопроизводство менее расположено к изменениям в силу того, что риски, которые могут возникнуть в результате нарушений, принятия необдуманного нормативного правового акта, значительно более высоки, чем в других видах судопроизводства.

Подводя итог, отметим, что появление и дальнейшее развитие дистанционных процедур при производстве по уголовному делу, является вполне закономерным «этапом эволюции» всего уголовного процесса, на что указывают: заинтересованность научного сообщества, законотворческие инициативы, принятые федеральные законы. Дистанционный порядок производства по уголовному делу способен повысить качество уголовно-процессуальной деятельности, отвечая на интересы не только государственных органов и должностных лиц, но и участников уголовного судопроизводства в обеспечении их прав, свобод и законных интересов. Между тем, повсеместно «подменять» традиционное производство по уголовному делу производством дистанционным – не стоит. Дистанционный порядок не должен становиться самоцелью, его развитие и расширение должно быть обусловлено лишь вынужденной необходимостью. Дистанционный порядок проявляет вопрос о ценностях уголовного судопроизводства, сталкивается менеджерский подход, в котором основными категориями являются эффективность, рациональность, скорость и простота, с подходом классическим, традиционным, в котором ключевыми ценностями являются – публичность, справедливость, законность, всесторонность. Найти баланс, между двумя указанными подходами, задача науки и современных исследований в данной сфере.

Список литературы

1. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
2. Мичурина О. В., Мичурин В. С. Цифровая трансформация производства по уголовному делу в срезе научных мнений // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов. М., 2024. С.120–124.
3. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.
4. Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 13. Ст. 1686.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (часть I). Ст. 70.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть I). Ст. 57.
7. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (часть I). Ст. 53.
8. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4963.

Федюкина Е. И.¹,

*командир отделения Института-факультета психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Семенкова Е. В.,

*доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Судебная экспертиза, во многих случаях, играет решающую роль для принятия последующих процессуальных решений. Она призвана отвечать на вопросы органов предварительного расследования, с помощью специальных познаний в определенной области науки, техники или ремесле. Особое значение имеет экспертиза, направленная на установление психического заболевания у подозреваемого или обвиняемого, так как в случае подтверждения диагноза и установления невменяемости лица, дальнейшее производство по уголовному делу будет осуществляться в порядке гл. 51 УПК РФ.

Согласно ст. 201 УПК РФ судебная экспертиза может проводиться экспертами разных специальностей. В случае с судебно-психиатрической экспертизой, в качестве экспертов могут выступать врачи, специализирующиеся в области психиатрии, неврологии, сексологии, психологии и других направлений медицинских специальностей, способных изучить личность в разноплановом аспекте и установить наличие или отсутствие определенного вида психического заболевания. При производстве по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера данный вид экспертизы является наиболее эффективным, так как включает в себя одновременное исследование психического здоровья подозреваемого (обвиняемого), имеющего различные аномалии психики.

Назначение судебно-психиатрической экспертизы выражается в волеизъявлении следователя, принятом на основании собранных по уголовному делу доказательств, свидетельствующих о необходимости удостовериться в психическом состоянии лица на момент совершения преступления, либо в ходе предварительного расследования. Оформляется решение следователя соответствующим постановлением, вынесенным в порядке ст. 195 УПК РФ. Стоит отметить, что правом назначать подобного рода экспертизы, на досудебных стадиях обладают и дознаватели, однако, если по результатам заключения экспертов будет установлена невменяемость лица или психическое заболевание степени тяжести,

¹ © Федюкина Е. И., 2025.

препятствующей назначению наказания, дальнейшее расследование будет происходить в форме предварительного следствия (ч. 1 ст. 434 УПК РФ). Если для производства данного вида экспертизы возникает необходимость помещения лица в психиатрический стационар, следовательно, с согласия руководителя следственного органа, либо дознавателя, с согласия прокурора, выносятся постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства, на основании которого, судья районного суда принимает решение (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

В постановлении о назначении судебно-психиатрической экспертизы все вопросы, поставленные перед экспертами, должны быть грамотно сформулированы. Общие нормы гл. 27 УПК РФ не регламентируют данный процесс, обязывая правоприменителя обращаться к решениям высших судов, правоприменительной практике, чтобы сориентироваться в этой специфической области знаний.

Вместе с тем, как отмечают Е. П. Буравлева и Л. А. Лозовик: «Задается немало ошибочных, неправильных с точки зрения законодательства или психиатрической науки вопросов, например: Вопрос 1. «Вменяем ли исследуемый в отношении содеянного?». Данный вопрос выходит за пределы компетенции экспертов, поскольку находится в компетенции исключительно суда. Вопрос 2. «Определить вменяемость обвиняемого в настоящее время». Согласно статье 21 Уголовного кодекса РФ вменяемость определяется только в отношении инкриминируемого обвиняемому деяния. Вменяемости на период производства по уголовному делу не существует» [1, с. 16].

В УПК РФ не оговаривается правомерность внесения дополнений и корректировок в уже составленное постановление, именно теми экспертами, которые будут входить в состав комиссии. Однако, остальным участникам уголовного судопроизводства предоставляется право высказывать свое мнение и ставить на разрешение экспертов дополнительные вопросы при ознакомлении с постановлением следователя (п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Обратим внимание, что согласно ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: эксперт, которому уже поручена экспертиза, обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний. Чтобы не допустить этого, следователь должен быть компетентным не только в юридических аспектах постановления, но и разобратся в том, какую информацию о состоянии здоровья лица он желает получить от экспертов, не превышая границ их полномочий. В ст. 58 УПК РФ коротко упоминается о возможности привлечения специалиста, в целях оказания содействия следователю при постановке вопросов эксперту. Надо полагать, что в нашем случае в роли такого специалиста, может выступить врач-психиатр.

Для того, чтобы судебно-психиатрическая экспертиза была проведена полно и качественно, следователь должен предоставить в распоряжение экспертов определенный объем сопроводительных документов, которые необходимы для более объективной оценки состояния лица, в период прохождения исследования. По справедливому замечанию Е. В. Суховерховой, к таким документам следует отнести: «...материалы уголовного дела, содержащие показания самого подэкспертного, его родственников, друзей, знакомых, соседей, свидетелей и очевидцев

совершенного им запрещенного уголовным законом деяния, амбулаторные и стационарные истории болезней как с места жительства, из психоневрологических диспансеров, так и с мест прохождения лечения, характеризующий материал, заключения ранее проводившихся военно-врачебных, врачебно-трудовых и судебно-психиатрических экспертиз и др.» [2, с. 112].

Еще одной проблемой при назначении экспертизы является определение места ее производства. Законодательство допускает проведение комплексной судебно-психиатрической экспертизы как в амбулаторных, так и в стационарных условиях. Как отмечает М. Е. Смирнова: «Проблема правильного выбора вида экспертизы (амбулаторной или стационарной) в правоприменительной практике не имеет однозначного разрешения, что приводит к необоснованным расходам на проведение исследований, в которых нет необходимости, а также к затягиванию сроков следствия, и, как результат – ограничение прав и свобод участников процесса» [3, с. 136].

Однако, если подозреваемый, обвиняемый находится под стражей, то помещение его в психиатрический стационар, будет проводиться в порядке, предусмотренном ст.ст. 108, 203 УПК РФ. Экспертиза, в условиях стационара, значительно расширяет возможности экспертов для более углубленного изучения личности подозреваемого (обвиняемого), исключает его побег, предотвращает совершение им новых преступлений. Длительность нахождения лица в стационаре определяется судом на основе федерального закона и может составлять от 30 до 90 суток [4].

Производство судебно-психиатрической экспертизы включает в себя три этапа:

- а) установление диагноза психического расстройства и его нозологической принадлежности (первый этап);
- б) судебно-психиатрическая оценка выявленного психического расстройства с целью решения экспертных вопросов (второй этап);
- в) подготовка заключения, содержащего ответы на вопросы, поставленные судом, судьей, лицом, производящим дознание, следователем (третий этап).

Согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» содержание комплексной судебно-психиатрической экспертизы может включать в себя исследования, направленные на установление психического, соматического, неврологического, патопсихологического и сексологического состояния здоровья подозреваемого (обвиняемого) [5].

По результатам рассматриваемой экспертизы составляется заключение, состоящее из нескольких блоков (частей), за которые несут ответственность каждый из врачей экспертов участвующих в обследовании. В заключении указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода.

Содержание заключения врачей-психиатров зачастую способствует формальному подходу, со стороны следователей (дознавателей), в оценке такого сложного и специфического доказательства. Безоговорочное следование выводам экспертов, отсутствие сомнений в правильности данного ими заключения может

привести к плачевным результатам в ходе дальнейшем расследования. В качестве решения данной проблемы отдельные авторы видят необходимость выработки специальных методик оценки, которые должны включать ответы на следующие вопросы: соответствуют ли выводы судебной экспертизы, вопросам, поставленным перед экспертами в постановлении; соответствует ли количество вопросов, количеству данных ответов; не находятся ли структурные элементы заключения во взаимном противоречии друг с другом; соответствуют ли выводы исследовательской части заключения, является ли вывод продолжением исследовательской части; не даны ли по одному и тому же вопросу противоречивые, гипотетические, не ясные и неточные суждения; является ли достаточной аргументация и мотивация выводов эксперта; не вышел ли эксперт, при формулировании выводов, за пределы своей экспертной специальности или компетенции и др. [6, с. 125].

Таким образом, судебно-психиатрическая экспертиза предоставляет органам предварительного расследования такое важное доказательство как заключение, в котором излагаются выводы экспертов-психиатров, работающих по различным методикам, что дает возможность следователю получить более развернутое и достоверное доказательство. Вместе с тем, отмеченные нами проблемы правоприменительной практики, связанные с назначением, производством подобного рода экспертиз, а также оценки заключения экспертов, заслуживают внимания со стороны правоприменителя.

Список литературы

1. Буравлёва Е. П., Лозовик Л. А. Назначение амбулаторных судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в уголовном процессе : методические рекомендации. Владивосток : Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2021.
2. Суховерхова Е. В. Предварительное следствие по делам о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2013.
3. Смирнова М. Е. Некоторые проблемы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы в особом судопроизводстве по применению принудительных мер медицинского характера // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 136–142.
4. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document>.
6. Сажаев А. М., Муленков Д. В. Некоторые вопросы оценки экспертного заключения правоохранительными органами // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : сборник научных трудов. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 121–125.

Цалковский А. В.¹,
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Панфилов П. О.,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Следственные действия выступают ключевым способом собирания и проверки доказательств при производстве по уголовному делу, от их эффективности, правильности процессуального оформления и четкости правового регулирования зависит результат уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных органов и должностных лиц. Особую актуальность проблемы производства следственных действий приобретают в условиях специальной военной операции (СВО), что связано с высоким общественным резонансом совершаемых преступлений, которые требуют расследования, а также со сложной боевой обстановкой, создающей угрозу жизни и здоровью участников следственных действий.

Производство следственных действий на территориях, где ведется специальная военная операция, сопровождается значительными правовыми ограничениями. Одной из ключевых проблем является вопрос юрисдикции. В условиях военного конфликта территория может находиться как под полным контролем государственных структур, так и частично контролироваться вооруженными силами противника или иностранными военными компаниями.

Юрисдикционные конфликты возникают и в случаях, когда следственные органы сталкиваются с необходимостью действовать в условиях временной потери контроля над территорией или наличия там вооруженных сил иных государств. В таких ситуациях права граждан, а также процессуальные нормы зачастую оказываются под угрозой нарушения, что ставит под сомнение законность следственных действий и возможность их производства [5, с. 32–40].

В данном случае классические формы сотрудничества, разграничения компетенций не работают, что требует применения положения УК РФ (ч. 3 ст. 12) о том, что преступление направлено против интересов Российской Федерации, а значит, уголовное дело может быть возбуждено и расследовано правоохранительными органами Российской Федерации.

Кроме того, введение особых режимов на территориях проведения специальной военной операции (военное положение, например) также накладывает ограничения на осуществление следственных действий. Это обусловлено тем, что

¹ © Цалковский А. В., 2025.

в рамках режима военного положения приоритет в большей мере имеют военные цели, а не цели правосудия, что ввиду объективных причин может привести к задержке или ограничению доступа следственных органов к месту происшествия и доказательствам. Это ставит следователей в условия, когда они вынуждены адаптировать свою работу под внешние факторы, нередко затрудняющие процесс сбора доказательств.

В этой связи актуальность представляет совершенствование способов и приемов получения доказательств с применением новых технологических решений или устройств.

Следующим комплексом проблем выступают проблемы взаимодействия правоохранительных органов с военными образованиями (например, командование воинской части).

Одним из самых острых вопросов в рамках проведения следственных действий на территории СВО является координация между следственными органами и военными формированиями. Военные, действующие в зоне боевых действий, часто обладают большим объемом информации, необходимой для предварительного расследования, однако передача этой информации может быть затруднена из-за режима секретности или особенностей военных операций [1, с. 256]. Следователям и дознавателям требуется оперативный доступ к документам и свидетелям, которые находятся под юрисдикцией военных, что порождает задержки и осложняет ведение предварительного расследования. Более того, взаимодействие между разными силовыми структурами не всегда четко урегулировано на законодательном уровне, что приводит к недопониманию и даже конфликтам в процессе проведения следственных действий.

В настоящее время законодатель самостоятельно выводит на подзаконный уровень взаимодействие между воинскими формированиями и органами предварительного расследования. Так, порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам призыва на военную службу по мобилизации или по контракту определяется совместным подзаконным актом, имеющим гриф для специального пользования, что влечет риски необоснованного ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

Еще одной важной проблемой является обеспечение безопасности следователей и дознавателей. В условиях активных боевых действий их работа может быть небезопасной, что требует дополнительной координации с военными для защиты и сопровождения следственных групп, а иногда опасность проведения следственных действий означает запрет их производства [3, с. 45–57]. Часто это накладывает ограничения на оперативность действий следственных органов, что негативно сказывается на ходе предварительного расследования и качестве собираемых доказательств. Эти вопросы требуют особого внимания и совершенствования механизмов взаимодействия между Вооруженными Силами Российской Федерации и следственными органами для повышения эффективности следственной работы. Так, по данным официального сайта Следственного комитета Российской Федерации 9 ноября 2023 г. во время обстрела г. Скадовска снаряд попал в здание военного следственного отдела Следственного комитета России, в результате чего погибли пять следователей. Эта трагедия подтверждает

тезис о том, что деятельность следователей в условиях боевых действий сопряжена с опасностью для жизни и здоровья, а значит, требует необходимости принятия мер, направленных на проведение предварительного расследования в условиях исключаяющих опасность для жизни, что и предусмотрено в соответствующих нормах УПК РФ.

В рамках данного исследования обозначены лишь некоторые проблемы, юридические и организационные трудности, которые складываются при производстве следственных действий в период специальной военной операции:

- неопределенность юрисдикционных полномочий с точки зрения международного регулирования;

- правовые ограничения, возникающие из-за режима военного положения;

- проблемы взаимодействия с воинскими формированиями.

Эти факторы существенно затрудняют выполнение следственных действий и могут приводить к нарушению прав граждан и законности.

Для повышения эффективности следственных действий в условиях СВО необходимо продолжать разработку четких механизмов взаимодействия между различными силовыми структурами, в частности, в рамках совместных приказов и распоряжений; совершенствование правил по обмену информацией и координации действий. Такие меры помогут не только улучшить взаимодействие, но и повысить безопасность следователей, что является важным аспектом в условиях активных боевых действий.

Список литературы

1. Арзамасцев А. В. Проблемы правоприменения в условиях военного конфликта : монография. М. : Юристь, 2022.

2. Бакланов И. С. Правовые аспекты деятельности правоохранительных органов в зонах конфликтов. СПб. : Питер, 2021.

3. Громова Н. А. Следственные действия в условиях специальной военной операции: проблемы и пути решения // Российский уголовный процесс. 2023. № 3. С. 45–57.

4. Жуков П. П. Международное гуманитарное право и его влияние на правоприменение в условиях военных конфликтов. Казань : Казанский университет, 2020.

5. Кузнецов В. А. Проблемы юрисдикции на территориях военных действий: современный взгляд // Право и безопасность. 2021. Т. 6. № 1.

6. Седов А. М. Специальные условия производства следственных действий в зонах боевых действий // Уголовный процесс: теория и практика. 2022. № 4. С. 10–25.

Черкасова Ю. А.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: **Волынская О. В.,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Одним из этапов развития уголовно-процессуального законодательства, оказавшего влияние на действующую редакцию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), является правление Петра Великого, в период царствования которого, был принят ряд документов, направленных на реализацию принципа законности и формирование нового правового государства.

В 1722 г. Петр I издает Указ «О хранении прав гражданских» [3], который стал важным документом в области развития российской правовой системы и своеобразным «шагом» к более современному и гуманному подходу в деятельности государственных органов и должностных лиц. Кроме того, в документе прослеживается идея необходимости защиты прав и свобод граждан, выражающаяся в следующих положениях:

1. Защита прав и свобод.

Согласно указу, каждому гражданину гарантируется право на защиту прав и свобод в различных судебных инстанциях.

2. Правовое регулирование отдельных норм.

Обозначается, что государство должно создавать условия, при которых доступ граждан к правосудию будет упрощенный, а судебная система улучшена и изменена.

3. Закрепление гарантий невмешательства государства в жизнь граждан.

В указе указываются случаи, когда недопустимо вмешательство органов государственной власти в жизнь граждан, тем самым подчеркивая важность индивидуальной свободы и защиты от произвола со стороны властей.

В настоящее время также наблюдаются изменения в развитии судебной системы: современные технологии внедряются в уголовное судопроизводство, тем самым создавая условия для открытого и прозрачного производства судебного разбирательства, снижению коррупции, сокращению времени, необходимого для рассмотрения дел, и т. д. Однако, следует акцентировать на том, что, в целом,

¹ © Черкасова Ю. А., 2025.

как действующее законодательство, так и документы, принятые Петром I, их основное предназначение – создание гарантий защиты прав всех граждан, привлекаемых в различные виды судопроизводства. В УПК предусмотрены процедуры, направленные на защиту прав подозреваемых и обвиняемых, такие как право на адвоката, право не свидетельствовать против себя и т. д.

Согласно положениям УПК РФ, законодатель закрепляет раздел II УПК РФ, в котором регламентируются процессуальные права и обязанности для участников уголовного судопроизводства. При этом отметим, что не всегда указанные элементы процессуального статуса в УПК РФ позволяют обеспечить в полном объеме нарушенные права и свободы. В первую очередь это относится к тем участникам уголовного судопроизводства, процессуальный статус которого частично регламентируется в законодательстве, например, поручители, залогодатели, статисты и другие. Их вовлечение в производство по уголовному делу, как правило, связано с необходимостью проведения следственных или иных процессуальных действий, в том числе и для участия в судебном разбирательстве. При этом такое привлечение может непосредственно затронуть права и свободы участника, и как следствие, их обращение в судебные инстанции.

Негативным последствием, помимо нарушения конституционных и процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, также является то, что, как правило, суд признает полученное таким образом доказательство недопустимым [1], и как результат, вынесет оправдательный приговор, несмотря на наличие других обстоятельств и условий, указывающих на виновность лица. Таким образом, права и свободы, вовлекаемых в производство по уголовному делу участников, должны обеспечиваться вне зависимости от имеющихся у них процессуального статуса. Государством, к примеру, в лице Правительства Российской Федерации, предпринимаются попытки защиты прав участников уголовного судопроизводства: потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [2], однако, по нашему мнению, действующая редакция УПК РФ также требует определённых поправок и изменений, согласно представленным ниже направлениям.

Во-первых, анализ имеющихся процессуальных прав и обязанностей, участников уголовного судопроизводства, представленных в разделе II УПК РФ, а также совершенствование процессуального положения участников, процессуальный статус которых не регламентирован в УПК РФ.

Во-вторых, совершенствование доступа, не только к правосудию, но и к правовой помощи.

В-третьих, осуществление автоматизации и цифровизации документов, что повысит прозрачность и уменьшит злоупотребления, а также предоставит доступ к содержанию текста уголовно-процессуального документа, в котором упоминается участник уголовного судопроизводства, а также затрагиваются его права и обязанности.

В-четвертых, создание доступных и оперативных механизмов обжалования производства следственных и иных процессуальных действий, а также действий (бездействий) следователей и дознавателей.

Эти рекомендации могут быть основой для дальнейшего обсуждения и проработки конкретных поправок в УПК РФ с целью более полной защиты прав и свобод граждан и участников уголовного процесса.

Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства является важной темой как в истории, так и в современном праве. Нормативные документы, принятые в период правления Петра I, а именно, представленный в статье Указ «О хранении прав гражданских» 1722 г. обозначил необходимость обеспечения прав граждан, участвующих в судопроизводстве, а также предпосылки для появления в дальнейшем ряда документов, дополнивших уголовно-процессуальное законодательство. Несмотря на значительную эволюцию законодательства, проблема защиты прав граждан, в частности, реализация прав участников уголовного судопроизводства остается до сих пор не разрешенной.

Список литературы

1. Приговор от 11 июня 2020 г. № 22-728/2020 по делу № 1-4/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S5Os9t0estl/>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. №1454-47 «Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/.
3. Указ о хранении прав гражданских // Электронный музей конституционной истории России. URL: <http://rusconstitution.ru/>.

Чихачева Я. И.¹,
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Мичурина О. В.**,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, И КАК ИХ НЕ НАРУШИТЬ

Внесение изменений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) ознаменовало существенно новый подход к проведению проверки сообщений о преступлении и порядку рассмотрения сообщений о преступлении. УПК РФ был пополнен положениями о регламентации прав участников проверки сообщения о преступлении, в том числе лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом следует заметить, что прошло больше десяти лет, однако актуальность в необходимости разрешения возникающих в связи с этим проблем, себя так и не исчерпала.

Обязанность принятия сообщения о преступлении, проведения проверки, с обязательным принятием решения, по такому сообщению в пределах своей компетенции, возложено ст. 144 УПК РФ на государственные органы и уполномоченных должностных лиц. Законодатель установил ограниченный круг действий, которые допустимо проводить до принятия решения о возбуждении уголовного дела, целью которых является выяснение обстоятельств совершенного преступления. К таким действиям отнесены: получение объяснений; получение образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов и их изъятие; назначение и производство судебной экспертизы; производство отдельных видов осмотра; производство документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов; привлечение к участию специалистов; дача органу дознания обязательных для исполнения письменных поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В теории уголовного процесса и на практике, такие действия традиционно принято называть проверочными действиями или предварительной проверкой. Под проверочными действиями или предварительной проверкой понимается комплекс действий по проверке сообщения о преступлении, состоящий в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также действий которые к процессуальным не имеют никакого отношения (к примеру, оперативно-розыскные мероприятия).

¹ © Чихачева Я. И., 2025.

Кроме того, стоит отметить введение в действие правил, регламентированных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, согласно которым, лицам, участвующим в предварительной проверке, разъясняются их права и обязанности, обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в их числе: право на свидетельский иммунитет, право на юридическую помощь адвоката, право на принесение жалоб и пр. Новеллы, введенные ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ тоже существенным образом изменили подход к результатам проверки. Принятие указанных нормативных корректив во многом перенесло процедуру доказывания на этап проверки сообщения о преступлении, сделало ее результаты (пусть и для отдельной ситуации в виде производства дознания в сокращенной форме) полноценными доказательствами, которыми стало возможным ограничиться в доказывании и не проводить многие следственные действия после возбуждения уголовного дела. С одной стороны, для дознавателя это значительно облегчило его процессуальную деятельность, он теперь может основывать доказывание на результатах проверки сообщения о преступлении. С другой, – породило определенные проблемы в правоприменении.

Стоит отметить, что только после того, как уголовное дело возбуждено и принято к производству, уполномоченное должностное лицо придает определенный процессуальный статус участникам уголовного судопроизводства, с одновременным предоставлением возможности воспользоваться правами и реализовать обязанности, которые предусмотрены в соответствующих статьях УПК РФ. При проведении проверочных действий по сообщению о преступлении, участвующие лица обладают общими одинаковыми правами и обязанностями, без разграничения их в зависимости от статуса. Нельзя оставить без внимания, что внесение указанных выше поправок было вызвано целью обеспечить права участников уже с самой первоначальной стадии уголовного судопроизводства, и отражает основные и фундаментальные его принципы. Соблюдение прав лиц при проведении проверки сообщения о преступлении является обязанностью должностных лиц и государственных органов, как в целях формирования положительного доверительного отношения граждан к их деятельности, так и в целях ограждения от признания недопустимыми доказательств, полученных в ходе проверки сообщений о преступлении из-за нарушения требований закона.

Таким образом, при анализе норм УПК РФ возникают следующие вопросы: кто и как должен определить процессуальный статус каждого лица, принимающего участие в проведении проверки сообщения о преступлении и выделить среди всех именно то лицо, в отношении которого она проводится? Как и в каких пределах должны обеспечиваться права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении? Отметим, что ответы на данные вопросы имеют важное значение для уголовного судопроизводства.

О. В. Мичурина справедливо отметила о том, что многие следственные действия в той или иной мере всегда содержат элемент принуждения, а, следовательно, ограничивают права и свободы граждан. Вряд ли это можно допустить на первоначальной стадии уголовного судопроизводства, когда по сути процес-

суальный статус каждого участника еще четко не определен [1, с. 58]. Руководствуясь изложенным, попробуем и мы найти аргументированные ответы на поставленные вопросы, проанализировав различные точки зрения о правах лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, основываясь при этом на имеющейся практике правоприменения.

Итак, анализируя нормы уголовно-процессуального закона, мы приходим к выводу, что сама проверка сообщения о преступлении и проведение проверочных действий (следственных и иных процессуальных, а также непроцессуальных) являются своеобразным «фильтром», предназначенным для установления наличия достаточных данных указывающих на признаки преступления либо их отсутствие, и уже после этого принятие законного решения. Однако, на основании чего должностное лицо может наделить статусом подозреваемого того, в отношении которого уголовное дело еще не возбуждено? Или же он придает ему пока формальный статус «заподозренного», а после возбуждения уголовного дела – уже подозреваемого? Можно рассмотреть разные критерии, при которых конкретный гражданин становится лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, потом уже условным «заподозренным» и, наконец, подозреваемым.

Если в заявлении или ином другом поводе для возбуждения уголовного дела указаны данные конкретного лица, которое по мнению заявителя совершило уголовно-наказуемое деяние, содержащее признаки преступления, у должностных лиц и государственных органов, проводящих проверку, уже имеется это конкретное лицо, на которого распространяются права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 и п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Но, возьмем к примеру противоположную ситуацию, когда у них нет сведений о конкретном лице, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, по каким основаниям тогда принимать решение о том, кто им является?

Рядом исследователей, в том числе Е. В. Сопневой, А. Ф. Олченовым, Т. В. Зеленской высказывается необходимость введения в УПК РФ нового процессуального статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении – «заподозренного», с целью дачи определения указанного лица и его процессуальных признаков, а также прав [2, с. 2569; 3, с. 52; 4, с. 39].

К слову сказать о «заподозренном» процессуалисты ведут речь давно, такие предложения высказывались не только приведенными выше авторами, но и многими другими. Высказывая солидарную с ними точку зрения А. А. Давлетов указывает, что на этапе подозрения (который, кстати, начинается уже со стадии возбуждения уголовного дела, лицо выступает в двух качествах: заподозренного (до получения статуса подозреваемого) и подозреваемого (на стадии предварительного расследования) [5, с. 62, 65].

Объективности ради, нельзя не отметить и тех ученых, которые представляют иную точку зрения на этот счет. К примеру, В. Н. Григорьев отмечает, что нет необходимости вводить новых участников уголовного судопроизводства, поскольку УПК РФ предоставил лицам, в отношении которых производится предварительная проверка, возможность пользоваться услугами адвоката, не приобретая какого-либо формального статуса, и данный правовой механизм гораздо

эффективнее обеспечивает их права. И насчет самого статуса «заподозренного» уважаемый автор тоже справедливо отметил о нецелесообразности безграничного расширения того, кто находится под подозрением [6, с. 46].

Резюмируя вышеизложенные противоположные и частично схожие точки зрения, следует отметить, что введение новых участников может привести к дополнительным, и при этом необязательным нагромождениям их числа, отдельных их прав и, соответственно статей УПК РФ, их регламентирующих. Это приведет к еще большей путанице в установлении процессуальных статусов участников. Если есть «заподозренный», значит может появиться «предзаподозренный», «постзаподозренный», «постподозреваемый» и пр. Хотелось бы также отметить и то, что на этапе предварительной проверки, использование терминов «лицо совершившее преступление», «заподозренный» нивелируют один из важнейших принципов уголовного судопроизводства, а именно «презумпцию невиновности», и введение таких норм в УПК РФ, будет противоречить ст. 49 Конституции Российской Федерации.

При этом, хотелось бы также отметить, что законодатель предусмотрительно не конкретизировал на этапе проверочных действий участников тем или иным процессуальным статусом, а указал в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении среди прочего, предоставляется возможность пользоваться услугами адвоката. Невозможно при этом оставить без внимания и то, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует определение «адвокат», а также регламентация его процессуальных полномочий при проведении проверочных действий по сообщению о преступлении. Совершенно обоснованно, что до возбуждения уголовного дела нельзя вести речь о защитнике или представителе в силу уже не раз отмеченного отсутствия четкого процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Отсюда законодатель ведет речь именно об адвокате. Но при этом порядок привлечения адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении никак не урегулирован в законе, на государственные органы и должностных лиц, проводящих проверку, возложена обязанность только разъяснения соответствующего права на участие адвоката.

Подводя итог обсуждаемой проблемы, приходим к выводу, что, несмотря на отсутствие взаимосвязи между положениями п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, основная суть разрешения вопроса о соблюдении прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и особенно недопущения их нарушения, состоит в гарантиях обеспечения этих прав, то есть необходимости сделать их возможными, осуществимыми и реально выполнимыми. На этапе проверки сообщения о преступлении, в условиях очевидности наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, нет необходимости придания лицу дополнительного статуса «заподозренного». В иных случаях, когда государственным органам и уполномоченным должностным лицам действительно необходимо проведение каких-либо проверочных действий, целесообразно разъяснять всем участникам, независимо от их предполагаемого процессуального статуса (который возникнет после возбуждения уголовного дела) положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, что позволит им осуществить

полноценную защиту свои прав и законных интересов, в том числе с привлечением адвоката.

Список литературы

1. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до «квазирасследования» // Вестник экономической безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2019. № 1. С. 56–60.
2. Сопнева Е. В. Развитие представлений о заподозренном лице // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 11. С. 2568–2573.
3. Олчёнов А. Ф. Правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ // Российско-Азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 51–54.
4. Зеленская Т. В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 С. 35-43.
5. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61–66.
6. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

Шепелин И. В.¹,
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПИСЬМЕННЫХ УКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Реализация уголовно-процессуальных обращений имеет значение не только для субъектов, преследующих частный интерес, но и для удовлетворения публичных интересов, обязанность по обеспечению которых возложена на уполномоченные органы и должностных лиц в силу ст. 21 УПК РФ.

Положения данной статьи для решения задач по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении, предусматривают возможность направления прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания и дознавателем требований, поручений и запросов в адрес учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Кроме того, в уголовно-процессуальном законе в ходе досудебного производства для достижения обозначенных выше задач предусмотрена возможность направления письменных указаний (ч. 3 ст. 136, пп. 4, 15 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 39, пп. 4, 5 ч. 1 ст. 40.2, п. 2 ч. 3 ст. 150, п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

Таким образом, среди уголовно-процессуальных обращений, которые направлены на обеспечение публичного интереса выделяются требования, поручения, запросы, указания и представления.

Одним из видов обращений, названных в приведенном перечне, правовая природа которых в науке не выявлена, выступают письменные указания прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

В уголовно-процессуальном законе применительно к такому виду процессуальных обращений как письменные указания представляется возможным обозначить следующие характеристики:

- всегда адресуются другому должностному лицу;
- даются в письменной форме или в форме электронного документа;
- связаны с процессуальной деятельностью на досудебных стадиях;
- касаются направления расследования и производства следственных и иных процессуальных действий;
- связаны с реализацией контрольно-надзорных полномочий;
- указания обязательны для исполнения и могут быть обжалованы только по некоторым прямо предусмотренным в законе основаниям.

В состязательном уголовном судопроизводстве важно, чтобы указания уполномоченных должностных лиц не ущемляли процессуальную самостоятельность лица, производящего расследование, «действовали в рамках исполнения закона,

¹ © Шепелин И. В., 2025.

а не руководства...» [5, с. 91]. Так, по обоснованному мнению, некоторых специалистов, избыточное наделение прокурора контрольными полномочиями может привести к тому, что снизится эффективность прокурорского надзора на досудебном производстве. Очевидно, руководствуясь приведенными соображениями, законодатель оставил прокурору полномочия руководства расследованием только в отношении дознавателя [3, с. 88; 1, с. 44; 2, с. 148].

В п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ содержится положение о полномочиях руководителя следственного органа по направлению указаний следователю. Н. А. Моругина предпринимает попытку раскрыть сущность этих указаний, обращая внимание на то, что указания выступают правоприменительным актом, который порождает определенные правоотношения между участниками процесса и содержит обязательные для исполнения властно-распорядительные предписания, адресованные следователю по конкретному уголовному делу или материалу проверки сообщения о преступлении и направленные на обеспечение целей и задач уголовного судопроизводства [4, с. 9–10].

Как представляется, это определение не раскрывает специфики указания, поскольку обозначенное Н. А. Моружиной властно-распорядительное веление имеет организационно-методический характер, то есть содержит не только требование, подлежащее исполнению, но и характеризуется алгоритмом выполнения тех или иных действий, чтобы обеспечить достижение цели расследования.

Аналогичное утверждение справедливо и для письменных указаний, даваемых начальником органа дознания о направлении расследования и производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ), а также начальником подразделения дознания (п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ). При этом применительно для письменных указаний для дознавателя действует более строгое правило, касающееся необходимости их исполнения даже при обжаловании, что сводит к нулю целесообразность обжалования как такового.

Как представляется, указание характеризуется еще одним признаком, который состоит в направлении его от контролирующего субъекта в отношении подконтрольного. В связи с этим употребление в ч. 3 ст. 136 УПК РФ термина «указание» как обращения, направляемого судом, следователем, дознавателем в адрес средства массовой информации, некорректно и может быть заменено на требование по аналогии с ч. 2 ст. 144 УПК РФ.

Ввиду того, что указание является актом управленческим, в нем должно содержаться властно-распорядительное веление в отношении подконтрольного субъекта. Отсутствие такого веления, наличие в указании положений, носящих рекомендательный характер, обесценивают значение указаний, влечет их неэффективность.

При этом отдельный вопрос, который позволяет лучше понять правовую природу письменных указаний, состоит в том, какие последствия могут наступить в случае их невыполнения. В настоящее время положения УПК РФ, в которых предусмотрена возможность должностных лиц направления письменных указаний (пп. 4, 15 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 39, пп. 4, 5 ч. 1 ст. 40.2, п. 2 ч. 3 ст. 150, п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) никаких санкций не содержит. В связи с этим за невыполнение письменных указаний процессуальной ответственности

не наступает. В таком случае можно констатировать, что эффективного механизма, направленного на обеспечение исполнения письменных указаний, уголовно-процессуальный закон не содержит.

Фактически обеспечение исполнения письменных указаний осуществляется за счет административной зависимости должностного лица от субъекта, давшего указание. Возможностью этого субъекта привлечь лицо, находящееся от него в административной зависимости, к дисциплинарной ответственности или создать условия, при которых дальнейшее осуществление профессиональной и служебной деятельности будет невозможно.

Как представляется, такой подход к правовому регулированию провоцирует переход от процессуального взаимодействия между дознавателем и начальником подразделения дознания, следователем и руководителем следственного органа к вне процессуальному, неформальному, что снижает возможности по проверки законности, его объективности и адекватности, складывающейся ситуации по уголовному делу. Правовое регулирование направления письменных указаний и ответственности за их неисполнение должен быть отражен в уголовно-процессуальном законе, что будет стимулирующим фактором для должностных лиц по их выполнению.

Кроме того, важной составляющей правового регулирования института письменных указаний является процессуальный срок их исполнения, особенность которого заключается в том, что письменные указания должны выполняться не только в разумный срок, но и своевременно, то есть с учетом обстоятельств, складывающихся по уголовному делу, той следственной ситуации, которая требует принятия процессуальных решений или действий. Между тем, в судебной практике имеют место случаи, когда к дисциплинарной ответственности за невыполнение письменных указаний привлекают не следователя, который не выполнил их своевременно или в разумный срок, а руководителя, который «не обеспечил действенный процессуальный и ведомственный контроль при производстве предварительного следствия» [6]. Таким образом, происходит перенос бремени ответственности с должностного лица, которому письменное указание было дано и которое его не исполнило, на должностное лицо, которое его дало и не проконтролировало его исполнение. При этом оценка эффективности контроля происходит вне процессуального регулирования.

В связи с этим, необходимо дополнить УПК РФ положениями, в которых будет регламентирована возможность установления сроков исполнения письменных указаний, оценки своевременности их выполнения и возможной ответственности должностного лица за их невыполнение или несвоевременность выполнения. Только при наличии таких элементов правового регулирования возможно добиться эффективности направления письменных указаний.

Следует также учесть, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе не формализована структура такого процессуального документа как письменные указания, не определено какие элементы содержания должны быть обязательными атрибутами данного процессуального документа (в отличие от постановления или протокола, где формализованы даже дата и время их составления). Подход законодателя в части отсутствия такой формализации следует

только поприветствовать, ввиду того что любой квалифицированный юрист, занимающийся правоприменительной практикой в сфере уголовного судопроизводства, а тем более уполномоченное должностное лицо, должно обладать соответствующим уровнем образования, правовой культуры и правосознания, чтобы учесть все формально-технические требования к исследуемому виду процессуального документа.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что правовая природа письменных указаний проявляется в том, что данное уголовно-процессуальное обращение направляется подконтрольному лицу и характеризуется содержанием властно-распорядительного веления и алгоритмом выполнения процессуальных действий, имеющих организационно-методический характер, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Письменные указания являются значимым средством достижения целей по управлению и контролю со стороны руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, а также по контролю и надзору со стороны прокурора, между тем их правовая регламентация требует совершенствования в части процессуального порядка контроля за их исполнением, а также ответственности за их неисполнение или несвоевременность исполнения.

Список литературы

1. Головкин Л. В. Реформирования следственных органов в России // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2013. № 3.
2. Елчиев М. Ф. Прокурорские указания при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия: историческое прошлое и судьба «будущем» // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей. Пенза : Наука и просвещение, 2018.
3. Железнов Д. А. О полномочии прокурора давать письменные указания следователю // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 1.
4. Моругина Н. А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. М. : Закон и право : Юнити-Дана, 2004.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2023 г. по делу № 88-3254/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/.

Шолина А. В.¹,

*курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Емельянова Н. Ю.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЗАКОННОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: КОНЦЕПЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

Российская Федерация является правовым государством, т. е. тем, в котором признаются и гарантируются нормы закона, а право является верховенствующим элементом организующей деятельности. В виду этого, на сегодняшний день в Российской Федерации признается и гарантируется система права, построенная по принципу иерархии, когда один элемент подчинен другому, а другой имеет высшую силу относительно третьего. В России основным законом является Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г. В соответствии с ее положениями любые нормативные акты должны основываться на ней и создаваться в рамках ее положений.

Любой закон подчинен принципам, которые основывают его действия. Они могут быть общими и частными. Общие основываются на нормах Конституции Российской Федерации и к ним относятся основополагающие, вытекающие из основных положений. Частные основываются на их необходимости в рамках действия конкретной отрасли права. Так, к принципам уголовного процесса следует относить положения в рамках которых действует уголовно-процессуальный закон. С. С. Безруков отмечает, что принципы формируются на основе общих социальных ценностей [1]. При этом О. З. Челохсаев говорит о том, что принципы необходимо воспринимать как идеологию государства, направленную на борьбу с преступностью [2]. Как правильно заметил В. И. Зажицкий, принципы права должны существовать, чтобы деятельность государственных органов не была дезориентирована [3].

Относительно принципов уголовного процесса следует отметить их особенность, заключающуюся в том, что они носят императивный характер, то есть обязательные к исполнению для всех. Как отмечает В. Т. Томин, их назначение состоит в том, что они осуществляют контроль и ограничивают органы власти от нарушения прав и законных интересов участников уголовного процесса [4]. Отсюда, уголовно-процессуальные принципы можно определить, как нормативно установленные требования направленные на достижения назначения уголовного судопроизводства, которые обеспечивают охрану и защиту прав и законных ин-

¹ © Шолина А. В., 2025.

тересов его участников. Многие исследователи отмечают, что действующая система принципов уголовного судопроизводства является целостной и неделимой и в купе со всеми уголовно-процессуальными нормами характеризуют уголовно-процессуальное законодательство [5].

Следователи отмечают, что принципы уголовного судопроизводства состоят из максим и институциональных принципов. При это максимы отражают всю суть уголовного процесса [6]. Принцип законности обладает всеми необходимыми признаками, которые выделяются учеными, необходимыми для выделения его в качестве главенствующего. А. В. Агутин отмечает, что принцип законности нацелен непосредственно на защиту основных ценностей общества, являясь при этом главным инструментом его защиты [7]. При этом Л. М. Володина поддерживая данную позицию указывает на то, что принцип законности является базовым ценностным ориентиром уголовного судопроизводства в целом [8]. Несмотря на то, что данный принцип является императивом для всех органов и лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, он дает право участникам на защиту своих прав в рамках закона. По своей сути, принцип законности заключается в неукоснительном соблюдении Закона. С. С. Безруков указывает на то, что принцип законности является системообразующим в перечне принципов уголовного судопроизводства поскольку он, в первую очередь, основывается на положениях Конституции Российской Федерации [9]. Важно отметить, что все принципы уголовного процесса обладают равной юридической силой независимо от нормативной основы их закрепления [10].

Следует заметить, что принцип законности в уголовном судопроизводстве является основополагающим по следующим причинам:

1. Любое положение любого закона должно соответствовать нормам не только Конституции Российской Федерации, но и вышестоящих нормативных правовых актов.

2. Любой принцип, устанавливаемый любым законом, должен базироваться на основополагающих принципах, установленных Конституцией Российской Федерации.

Из вышесказанного следует, что любой принцип уголовного судопроизводства основывается на нормах закона, следовательно, он занимает центральное место в системе принципов уголовного процесса. Схожего мнения придерживается и И. А. Пикалов [11].

В. Д. Филимонов считает, что соблюдение принципа законности в уголовном процессе возникает не только в случае квалификации и оценки преступности деяния, но и непосредственно в момент назначения наказания [12]. Е. А. Доля указывает на то, что добросовестное соблюдение рассматриваемого принципа, в любом из аспектов деятельности государственных органов, участвующих в уголовном судопроизводстве, определяет соблюдение принципа законности как гарант защиты прав человека и гражданина. Многие исследователи, при этом, отмечают, что принцип законности работает только в связке с другими принципами уголовного судопроизводства.

Конституционный принцип законности состоит в обязанности субъектов правоотношений неукоснительно соблюдать предписания Конституции Российской

Федерации и других нормативных правовых актов. Однако, стоит отметить, что данный принцип имеет два направления:

1. Соблюдение норм закона участниками правоотношений.
2. Соответствие нормативных правовых актов вышестоящим.

На это указывает и положение ст. 7 УПК РФ где закреплён принцип законности при производстве по уголовному делу. В соответствии с данной нормой, соблюдение законности в уголовном судопроизводстве состоит в следующем:

1. Применение судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения только тех нормативных правовых актов, которые не противоречат действующему уголовно-процессуальному законодательству.

2. В случае установления судом факта применения положений закона несоответствующего нормам УПК РФ он обязан принимать решение исключительно на основании УПК РФ.

3. Любое нарушение норм действующего уголовно-процессуального законодательства влечёт за собой признание доказательств недействительными.

4. Любые решения, принимаемые судом и органами, осуществляющим предварительное расследование, должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Таким образом, юридическая наука на сегодняшний день признаёт принцип законности уголовного судопроизводства как основополагающий, поскольку он устанавливает направление построения самой его системы. Сам принцип законности заключается не только в соблюдении закона участниками уголовно-процессуальных отношений, но и в соответствии с Законом действующих нормативно-правовых актов.

Список литературы

1. Безруков С. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Право и общество. 2016. № 6. С. 25.

2. Челохсаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

3. Зажицкий В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11.

4. Томин В. Т., Попов А. П., Зинченко И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции : учебное пособие. Пятигорск, 2014.

5. Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. М. : Юрлитинформ, 2012.

6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. М., 2008. С. 60.

7. Агутин А. В. Принципы уголовно-процессуальной деятельности: социокультурные и мировоззренческие основания // Принципы уголовного судопроиз-

водства и их реализация при производстве по уголовным делам : сборник научных трудов // М. : Российский государственный университет правосудия, 2016. - С. 20, 60.

8. Володина Л. М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 18.

9. Безруков С. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Право и общество. 2016. № 6. С. 25.

10. Добровольская Т. Н. Курс советского уголовного процесса: общая часть. М., 1989. С. 141.

11. Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. М. : Юр-литинформ, 2012.

12. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография. М., 2015. С. 122.